РУССКІЯ

ЮРИДИЧЕСКІЯ ДРЕВНОСТИ

ТОМЪ ВТОРОЙ

Exlibris Księgozbiór
Prof. Juliusza
Bardacha (1914-2010)
zakupiony przez
Wydział Prawa
i Administracji
Uniwersytetu Jagiellońskiego
w Krakowie

РУССКІЯ

ЮРИДИЧЕСКІЯ ДРЕВНОСТИ

ТОМЪ ВТОРОЙ

ВЛАСТИ

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ

ВѢЧЕ и КНЯЗЬ

В. Сергѣевича

заслуженаго профессора Императорскаго С.-Петербургскаго Университета

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 5 лин., 28

1893

CRACOVIENSIS

ТИПОГРАФІЯ
М. СТАСЮЛЕВИЧА
В.О. 5 Л. 28

2079

Biblioteka Jagiellońska
Bard7705

Первый выпускъ второго тома Русскихъ юридическихъ древностей носитъ тоже заглавіе, какъ и наше изслѣдованіе, напечатанное въ 1867 году. Несмотря на это, мы не нашли возможнымъ назвать его вторымъ изданіемъ. Изъ десяти главъ, на которыя дѣлился нашъ старый трудъ, въ этотъ новый вошли только четыре главы первой книги: I, III, IV, VII-я и небольшая часть VI-ой. Такимъ образомъ, нынѣ издаваемый трудъ представляетъ лишь небольшую часть прежняго, и эта небольшая часть вся написана вновь, а нѣкоторые ея отдѣлы и по новому плану, и на новыя темы.

Издаваемая нынѣ книга, согласно составленному нами плану, должна была говорить еще о думѣ княжеской и объ отношеніи духовенства къ свѣт-

ской власти. Въ виду медленности, съ которой подвигается наша работа, мы рѣшили напечатать то, что уже сдѣлано.

12 апрѣля 1893 г.
С.-Петербургъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Вѣче.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Гдѣ и когда было вѣче?

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Вѣчевое устройство.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Вѣчевая жизнь пригородовъ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Князь.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Владѣтельные князья.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

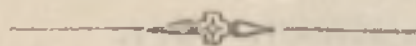
Распредѣленіе волостей между князьями.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Служебные князья.

ГЛАВА ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ.

Княжескія отношенія и порядокъ преемства столовъ съ точки зрѣнія теоріи родоваго быта.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Вѣче.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Гдѣ и когда было вѣче?

На поставленный въ названiи этой главы вопросъ лѣтописецъ конца XII вѣка, описавшiй борьбу пригорода Владимiра со старшими городами, Ростовомъ и Суздалемъ, даетъ ясный и опредѣленный отвѣтъ:

«Новгородци бо изначала, и смолняне, и кыяне, и полочане, и вся власти якоже на думу на вѣча сходятся; на что же старѣйшии сдумають, на томъ же пригороди стануть». Лавр. и Сузд. 1176.

Вѣча собираются во всѣхъ волостяхъ. Они составляютъ думу волости. Рѣшенiя, принятыя на вѣчѣ главными представителями волости, старшими городами, по общему правилу, принимаются къ исполненiю и пригородами.

Таково свидѣтельство современника. Нѣтъ ни малѣйшаго основанiя заподозрить его правдивость. Оно для насъ осо-

бенно важно по общности своего характера. Человѣкъ, описавшій борьбу новаго города со старыми, по всей вѣроятности, самъ принадлежалъ къ Ростовской волости; судя потому, что всѣ его симпатіи принадлежатъ Владиміру, можно думать, что онъ былъ жителемъ этого пригорода, а не старшихъ городовъ. Для этого жителя новаго города, обязаннаго своимъ возникновеніемъ и развитіемъ князьямъ, вѣчевой порядокъ не представляется особенностью Новгорода, Смоленска, Кіева, Полоцка, а является общимъ учрежденіемъ всѣхъ волостей; онъ есть достояніе и пригорода Владиміра. Но по отношенію къ этому послѣднему городу лѣтописецъ замѣчаетъ нѣкоторое извращеніе обычныхъ порядковъ. Вездѣ пригороды подчинялись рѣшеніямъ старшихъ городовъ; Владиміръ же не подчинился. Но такъ какъ, по мнѣнію лѣтописца, Владиміръ былъ правъ, то, при помощи Святой Богородицы, онъ и вышелъ побѣдителемъ изъ столкновенія со старшими городами.

Приведенное свидѣтельство свѣдущаго человѣка не остается одинокимъ въ нашихъ памятникахъ. Отъ XII вѣка и ближайшихъ къ нему годовъ смежныхъ столѣтій мы имѣемъ болѣе 50 частныхъ свидѣтельствъ о вѣчевой жизни древнихъ городовъ изъ всѣхъ концовъ тогдашней Россіи. По выразительности своей они далеко не одинаковы. Нѣкоторыя чрезвычайно кратки, состоятъ лишь изъ двухъ-трехъ словъ, сухо передающихъ результатъ вѣчевой думы, на дѣлѣ происходившей, можетъ быть, въ теченіе нѣсколькихъ дней и потребовавшей затраты многихъ силъ. Результатъ шумной, а можетъ быть и не безъ ссоры и драки закончившейся думы, кратко выражается словами: граждане отворили ворота князю,—затворились отъ князя,—послали за княземъ, цѣловали съ нимъ крестъ, — бились за него, предались князю, заключили съ нимъ миръ и т. д.

Приведемъ нѣкоторыя наиболѣе характерныя извѣстія *).

*) Свидѣтельствъ о вѣчевой жизни въ городахъ Новогородской волости мы не приводимъ.

Въ 1097 году волынскій князь, Давыдъ Игоревичъ, сталъ подговаривать Святополка Михаила Кіевскаго къ нападенію на Василька Теребовльскаго. Онъ говорилъ ему, что Василько замышляетъ противъ него недоброе и хочетъ захватить принадлежащіе ему города, Туровъ и Пинскъ; въ предупрежденіе Давыдъ совѣтовалъ схватить Василька и выдать ему. Теребовльскій князь былъ дѣйствительно измѣннически лишенъ свободы и закованъ въ двойныя оковы. Но прежде чѣмъ рѣшиться на какія-либо дальнѣйшія дѣйствія, Святополкъ обратился съ вопросомъ къ народу:

«Наутрія же Святополкъ созва боляръ и кыянъ, и повѣда имъ, еже бѣ ему повѣдалъ Давыдъ, яко «брата ти убилъ (Василько), а на тя свѣчался съ Володимеромъ и хотять тя убити и грады твои заяти». И рѣша боляре и людье: «тобѣ, княже, доистоить блюсти головы своее. Да аще есть право молвилъ Давыдъ, да пріиметь Василко казнь; аще ли не право глагола Давыдъ, да пріиметь месть отъ Бога и отвѣчаеть предъ Богомъ». Лавр. 1097.

Ослѣпленіе Василька и послѣдовавшее затѣмъ нападеніе Давыда на его волость вызвало отпоръ со стороны обиженнаго и его родственниковъ. Василько и братъ его, Володарь Перемышльскій, сожгли городъ Всеволожь, перебили ни въ чемъ неповинныхъ жителей и приступили къ Владиміру, гдѣ затворился Давыдъ. Осаждающіе, до начала враждебныхъ дѣйствій, вступили въ чрезвычайно характерные переговоры съ владимірцами:

«И послаша къ володимерцемъ, разсказываетъ о нихъ лѣтописецъ, глаголя: вѣ не пріидоховѣ на градъ вашъ, ни на васъ, но на врагы своя, Туряка и на Лазаря, и на Василя, ти бо суть намолвили Давыда, и тѣхъ есть послушалъ Давыдъ и створилъ се зло. Да аще хощете за сихъ битися, да се мы готови; а любо дайте врагы наша». Гражане же, се слышавъ, созваша вѣче, и рѣша Давыдови людье: «выдай мужи сія, не бьемъ ся за сихъ, а за тя битися можемъ; аще ли, то отворимъ врата граду, а самъ промышляй о себѣ». И неволя бысть выдати я҄. И рече Давыдъ: «нѣту ихъ здѣ, бѣ бо я҄ послалъ Лучьску, онѣмъ же по-

шедшимъ Лучьску, Турякъ бѣжа Кыеву, а Лазарь и Василь воротистася Турійску». И слышаша людье, яко Турійскѣ суть, кликнуша людье на Давыда и рекоша: «выдай, кого ти хотять; аще ли, то предаемыся». Давыдъ же пославъ приведе Василя и Лазаря, и дасть я. И сотвориша миръ въ недѣлю. А заутра, по зори, повѣсиша Василя и Лазаря и растрѣляша стрѣлами Василковичи, и идоша отъ града». Лавр. 1097.

Здѣсь каждое слово знаменательно. Осаждающіе вступаютъ въ переговоры не съ княземъ, а съ народомъ, хотя князь въ городѣ. Народъ самъ собирается на вѣче и обращается къ своему князю съ требованіемъ выдать виновныхъ подъ угрозой, въ случаѣ отказа, перейти на сторону Василька. Давыдъ не говоритъ, что все это незаконныя дѣйствія, какъ утверждаютъ нѣкоторые современные намъ источники; а указываетъ только на невозможность исполнить волю народа потому, что требуемые люди не находятся въ городѣ. Князь называетъ и города, гдѣ скрылись виновники раздора. Двое изъ нихъ были въ Турійскѣ, городѣ подвластномъ Давыду. Народъ настоятельно повторяетъ требованіе выдачи и князь подчиняется.

Но и это извѣствіе чрезвычайно кратко. Оно передаетъ только результаты думы, а не самый ходъ совѣщанія. Читатель не видитъ, гдѣ собралось вѣче, кто присутствовалъ на немъ, кто и что говорилъ; происходило ли собраніе въ тишинѣ и спокойствіи, или былъ шумъ и гамъ, были побитые.

Подъ 1099 годомъ встрѣчаемъ новое извѣстіе о вѣчѣ во Владимірѣ-Волынскомъ. Кіевскій князь Святополкъ-Михаилъ не обладалъ ни качествами правителя, ни добродѣтелями частнаго человѣка; у него не было ни твердости характера, ни вѣрности разъ данному слову. Онъ допустилъ Давыда схватить въ своемъ домѣ гостя своего, князя Василька, и ослѣпить его въ своемъ городѣ, въ 10 верстахъ отъ Кіева. Но когда другіе князья, переяславскіе и черниговскіе, возстали противъ этого измѣнническаго поступка и потребо-

вали, чтобы Святополкъ наказалъ Давыда, Святополкъ обратилъ оружіе противъ недавняго своего друга и совѣтника и осадилъ принадлежащій ему городъ, Владиміръ. Давыдъ не нашолъ возможнымъ бороться со Святополкомъ и сдалъ ему городъ, но только до перемѣны обстоятельствъ къ лучшему. Нѣсколько времени спустя, онъ заручился помощью половцевъ и осадилъ Владиміръ, гдѣ Святополкъ оставилъ сына своего, Мстислава. При первомъ приступѣ Мстиславъ былъ убитъ и возникъ трудный вопросъ, что дѣлать, сдаться прежнему князю, Давыду, или стоять за новаго, Святополка? Воины цѣлыхъ три дня скрывали отъ народа смерть своего предводителя.

«И въ четвертый день, говоритъ лѣтописецъ, повѣдаша на вѣчи. И рѣша людье: «се князь убіенъ; да аще ся вдамы, Святополкъ погубитъ ны вся». И послаша къ Святополку, глаголя: «се сынъ твой убіенъ, а мы изнемогаемъ гладомъ, да аще не придеши, хотятъ ся людье предати, не могуще глада терпѣти». Лавр. 1097, Воскр. 1099.

Положеніе города было чрезвычайно трудное. Князья ведутъ между собой борьбу, которая условливается исключительно своекорыстными разсчетами ихъ эгоистической политики. Интересы горожанъ тутъ ни причемъ. А между тѣмъ имъ непремѣнно придется отвѣчать передъ побѣдителемъ: дома ихъ будутъ пограблены и сожжены, женъ и дѣтей ихъ уведутъ въ плѣнъ. Въ виду такого исхода борьбы надо было стать на сторонѣ сильнѣйшаго; они это и дѣлаютъ. Святополкъ, который является исполнителемъ воли другихъ князей, сильнѣе Давыда. Но онъ можетъ запоздать помощью. Владимірцы предусматриваютъ и этотъ случай, а потому и говорятъ, что голодъ можетъ принудить ихъ къ сдачѣ. Такимъ образомъ, еслибы они сдались Давыду, а впослѣдствіи взялъ верхъ Святополкъ, у него отнимается основаніе къ преслѣдованію горожанъ: они сдались не изъ дружбы къ Давыду, а по крайней необходимости.

Записанное въ лѣтописи рѣшеніе думы, конечно, состоялось не сразу; на вѣчѣ, по всей вѣроятности, было не

мало споровъ. Но эта сторона дѣла, крайне для насъ интересная, вовсе не интересовала стараго лѣтописца и онъ опустилъ ее.

Ослѣпленіе Василька подало поводъ и еще къ одному народному собранію. Союзники Святополка пришли въ негодованіе при вѣсти объ ослѣпленіи и потребовали у него отвѣта. Объясненіе кіевскаго князя не удовлетворило ихъ, и они рѣшили напасть на него въ его стольномъ городѣ. Узнавъ объ этомъ, Святополкъ задумалъ бѣжать изъ Кіева. Тогда въ дѣло вмѣшались кіевскіе граждане. Положеніе ихъ было нисколько не лучше владимірцевъ въ только-что описанномъ случаѣ. Предметъ княжеской распри совершенно чуждъ ихъ интересамъ, а они, тѣмъ не менѣе, неизбѣжная жертва войны. Бѣгство Святополка ничему не помогло бы. Какъ и Давыдъ, онъ убѣжалъ бы только до перемѣны обстоятельствъ къ лучшему. Заручившись помощью друзей, своихъ и иноземцевъ, онъ пришелъ бы возвращать подъ свою власть Кіевъ. Дома кіевлянъ были бы сожжены, имущество разграблено. Кіевляне не хотѣли ждать этихъ обычныхъ послѣдствій княжескихъ распрей. Вотъ какъ описываетъ лѣтописецъ вмѣшательство ихъ въ ссору князей:

«Наутрія же хотящимъ (Владиміру Мономаху и Давыду и Олегу Святославичамъ) чрезъ Днѣпръ на Святополка; Святополкъ же хотѣ побѣгнути изъ Кіева. Не даша ему кыяне, но послаша Всеволожюю и митрополита Николу къ Володимеру, глаголюще: «молимся, княже, тобѣ и братома твоима, не мозѣте погубити Русьскыѣ земли; аще бо възмете рать межю собою, поганіи имуть радоватися и возмуть землю нашю, иже бѣша стяжали отци ваши и дѣди ваши, трудомъ великимъ и храбрьствомъ побороюще по Русьскѣй земли, ины земли пріискиваху; а вы хочете погубити землю Русьскую». Лавр. 1097.

Результатомъ этого посольства было заключеніе мира, по которому Святополкъ принялъ на себя наказаніе Давыда.

Это извѣстіе короче всѣхъ предшествующихъ. Лѣтопи-

сецъ приводитъ только рѣшеніе кіевлянъ, не упоминая даже, что они собрались на думу *).

Первое характерное извѣстіе о вѣчевой дѣятельности въ XII вѣкѣ относится къ 1112 году. Весною этого года, послѣ Пасхи, скончался кіевскій князь Святополкъ-Михаилъ и возникъ вопросъ о замѣщеніи его стола.

«Наутрія же, въ семы на десятый день, говоритъ лѣтописецъ, съвѣтъ створиша кіяне, послаша къ Володимеру, глаголюще: «пойди, княже, на столъ отенъ и дѣденъ». Се слышавъ Володимеръ плакася велми и не пойде, жаля си по братѣ. Кіяни же разграбиша дворъ Путятинъ, тысячьского, идоша на жиды и разграбиша я. И послашася паки кіяне къ Володимеру, глаголюще: пойди, княже, Кіеву; аще ли не пойдеши, то вѣси, яко много зла уздвигнеться, то ти не Путятинъ дворъ, ни соцьскихъ, но и жиды грабити, и паки ти пойдуть на ятровь твою, и на бояры, и на монастыри, и будеши отвѣтъ имѣлъ, княже, оже ти монастырѣ разграбять». Се же слышавъ Володимеръ, пойде въ Кіевъ». Ипат. 1113.

Въ этомъ извѣстіи совершенно ясно призваніе кіевлянами Владиміра Мономаха, его отказъ, новое приглашеніе и принятіе княземъ кіевскаго стола. Но почему Владиміръ сперва отказался и причемъ тутъ грабежъ и угроза ограбить невѣстку князя, бояръ и даже монастыри?

Владиміръ отказался принять кіевскую волость по первому приглашенію, конечно, не изъ жалости къ умершему двоюродному брату, а потому, что на основаніи Любецкаго договора онъ не долженъ былъ занимать Кіева. Грабежъ по смерти князя его двора и дворовъ близкихъ ему людей составляетъ довольно обыкновенное явленіе въ томъ случаѣ, когда князь былъ не любимъ народомъ. Но здѣсь грабежъ выходитъ за предѣлы неудовольствія умершимъ княземъ и приводится въ связь съ отказомъ Владиміра сѣсть на кіев-

*) Еще имѣемъ краткія извѣстія о дѣятельности вѣча въ XI вѣкѣ для слѣдующихъ городовъ: Минска, 1067, Воскр., Луцка, 1085, Лавр., Переяславля южнаго, 1096, Лавр., Рязани и Мурома, 1096, Лавр., Смоленска, 1096, Лавр.

скомъ столѣ. Надо полагать, что отказъ Владиміра отъ Кіева былъ рѣшительный. Это и понятно: въ 1097 году онъ цѣловалъ крестъ предъ своими двоюродными братьями и племянниками не занимать Кіева. Чтобы заставить его нарушить это крестное цѣлованіе, кіевляне и рисуютъ ему картину анархіи, имѣющей послѣдовать въ случаѣ его отказа отъ народнаго избранія. Владиміръ Мономахъ занимаетъ Кіевъ по крайней необходимости. Въ этомъ оправданіе его въ нарушеніи добровольно принятаго на себя обязательства. Такимъ образомъ, въ силу народной воли, утвердилось въ Кіевѣ потомство третьяго сына Ярослава Владиміровича.

Слѣдующее затѣмъ крупное извѣстіе относится къ 1127 году и принадлежитъ полоцкой исторіи. Лѣтописецъ, описавъ нападеніе кіевскаго князя, Мстислава Владиміровича, съ союзниками на полоцкихъ кривичей, заключаетъ свой разсказъ слѣдующимъ извѣстіемъ о Полоцкѣ:

«И тако Полочане сътснувшиси выгнаша Давыда и съ сынъми и поемше Рогволода идоша къ Мстиславу, просяще й собѣ княземъ. И створи волю ихъ Мстиславъ. И поимше Роговолода ведоша й Полотьску». Лавр.

Этимъ краткимъ извѣстіемъ и ограничивается сообщеніе лѣтописца о весьма крупномъ переворотѣ, о причинахъ котораго онъ не нашелъ нужнымъ сказать и одного слова. Полочане выгнали своего князя и замѣнили его другимъ. Этотъ, на нашъ взглядъ, беззаконный и революціонный поступокъ былъ одобренъ могущественнымъ княземъ Кіевской волости, Мстиславомъ Великимъ. Какъ это могло случиться? Скупой на слово лѣтописецъ не только не объясняетъ этого, онъ даже не находитъ нужнымъ сказать, что въ Полоцкѣ собралось вѣче и разсуждало о перемѣнѣ князя. Причина переворота заключается, надо думать, во враждѣ кіевскаго князя съ князьями кривичей; этой враждой, конечно, и былъ вызванъ походъ Мстислава въ землю кривичей. Чтобы устранить причину къ войнѣ, Полочане изгоняютъ прежняго князя и сажаютъ на его мѣсто новаго, на избраніе котораго со-

изволяетъ сильный сосѣдъ. И здѣсь, какъ и въ другихъ волостяхъ, народъ старается приспособиться къ княжескимъ усобицамъ. Найти золотую середину ему, однако, не удалось ни въ Полоцкѣ, ни въ другихъ мѣстахъ.

Въ половинѣ XII вѣка княжилъ въ Полоцкѣ Рогволодъ Борисовичъ, племянникъ Рогволода, о которомъ только-что была рѣчь. Въ 1151 году онъ чѣмъ-то не угодилъ полочанамъ и былъ свергнутъ и замѣненъ другимъ княземъ. Вотъ краткій разсказъ лѣтописца объ этомъ новомъ переворотѣ, также одобренномъ однимъ изъ сосѣднихъ князей, Святославомъ Ольговичемъ черниговскимъ.

«Томъ же лѣтѣ яша полочане Роговолода Борисовича, князя своего, и послаша Мѣньску и ту й держаша у велицѣ нужи, а Глѣбовича (надо полагать Ростислава, двоюроднаго брата Рогволода) собѣ уведоша. И послашася полотьчане къ Святославу Ольговичю съ любовью, яко имѣти отцомъ собѣ и ходити въ послушаньи его; и на томъ цѣловаша хрестъ». Ипат.

Мы очень далеко ушли отъ XII вѣка и событія этого времени кажутся намъ мало понятными. Полочане такъ легко мѣняютъ своихъ князей, какъ будто бы дѣло шло о перемѣнѣ кого-нибудь изъ мелкихъ должностныхъ лицъ. Какое участіе принималъ въ этомъ дѣлѣ Святославъ Ольговичъ,— еще менѣе ясно, чѣмъ участіе Мстислава Владиміровича въ событіяхъ 1127 года. Святославъ Ольговичъ не былъ во враждѣ съ Рогволодомъ. По освобожденіи изъ заключенія, Рогволодъ нашелъ даже пріютъ у Святослава; а въ 1159 году Святославъ оказалъ помощь Рогволоду въ пріисканіи новой волости. Ясно только то, что Святославъ въ революціонномъ, на нашъ взглядъ, поступкѣ полочанъ ничего не видитъ революціоннаго и принимаетъ ихъ, какъ почтительныхъ дѣтей, подъ свое покровительство, не смотря на опасный примѣръ неповиновенія. Нельзя же отрицать что практика полочанъ могла подѣйствовать заразительно и на собственныхъ подданныхъ Святослава. Были, конечно, доста-

точныя причины, которыя заставляли князей терпѣть такіе порядки и даже одобрять ихъ.

Что же касается полочанъ, то ихъ поведеніе легко объясняется непостоянствомъ народной любви и ненависти. Испыталъ на себѣ это непостоянство и Рогволодъ: въ сороковыхъ годахъ онъ посаженъ былъ на столъ полочанами, въ 1151 изгнанъ, а въ 1159 снова призванъ съ радостью. Мы приведемъ цѣликомъ все мѣсто лѣтописи, относящееся къ этому второму призванію. Въ немъ встрѣчается указаніе на вѣчевую жизнь и другого города полоцкой волости, Друцка. Оно во многихъ отношеніяхъ знаменательно.

«Томъ же лѣтъ иде Рогъволодъ Борисовичъ отъ Святослава отъ Ольговича искать собѣ волости, поемь полкъ Святославль, зане не сотвориша милости ему братья его, вземше подъ нимъ волость его и жизнь его всю. И пріѣхавъ къ Случьску, и нача слатися ко дрьючаномъ. Дрьючане же ради быша ему, и пріѣздяче къ нему вабяхуть й къ собѣ, рекуче: «поѣди, княже, не стряпай, ради есме тобе; аче ны ся и съ дѣтьми бити за тя, а ради ся бьемъ за тя». И выѣхаша противу ему болѣе 300 лодій дрючанъ и полчанъ, и вниде въ городъ съ честью великою, и ради быша ему людіе; а Глѣба Ростиславича выгнаша и дворъ его разграбиша горожане и дружину его. И приде же Глѣбъ ко отцю (въ Полоцкъ). И мятежь бысть великъ въ городѣ, въ полчанѣхъ, мнози бо хотяху Рогъволода. Одва же установи людіе Ростиславъ, и одаривъ многими дармы и води я къ хресту, а самъ иде съ Всеволодомъ и съ Володаремъ и съ всею братьею на Рогъволода къ Дрьютьску. Рогъволодъ же затворися въ городѣ, и бьяхуться крѣпко и много отъ обоихъ падаху, дрьючане же укаривахуть много. И створи миръ Ростиславъ съ Рогъволодомъ и цѣловаша хрестъ межи собою, и прида волости Рогъволоду. И воротися Ростиславъ съ братіею въ свояси. Томъ же лѣтѣ съвѣтъ золъ свѣщаша на князя своего полочане, на Ростислава на Глѣбовича, и тако преступиша хрестное цѣлованіе. На то бо цѣловали бяше хрестъ къ нему, яко ты намъ князь еси и дай ны Богъ съ тобою пожити, извѣта никакого же до тебе доложити и до хрестного цѣлованія. И тако съступиша еже рекше, и послашася въ тайнѣ къ Рогъволоду Борисовичю Дрьютьску, рекуче ему: «княже

нашь съгрѣшили есть къ Богу и къ тобѣ, оже въстахомъ на тя безъ вины и жизнь твою всю разграбихомъ и твоея дружины, а самого емше выдахомъ тя Глѣбовичемъ на великую муку; да аще ны не помянеши всего того, иже створихомъ своимъ безуміемъ, и хрестъ къ намъ цѣлуеши, то мы людіе твоѣ, а ты еси нашь князъ; а Ростислава ти, емше, вдамы въ ручѣ, а еже хощеши, то створиши ему». Рогъволодъ же цѣлова къ нимъ хрестъ на томъ, яко не помянути ему всего того, и отпусти я въ свояси. И бяху пріятеле Ростиславу отъ полцанъ, оже хотять й яти. И начаша Ростислава звати льстью у братьщину къ святѣ Богородици къ Старѣй, на Петровъ день, да ту имуть й. Онъ же ѣха къ нимъ, изволочивъ ся въ бронѣ подъ порты, и не смѣша на нь дьрьзнути. Наутріи же день начаша й вабити къ собѣ, рекуче: «Княже! поѣди къ намъ, суть ны съ тобою рѣчи; поѣди же къ намъ въ городъ», бяшять бо князь въ то веремя на Бѣлцици. И рече Ростиславъ посломъ: «а вчера есмь у васъ былъ, а чему есте не молвили ко мнѣ, а что вы было рѣчи?» Обаче безъ всякого извѣта ѣха къ нимъ у городъ. И се погна изъ города дѣтьскій его противу ему: «не ѣзди, княже, вѣче ти въ городѣ, а дружину ти избивають, а тебе хотять яти». И ту воротися опять и съвъкупися весь съ дружиною на Бѣлчици, и оттуда пойде полкомъ къ брату къ Володареви Мѣньску, и много зла створи волости Полотьской, воюя, и скоты, и челядью. И послашася полчане по Рогволода Дрьютьску, и вниде Рогволодъ Полотьску мѣсяца іюля, и сѣде на столѣ дѣда своего и отца своего съ честью великою. И таки быша ради полочане.» Ипат.

Рогволодъ, изгнанный въ 1151 году изъ Полоцка и не получившій ничего отъ родственниковъ, которые завладѣли всѣмъ его имуществомъ, рѣшается, въ 1159 году, самъ поискать себѣ волости. Онъ входитъ въ сношеніе съ дручанами, несмотря на то, что у нихъ не было недостатка въ князѣ. Друцкъ принадлежалъ къ Полоцкому княжеству и имѣлъ посадника въ лицѣ сына полоцкаго князя, Глѣба Ростиславича. Лѣтописецъ не объясняетъ мотивовъ, которыми руководились дручане; онъ говоритъ только, что они рады были предложенію Рогволода и стали звать его къ себѣ въ качествѣ самостоятельнаго князя. Рогволодъ вошелъ въ

городъ, а Глѣбъ бѣжалъ къ отцу въ Полоцкъ. Полоцкое княженіе распалось, такимъ образомъ, на двѣ части, которыя и вступили немедленно въ войну между собой. Рогволодъ не хотѣлъ терпѣть умаленія своихъ владѣній и пошелъ со всѣми братьями на Рогволода къ Друцку. Но дрючане оказали своему новому князю такую энергическую поддержку, что Ростиславъ вынужденъ былъ не только заключить съ противникомъ миръ, но и увеличить его владѣнія. Раздѣленіе Полоцкаго княженія было, такимъ образомъ, признано и полоцкимъ княземъ.

Что же происходило въ это время въ главномъ городѣ волости, въ Полоцкѣ? Рогволодъ имѣлъ приверженцевъ и среди полочанъ; они соединились съ дрючанами и помогли ему утвердиться у нихъ въ городѣ. Послѣ замиренія Ростислава съ Рогволодомъ, они собрали вѣче въ Полоцкѣ и склонили полочанъ передать власть Рогволоду, а своего князя выдать ему въ полное распоряженіе. Ростиславъ ушелъ изъ Полоцка, воюя волость, а Рогволодъ сѣлъ съ великою честью на столѣ дѣда и отца.

Мотивовъ низложенія одного князя и призванія другого лѣтописецъ не приводитъ. Съ нѣкоторою подробностью онъ останавливается лишь на раскаяніи полочанъ по поводу изгнанія Рогволода въ 1151 году и приводитъ любопытнѣйшую черту: полочане горюютъ о томъ, что возстали на Рогволода, ограбили его и выдали Глѣбовичамъ (вновь призванному тогда князю, Ростиславу, и его братьямъ) на великую муку безъ всякой вины съ его стороны. Отсюда слѣдуетъ, что, по мнѣнію полочанъ, князь можетъ быть виноватъ; изгнаніе его въ этомъ случаѣ есть уже не бунтъ, а актъ правосудія.

Описанныя тревожныя событія протекали не въ молчаніи, дѣйствующія лица постоянно обмѣнивались мыслями. Тутъ, конечно, высказывались и мотивы, почему одни были за Рогволода, другіе за Ростислава. Но все это мало занимало лѣтописца. Онъ сохранилъ только намекъ на этотъ живой

обмѣнъ мыслей: во время осады Друцка, дрючане много укоряли осаждавшихъ. Недовольство Ростиславомъ обнаружилось въ Полоцкѣ, какъ только Рогволодъ занялъ Друцкъ. Что же дѣлаетъ Ростиславъ? Беретъ подъ свою стражу недовольныхъ и предаетъ ихъ суду, какъ бы слѣдовало? Нѣтъ, онъ успокоиваетъ ихъ подарками и приводитъ ко кресту, т.-е., довольствуется клятвеннымъ обѣщаніемъ вѣрности.

За полоцкими извѣстіями приведемъ слѣдующія по времени извѣстія о городахъ черниговскихъ и кіевскихъ. Сообщенія лѣтописца о рѣшеніяхъ народныхъ думъ вызываются и здѣсь повѣствованіями о княжескихъ усобицахъ.

Предпріимчивый черниговскій князь, Всеволодъ Ольговичъ, еще при жизни кіевскаго князя, Ярополка, простиралъ свои замыслы на Кіевъ. Въ 1138 году онъ задумалъ походъ въ Кіевскую волость и заручился уже помощью половцевъ. Ярополкъ кіевскій, чтобы предупредить разореніе своей земли, поспѣшилъ двинуться во главѣ многочисленнаго войска къ Чернигову. Съ нимъ шли, кромѣ кіевлянъ, переяславцы, владимірцы, туровцы, ростовцы, полочане, смолняне, галичане, угры и берендѣи. Черниговцы не могли одолѣть такой силы и поспѣшили къ своему князю съ совѣтомъ въ слѣдующей формѣ:

«И людье, черниговци, возпиша ко Всеволоду: «Ты надѣешися бѣжати въ Половцѣ, а волость свою погубиши, то къ чему ся опять воротишь? Луче того, останися высокоумья своего и проси мира. Мы бо вѣмы милосердье Ярополче, яко не радуется кровопролитью, но Бога ради восхощеть мира, то бо соблюдаеть землю Русскую».

Въ этомъ совѣтѣ слышится наставленіе и упрекъ, слышится и раздраженіе. Что же дѣлаетъ князь?

«Всеволодъ же то слышавъ, продолжаетъ лѣтописецъ, яко смысленъ сый, вниде въ ся и рече: «луче есть смиритися, Бога ради». И посла съ покореньемъ къ Ярополку, испроси миръ, и цѣловаше честный крестъ, и сотвориша миръ, и разидошася славяще Бога». Лавр. 1138.

Въ 1139 году, по смерти Ярополка, Всеволоду удалось,

наконецъ, занять кіевскій столъ. Но онъ не довольствовался распространеніемъ своей личной власти, онъ хотѣлъ чтобы и послѣ его смерти кіевское княженіе оставалось подъ властью черниговскихъ князей. Достигнуть этого безъ согласія народа было невозможно, а потому онъ и вступилъ въ переговоры съ кіевлянами. Описаніе этихъ переговоровъ и послѣдовавшихъ затѣмъ событій даетъ чрезвычайно любопытную страничку изъ исторіи вѣчеваго быта первой половины XII вѣка. Подъ 1146 годомъ лѣтописецъ разсказываетъ:

«Всеволодъ же пришедъ въ Кіевъ разболися; и посла по брата своего по Игоря и по Святослава; и бысть вельми боленъ, и ста подъ Вышегородомъ, въ островѣ. И Всеволодъ призва къ себѣ кіяне и нача молвити: «азъ есми велми боленъ, а се вы братъ мой, Игорь, имитесь по нь». Они же рекоша: «княже! ради, ся имемъ». И пояша Игоря въ Кіевъ; иде съ ними подъ Угорьскій и съзва кіяне вси. Они же вси цѣловаша къ нему крестъ, рекуче: «ты намъ князь» и яша ся по нь льстью. Заутріи же день ѣха Игорь Вышегороду, и цѣловаша къ нему хрестъ вышегородьцѣ. Въ утрій же день преставися Всеволодъ, мѣсяца августа въ 1 день, и спрятавше тѣло его, и положиша у церкви святого мученику».

«Игорь же ѣха Кіеву и созва кіяне вси на гору, на Ярославль дворъ, и цѣловаша къ нему хрестъ. И пакы скопишася вси кіяне у Туровы божьницѣ и послаша по Игоря рекуче: «княже! поѣди къ намъ». Игорь же, поемъ брата своего, Святослава, и ѣха къ нимъ, и ста съ дружиною своею, а брата своего, Святослава, посла къ нимъ у вѣчѣ. И почаша кіяне складывати вину на тіуна на Всеволожа, на Ратьшу, и на другого тивуна на вышегородьскаго, на Тудора, рекуче: «Ратша ны погуби Кіевъ, а Тудоръ—Вышегородъ; а нынѣ, княже Святославе, цѣлуй намъ хрестъ и съ братомъ своимъ: аще кому насъ будеть обида, то ты прави». Святославъ же рече имъ: «азъ цѣлую крестъ съ братомъ своимъ, яко не будеть вы насилья ни котораго же, а се вамъ и тіунъ, а по вашей воли». Святославъ же, съсѣдъ съ коня, и на томъ цѣлова хрестъ къ нимъ у вѣчи. Кіяне же вси, съсѣдше съ конь, начаша молвити: «братъ твой князь и ты», и на томъ цѣловаша вси кіяне хрестъ и съ дѣтьми, оже подъ Игоремъ не льстити и подъ Святославомъ. И Святославъ поима лутшѣи мужѣ, кіяне, и ѣха

съ ними къ брату своему, Игореви, и рече: «брате! на томъ азъ цѣловалъ къ нимъ хрестъ, оже ти я имѣти въ правду и любити. Игорь же, съсѣдъ съ коня, и цѣлова къ нимъ крестъ на всей ихъ воли и на братьни, ѣха на обѣдъ». Ипат.

Въ приведенномъ извѣстіи различено собраніе всѣхъ кіянъ и не всѣхъ. Всѣ собираются въ Кіевѣ, подъ Угорскимъ, на Ярославовомъ дворѣ и у Туровой божницы. Подъ Вышегородомъ, конечно, не могли быть собраны всѣ кіяне; туда пріѣхали, по всей вѣроятности, только лучшіе люди. Но это были предварительные переговоры. Кіевляне, въ нихъ участвовавшіе, не считали ихъ окончательными. Они повели Игоря въ Кіевъ, гдѣ были уже собраны всѣ. Пока живъ былъ Всеволодъ, кіевляне могли только обѣщать Игорю, что признаютъ его княземъ по смерти Всеволода. Поэтому, когда Всеволодъ умеръ, потребовалось новое вѣче, на которомъ Игорь и былъ признанъ княземъ. За этимъ признаніемъ Игоря княземъ послѣдовало третье вѣче, созванное не княземъ, а народомъ, на которое былъ приглашенъ и князь. Князь не усмотрѣлъ въ этомъ самовольномъ собраніи незаконнаго вѣча, послалъ на него брата въ качествѣ своего представителя и принялъ тѣ условія, которыя были ему предложены этимъ собраніемъ.

Лица, принимавшія участіе въ этомъ послѣднемъ вѣчѣ, созванномъ у Туровой божницы, сидѣли на коняхъ во все время преній. Они сошли съ нихъ только тогда, когда дѣло дошло до скрѣпленія принятыхъ рѣшеній крестнымъ цѣлованіемъ.

Игорь не довольствуется вѣчемъ кіевлянъ, а находитъ еще нужнымъ собрать вѣче въ кіевскомъ пригородѣ, Вышгородѣ, чтобы получить признаніе и со стороны вышгородцевъ.

Наконецъ, еще любопытная черта. Кіевляне какъ-то плохо различаютъ Игоря и его уполномоченнаго, Святослава. Всеволодъ предложилъ имъ въ князья одного Игоря, а на послѣднемъ собраніи они признаютъ двухъ князей, Игоря

и Святослава. Съ нашей точки зрѣнія на князя, какъ на монарха, это непонятно. Но у кіевлянъ, очевидно, была какая-то другая точка зрѣнія. Они возлагаютъ на князя обязанность—судить ихъ обиды лично. Князь—должностное лицо; а должностныхъ лицъ можетъ быть и нѣсколько.

Въ безыскусственномъ разсказѣ лѣтописца, въ которомъ личность разсказчика не даетъ себя чувствовать, встрѣчается. однако, одно словечко, свидѣтельствующее о мысляхъ, волновавшихъ автора. Онъ говоритъ, что кіевляне лестью цѣловали крестъ Игорю. Это замѣчаніе вырвалось у него, конечно, подъ вліяніемъ извѣстныхъ уже ему позднѣйшихъ событій.

Нѣтъ основанія думать, что кіевляне были устойчивѣе въ своихъ рѣшеніяхъ, чѣмъ полочане, или какая-либо иная народная масса. Въ настоящемъ же случаѣ привзошло еще особое обстоятельство, которое должно было очень способствовать къ измѣненію принятаго кіевлянами рѣшенія. У нихъ были среди князей свои любимцы. Это владимірово племя, потомки Владиміра Мономаха, которому въ началѣ столѣтія они предоставили Кіевское княженіе. Изяславъ, внукъ Мономаха и сынъ кіевскаго князя, Мстислава, много способствовавшаго развитію кіевской силы, былъ на лицо. При жизни Всеволода онъ состоялъ съ нимъ въ союзѣ и по договору отказался отъ Кіева въ пользу Всеволода и его брата, Игоря. Игорь положительно это утверждаетъ: «Изяславъ, говоритъ онъ, цѣловалъ къ нама крестъ, яко не подзрѣти Кіева». Ипат. 23—24. Поэтому, Всеволодъ, вознамѣрившись передать Кіевъ Игорю, обратился къ Изяславу съ вопросомъ,—стоитъ ли онъ на крестномъ цѣлованіи Игорю? Изяславъ отвѣчалъ, что стоитъ. Но когда, по смерти Всеволода, Игорь повторилъ этотъ вопросъ, Изяславъ не далъ отвѣта и задержалъ его посла. Весьма вѣроятно, что Изяславъ въ это время былъ уже въ сношеніяхъ съ своими сторонниками въ Кіевѣ. Этимъ и надо объяснять поворотъ въ мнѣніяхъ кіевлянъ, совершившійся послѣ клятвы ихъ Игорю. Думать же, что они согласились

на предложеніе Всеволода и цѣловали крестъ Игорю «льстиво», т. е. съ намѣреніемъ не исполнять цѣлованія,— нѣтъ основанія. Если бы у них было такое намѣреніе, не было бы надобности имъ самимъ созывать вѣче у Туровой божницы и входить съ Игоремъ въ соглашеніе относительно порядка княженія.

Послѣ вступленія Игоря на кіевскій столъ, настроеніе кіевлянъ перемѣнилось, они нарушили данное Игорю и Святославу обѣщаніе и послали за Изяславомъ Мстиславичемъ. Разсказъ лѣтописца объ этомъ фактѣ чрезвычайно кратокъ. Онъ скрылъ отъ насъ всю внутреннюю сторону дѣла, всѣ предварительные переговоры и споры, безъ которыхъ, конечно, не могли обойтись, и ограничился передачей сухого результата:

«И не угоденъ бысть кіянамъ Игорь, говоритъ онъ, и послашася къ Переяславлю къ Изяславу, рекуче: «пойди, княже, къ намъ, хощемъ тебе». Изяславъ же, се слышавъ, совъкупи воя своя, пойде на нь изъ Переяславля, веземъ молитву у святого Михаила, у епископа у Еѳимья.... И поиде Изяславъ къ Дерновому, и ту..... прислашась къ нему бѣлогородьчи и василевци такоже рекуче: «пойди, ты нашь князь, поѣди, Ольговичь не хочемъ». Томъ мѣстѣ пріѣхаша отъ кіянъ мужи, нарекуче: «ты нашь князь, поѣди. Ольговичь не хочемъ быти акы въ задничи, кдѣ узримъ стягъ твой, ту и мы съ тобою готови есмь». Ипат. 1146.

Но и въ этомъ краткомъ сообщеніи есть характерныя черты. Призваніе Изяслава не есть дѣло только главнаго города. Пригороды, Бѣлгородъ и Васильевъ, самостоятельно выступаютъ съ собственнымъ своимъ приглашеніемъ, а не исполняютъ только приговоръ старшаго города.

Приводится и мотивъ невѣрности Игорю: «не хочемъ быти акы въ задничи», т. е. кіевляне не хотятъ переходить отъ брата къ брату въ порядкѣ гражданскаго наслѣдства, какъ частная собственность.

Игорь и Святославъ не желали, однако, отказываться отъ Кіева и приготовились къ битвѣ. Но имъ измѣнили даже ближайшіе и довѣреннѣйшіе люди, тысяцкій Улѣбъ, Иванъ

Войтишичъ и Лазарь Саковскій, пользовавшіеся милостями и покойнаго князя Всеволода. Благодаря этому, Ольговичи были разбиты, Игорь взятъ въ плѣнъ; Святославу же удалось бѣжать. Побѣдители обратили свое оружіе противъ владѣній побѣжденныхъ. Въ томъ же году союзники Изяслава подступили къ городу Святослава Ольговича, Путивлю. Не смотря на то, что въ городѣ былъ посадникъ Святослава, граждане ведутъ дѣло обороны сами и осаждающіе вступаютъ въ переговоры съ ними непосредственно, а не съ посадникомъ. Вотъ разсказъ лѣтописца.

«Итако приступиша къ граду, говоритъ онъ о союзникахъ Изяслава, Изяславѣ и Владимірѣ Давыдовичахъ. И не вдашася имъ путивлечи, дондеже приде Изяславъ съ силою кіевскою. Онѣмъ же крѣпко бьющимъся съ града, поѣхаста Давыдовича и рѣкоста имъ: «не бейтеся, цѣлуемы на томъ святою Богородицею, оже не дати васъ на полонъ». Они же не вдашась имъ. И приде Изяславъ Мьстиславовичь съ полкы своими къ нимъ; они же выслашась къ Изяславу Мьстиславичю и поклонишась ему, и тако рекоша: «тебе есмы ждали, княже, а цѣлуй къ намъ хрестъ». Изяславъ же цѣлова къ нимъ хрестъ и посадника ихъ выведе, а своего у нихъ посади». Ипат. 1146.

Изгнанные Ольговичи нашли себѣ энергическаго союзника въ лицѣ дяди Изяслава Мстиславича, суздальскаго князя Юрія, который принялъ подъ свою защиту Игоря и соправителя его Святослава. Повѣствованіе о борьбѣ Изяслава съ Юріемъ даетъ лѣтописцу поводъ къ одному изъ самыхъ подробныхъ описаній вѣчевыхъ совѣщаній, какія только сохранила лѣтопись. Въ 1147 году союзники Изяслава, черниговскіе князья, Давыдовичи, прислали къ нему приглашеніе выступить противъ Юрія.

«Изяславъ же, разсказываетъ лѣтописецъ, созва бояры своя и всю дружину свою и (Воскр.) кіяне, и рече имъ: «се есмъ съ братіею своею сгадалъ, съ Володимеромъ и съ Изяславомъ Давыдовичами и съ Всеволодичемъ Святославомъ, хочемъ пойти на Юрія, на стрья своего, и на Святослава, къ Суздалю, зане же пріялъ ворога моего, Свято-

слава Олговича. А братъ Ростиславъ тамо ся съ нами соиметь, ать идеть ко мнѣ съ смолняны и съ новгородци». Кіяне же слышавше рекоша: «княже! не ходи съ Ростиславомъ на стрья своего, лѣплѣ ся съ нимъ улади; Олговичемъ вѣры не ими, ни съ ними ходи въ путь». Изяславъ же рече имъ: «цѣловали ко мнѣ хрестъ, а думу еси съ ними думалъ, а всяко сего пути нехочю отложити; а вы доспѣвайте». Кіяне же рекоша: «княже! ты ся на насъ не гнѣвай, не можемъ на Володимире племя руки възняти; олня же Олговичь хотя и съ дѣтми». Изяславъ же рече имъ: «а тотъ добръ, кто по мнѣ пойдетъ». И то рекъ, съвъкупи множество вой и пойде». Ипат. 1147.

На совѣщаніе были призваны княжескіе бояре, вся дружина и кіевляне, а участіе въ преніяхъ принимаютъ только князь и кіевляне. Надо полагать, что соглашеніе съ приближенными боярами и дружиной уже состоялось и въ настоящемъ случаѣ дѣло шло лишь объ убѣжденіи народа помочь князю. Цѣль эта не была достигнута. Кіевляне рѣшительно отказались идти противъ Владимірова племени и предостерегали князя отъ довѣрія къ черниговскимъ князьямъ. Изяславъ не послушалъ ихъ. Онъ обратился къ охотникамъ и съ ихъ помощью пошелъ противъ дяди, оставивъ брата своего, Владиміра, въ Кіевѣ.

Но недовѣріе кіевлянъ къ Давыдовичамъ оправдалось; они измѣнили Изяславу и положеніе его оказалось крайне опаснымъ. Помощь кіевлянъ была ему теперь болѣе необходима, чѣмъ когда-либо прежде. Изяславъ рѣшилъ снова обратиться къ нимъ и отправилъ съ этою цѣлью двухъ пословъ въ Кіевъ. По поводу пріѣзда этихъ пословъ лѣтописецъ и рисуетъ единственную въ своемъ родѣ картину вѣчеваго собранія.

«Изяславъ же, разсказываетъ онъ, передъ собою посла къ брату Кыеву, къ Владимеру, и къ Лазареви тысячскому два мужа, Добрынку и Радила, рекъ: брате! ѣди къ митрополиту, и съзови кияны вся, ать молвита си мужа лесть черниговскыхъ князій». И ѣха Володимеръ къ митрополиту, повабя кыяны. И придоша кыянъ много множество народа, и сѣдоша у святое Софьи. И рече Володимеръ

къ митрополиту: «се прислалъ братъ мой два мужа кыянины, ато молвятъ братьѣ своей». И выступи Добрынка и Радила и рекоста: «цѣловалъ тя братъ, а митрополиту ся покло-нялъ, и Лазаря цѣловалъ и кыяны всѣ». Рекоша кыяне: «молвита, съ чимъ васъ князь прислалъ». Онъ же рекоста: «Тако молвитъ князь. Цѣловала ко мнѣ крестъ Давыдо-вича и Святославъ Всеволодичъ, ему же азъ много добра створихъ, а нонѣ хотѣли мя убити лестью, но Богъ засту-пилъ меня и крестъ честный, его же суть ко мнѣ цѣловали. А нынѣ, братья. поидѣта по мнѣ къ Чернигову, кто имѣеть конь, ли не имѣеть кто, ино въ лодьѣ, ти бо суть не мене единого хотѣли убити, но и васъ искоренити». Кыяне же рекоша: «князь насъ вабить къ Чернигову, а здѣ ворогъ князя нашего и нашъ, а хочемъ и убити; поити же хочемъ битъся за своего князя и съ дѣтми». И рече имъ Володи-merъ: «Того вы братъ мой не приказалъ; Игоря блюдутъ сторожеве, а мы пойдемъ къ брату, ако же ны велить». Рекоша же кыяне: «мы вѣдаемъ, оже не кончити добромъ съ тѣмъ племенемъ, ни вамъ, ни намъ, коли любо». Митро-политъ же много взбраняше имъ, и Лазарь тысячскый, и Рагуйло, Володимерь тысячьскый, яко не убити Игоря. Они же кликнувше поидоша убить Игоря». Лавр. 1147.

Но и это наиболѣе подробное изъ имѣющихся у насъ описанiй все же передаетъ только общiе результаты народной думы, а не самыя пренiя. Прежде чѣмъ сложилось общее убѣжденiе помочь князю и убить его противника, говорили же отдѣльныя лица и были, конечно, споры. Все это сгла-жено въ нашемъ разсказѣ. Маленькое дополненiе къ нему находимъ въ ипатьевскомъ спискѣ лѣтописи. Отвѣтъ кiевлянъ на рѣчь пословъ онъ передаетъ въ такомъ видѣ:

«Кiяне же рекоша: «ради, оже ны Богъ тебѣ избавилъ отъ великiя льсти, братью нашю; идемъ по тебѣ и съ дѣтми, ако же хощеши». И рече одинъ человѣкъ: «по князи своемъ, ради, идемъ; по первѣе о семъ промыслемы, акоже и преже створиша при Изяславѣ Ярославичѣ, высѣкше Все-слава отъ поруба зліи они, и поставиша князя собѣ, и многа зла бысть про то граду нашему. А се Игорь, ворогъ нашего князя и нашъ, не въ порубѣ, но въ Святомъ Ѳедорѣ, о убивше того къ Чернигову пойдемъ по своемъ князи. Кон-

чаемые же ся съ ними». То же слышавше народъ, оттолѣ пойдоша на Игоря». 1147.

Не смотря на историческую справку, приводимую неизвѣстнымъ намъ вѣчевымъ ораторомъ XII в. и восходящую ровно за восемьдесятъ лѣтъ до его времени, мы не видимъ основанія заподозрить лѣтописца въ сочинительствѣ. Упоминаемое возведеніе Всеслава на кіевскій столъ, должно быть очень памятно кіевлянамъ. Низложенный Изяславъ ушелъ въ Ляхи, но скоро вернулся съ значительной польскою помощью, и жестоко отомстилъ за свое изгнаніе: 70 человѣкъ казнилъ онъ смертью и многихъ ослѣпилъ; въ числѣ казненныхъ были и такіе, которыхъ князь, по выраженію лѣтописца, «безъ вины погуби, не испытавъ». Лавр.

Таковы были послѣдствія необдуманнаго увлеченія толпы. Но можно ли было поручиться, что и въ настоящее время не найдется охотниковъ замѣнить отсутствующаго и попавшаго въ западню Изяслава находившимся въ Кіевѣ Игоремъ, на сторонѣ котораго были и Юрій, и Давыдовичи? Возможность такой попытки тѣмъ легче допустить, что перемѣна князя нерѣдко соединялась съ грабежомъ его двора и, слѣдовательно, возбуждала хищническіе инстинкты. Выступленіе въ походъ преверженцевъ Изяслава могло дать сторонникамъ Игоря и надежду на успѣхъ. Таковы то были условія, при которыхъ рѣчь неизвѣстнаго витіи могла произвести потрясающее впечатлѣніе на народную массу и увлечь ее къ политическому убійству.

Борьба Изяслава съ черниговскими князьями и Юріемъ Суздальскимъ дала поводъ не разъ высказаться народнымъ думамъ южныхъ городовъ. Приведемъ въ заключеніе еще два извѣстія.

Послѣ занятія Кіева, Изяславъ овладѣлъ и черниговскимъ городомъ, Курскомъ, и посадилъ тамъ сына своего, Мстислава. Въ 1147 году Юрій послалъ противъ Курска сына Глѣба.

«Мьстиславъ же, разсказываетъ лѣтописецъ, слышавъ, оже идеть Гюргевичь съ Святославомъ Олговичемъ на нь

къ Курску, и повѣда куряномъ. И куряне рекоша Мьстиславу: «оже се Олговичь, ради, ся за тя бьемъ и съ дѣтьми; а на Володимире племя, на Гюргевича, не можемъ руки подъяти». Мьстиславъ же, то слышавъ, поѣде къ отцю своему. Куряне же послаша къ Гюргевичю и пояша у него посадникъ къ собѣ». Ипат.

Отказъ курянъ биться противъ Юрія ведетъ къ перемѣщенію власти: отъ Изяслава она переходитъ къ Юрію.

Въ 1149 году Юрій одержалъ рѣшительную побѣду надъ Изяславомъ и осадилъ Кіевъ. Изяславъ, посовѣщавшись съ братомъ Ростиславомъ, обратился къ кіевлянамъ съ такою рѣчью:

«Се стрый наю пришелъ, а вѣ вамъ являевѣ: можете ли ся за наю бити?» Они же рекоша: «господина наю князя! не погубита насъ до конца! Се нынѣ отцы наши и братья наши и сынови наши, на полку, они изоймани, а друзіи избьени, и оружіе снято. А нынѣ ать не возмуть насъ на полонъ, поѣдита въ свои волости. А вы вѣдаета, оже намъ съ Гюргемъ не ужити! Аже по сихъ днѣхъ кдѣ узримъ стягы ваю, ту мы готовы ваю есмы». Ипат.

Князья послушались совѣта кіевлянъ: Изяславъ уѣхалъ въ Володиміръ, а Ростиславъ въ Смоленскъ.

Моментъ, который кіевляне предусматривали въ своемъ отвѣтѣ, наступилъ весьма скоро. Уже въ 1150 году, по выѣздѣ Юрія изъ Кіева, они говорили Изяславу:

«Гюрги вышелъ изъ Кіева, а Вячьславъ сѣдить ти въ Кіевѣ; а мы его не хочемъ... Ты нашь князь! Поѣди къ святой Софьи, сяди на столѣ отца своего и дѣда своего». Ипат. *).

Извѣстія о вѣчевой дѣятельности городовъ Ростовско Суздальской волости начинаются со второй половины XII в. и относятся не только къ старшимъ городамъ, Ростову и

*) Есть еще краткія извѣстія о народныхъ думахъ за тоже время въ слѣдующихъ городахъ: Выри—1147 и 1160, Переяславлѣ южномъ—1148, Корческѣ—1150, Туровѣ—1158, Стародубѣ—1167, Черниговѣ—1180, Римовѣ — 1185. Ипат.

Суздалю, но и къ младшимъ, Владиміру, Переяславлю, Москвѣ, Дмитрову.

Юрій Долгорукій, желая передать по смерти своей Ростовско-Суздальскую волость не старшему сыну, Андрею, а двумъ младшимъ, Михалкѣ и Всеволоду, обращается къ тому же средству для осуществленія своей воли, къ которому обратился нѣсколько лѣтъ раньше и кіевскій князь Всеволодъ, къ согласію народа. Фактъ этотъ относится къ 1157—8 году, но коротко разсказанъ лѣтописцемъ (Užд. и Ипат.) подъ 1175; Юрій совѣщался не со старшими только городами, но и съ младшимъ, Владиміромъ.

Послѣдствія даннаго народомъ Юрію обѣщанія—признать князьями младшихъ сыновей его — были тѣ же, что и въ Кіевѣ: народъ нарушилъ крестное цѣлованіе, Михалку и Всеволода выгналъ, а на столѣ Юрія посадилъ старшаго его сына, Андрея. Послѣдній фактъ сообщается два раза: подъ 1175 годомъ и своевременно, подъ 1158, но въ послѣднемъ случаѣ безъ указанія на нарушеніе прежняго обѣщанія:

«Томъ же лѣтѣ, — говоритъ лѣтописецъ, — сдумавши ростовци и суздальци и володимирци вси, пояша Андрея. сына Дюргева старѣйшаго, и посадиша й на отни столѣ, Ростовѣ, и Суждали, и Володимири, зане былъ прелюбимъ всѣми за премногую его добродѣтель». Ипат.

Въ 1175 году, послѣ смерти Андрея, послѣдовалъ новый актъ избранія, на которомъ приняли участіе и жители Переяславля Сѣвернаго.

«Увѣдавше же смерть княжю, ростовци, и суздальци, и переяславци, и вся дружина, отъ мала и до велика, и съѣхашася къ Володимерю и рѣша: «се ся уже тако створило, князь нашь убіенъ, а дѣтей у него нѣтуть, сынокъ его малъ въ Новѣгородѣ, а братья его въ Руси; по кого хочемъ послати въ своихъ князѣхъ? Намъ суть князи муромьскыи и рязаньскыи въ сусѣдѣхъ, а боимся мьсти ихъ, егда пойдуть внезапу ратью на насъ, князю не сущю въ насъ. А послѣмъ къ Глѣбу (рязанскому) рекуще: князя нашего Богъ поялъ, а хочемъ Ростиславичю, Мьстислава и Ярополка, твоего.. шюрину...» И утвердившеся святою Богородицею, послаша

къ Глѣбови: «тобѣ своя шюрина, а наша князя, да се, утвердившеся межи собою, послахомъ къ тобѣ послы своя; а ты приставишь къ нимъ послы своя, ать идуть по князя наша». Ипат. и Сузд.

Далѣе приводятся слова, которыя послы должны были сказать вновь избраннымъ:

«Ваю отецъ добръ былъ, коли у насъ былъ; а поѣдь та къ намъ княжить, а иныхъ не хочемъ».

Въ приведенномъ извѣстіи обращаетъ на себя вниманіе одна подробность, прежде не встрѣчавшаяся. Послѣ избранія, народъ утверждается между собой святой Богородицей. Надо полагать, это особая присяга не измѣнять принятому рѣшенію. Такая присяга, дѣйствительно, была не лишняя. Ростовцы и суздальцы разъ уже измѣнили своей клятвѣ; избранные Ростиславичи могли не повѣрить имъ теперь и не пріѣхать; волость, оставшаяся безъ князя, сдѣлалась бы жертвой нападенія сосѣднихъ князей, ростовскихъ и муромскихъ. Вотъ почему нужно было особое утвержденіе народа, о которомъ послы и сообщаютъ Глѣбу.

Кромѣ этихъ двухъ извѣстій, изъ которыхъ видно, что пригороды приглашаются въ общую думу съ главными городами, есть свѣдѣнія и о народныхъ думахъ въ отдѣльныхъ городахъ, какъ старшихъ, такъ и младшихъ.

Изъ двухъ призванныхъ Ростиславичей младшій, Ярополкъ, былъ посаженъ въ Володимерѣ. Между нимъ и владимірцами весьма скоро возникло несогласіе. Князь былъ молодъ и слушался бояръ, а бояре учили его «на многое иманіе». Онъ не только обременялъ продажами и вирами населеніе, но и церкви сталъ обирать. Вызванное этимъ неудовольствіе повело къ народнымъ собраніямъ, на которыхъ обсуждалось поведеніе Ростиславичей и рѣшено было довести о немъ до свѣдѣнія старшихъ городовъ; когда же старшіе города отказали владимірцамъ въ поддержкѣ, они рѣшили перейдти на сторону младшихъ сыновей Юрія, Михалки и Всеволода, и прогнать Ярополка.

Разсказъ лѣтописи объ этихъ событіяхъ, вызвавшихъ, конечно, не одно народное собраніе, чрезвычайно кратокъ.

«И почаша володимирци млъвити: мы есмы волная князя пріяли къ собѣ, и крестъ цѣловали на всемъ, а они, яко не свою волость творита, яко не творяче сѣдѣти у насъ, грабита не токмо волость всю, но и церкви,—промыщляйте, братія!» И послашася къ ростовцамъ и суздалцемъ, являюче имъ свою обиду. Они же словомъ суще по нихъ, а дѣломъ далече. А боляре князю тою дръжахуся крѣпко. Володимирци же, съ переяславци укрѣпившеся, послашася къ Чернигову по Михалка и по брата его, по Всеволода, рекуче: «ты старѣй еси въ братіи своей, поиди къ Володимирю; аже что замыслять на насъ ростовци и суждалци про тя, и како ны съ ними Богъ дасть». Сузд. 1176.

Изъ этого извѣстія можно вывести, что было, по крайней мѣрѣ, три вѣчевыхъ сходки: на первой рѣшено обратиться къ ростовцамъ и суздальцамъ; на второй выслушанъ отвѣтъ старшихъ городовъ и рѣшено обратиться къ помощи Переяславля; на третьей, въ которой участвовали и переяславцы, рѣшено призвать Михалку и Всеволода. Гдѣ находился въ это время князь Ярополкъ и какъ относился онъ къ народнымъ собраніямъ владимірцевъ, которыя, конечно, не могли оставаться для него тайной,—объ этомъ лѣтописецъ не сообщаетъ ни слова.

Къ этому же 1176 году относится и извѣстіе о вѣчевой дѣятельности Москвы. Она присоединилась къ молодымъ городамъ, Владиміру и Переяславлю. Михалка и Всеволодъ ѣхали уже изъ Чернигова во Владиміръ и на дорогѣ остановились въ Москвѣ. Во время обѣда пришла вѣсть, что Ярополкъ выступилъ уже противъ нихъ изъ Владиміра. Они поспѣшили къ нему на-встрѣчу; съ ними пошли и москвичи. Но дорогою оказалось, что оба войска шли разными путями и разошлись, и что Ярополкъ продолжаетъ движеніе на Москву.

«Москьвляни же,—говоритъ лѣтописецъ,—слышавше, оже идеть на нѣ Ярополкъ, и възвратишася въспять, блюдуче домовъ своихъ». Ипат.

Такимъ образомъ и москвичи въ XII вѣкѣ, къ которому относятся и первыя о нихъ извѣстія, сами рѣшали свою судьбу и сами распоряжались защитою домовъ своихъ.

По смерти Михалки, послѣдовавшей въ 1177 году, снова проявилась дѣятельность народной думы и во Владимірѣ, и въ Ростовѣ.

«Володимерци же, — говоритъ лѣтописецъ, — помянувше Бога и крестное цѣлованіе къ великому князю Гюргю, вышедше передъ золотая ворота, цѣловаша крестъ ко Всеволоду князю, брату Михалкову, и на дѣтехъ его, посадиша й на отни и на дѣдни столѣ въ Володимери». Лавр. 1177.

«Въ то же лѣто приведоша ростовци и боляре Мстислава Ростиславича изъ Новагорода, рекуще: поиде, княже къ намъ, Михалка Богъ поялъ на Волзѣ на Городци, а мы хочемъ тебѣ, а иного не хочемъ». Лавр.

Переяславль и въ этомъ случаѣ продолжалъ стоять на сторонѣ младшаго города. Ростовцы потребовали отъ призваннаго ими Мстислава, чтобы онъ шелъ войной на Всеволода.

Всеволодъ передалъ переяславцамъ объ объявленной ему Мстиславомъ войнѣ и получилъ отъ нихъ такой отвѣтъ:

«Ты ему добра хотѣлъ, а онъ головы твоея ловить! Поѣди, княже, къ нему!..» Лавр.

Въ 1212 году умеръ Всеволодъ, назначивъ Переяславль сыну своему Ярославу. Этимъ распоряженіемъ отца Ярославъ, однако, не удовольствовался; онъ нашелъ нужнымъ вступить въ соглашеніе и съ самими переяславцами. Вотъ какъ передаетъ этотъ любопытный фактъ лѣтопись:

«Ярославъ же, приехавъ въ Переяславль, мѣсяца апрѣля въ 18 день, и съзвавъ вси переяславци къ святому Спасу, и рече имъ: «братія переяславци, се отецъ мой иде къ Богови, а васъ отдалъ мнѣ, а мене вдалъ вамъ на руцѣ. Да рците мнѣ, братия, аще хощете мя имѣти собѣ, якоже имѣсте отца моего, и головы свои за мя сложити?» Они же вси тогда рекоша: «велми, господине, тако буди, ты нашъ господинъ, ты Всеволодъ». И цѣловаша къ нему вси крестъ.

И тако сѣде Ярославъ въ Переславли на столѣ, идѣ же родися». Сузд.

Къ Переяславской волости Ярослава принадлежалъ и новый городъ, Дмитровъ. Не всѣ сыновья Всеволода были довольны удѣлами, назначенными имъ отцомъ. Старшій, Константинъ, получившій Ростовъ, началъ войну съ Юріемъ изъ за обладанія Владиміромъ. Сторону Юрія принялъ Ярославъ, а сторону Константина Владиміръ и подступилъ къ городу Ярослава, Дмитрову. Эта осада дала случай и населенію новаго города, Дмитрова, высказаться за князя Ярослава.

«Слышавше же дмитровци, оже идетъ на нихъ Владимиръ, и пожгоша сами все прѣдградие и затворишася. Владимиръ же, приѣхавъ, не доспѣ имъ ничто же, зане дмитровци крѣпко біяхутся зъ города. Тогда же хотѣша и Владиміра застрѣлити. и бѣжа отъ града съ полкомъ своимъ, убоявся брата своего Ярослава. Дмитровци же, вышедше изъ города, избиша задъ дружины его». Сузд. 1214.

Въ заключеніе приведемъ еще одно извѣстіе о владимірцахъ, весьма напоминающее приведенное выше (подъ 1149 годомъ) извѣстіе о кіевлянахъ. Въ 1216 году князь Юрій потерпѣлъ жестокое пораженіе отъ Константина и бѣжалъ во Владиміръ.

«На утріи же, разсказываетъ лѣтописецъ, князь Юрьи созва люди и рече: «братіе володимерцы! затворимся въ градѣ, негли обіемся ихъ!» Людіе же молвяхуть ему: княже Юрьи! съ кимъ ся затворити? братіа наша избита, а иніи изоимани, а кои прибѣжали, а ти безъ оружія, то съ кимъ станемъ?» Князь же Юрьи рече: «азъ то все вѣдаю, толико не выдайте мя брату, Костянтину, ни Володимеру, ни Мстиславу, да быхъ вышелъ по своей воли изъ града». Они же тако обѣщашася ему». Воскр. *).

Извѣстія о вѣчевой дѣятельности городовъ Рязанской волости относятся къ концу XII и началу XIII вѣка. Всѣ

*) См. еще извѣстія о Суздалѣ подъ 1164 и 1176 Сузд.; о Владимірѣ подъ 1177, 1178 и 1214 Сузд.

онѣ вызваны враждебными отношеніями рязанскихъ князей ко Всеволоду Владимірскому. Изгнанный Всеволодомъ изъ Ростовской волости, Мстиславъ Ростиславичъ обратился къ помощи тестя своего, Глѣба Рязанскаго. Возгорѣвшаяся по этому поводу война съ рязанскими князьями кончилась въ пользу Всеволода. Онъ разбилъ противниковъ и взялъ въ плѣнъ Мстислава, Глѣба и сына его, Романа. Но другой сынъ Глѣба, Ярополкъ (Ярославъ), успѣлъ уйти въ Воронежъ. Всеволодъ хотѣлъ овладѣть и имъ. Съ этою цѣлью онъ обращается къ рязанцамъ и отправляетъ къ нимъ посольство. Послы его держатъ къ гражданамъ такую рѣчь:

«Вы имѣете нашего ворога (выдайте его), али иду къ вамъ». Рязанцы же, сдумаша, рекуще: «князь нашъ и братья наши погыбли въ чюжемъ князи»; ѣхавше въ Воронежь, яша его сами и приведоша его въ Володимерь». Лавр. 1177.

Всеволодъ разсматриваетъ рязанцевъ, какъ самостоятельную власть, и требуетъ выдачи своего врага. Они и не помышляютъ отвергнуть его требованіе по некомпетентности; совершенно наоборотъ, они находятъ, что могутъ принять это дѣло къ своему разсмотрѣнію и постановить соотвѣтствующее рѣшеніе; собираютъ думу и рѣшаютъ выдать Всеволоду сына ихъ законнаго князя.

Въ 1207 году Всеволодъ Юрьевичъ получилъ извѣстіе, что рязанскіе князья, Романъ и Святославъ Глѣбовичи, въ союзѣ съ племянниками, замыслили овладѣть имъ, заманивши къ себѣ обманомъ. Всеволодъ предупредилъ это измѣнническое нападеніе, захвативъ подозрѣваемыхъ имъ рязанскихъ князей, и направился къ Пронску, гдѣ сидѣлъ Киръ-Михаилъ, также заподозрѣнный въ измѣнѣ. Киръ-Михаилъ не рѣшился ожидать прихода Всеволода и бѣжалъ въ Черниговъ къ тестю. Что же дѣлаютъ проняне?

«Проняне же,—разсказываетъ лѣтописецъ, — пояша къ собѣ Изяслава Володимерича (одинъ изъ внуковъ Глѣба) и затворишася съ нимъ въ градѣ. Князь же великій, пришедъ, ста у города Проньска; и не хотя видѣти кровопролитья и посла къ нимъ мужа своего, Михаила Борисовича, оми-

ритъ ихъ. Они же не внушиша глаголъ его, надѣющеся на градную твердость. Слышавъ же князь великый рѣчь ихъ буюю, и повелѣ приступити ко граду со всѣ страны»... Лавр. 1207.

Проняне рѣшаются на то, на что не рѣшился ихъ князь на сопротивленіе. Чрезвычайно жаль, что лѣтописецъ не приводитъ рѣчь ихъ буюю. Тогда мы знали бы мотивы сопротивленія, теперь же оно представляется очень неяснымъ. Пронску не угрожало ни малѣйшей опасности. Всеволодъ шелъ не противъ города, а противъ князя, князь же бѣжалъ изъ города добровольно. Оставалось встрѣтить Всеволода съ честью, и столкновеніе разрѣшилось бы совершенно мирно. Не слѣдуетъ ли объяснять сопротивленіе пронянъ антагонизмомъ съ владимірцами, которые, конечно, составляли главную силу Всеволода?

Совершенно иначе поступили рязанцы. Узнавъ о движеніи къ Рязани Всеволода, они послали къ нему съ поклономъ, молящеся, дабы не приходилъ къ городу. Князь внялъ моленію рязанцевъ и повернулъ во Владиміръ. Надо думать, что онъ поставилъ условіемъ прекращенія враждебныхъ дѣйствій выдачу рязанцами остальныхъ своихъ князей. На такое предположеніе наводитъ то обстоятельство, что лѣтописецъ, описавъ возвращеніе Всеволода во Владиміръ, продолжаетъ такъ:

«И потомъ рязанцы вси, сдумавше, послаша остатокъ князій и со княгынями къ великому князю Всеволоду въ Володимеръ» Лавр.

Но настроеніе рязанцевъ то же было измѣнчиво Они разошлись со Всеволодомъ, какъ только онъ прислалъ къ нимъ на столъ сына своего, Ярослава.

«Рязанцы же,—говоритъ лѣтописецъ,—лесть имуще къ нему, цѣловаше крестъ ко Всеволоду и не управиша, и изимаши люди его и сковаша, а инѣхъ въ погребѣхъ, засыпавше, изморища. Всеволодъ же, слышавъ се, иде на Рязань съ сынми своими, и, пришедъ, ста у града Рязани. И Ярославъ изыде противу отца своего, и цѣлова й съ ра-

достью. И прислаша рязанцы буюю рѣчь, по своему обычаю и непокорьству. И повелѣ великый князь всѣмъ людемъ изыти изъ града и съ товаромъ, и яко изыдоша вси, повелѣ зажещи градъ». Лавр. 1208.

Чрезвычайно интересное извѣстіе, но къ сожалѣнію слишкомъ краткое. Оно, надо думать, принадлежитъ перу не рязанца, а владимірца. Авторъ не сочувствуетъ рязанцамъ, осуждаетъ ихъ и не находитъ умѣстнымъ приводить ихъ буйную рѣчь. А рѣчь эта многое бы объяснила въ столкновеніи Всеволода съ рязанцами. Теперь же мы знаемъ только, что рязанцы, переловивъ и выдавъ своихъ князей Всеволоду, цѣловали къ нему крестъ, по всей вѣроятности, въ знакъ признанія его или кого-либо изъ сыновей его своимъ княземъ. Судя потому, что Ярославъ былъ присланъ въ Рязань «на столъ», надо полагать, что слитія Рязани съ Владимірской волостью не произошло; Рязань осталась самостоятельнымъ княженіемъ подъ властью сына Всеволода. Новый князь назначилъ на всѣ должности своихъ людей, владимірцевъ, которыхъ надо было наградить за службу. Вотъ достаточная уже причина къ неудовольствію. Рязанцы хватаютъ «людей Ярослава», надо думать, людей, которымъ розданы доходныя должности.

Всеволодъ жестоко отомстилъ измѣнившимъ ему рязанцамъ. Онъ сжегъ ихъ городъ. Но утвердить своей власти въ Рязани ему все-таки не удалось.

Насколько кратки и не полны дошедшія до насъ извѣстія лѣтописей, это всего лучше видно изъ того, что мы находимъ въ нихъ о вѣчевой дѣятельности Смоленской волости. Владимірскій лѣтописецъ въ своемъ разсказѣ о борьбѣ Владиміра съ Ростовомъ и Суздалемъ называетъ Смоленскъ въ числѣ волостей, которыя имѣютъ обычай сходиться на вѣчѣ, какъ на думу; а между тѣмъ мы не нашли въ лѣтописи ни одного разсказа о вѣчѣ въ Смоленскѣ. Единственное извѣстіе, въ которомъ встрѣчается слово «вѣче», относится къ собранію смольнянъ во время похода, состоявшемуся у города Треполя. Въ 1185 году смольняне отправились съ кня-

земъ своимъ, Давыдомъ, къ Кіеву помогать русскимъ князьямъ, Рюрику и Святославу, противъ половцевъ. Достигнувъ Треполя, они отказались отъ дальнѣйшаго движенія.

«Смолняне же, — говоритъ лѣтописецъ, — почаша вѣче дѣяти, рекуще: «мы пошли до Кіева, да аже бы была рать, билися быхомъ; намъ ли инοѣ рати искати, то не можемъ, уже ся есмы изнемоглѣ». Ипат.

Изъ этого извѣстія слѣдуетъ, что передъ походомъ въ Смоленскѣ было собрано вѣче, на которомъ и рѣшенъ вопросъ о походѣ. Но на походъ смольняне согласились не безусловно, а съ ограниченіемъ: они обѣщали воевать половцевъ только на пространствѣ до Кіева. Достигнувъ Треполя (верстъ на 40 южнѣе Кіева) и не найдя половцевъ, они нашли, что обязательство ихъ исполнено, собрали вѣче во время похода и рѣшили возвратиться домой. Князь ничего не могъ сдѣлать и возвратился вмѣстѣ съ своими гражданами-воинами. Онъ присоединился, слѣдовательно, къ вѣчевому рѣшенію, хотя оно было собрано не имъ, а самимъ народомъ.

Хотя лѣтопись и не упоминаетъ о вѣчѣ въ Смоленскѣ, но не разъ говоритъ о результатахъ вѣчевыхъ собраній. Такъ въ 1096 г. смольняне не приняли Олега (Лавр.); въ 1175 г. они изгнали Ярополка, котораго у нихъ оставилъ князь ихъ, Романъ Ростиславичъ, уходя въ Кіевъ, и призвали дядю его, Мстислава Ростиславича *).

Мы могли бы еще продолжить эти выписки изъ лѣтописей, но полагаемъ, что для нашей цѣли довольно и приведенныхъ мѣстъ.

Переходимъ къ вопросу о томъ, когда возникли вѣчевыя думы, дѣйствовавшія повсемѣстно въ XII вѣкѣ? Въ періоды исторіи, когда право развивается путемъ законодательства, для отвѣта на поставленный вопросъ надо было бы указать князя, который ввелъ этотъ порядокъ вещей.

*) Ипат. См. еще для Звенигорода Ипат. 1146, Червеня Ипат. 1157, Галича Ипат. 1189, Берестья Ипат. 1204 и Владиміра Волынскаго Ипат. 1202.

У насъ не только въ XII, но и гораздо позднѣе, въ XIV и даже XV вѣкѣ, право развивалось не путемъ законодательства, а обычаемъ и практикой судебной и административной *). Вѣче, поэтому, не есть продуктъ указа какого-либо князя, а явленіе обычной народной жизни, вызванное условіями тогдашняго быта древнихъ волостей. Въ I томѣ нашихъ юридическихъ древностей мы указали эти условія. Свободное населеніе древнихъ княжествъ не было привязано къ разъ избранному мѣсту жительства. Оно могло безпрепятственно переходить изъ княжества въ княжество и такимъ образомъ мѣнять свое подданство. Небольшіе размѣры княженій облегчали эти переходы. Даже служилые люди могли оставлять своего князя и переходить на службу къ другому, который имъ больше приходился по вкусу, или и вовсе не служить. На свободномъ населеніи по отношенію къ мѣстной власти лежали только такія обязанности, которыя оно само соглашалось исполнять. Въ противномъ случаѣ, оно разсыпалось въ разныя стороны и ускользало отъ власти, которая ей не нравилась. Связь князя съ подданными была весьма слабая и легко прерывалась. На такомъ зыбкомъ основаніи не могла возникнуть твердая центральная власть. Собственныя же силы князя были еше недостаточно развиты, чтобы господствовать надъ свободнымъ населеніемъ. Въ случаѣ соединенія, свободное населеніе являлось довольно внушительной силой, которая могла оказать князю или дѣятельное сопротивленіе, или существенную поддержку. Вотъ этими-то условіями быта и объясняется тотъ фактъ, что князья ведутъ переговоры съ народомъ и входятъ съ нимъ въ соглашеніе, одерживаютъ при его помощи побѣды и оставляютъ столы свои, если свободное населеніе отказывается поддерживать ихъ, или не имѣетъ достаточныхъ для того силъ. Въ началѣ исторіи, когда военное ремесло не

*) Эта мысль съ нѣкоторою подробностью развита въ нашей статьѣ «Опыты изслѣдованія обычнаго права», напечатанной въ Наблюдателѣ а 1882 годъ въ № 1 и 2, и перепечатанной въ «Лекціяхъ и изслѣдованіяхъ» за 1883 годъ.

обособилось еще отъ другихъ занятій и весь народъ входилъ въ составъ войска, весьма натурально, что ему должно было принадлежать совсѣмъ иное значеніе въ рѣшеніи общественныхъ вопросовъ, чѣмъ это сдѣлалось возможно позднѣе, когда образовалась отдѣльная отъ народа военная сила. Гдѣ сила, тамъ и власть; а въ началѣ исторіи народныя массы составляли силу.

Вѣче, какъ явленіе обычнаго права, существуетъ съ незапамятныхъ временъ. Такъ смотрѣли на это и люди XII вѣка. Владимірскій лѣтописецъ говоритъ, что вѣче было «изначала». Начальный лѣтописецъ, описывая общественныя событія IX и X вѣка, дѣйствующими лицами выводитъ народъ и народную думу. Требованіе съ кіевлянъ козарами дани было, по его свидѣтельству, предметомъ обсужденія народной думы:

«Сѣдумавше поляне и вдаша отъ дыма мечь». Лавр.

Переговоры съ Ольгой древлянскіе послы ведутъ отъ имени древлянъ, а не князя, хотя у нихъ былъ и князь.

«И послаша деревляне лучьшіе мужи... И рече имъ Ольга: «да глаголете, что ради придосте сѣмо»? Рѣша же древляне: «посла ны Дерьвьска земля». Лавр.

Наконецъ, описывая осаду Бѣлгорода печенѣгами въ 997 году, лѣтописецъ говоритъ:

«И удолжися, остоя въ городѣ, и бѣ гладъ великъ, и створиша вѣче въ городѣ».

Итакъ, по мнѣнію начальнаго лѣтописца и позднѣйшаго, жившаго въ концѣ XII в., вѣче было всегда.

Но мы можемъ привести и оффиціальные документы X вѣка, свидѣтельствующіе объ участіи народа въ общественныхъ дѣлахъ того времени. Это договоры Олега и Игоря съ греками. Первый договоръ заключенъ былъ не только отъ имени князей, но «и ото всѣхъ иже суть подъ рукою его сущихъ Руси» (911 г.). Для заключенія второго договора послы были отправлены «и отъ всѣхъ людій Руския земли». Послы эти говорятъ о себѣ:

«И великій князь нашь Игорь, и боляре его, и людье вси рустіи послаша ны къ Роману и Костянтину» и т. д. (945).

Договоръ 945 года, составленный въ Константинополѣ, былъ посланъ въ Кіевъ. Доставленіе его было поручено особому греческому послу, который былъ отправленъ «къ великому князю рускому, Игореви, и къ людемъ его». Игорь и люди его должны были скрѣпить договоръ присягой. Лѣтописецъ говоритъ, что присягали всѣ крещеные и всѣ не крещеные; это значитъ, что «подъ людьми Игоря» надо разумѣть все наличное населеніе Кіева, а не какую-либо тѣсную группу зависимыхъ отъ Игоря людей.

Наконецъ, послѣдній вопросъ, какъ долго продолжалось дѣйствіе вѣча въ Русской землѣ?

Бытовое явленіе, вызванное къ жизни условіями мѣстной почвы, и умереть должно было вмѣстѣ съ уничтоженіемъ этихъ условій.

Событіемъ первостепенной важности, проложившимъ путь къ новому порядку вещей, является татарское завоеваніе. Разъединенное населеніе небольшихъ русскихъ княженій не могло бороться съ централизованной татарской силой.

Нашествіе татаръ впервые познакомило русскія княженія съ властью, съ которой нельзя входить въ соглашеніе, которой надо подчиняться безусловно. Почва для развитія вѣчевой дѣятельности была сразу уничтожена. Ханы татарскіе не имѣютъ надобности входить въ соглашеніе съ народомъ. Они достаточно сильны, чтобы приказывать ему.

Хотя татары не остались въ русской землѣ и властвовали издалека, тѣмъ не менѣе господство ихъ произвело глубокій переворотъ въ нашей жизни. Благодаря разъединенности волостей и отсутствію организованной военной силы, отъ чего проистекала указанная уже выше слабость князей, завоеваніе Россіи совершилось чрезвычайно быстро. Разбитые татарами князья не думали о сопротивленіи во что бы то ни стало. Они признали себя данниками хановъ и спѣшили въ Орду поклониться своимъ новымъ властели-

намъ и получить изъ ихъ рукъ утвержденіе своихъ правъ. То же дѣлало и духовенство. Расплачиваться за эту покорность приходилось народу. Онъ былъ сосчитанъ и обложенъ ордынскою данью. Въ городахъ и пригородахъ водворились татарскіе чиновники для сбора этой дани. Угодные татарамъ князья получили возможность опираться на ихъ силу въ борьбѣ какъ съ другими князьями, такъ и съ городами. Первыя попытки политическаго объединенія Россіи были сдѣланы ханами, которые, въ противность собственнымъ своимъ интересамъ, подчиняли отдѣльныхъ князей власти излюбленнаго ими великаго князя.

При наличности этихъ новыхъ условій вѣчевыя собранія становятся анахронизмомъ. Но народные обычаи не умираютъ въ одинъ день. Съ дѣятельностью вѣча встрѣчаемся и послѣ татарскаго нашествія и даже въ XIV вѣкѣ.

Нѣкоторыя изъ этихъ запоздалыхъ проявленій вѣчевой жизни ни словомъ не напоминаютъ татарскаго погрома и переносятъ насъ въ XII вѣкъ.

Въ 1289 году скончался волынскій князь, Владиміръ Васильевичъ. Передъ смертью онъ отказалъ всѣ свои владѣнія одному изъ двоюродныхъ братьевъ, Мстиславу Даниловичу. Къ составу этого отказа принадлежало и Берестье. Но берестьяне не захотѣли подчиниться волѣ князя. Вотъ что разсказываетъ о нихъ лѣтописецъ:

«Берестьяне... учинили бяхутъ коромолу: еще Володимеру князю болну сущю, они же ѣхавше къ Юрьеви князю (племяннику Владиміра) цѣловаше крестъ на томъ, рекуче: како не достанеть стрыя твоего, ино мы твои и городъ твой, а ты нашь князь». Ипт.

Судя по тому, что лѣтописецъ называетъ поступокъ берестьянъ коромолой, т.-е. измѣной, надо полагать, что Владиміръ, назначая Мстислава своимъ преемникомъ, получилъ на то согласіе горожанъ и скрѣпилъ его крестнымъ цѣлованіемъ; въ противномъ случаѣ не было бы измѣны.

Въ 1303 году скончался московскій князь, Данило Александровичъ. Въ Переяславлѣ посадничалъ сынъ его, Юрій.

«По животѣ же его (Данилы), говоритъ лѣтописецъ, переяславци яшася за сына его, за князя за Юрія, и не пустиша его и на погребеніе отче.» Воскр.

Граждане такъ дорожатъ избраннымъ ими княземъ, что даже ограничиваютъ его личную свободу, изъ боязни, конечно, какъ бы онъ не перешелъ въ Москву*).

Но есть и извѣстія, изъ которыхъ видно, что господствуютъ въ русской землѣ уже не русскіе люди, а татары. По поводу нашествія татаръ происходило, конечно, не мало народныхъ совѣщаній. Но время было слишкомъ тревожное, чтобы замѣчать ихъ и записывать. Лишь въ видѣ исключенія попадаются такія подробныя извѣстія, какое мы имѣемъ о Козельскѣ. Разрушивъ Владиміръ и суздальскіе города, Батый подступилъ къ Козельску.

«Козляне же, говоритъ лѣтописецъ, съвѣтъ створше не вдатися Батыю, рекше: «яко аще князь нашъ младъ есть, но положимъ животъ свой за нь»... Татаромъ же, бьющимся о градъ, пріяти хотящимъ градъ, разбившимъ граду стѣну и возъидоша на валъ татаре. Козляне же ножи рѣзахуся съ ними. Съвѣтъ же створиша изъити на полкы татарскые и исшедше изъ града и сѣкоша праща ихъ... Батый же взя городъ, изби вси . . . . . бишася по семь недѣль». Ипат. 1237.

Отъ второй половины XIII вѣка сохранилось нѣсколько извѣстій о борьбѣ горожанъ съ татарскими данниками.

«Избави Богъ, говоритъ лѣтописецъ, отъ лютого томленья бесурменьскаго люди ростовскія земля: вложи ярость въ сердца крестьяномъ, не терпяще насилья поганыхъ, изволиша вѣчь и выгнаша изъ городовъ, изъ Ростова, изъ Володимеря, изъ Суздаля, изъ Ярославля, окупахуть бо ти окаяньніи бесурмени дани»... Лавр. 1262.

А вотъ еще отъ 1289 года:

«Князь Дмитрій Борисовичъ сѣде въ Ростовѣ. Умножи

*) См. еще для Возвягла Ипат. 1257, для Галича южн. Ипат. 1231 и 1235, Чернигова Ипат. 1234, Переяславля сѣв. Воскр. 1296.

же ся тогда татаръ въ Ростовѣ, и гражане створше вѣче и изгнаша ихъ, а имѣніе ихъ разграбиша». Воскр.

Къ сожалѣнію, не видно, какое было отношеніе между занятіемъ ростовскаго стола княземъ Дмитріемъ и умноженіемъ татаръ въ Ростовѣ. Въ 1286 году происходитъ раздѣлъ отчины между этимъ Дмитріемъ и братомъ его, Константиномъ: Дмитрію достался Угличъ, Константину Ростовъ. Въ 1289 году въ Ростовѣ садится Дмитрій, а Константинъ идетъ въ Орду. Эта перемѣна можетъ быть разсматриваема, какъ захватъ Ростова Дмитріемъ, совершонный при помощи татаръ. Раздоръ между братьями тѣмъ легче допустить, что еще въ 1281 году «воздвиже дьяволъ вражду и крамолу межи братомъ Дмитріемъ и Константиномъ Борисовичи». Можно думать, что татары приведены были Дмитріемъ противъ брата.

Князья въ своихъ спорахъ изъ-за владѣній обращались обыкновенно къ содѣйствію татаръ и весьма нерѣдко жестоко опустошали русскіе города при ихъ помощи. Въ 1293 году была великая ссора между сыновьями Александра Невскаго, Димитріемъ и Андреемъ. Князь Андрей отправился съ жалобой въ Орду и испросилъ у хана сильную рать на Димитрія. Эта рать, во главѣ которой стояли русскіе князья, взяла на щитъ и опустошила 14 городовъ, въ томъ числѣ были: Владиміръ, Суздаль, Муромъ, Юрьевъ, Переяславль, Коломна, Москва и Можайскъ. Еще недовольные награбленной добычей, татары вознамѣрились идти на Тверь.

«Бысть же печаль велика тверичамъ, говоритъ лѣтописецъ, не бяше бе у нихъ князя, тогда бо князь Михаилъ въ Ордѣ бысть. Они же цѣловаша межи себе крестъ и сѣдоша въ осадѣ, укрѣпившися на томъ, яко битися съ татары, а не предатися» *).

Положеніе городовъ среди княжескихъ усобицъ и прежде было тяжелое, теперь оно еще ухудшилось, ибо бывшая

*) Воскр. Ср. еще для Костромы Воскр. и Львовъ 1304, Нижняго Воскр. 1305 и Брянска Воскр. 1310 и Соф. I. 1307.

въ распоряженіи князей сила увеличилась татарами, которые пользовались княжескими раздорами для грабежа. Повторяющіяся нашествія татаръ должны были въ конецъ уничтожить нѣкоторые успѣхи общественнной жизни, достигнутые въ до-татарское время; а успѣхи эти необходимо предполагать въ виду значительнаго числа городовъ, о которыхъ упоминаютъ до-татарскіе лѣтописцы, какъ о пунктахъ насиженныхъ, населеніе которыхъ принимало дѣятельное участіе въ общественныхъ дѣлахъ. Татарскій погромъ долженъ былъ на долго пріостановить у насъ развитіе городской жизни.

Что именно татарское завоеваніе, перенеся центръ тяжести политической жизни въ Орду и обезсиливъ населеніе поборами и грабежомъ, подорвало въ корнѣ участіе народа въ общественныхъ дѣлахъ, видно еще изъ того, что въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыхъ нашествіе не коснулось, вѣчевые порядки сохраняются въ XIV и XV вѣкахъ; таковы Новогородская и Полоцкая волости.

Существованіе народной думы въ Новгородѣ до 1478, а во Псковѣ до 1510 года не нуждается въ доказательствахъ. Мы приведемъ лишь нѣсколько извѣстій относительно новогородскихъ волостей, чтобы показать, что вѣче не было особенностью только города Новгорода, а составляло порядокъ жизни всей Новогородской волости.

Въ 1343 году «нагадавшеся псковичи съ изборяны подъяша всю область Псковскую и поѣхаша воевати земли нѣмецкія»... Псков. I.

Въ 1317 году великій князь московскій, Василій Дмитріевичъ, задумалъ отобрать у Новгорода Двинскую землю. Вотъ какъ, по разсказу лѣтописца, привелъ онъ въ исполненіе свое намѣреніе:

«Насла князь великій, Василій Дмитріевичъ, за Волокъ на Двину бояръ своихъ, Андрея Албердова съ други, ко всей Двиньской слободѣ, а повѣствуя имъ тако: «что бы есте задалѣся за князь великій, а отъ Новгорода бы

есте отнялѣся; а князь великый отъ Новгорода хощетъ васъ боронити, а за васъ хощеть стояти». И двинянѣ, Иванъ Микитинъ и бояре двиньскыи и вси двинянѣ, за великый князь задалѣся, а ко князю великому цѣловаша крестъ. И князь великій на крестъномъ цѣлованьи у Новагорода отнялъ Волокъ Ламскій и съ волостьми»... Новог. I.

Эти переговоры великаго князя московскаго съ двинянами относятся къ одному роду съ вышеприведенными переговорами въ XII вѣкѣ Всеволода съ кіевлянами, Юрія съ ростовцами, суздальцами и владимірцами и пр. И тутъ, и тамъ рѣчь идетъ о признаніи князя.

Крестное цѣлованіе народа и князя въ домосковской Руси всегда предполагаетъ соглашеніе народа и князя. Въ этомъ смыслѣ надо понимать и слѣдующее извѣстіе подъ 1399 годомъ:

«Яковъ Прокофьевъ гоняшеся за Анфаломъ ратью въ 700 человѣкъ и пригнася къ городу Устьюгу, а ту бѣ владыка, Григорей ростовьскій, и князь Юрьи Андрѣевичь, и рече Яковъ князю и гражаномъ: «стоите ли за бѣглеца новгородцкаго, за Анфала?» И князь съ устьюжаны рече: «мы за него не стоимъ, ни пособляемъ по немъ, по великого князя цѣлованію», Новгор. IV.

Вѣчевые порядки въ полномъ разгарѣ находимъ и въ Вяткѣ въ эпоху войны великаго князя, Ивана Васильевича, съ Казанью. Въ 1469 г. воевода великаго князя, подойдя къ Вяткѣ, вступилъ въ переговоры съ вятчанами и «именемъ великаго князя» требовалъ, чтобы они шли съ ними на казанскаго царя.

«Они же рекоша: «изневолилъ насъ царь (казанскій) и право свое дали есмя ему, что намъ не помогати ни царю на великого князя, ни князю великому на царя.» Воскр.

Такимъ образомъ, вятчане самостоятельно вели войну съ казанскими царями и вступали съ ними въ договоры. Въ томъ же году большой воевода великаго князя, К. А. Беззубцевъ, послалъ «именемъ великаго князя» новое требованіе вятчанамъ воевать Казань и получилъ такой отвѣтъ:

«Вятчане же отказали: «коли пойдутъ подъ Казань братья великаго князя, говорили они, тогды пойдемъ и мы». Воскр.

Вѣчевые порядки XII вѣка продолжаютъ дѣйствовать въ Полоцкой волости еще въ XV в. Полочане приглашаются великими князьями литовскими на совѣщанія и вступаютъ въ самостоятельные договоры съ своими сосѣдями. Литовскій князь Александръ въ 1403 году назначилъ нѣмцамъ день для совѣщанія въ Вильнѣ; на это совѣщаніе должны были прибыть и полочане. Отъ начала XV вѣка сохранилось нѣсколько договоровъ полочанъ съ Ригою. Договоры эти пишутся то отъ имени намѣстника и отъ всѣхъ мужъ полочанъ, то отъ однихъ только полочанъ *).

Вторая причина устраненія изъ практики вѣчевыхъ порядковъ заключалась въ измѣненіи всего строя древней общественной жизни. Эти измѣненія касаются состава территоріи вновь возникшаго Московскаго государства и правъ населенія и съ нѣкоторою подробностью очерчены нами въ I т. юридическихъ древностей. Соединеніе многихъ отдѣльныхъ волостей въ одномъ Московскомъ государствѣ уничтожило ту почву, на которой могли дѣйствовать вѣчевыя собранія. Вѣче—учрежденіе по преимуществу городовое, оно предполагаетъ независимость города-волости и его право рѣшать самостоятельно свои дѣла. Москва поглотила эти города волости; значительные же размѣры новаго государства не допускали возможности обще народныхъ сходокъ.

Вмѣстѣ съ измѣненіями въ составѣ территоріи происходятъ важныя перемѣны въ распредѣленіи поземельной собственнности и въ правахъ населенія. До московскіе князья не были обладателями большихъ недвижимыхъ имѣній. Раздробленность Россіи и постоянное соперничество князей не допускали образованія въ рукахъ ихъ крупной поземельной собственности. Возможность къ накопленію такой собствен-

*) Рус. лив. акты: № CXL, CLII, CLIII, CLIV. CLXXII, CCXLIX и CCLIX, 1403—1470.

ности открылась лишь съ эпохи объединенія. Въ рукахъ московскихъ государей впервые сосредоточиваются недвижимости, размѣры которыхъ превосходятъ ихъ личныя потребности и потребности ихъ семей. Появляется возможность употреблять этотъ излишекъ для организаціи военной силы. Возникаетъ помѣстное войско, обязанное службой. Рядомъ съ этимъ идутъ измѣненія и въ положеніи старинныхъ вольныхъ слугъ. Они дѣлаются тоже обязанными службой. Свободное сельское населеніе прикрѣпляется и поступаетъ въ зависимость къ этимъ обязаннымъ слугамъ. Кто еще сохранилъ остатки старой воли, прикрѣпляется къ мѣсту и государеву тяглу. Въ рукахъ московскихъ государей образовалась, такимъ образомъ, зависимая только отъ нихъ военная и денежная сила. Обладая такой силой, они не имѣютъ уже надобности входить въ соглашеніе съ народомъ. Они могутъ приказывать. А если бы и появилась потребность совѣщанія съ народомъ, она не могла быть осуществлена въ старой формѣ вѣчеваго собранія, непримѣнимой къ государствамъ съ значительнымъ объемомъ. Для этого нужны были новыя формы, которыя, дѣйствительно, и начали вырабатываться съ XVI вѣка въ видѣ земскихъ соборовъ. Но это уже новости московскаго права.

Въ концѣ XV вѣка у насъ встрѣтились лицомъ къ лицу два совершенно разныхъ порядка: старый вѣчевой, дѣйствовавшій въ Новгородѣ и прежнихъ новогородскихъ пригородахъ и волостяхъ, и новый монархическій, представителями котораго явились московскіе князья. Эти два порядка не могли ужиться рядомъ. Они вступили въ борьбу, которая была непродолжительна; она скоро окончилась совершенной побѣдой московскихъ государей.

Чрезвычайно характерное повѣствованіе даетъ лѣтописецъ о столкновеніи новаго порядка со старымъ. Москва одержала побѣду, но торжество это облеклось въ старыя еще формы. Не указомъ великаго государя отмѣнено было въ Новгородѣ вѣче и посадникъ, это было сдѣлано по соглашенію съ Новгородомъ; новогородцы цѣловали великому

государю крестъ не безусловно, а по грамотѣ, въ которой были опредѣлены ихъ права и обязанности. Дѣло происходитъ такъ (Воскр. 1478).

Въ 1477 году весь великій Новгородъ прислалъ къ великому князю и сыну его

«Пословъ своихъ, Назара, подвойскаго, да Захарія, дьяка вѣчнаго, бити челомъ и называти себѣ ихъ государи; а напередъ,—прибавляетъ отъ себя лѣтописецъ,—того не бывало, ни которого великаго князя государемъ не зывали, но господиномъ».

Это случилось въ мартѣ, а въ апрѣлѣ того же года великій князь послалъ въ Новгородъ своихъ пословъ «покрѣпити того, какого хотятъ государьства» въ Новгородѣ. Выслушавъ великокняжескихъ пословъ, новгородцы сказали, что они съ такими рѣчами въ Москву не посылали, и назвали всю эту исторію «ложью».

Такой отвѣтъ разгнѣвалъ государя и въ сентябрѣ того же года онъ формально объявилъ войну Новгороду, пославъ «складную» грамоту. Въ октябрѣ великій князь выѣхалъ изъ Москвы «казнить новогородцевъ войною за ихъ преступленіе». Его сопровождало громадное войско. Новогородцы не могли разсчитывать на побѣду и рѣшили вступить съ московскимъ государемъ въ переговоры. Городъ, однако, они привели въ осадное положеніе и отъ государя затворились.

Иванъ Васильевичъ принялъ новгородскихъ пословъ и дозволилъ имъ вести переговоры съ своими боярами. Новогородскіе послы били челомъ: 1) что бы государь отчину свою пожаловалъ, нелюбье отдалъ и унялъ мечъ; 2) что бы отпустилъ новгородскихъ бояръ, которые были задержаны въ Москвѣ; 3) что бы государь ѣздилъ въ Новгородъ (для суда) на четвертый годъ; 4) что бы онъ получалъ съ Новгорода по 1000 р. въ годъ; 5) что бы судъ намѣстника и посадника производился въ городѣ (а не на городищѣ); 6) что бы намѣстникъ государевъ не судилъ владычныхъ и посадничьихъ судовъ; 7) что бы самъ государь судилъ

только тѣ суды, которыхъ не управитъ его намѣстникъ и посадникъ; 8) что бы новгородцы не вызывались на судъ въ Москву. Эти частныя челобитья оканчивались слѣдующимъ общимъ и не совсѣмъ яснымъ:

«что бы государь пожаловалъ, указалъ отчинѣ своей, какъ ему Богъ положитъ на сердцѣ отчина своя жаловати. и отчина его своему государю челомъ бьютъ, въ чемъ имъ будетъ мочно быть».

Въ самый день переговоровъ новогородскихъ пословъ съ боярами государь отрядилъ войска для занятія лежащихъ около Новгорода городищъ и монастырей. Это было 24 ноября, а на слѣдующій день государь далъ отвѣтъ на челобитье пословъ. Въ отвѣтѣ своемъ великій князь приказалъ сказать, что такъ какъ новогородцы возвели на него ложь, то онъ, положивъ упованіе на Господа Бога, и пошелъ на нихъ за ихъ неисправленіе; если же они захотятъ ему бить челомъ, то они должны знать, какъ надо ему бить челомъ.

Изъ этого начала переговоровъ видно, что новогородцы не понимали или не хотѣли понять, чего хочетъ великій князь; а великій князь не хотѣлъ своихъ требованій высказать, и ждалъ, когда новогородцы сами догадаются, что ему нужно.

Послы, выслушавъ загадочный отвѣтъ великаго князя, отпросились въ Новгородъ для доклада вѣчу; 4-го декабря они возвратились съ тѣми же предложеніями, получили тотъ же отвѣтъ и снова отпросились въ Новгородъ. На этотъ разъ они оставались тамъ не долго, они возвратились на слѣдующій же день и повинились въ томъ, что посылали Назара и Захара, а послѣ стали отъ этого посольства отказываться.

Этимъ сознаніемъ великій князь былъ удовольствованъ и объявилъ, наконецъ, свою волю, но въ видѣ отвѣта на вопросъ новогородцевъ:

«А въспрашиваете, какову нашему государьству быти на нашей отчинѣ, на Новгородѣ, ино мы великіе князи

хотимъ государьства своего, какъ есмы на Москвѣ, такъ хотимъ быти на отчинѣ своей, Великомъ Новѣгородѣ».

Загадка, наконецъ, разъяснена. Но это все еще не приказъ, а только желаніе. Великій князь хочетъ, что бы новогородцы, назвавъ его государемъ, сами просили его государствовать по-московски. По этому, когда послы стали проситься снова въ городъ «о томъ помыслити», великій князь охотно на это соизволилъ и назначилъ имъ трехъ дневный срокъ.

Возвратившись, послы просили о дозволеніи вступить въ переговоры съ боярами. Иванъ Васильевичъ соизволилъ и на это. Послы били челомъ: 1) чтобы намѣстникъ государя судилъ съ посадникомъ; 2) что бы государь бралъ дань по полугривнѣ съ сохи разъ въ годъ; 3) что бы въ новогородскихъ пригородахъ сидѣли намѣстники государя, но что бы судъ былъ по старинѣ (т. е. по новогородскимъ обычаямъ и законамъ); 4) что бы государь въ новогородскія вотчины и земли не вступался; 5) что бы новогородцевъ не вызывали (позвы и выводъ) на судъ въ Москву; 6) что бы новогородцевъ не вызывали на службу изъ предѣловъ Новогородской волости.

Эти предложенія не соотвѣтствовали московскимъ порядкамъ, тѣмъ не менѣе, бояре доложили о нихъ государю. Онъ остался недоволенъ и далъ такой отвѣтъ:

«Били есте челомъ мнѣ, великому князю, зовучи насъ себѣ государи, да что бы есмы пожаловали указали своей отчинѣ, какову нашему государьству быти въ нашей отчинѣ: и язъ, князь великій, то вамъ сказалъ, что хотимъ государьства на своей отчинѣ, Великомъ Новѣгородѣ, такова, какъ наше государьство въ Низовской земли, на Москвѣ. И вы нынѣче сами указываете мнѣ, а чините урокъ нашему государьству быти; ино то которое мое государьство?»

На это послы отвѣчали, что они урока великому князю не чинятъ, но просятъ пожаловать ихъ, сказать имъ, какъ будетъ великій князь государствовать въ Новѣгородѣ, такъ какъ они обычаевъ Низовской земли не знаютъ.

Этимъ объясненіемъ государь остался доволенъ и отвѣчалъ:

«Наше государьство великихъ князей таково: вѣчному колоколу въ отчинѣ нашей, въ Новѣгородѣ, не быти, а государьство свое намъ дръжати, ино на чемъ великимъ княземъ быти въ своей отчинѣ, волостемъ быти, селомъ быти, какъ у насъ въ Низовской землѣ, а которыя земли наши великихъ князей за вами, а то бы было наше. А что есте били челомъ мнѣ, великому князю, что бы вывода изъ Новогородской земли не было, да у бояръ у новогородскихъ въ отчины, въ ихъ земли, намъ, великимъ князямъ, не вступатися, и мы тѣмъ свою отчину жалуемъ, вывода бы не паслися, а въ вотчины ихъ не вступаемся. А суду быти въ нашей отчинѣ, въ Новѣгородѣ, по старинѣ, какъ въ земли судъ стоитъ».

Итакъ, великій князь принялъ три предложенія новогородскихъ уполномоченныхъ, изъ коихъ два вовсе не соотвѣтствуютъ московскимъ порядкамъ. Это, конечно, должно было ободряющимъ образомъ подѣйствовать на новогородскихъ пословъ. Черезъ недѣлю (14 декабря) по выслушаніи воли великаго князя, они снова обратились съ челобитьемъ о совѣщаніи съ боярами. И это совѣщаніе было разрѣшено. На немъ послы объявили, что вѣчевой колоколъ и посадника они отложили. Но этимъ дѣло не кончилось; послы возобновили свое прежнее челобитье, что бы государь пожаловалъ, московскіе позвы отложилъ, да службы не наряжалъ въ Низовскую землю.

Великій князь всѣмъ этимъ ихъ пожаловалъ.

По установленіи этихъ главнѣйшихъ пунктовъ соглашенія послы были приняты великимъ княземъ; на этой аудіенціи Иванъ Васильевичъ подтвердилъ имъ лично свое жалованье. Послѣ пріема, бояре напомнили посламъ, что бы Великій Новгородъ далъ великому князю волости и села. Послы отвѣчали: «скажемъ то Новгороду». И вотъ опять начались переговоры. По первомъ совѣщаніи съ Новгородомъ, послы предложили двѣ волости: Луки Великія да Ржеву Пустую. Князь великій не взялъ. Новогородцы пред-

ложили 10 волостей. Князь великій и 10 волостей не взялъ. Тогда новогородцы стали бить челомъ, что бы государь сказалъ, сколько же ему нужно волостей. Государь объявилъ чрезъ бояръ, что онъ хотѣлъ бы взять: половину всѣхъ владычныхъ и монастырскихъ да всѣ новоторжскія, чьи бы они ни были. Новогородцы, узнавъ волю государя, отступились всѣхъ новоторжскихъ волостей и половины владычныхъ; что же касается монастырскихъ, то они били челомъ, что бы государь взялъ половину волостей только у шести монастырей, болѣе богатыхъ, а у остальныхъ, по бѣдности ихъ, ничего бы не бралъ. На это государь соизволилъ; а владыку пожаловалъ, взялъ у него только 10 волостей.

По улаженіи этого вопроса, возникъ вопросъ о дани. Великій князь не хотѣлъ довольствоваться полъ гривной съ сохи, что ему предложили новогородцы, и требовалъ ровно втрое, по полторы гривны съ сохи. Новогородцы продолжали быть челомъ о полугривнѣ. Великій князь согласился и на это. Но и это еще не все. Новогородцы просили, что бы великій князь не посылалъ къ нимъ своихъ писцовъ и даньщиковъ, а положился бы на новогородскую душу; сколько скажутъ сохъ, столько бы и принималъ полугривенъ. Великій князь и этимъ пожаловалъ свою отчину, предоставивъ ей имѣть своихъ сборщиковъ.

Такъ по обоюдному согласію были установлены условія новаго соглашенія между великимъ княземъ и Новгородомъ. Новгородъ отложилъ вѣче и посадника, но не отказался отъ всей своей старины. Главнѣйшимъ условіемъ въ этомъ отношеніи является судъ по старинѣ, т. е., по новогородскимъ обычаямъ и законамъ. Великій князь назначаетъ судей, но они примѣняютъ новогородское право, а не московское. Далѣе, великій князь не вызываетъ новогородцевъ въ Москву, не наряжаетъ ихъ на службу внѣ новогородской волости, не вступается въ ихъ земли и воды и, наконецъ, не можетъ увеличивать поземельной дани выше установленной соглашеніемъ нормы. Великій князь согласился на зна-

чительныя ограниченія своей власти. Договоръ съ государемъ и съ московской точки зрѣнія не представлялся, слѣдовательно, дѣломъ невозможнымъ.

Это соглашеніе новогородцы хотѣли обставить и формами старыми. Они били челомъ, что бы государь далъ крѣпость своей отчинѣ и крестъ бы цѣловалъ. Великій князь отказалъ въ этомъ. Они просили, что бы бояре его цѣловали къ нимъ крестъ. И на это великій князь не согласился. Наконецъ, новогородцы стали просить, что бы государь приказалъ намѣстнику, котораго назначитъ въ Новгородъ, цѣловать къ нимъ крестъ. Иванъ Васильевичъ и въ этомъ отказалъ.

Здѣсь обнаружилась глубокая разница новаго соглашенія со старыми. Новогородскіе послы, которые знали и хотѣли только старины, въ отказѣ великаго князя усмотрѣли такое существенное отступленіе отъ этой старины, что не рѣшались покончить дѣло безъ доклада Новгороду, и стали просить объ опасной грамотѣ для проѣзда въ городъ. Государь и въ этомъ отказалъ. Посламъ пришлось уступить. Но они сдѣлали это не безъ попытки облечь новое соглашеніе въ нѣкоторую торжественную форму, представляющую болѣе гарантій, чѣмъ переговоры, которые они вели до сего времени съ боярами великаго князя. Они стали просить, что бы государь самъ лично сказалъ имъ свое жалованье. На это государь согласился и допустилъ ихъ къ аудіенціи, о которой было сказано выше.

Новгородъ же долженъ былъ по старинѣ цѣловать великому князю крестъ на грамотѣ, въ которую были внесены всѣ вышеозначенныя условія. Списокъ такой грамоты былъ явленъ Великому Новгороду и онъ согласился «на всемъ на томъ» къ государямъ своимъ цѣловать крестъ. Для большей крѣпости великій князь приказалъ грамоты подписать и приложить печать свою владыкѣ новогородскому, который былъ въ числѣ уполномоченныхъ отъ Новгорода и участвовалъ во всѣхъ переговорахъ, да по печати отъ всѣхъ пяти концовъ.

Въ заключеніе обратимъ вниманіе на первоначальный поводъ ко всей этой исторіи. Дѣло объ отмѣнѣ вѣча, по разсказу лѣтописца, возбуждено самими новгородцами. Они послали пословъ, которые назвали Иванъ Васильевича государемъ, а потомъ отказались и даже обвинили великаго князя во лжи. Отсюда походъ для наказанія, и въ результатѣ—Иванъ Васильевичъ становится государемъ Новагорода по желанію самихъ новогородцевъ.

Что новогородцы вовсе не желали, чтобы великій князь сдѣлался у нихъ государемъ въ томъ смыслѣ, какъ онъ государствовалъ въ Москвѣ, это совершенно ясно изъ приведенныхъ переговоровъ. Даже самъ Иванъ Васильевичъ не настаивалъ на отмѣнѣ всѣхъ особенностей новогородскаго быта. Отсюда слѣдуетъ, что Новгородъ не посылалъ пословъ съ просьбой объ отмѣнѣ своей старины. Важности такой просьбы не соотвѣтствуетъ ни число, ни званіе пословъ. Ихъ всего двое, и эти двое люди мелкіе, одинъ подвойскій, другой дьякъ. Въ Москвѣ, конечно, никто не былъ введенъ въ заблужденіе и никто не вѣрилъ, что Новгородъ проситъ объ отмѣнѣ своей старины. Но Москвѣ нуженъ былъ предлогъ, чтобы возбудить дѣло объ измѣненіи неудобной теперь новогородской пошлины. Назаръ и Захаръ дали этотъ предлогъ, хотя, по краткости лѣтописнаго извѣстія, намъ и не совсѣмъ ясно, что такое они сказали Ивану Васильевичу. Изъ словъ лѣтописи видно только то, что они назвали его новымъ титуломъ. Титулъ не заключаетъ еще въ себѣ опредѣленія власти. А потому, если новогородцы и дѣйствительно хотѣли съ этого времени именовать Ивана Васильевича государемъ, то отсюда вовсе еще не слѣдуетъ, что замѣнивъ старый титулъ новымъ, они отказывались отъ всей своей старины. Вся эта исторія даетъ великолѣпный образчикъ изворотливой политики Ивана Васильевича. Онъ достигъ того, чего хотѣлъ; но по видимости не онъ этого хотѣлъ, а новогородцы.

Развитіе княжеской власти въ Москвѣ въ концѣ XV вѣка шло чрезвычайно быстро. Въ 1478 году Иванъ Васильевичъ

не рѣшается самъ взять у новогородцевъ столько волостей и селъ, сколько ему нужно; мало этого, онъ не рѣшается отобрать у нихъ своею властью Ярославовъ дворъ, а приказываетъ боярамъ своимъ говорити владыкѣ, и посадникамъ, и житьимъ, и чернымъ о Ярославлѣ дворѣ, чтобы тотъ дворъ ему очистили. Владыка же, бояре и житьи, отвѣчаютъ, что объ этомъ надо говорить съ новогородцами. И великій князь ждетъ. Но не прошло и пяти лѣтъ съ этого времени, какъ великій князь сталъ распоряжаться въ Новгородѣ совершенно самовластно, не стѣсняясь условіями соглашенія 1478 года. Въ 1484 году онъ приказываетъ схватить въ Новгородѣ большихъ бояръ, села ихъ и движимости отписать на себя, а ихъ самихъ перевести въ Московскій уѣздъ, гдѣ дать помѣстья.

Разселеніе, какъ самое дѣйствительное средство для искорененія старыхъ вѣчевыхъ порядковъ, Иванъ Васильевичъ примѣняетъ и къ Вяткѣ. Въ 1489 году онъ послалъ воеводъ своихъ наказать вятчанъ «за ихъ неисправленіе». Лучшіе люди вышли на встрѣчу съ покорностью. Они говорили воеводамъ великаго князя:

«А мы великому князю челомъ бьемъ, покоряемся на всей его волѣ, дань даемъ и службу служимъ».

Воеводы потребовали выдачи измѣнниковъ: Ивана Аникіева, Пахомья Лазарева и Палку Богодайщикова. Вятчане просили срока на одинъ день, послы ихъ говорили:

«Дайте намъ, господа, сроку до завтра, мы это ваше слово скажемъ всей землѣ Вятской».

Воеводы согласились.

Вяткѣ были поставлены болѣе тяжелыя условія, чѣмъ Новгороду. Правительство не довольствовалось покорностью вятчанъ, оно требовало выдачи виновныхъ. На это вятчане не согласились. Вятка была взята, лучшіе люди выведены и испомѣщены по московскимъ городамъ (Соловьевъ V, 46).

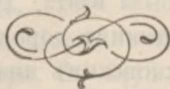
Псковъ оказалъ московскимъ князьямъ еще менѣе со-

противленія, чѣмъ Новгородъ. Несмотря на то, что великій князь, Василій Ивановичъ, приказалъ схватить и заключить въ тюрьму псковскихъ посадниковъ, бояръ и «жалобныхъ людей» (челобитчиковъ), пріѣхавшихъ къ нему по своимъ дѣламъ изъ Пскова въ Новгородъ, псковичи не затворились отъ великаго князя и приняли его посла. Посолъ этотъ объявилъ имъ волю государя, «чтобы у нихъ вѣчья не было бы да и колоколъ бы вѣчной сняли», если хотятъ пожить въ старинѣ. Воля эта была объявлена на вѣчѣ. Псковичи просили только дать имъ подумать до другого дня. На другой день они безпрекословно согласились на требованіе великаго князя.

Здѣсь не было никакихъ переговоровъ, и никакихъ условій псковичи не предлагали. Но, конечно, потому, что лучшіе люди ихъ поѣхали къ великому князю въ Новгородъ и тамъ, предусмотрительно, были посажены за пристава.

Обѣщаніе сохранить старину нѣсколько напоминаетъ порядокъ отмѣны вѣча въ Новгородѣ; но во Псковѣ старина эта не была опредѣлена, и псковичи цѣловали великому князю крестъ безусловно, а не по грамотѣ. Послѣ цѣлованія великій князь обѣщалъ дать «жалованную грамоту», какъ имъ впередъ жить. Но была ли дана такая грамота, этого мы не знаемъ. Если Иванъ Васильевичъ съ 1484 года сталъ нарушать льготы, данныя новогородцамъ въ 1478 году, то трудно думать, чтобы сынъ его имѣлъ дѣйствительное намѣреніе сохранить псковскую старину. Въ самый годъ, когда было дано обѣщаніе сохранить эту старину, Василій Ивановичъ приказалъ взять за пристава посадниковъ и лучшихъ бояръ и купцовъ псковскихъ, всего 300 семей, и перевезти ихъ въ Москву (Псков. I, 1510).

Несмотря на полную побѣду Москвы, отголоски вѣчеваго быта явственно слышатся и въ смутную эпоху начала XVI вѣка.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Вѣчевое устройство.

Человѣкъ предшествуетъ государству. Онъ существовалъ за долго до его появленія, какъ членъ семьи, рода, племени. Никто не наблюдалъ первоначальнаго возникновенія государствъ. Но они, конечно, возникли не во всеоружіи, не съ тѣмъ опредѣленнымъ сознаніемъ своихъ особыхъ цѣлей, потребностей и средствъ существованія, какимъ обладаютъ въ эпоху своей зрѣлости. Первоначально, надо думать, это новое и, сравнительно съ болѣе древними союзами, въ которыхъ жилъ человѣкъ, болѣе искусственное цѣлое не сознавало себя, какъ нѣчто особое отъ составныхъ своихъ элементовъ; составные же его элементы не противопоставляли своимъ личнымъ цѣлямъ и интересамъ—цѣли и интересы государства, а наоборотъ, въ цѣляхъ государства видѣли только свои личные. Вотъ этому то моменту въ исторіи развитія человѣческихъ обществъ и принадлежитъ возникновеніе вѣчевой формы быта. Государство находится въ періодѣ зарожденія, оно не настолько еще окрѣпло, что бы идея государства могла обособиться отъ составляющихъ его элементовъ и мыслиться отдѣльно отъ нихъ. Составные элементы этого новаго цѣлаго принимаютъ участіе въ его дѣлахъ потому, что считаютъ ихъ своими. Общее не успѣло еще обособиться отъ частнаго и является только суммою этихъ частныхъ; оно не успѣло еще выработать и своихъ особыхъ органовъ. Такова почва, на которой воз-

никло вѣче. А такъ какъ моментъ безразличія частнаго и общаго должны были пережить всѣ государства, то форма вѣчеваго быта должна быть наблюдаема у всѣхъ народовъ. Сравнительная исторія права даетъ достаточно фактовъ, подтверждающихъ нашу мысль. Но въ настоящемъ сочиненіи мы имѣемъ дѣло не съ сравнительнымъ правовѣдѣніемъ, а съ изученіемъ нашихъ отечественныхъ древностей, которое должно дать богатый матеріалъ для сравнительнаго знанія и составляетъ единственно твердое научное его основаніе.

Указанными свойствами вѣчеваго быта объясняются и всѣ подробности вѣчевой организаціи.

I. Составъ.

Участіе въ вѣчевыхъ собраніяхъ понималось въ древности, какъ право, принадлежащее свободному человѣку.

Принимающіе участіе на вѣчѣ, обыкновенно, обозначаются въ источникахъ самыми общими терминами, обнимающими все свободное населеніе: это людіе безъ всякихъ ограниченій *). На тѣхъ же людей въ широкомъ смыслѣ указываетъ обозначеніе участниковъ по имени города: новогородцы, владимірцы, рязанцы, кіяне и пр., что значитъ тоже, что «люди въ Кіевѣ,» «люди ростовскіе» и пр. Иногда названію по городу предшествуетъ опредѣленіе количества словомъ «всѣ», напримѣръ, «всѣ переяславцы,» «вся Галицкая земля» и пр.

Кромѣ этихъ общихъ терминовъ, указывающихъ на право участія всѣхъ свободныхъ, мы встрѣчаемъ въ лѣтописяхъ и указанія на участіе отдѣльныхъ слоевъ населенія, начиная съ высшихъ и до послѣднихъ. Въ Кіевѣ участвуютъ князья и митрополитъ; въ Новгородѣ не только лучшіе люди (бояре, купцы), но и меньшіе, черные, смерды, даже

---

*) Для Кіева Лавр. 968, 1067; Ипат. 1154; для Владиміра на Клязьмѣ Воскр. 1216; для Ростовской вол. встрѣчаемъ «людей земли нашей», какъ выражается Всеволодъ Юрьевичъ, Ипат. 1183; въ Галичѣ южномъ упоминается «вся Галицкая земля» Ипат. 1187; въ Суздалѣ «всѣ люди» Сузд. 1164: для Новгорода Новгор. I 1259, 1273.

худые мужики; тоже и въ Торжкѣ *). Во Владимірѣ сѣверномъ на вѣчѣ 1177 года, кромѣ бояръ, упоминаются еще купцы; но въ томъ же разсказѣ эти два термина оказались тѣсными, а потому, въ дальнѣйшемъ изложеніи, вмѣсто купцовъ поставлено «и всѣ люди» **).

Подъ свободными людьми, имѣющими право участія въ народныхъ думахъ, надо разумѣть, однако, не все населеніе поголовно, а свободныхъ людей, которые не состоятъ подъ отеческою властью и не находятся въ иной какой либо частной зависимости.

Что касается перваго ограниченія, то оно выражено въ памятникахъ. Въ 1147 году кіевляне на приглашеніе своего князя Изяслава Мстиславича идти къ Суздалю на Юрія и Святослава Ольговича отвѣчаютъ отказомъ:

«Княже! ты ся на насъ не гнѣвай не можемъ на володимире племя руки възняти; олня же Олговичь хотя и съ дѣтми». Ипат.

Тоже говорятъ и дрючане князю Всеволоду Борисовичу:

«Аче ны ся и съ дѣтьми бити за тя, а ради, ся бьемъ за тя». Ипат.

Отцы, слѣдовательно, рѣшаютъ за дѣтей, которыя тѣмъ самымъ устраняются отъ участія въ народныхъ собраніяхъ. Ограниченіе это условливается семейнымъ правомъ. Участіе въ вѣчевомъ собраніи предполагаетъ возможность говорить и дѣйствовать по личному усмотрѣнію; дѣти состоятъ подъ отеческою властью и воли своей не имѣютъ, а потому для нихъ и не возможна самостоятельная дѣятельность на вѣчѣ.

Но распространяется ли это ограниченіе на выдѣленныхъ дѣтей, или инымъ способомъ вышедшихъ изъ подъ отеческой власти и живущихъ самостоятельно?—думаемъ, что нѣтъ.

Что касается людей, находящихся въ частной зависи-

---

*) Ипат. 1146, 1147; Новгор. 1259, 1340; Воскр. 1471.

**) Лавр. Для Галича, Суздаля и Смоленска см. Ипат. 1189, 1235; Сузд. 1176; Воскр. 1401.

мости по найму (закупы), то наши источники не даютъ по отношенію къ нимъ прямыхъ указаній. Заключенія надо выводить изъ общаго положенія закуповъ. Древній обычай стремился къ ограниченію правъ закуповъ (на это указано въ I т. Рус. Юр. Древ.), а потому трудно допустить участіе ихъ на вѣчевыхъ собраніяхъ.

Каждый, имѣющій право, участвуетъ непосредственно, а не чрезъ представителя. На начало представительства наши памятники не содержатъ никакихъ указаній. Всѣ же вышеприведенныя мѣста объ участіи «всѣхъ кіянъ» и пр. свидѣтельствуютъ о личномъ участіи.

Въ составъ волости входятъ не только города, но и пригороды, а потому возникаетъ вопросъ, кто же имѣетъ право участвовать въ вѣчевой жизни волости, жители главныхъ городовъ только, или и жители пригородовъ? И тѣ и другіе. Кіевскій князь Изяславъ былъ призванъ не одними кіевлянами но и жителями пригородовъ, Бѣлграда и Василя (см. выше стр. 17). Въ призваніи Андрея и Ростиславичей съ главными городами участвуютъ такъ же и пригороды. Тоже наблюдаемъ въ Полоцкой волости (стр. 10), Новгородской и Псковской. Подъ 1132 годомъ, лѣтописецъ, описавъ отъѣздъ Всеволода Мстиславича изъ Новгорода на столъ въ Переяславль южный и возвращеніе его въ Новгородъ, послѣ изгнанія изъ Переяславля дядею Юріемъ, продолжаетъ:

«И бысть въстань велика въ людѣхъ. И придоша пльсковици и ладожане Новугороду и выгониша князя Всѣволода изъ города. И пакы съдумавъше въспятиша и̂; а Мирославу даше посадьницяти въ Пльскове, а Рагуилови въ городѣ.» Новогор. I.

Непостоянство князя возбудило противъ него неудовольствіе не въ однихъ новогородцахъ, но и въ псковичахъ и ладожанахъ. Они пріѣхали въ Новгородъ, подкрѣпили партію, которая была противъ Всеволода, и прогнали его. А потомъ передумали и вернули князя, конечно, вмѣстѣ

съ новогородцами, которые были того же мнѣнія. Пригороды участвовали и въ избраніи посадниковъ.

Въ 1136 году Новогородцы, желая подвергнуть новому обсужденію управленіе князя Всеволода, сами призываютъ для этой цѣли въ Новгородъ псковичей и ладожанъ.

И такъ, волость, съ точки зрѣнія вѣчевой жизни, составляетъ одно цѣлое. На вѣчевыхъ собраніяхъ имѣетъ право участвовать все свободное населеніе волости. Поэтому-то лѣтописецъ и говоритъ: «и вся власти на вѣче, какъ на думу сходятся».

Подробному разсмотрѣнію вопроса объ участіи пригородовъ въ вѣчевой жизни волости мы посвятимъ слѣдующую главу.

II. Время собраній и порядокъ созыва.

Мы не находимъ никакихъ указаній на періодичность вѣчевыхъ собраній *). Они составлялись по мѣрѣ потреб-

*) Профессоръ Владимірскій-Будановъ высказываетъ предположеніе о періодичности вѣчевыхъ собраній. „Лишь предположительно, говоритъ онъ, можно сказать, что были періодическія собранія во время братчинъ, во дни церковныхъ мѣстныхъ торжествъ“ (Обзоръ I. 32). Въ подтвержденіе своей мысли авторъ ссылается на приведенное нами выше (стр. 10) мѣсто Ипатьевской лѣтописи о событіяхъ 1159 года въ Друцкѣ и Полоцкѣ. Изъ этого мѣста авторъ выводитъ, что братчина, на которую полочане звали Рогволода, оказалась вѣчемъ. Это не совсѣмъ такъ. Въ данномъ случаѣ братчина и вѣче—два разныхъ собранія, слѣдовавшихъ одно за другимъ. Князь былъ на братчинѣ въ Петровъ день, да тамъ его не посмѣли взять; поэтому ему сдѣлали на другой день новое приглашеніе, но уже не на братчину, а просто въ городъ. Въ то же время князь узналъ, что въ городѣ собралось враждебное ему вѣче и не поѣхалъ. И такъ братчина едва ли могла оказаться вѣчемъ. Но не была ли братчина, собиравшаяся въ Петровъ день, и на которой князь присутствовалъ, вѣчемъ? Нѣтъ основанія думать это. Мы не можемъ присоединиться и къ самой мысли о періодичности вѣчевыхъ собраній по той причинѣ, что для періодическихъ собраній не было повода, такъ какъ вѣче не занималось ни какими текущими вопросами законодательства, суда и управленія.

ности и всякій разъ по особому приглашенію. При отсутствіи необходимаго повода, вѣче могло не собираться не только въ теченіе мѣсяца, но даже цѣлаго года; и на оборотъ, въ одну недѣлю могло быть нѣсколько вѣчевыхъ собраній. Въ 1384 году въ Новгородѣ, по дѣлу князя Патрикѣя, вѣче созывалось ежедневно въ теченіе двухъ недѣль (Новгор. IV).

Порядокъ созванія вѣча опредѣляется сущностью этого учрежденія. Это форма участія народа въ общественныхъ дѣлахъ въ силу присущаго народу права, а потому вѣче можетъ быть созвано, какъ самимъ народомъ, такъ и княземъ, или инымъ какимъ либо органомъ власти. Мы имѣемъ не мало извѣстій о созваніи вѣча народомъ, не смотря на присутствіе въ городѣ князя, или его посадника. Подъ народомъ не должно разумѣть ни всего народа, ни значительной его части; для созванія вѣча довольно было ясно выраженной воли и весьма небольшаго числа людей. Новогородская исторія представляетъ примѣры, когда вѣче собиралось по требованію, заявленному только двумя заинтересованными въ дѣлѣ лицами *).

Народъ сходится потому, что имѣетъ п р а в о, но онъ не обязанъ сходиться, а потому, чтобы вѣче состоялось, мало одного призыва, а надо еще, чтобы народъ ж е л а л ъ совѣщаться о томъ или другомъ предметѣ. Безъ желанія народа вѣче не состоится, хотя бы призывъ исходилъ и отъ самого князя. Во время похода Мстислава Мстиславича съ новогородцами къ Кіеву на Всеволода Чермнаго, новогородцы, дойдя до Смоленска, поссорились со смольнянами и не захотѣли идти далѣе.

«Князь же Мьстиславъ, разсказываетъ лѣтописецъ, въ вѣче поча звати, о н и ж е н е п о и д о ш а; князь же чѣловавъ всѣхъ, поклонивъся, пойдѣ. Новогородьци же створивъше вѣче о с о б е, почаша гадати». Новог. I. 1214.

*) Новгр. I. 1342. Примѣры созванія народомъ и княземъ можно найдти въ мѣстахъ лѣтописи, приведенныхъ въ первой главѣ.

Новогородцы не пошли на княжеское вѣче, но устроили свое, безъ князя.

Изъ того начала, что народъ собирается только въ томъ случаѣ, если захочетъ, а не по обязанности, надо вывести и дальнѣйшія послѣдствія. Часть народа можетъ желать пойдти на вѣче, созванное княземъ или кѣмъ инымъ, а другая часть можетъ пожелать устроить свое особое. Такимъ образомъ, одновременно могутъ состояться два вѣча. Кто не желаетъ участвовать ни въ томъ, ни въ другомъ, остается дома. Изъ послѣдующаго увидимъ, что это такъ и бывало въ дѣйствительности.

Вѣче созывалось двумя способами: колокольнымъ звономъ и посредствомъ приглашенія чрезъ особыхъ разсыльныхъ. Колоколъ былъ обыкновеннымъ способомъ созыва въ Новгородѣ и Псковѣ. Къ нему обращались и князья:

«На утрій же день, говоритъ лѣтописецъ, пославъ Изяславъ на Ярославовъ дворъ, и повелѣ звонити вѣче, и тако новьгородци и плесковичи снидошася на вѣче». Ипат. 1148.

Въ Новгородѣ и Псковѣ колоколъ сдѣлался символомъ вѣчевой жизни, а потому требованіе объ отмѣнѣ вѣча было выражено въ формѣ: «не быть вѣчному колоколу, снять вѣчный колоколъ». Надо полагать, что вслѣдствіе вѣковой практики установился обычай звонить въ одинъ опредѣленный колоколъ.

Для другихъ городовъ не встрѣчаемъ извѣстій о колокольномъ звонѣ. Только разъ созвонили вѣче въ Москвѣ, но во всѣ колокола. Это случилось въ 1382 году, въ нашествіе Тохтамыша. Великій князь, Дмитрій Ивановичъ, не нашелъ поддержки въ другихъ князьяхъ для встрѣчи татаръ на границѣ и вынужденъ былъ отступить къ Костромѣ. Въ Москвѣ, оставшейся безъ князя,

«Бысть замятня велика. Овіи, говоритъ лѣтописецъ, хотяху сѣсти въ градѣ и затворитися, а друзіи бѣжати помышляху, и бывши распрѣ межи ими велицѣ, овіи съ рухлядію вметающеся въ градъ, а друзіи изъ града бѣжаху

ограблени суще; и сътвориша вѣче, позвониша во всѣ колоколы». Воскр.

Можно думать, что это поздній отзвукъ первоначально общей практики.

Но и новогородцы не всегда созывались колоколомъ. Во время похода, ихъ, по всей вѣроятности, скликали биричи и подвойскіе, которые въ мирное время собирали народъ на княжескіе обѣды (Ипат. 1148).

О кіевскомъ вѣчѣ 1147 года говорится, что князь Владиміръ «вабитъ» на вѣче, т. е. приглашаетъ, зоветъ, можетъ быть, чрезъ посредство биричей.

Особенно важныхъ лицъ князья приглашали сами прибыть на вѣче. Такъ князь Владиміръ въ томъ же 1147 году, передъ вѣчемъ, поѣхалъ къ митрополиту, и лично звалъ его.

III. Мѣсто собраній.

Извѣстія, которыя мы имѣемъ о мѣстѣ собраній, весьма характерны для разсматриваемой формы быта.

Вѣчевыя думы, на которыя сходится «многое множество народа», собираются на свободныхъ мѣстахъ подъ открытымъ небомъ. Самое мѣсто всякій разъ опредѣляется созывающимъ. Въ 1147 году Игорь созываетъ кіевлянъ на вѣче подъ Угорское; сами же кіевляне въ томъ же году и по тому же предмету собираются у Туровой божницы. И это не смотря на то, что въ Кіевѣ у святой Софіи было мѣсто, болѣе приспособленное для вѣчевыхъ собраній. Тамъ, можно думать, были устроены скамьи, на которыхъ народъ могъ сидѣть; у Туровой же божницы сидѣній не было и народъ держалъ вѣче на коняхъ (Ипат. 1146, 1147). Кромѣ этихъ трехъ мѣстъ въ Кіевѣ упоминается еще Торговище (Лавр. 1067) и Ярославовъ дворъ (Ипат. 1146), какъ мѣста вѣчевыхъ собраній.

Въ Новгородѣ чаще всего собирались у святой Софіи и на Ярославовомъ дворѣ, но были и другія мѣста собраній: въ 1015 году Ярославъ созвалъ вѣче «на поли» (Воск.). Въ случаѣ же раздѣленія мнѣній единовременно составлялись два вѣча въ разныхъ мѣстахъ. По дѣлу князя Патрикѣя Славянскій конецъ созвонилъ вѣче на Ярославовомъ дворѣ, а три другихъ конца у святой Софіи (Новг. IV. 1384).

Въ разныхъ мѣстахъ собирались иногда и сторонники одного мнѣнія. Такъ случилось въ дѣлѣ посадника Твердислова. Противники его собрались одни у Святого Николы, другіе у Святыхъ 40 мучениковъ (Новг. I. 1218).

У Святыхъ мучениковъ собрался Неревскій конецъ, въ предѣлахъ котораго находилась эта церковь. Это наводитъ на мысль, что у концовъ были свои вѣчевыя собранія, по общимъ вопросамъ подготовительныя, а по своимъ мѣстнымъ окончательныя.

Вѣчевыя собранія внѣ города также не представляютъ рѣдкости. Они весьма обыкновенны во время походовъ и встрѣчаются у новгородцевъ, псковичей и смольнянъ; но бываютъ и по причинѣ слишкомъ большаго числа участниковъ, которое не можетъ удобно размѣститься на какой либо изъ городскихъ площадей. Этимъ надо объяснять, что ростовцы, суздальцы и переяславцы, съѣхавшись для выбора князя во Владиміръ, держатъ вѣче не въ городѣ, а у города.

Въ исключительныхъ случаяхъ вѣче собиралось въ закрытыхъ помѣщеніяхъ, но не въ особенно устроенныхъ залахъ, а по «дворамъ» частныхъ лицъ. Это дѣлалось тогда, когда требовалась тайна, когда, напримѣръ, народъ напередъ хотѣлъ выяснить, много ли будетъ сторонниковъ извѣстнаго предложенія. Такое вѣче было въ Новгородѣ въ 1169 году.

«Томъ же лѣтѣ, разсказываетъ лѣтописецъ, начаша новгородцы вѣче дѣяти, въ тайнѣ, по дворамъ, на князя своего, на Святослава на Ростиславича. И пріѣхавше на городище пріятели его, начаша повѣдати: «княже! дѣютъ людье вѣче ночь, а хотятъ тя яти. А промышляй о собѣ!»

Князь же испытавъ извѣстно о собѣ и о нихъ, яви дружинѣ своей. И рѣша ему дружина: «а то перво суть къ тобѣ крестъ цѣловати вси по отни смерти, но обаче невѣрни суть всегда ко всимъ княземъ; а промышляемы о собѣ, али начнуть о насъ людіе промышляти». Ипат. 1169; Новгор. I. 1167—9.

Ни князь, ни пріятели его, ни дружина не разсматриваютъ тайнаго вѣча, какъ не законнаго, какъ дѣлаютъ это нѣкоторые историки нашего времени. Князь озабоченъ только тѣмъ, что бы точно узнать, какъ относится къ нему народъ и много ли у него противниковъ. Судя по отвѣту дружины, положеніе его въ Новгородѣ было безнадежно. Онъ уѣхалъ въ Луки, откуда прислалъ сказать новогородцамъ: «не хочю у васъ княжити, не любо ми есть». Новогородцы снарядили войско прогнать Святослава изъ Лукъ, а къ себѣ на столъ пригласили Романа Мстиславича.

IV. Порядокъ совѣщаній.

По краткости лѣтописныхъ извѣстій мы знаемъ очень мало о ходѣ вѣчевыхъ совѣщаній. Можетъ показаться даже невѣроятнымъ, что извѣстія нашихъ памятниковъ о вѣчевой практикѣ Новгорода и Пскова скуднѣе, чѣмъ извѣстія о кіевской практикѣ. А между тѣмъ это такъ. Кіевскій лѣтописецъ оставилъ намъ довольно полную картину вѣча 1147 года (см. 19 стр.), сѣверные жъ не дали ничего подобнаго.

Судя по имѣющимся даннымъ, наша древность не выработала нормы наименьшаго числа членовъ, при наличности которыхъ вѣче считалось состоявшимся. Надо думать, что оно считалось состоявшимся при всякомъ наличномъ числѣ, достаточно многочисленномъ, чтобы настоять на осуществленіи своего рѣшенія.

Нѣтъ никакихъ указаній на существованіе особаго предсѣдателя вѣчевыхъ собраній. Какъ скоро народъ собирался

и занималъ мѣсто, первое слово говорилъ тотъ, кто собралъ вѣче. Такъ поступаетъ въ Кіевѣ князь Владиміръ, созвавшій вѣче (1147) по порученію брата, Изяслава. Онъ объясняетъ причины созванія.

За отсутствіемъ предсѣдателя, первая роль и, до нѣкоторой степени, руководство преніями принадлежало «лучшимъ людямъ», присутствовавшимъ на вѣчѣ, боярамъ и старцамъ. Такое преобладающее значеніе боярамъ и старцамъ придано лѣтописцемъ въ разсказѣ о совѣщаніи, которое имѣлъ Владиміръ Святой по поводу выбора вѣры. Ссылаясь на это мѣсто лѣтописи, мы вовсе не утверждаемъ, что выборъ вѣры происходилъ въ дѣйствительности такъ, какъ описанъ; мы думаемъ только, что лѣтописецъ, что бы онъ ни описывалъ, непремѣнно будетъ писать красками своего времени. На этомъ совѣщаніи присутствуютъ бояре, старцы и всѣ люди. Но на вопросъ Владиміра отвѣчаютъ одни бояре и старцы; остальные же люди выражаютъ только одобреніе отвѣту бояръ и старцевъ (Лавр. 987).

По выслушаніи привѣтствія отъ пословъ Изяслава, слѣдующій шагъ на кіевскомъ вѣчѣ 1147 года дѣлаютъ «кіяне». Они, а не предсѣдатель, обращаются къ посламъ съ вопросомъ, зачѣмъ князь прислалъ ихъ? Лѣтописецъ не опредѣляетъ ближе, кто эти «кіяне». Но, конечно, не всѣ же кіяне въ одинъ голосъ предложили вопросъ. Ихъ было такъ много на этомъ вѣчѣ, что, по всей вѣроятности, не всѣ и слышали хорошо, о чемъ шла рѣчь. Надо думать, что присутствующіе и размѣстились въ нѣкоторомъ порядкѣ. Въ серединѣ, ближе къ князю и митрополиту, находились лучшіе люди, бояре и старцы. Эти лучшіе люди, по всей вѣроятности, и предложили посламъ вопросъ.

Очень понятно, что боярамъ, людямъ состоятельнымъ, и умудреннымъ опытомъ старцамъ принадлежало на всякихъ сходкахъ первое мѣсто. Но это не значитъ, что они имѣли на вѣчѣ лучшее право, чѣмъ остальные люди. Право у всѣхъ было равное, и каждый говорилъ или молчалъ по своему усмотрѣнію. Преобладающая роль лучшихъ людей условли-

валась единственно тактомъ присутствующихъ Если присутствующіе имѣли интересъ заглушать чьи либо рѣчи, они легко могли достигнуть этого, подкупивъ крикуновъ изъ мелкихъ людей. Примѣръ такого безпорядочнаго вѣча даетъ Новгородъ въ 1471 году, когда партія Борецкихъ возбуждала вопросъ о переходѣ Новгорода отъ московскихъ государей къ литовскимъ.

«То же слышавше, говоритъ лѣтописецъ, новгородстіи людіе, бояре ихъ, и посадници, и тысячскіе, и житіи людіе, которіи не хотяще перваго своего обычаа и крестнаго цѣлованіа преступити, ради быша вси тому и правитися хотяще вси къ великому князю по старинѣ. А предиреченніи они, Исаковы дѣти, съ прочими съ ихъ поборники и съ наймиты своими, яко взбѣснѣша, или яко звѣри дикіи, безчеловѣченъ разумъ имуще, князя великого пословъ рѣчей, такоже и митрополита Филиппа, слышати не хотяху, но и еще наймоваху злыхъ тѣхъ смердовъ, убійцъ, шилниковъ и прочихъ безъ именитыхъ мужиковъ, иже скотомъ подобни суть, ничтоже разума имущихъ, но точію едино кричаніе, иже безсловеснаа животнаа не тако рычаху, якоже они новгоростіи людіе,. невѣгласи, государемъ зовяху себѣ Великій Новгородъ, и ти приходяху на вѣче, біаху въ колоколы, и кричаху, и лааху, яко пси, нелѣпаа глаголюще: «за короля хотимъ». Воскр.

Въ этомъ описаніи краски наложены весьма густо, но не это насъ интересуетъ, а то, что самые послѣдніе люди, безъименитые мужики не только могли говорить, что и когда хотѣли, но даже могли звонить въ колокола и такимъ образомъ увеличивать число собравшихся на вѣчѣ, ни у кого не испрашивая разрѣшенія.

Понятно, что при такихъ условіяхъ вѣчевыя думы должны были представлять иногда весьма шумныя и безпорядочныя сборища. И это не въ одномъ Новгородѣ. Въ описаніи владимірскаго вѣча 1097 года (стр. 3) также не видно предсѣдателя. Все дѣлаютъ «людье». Они непосредственно обращаются къ своему князю съ требованіемъ выдать виновниковъ ослѣпленія Василька; а когда князь началъ укло-

няться отъ исполненія этого требованія, они «кликнули» на него, т.-е. поднялся шумъ и гамъ.

Еще болѣе шумное собраніе имѣло мѣсто во Владимірѣ на Клязьмѣ въ 1177 году. Взявъ въ плѣнъ противниковъ своихъ, Ярополка Ростиславича и тестя его, Глѣба Рязанскаго, Всеволодъ держалъ ихъ, однако, на свободѣ. Это не понравилось владимірцамъ.

«И на третій день (по возвращеніи съ побѣды), разсказываетъ лѣтописецъ, бысть мятежь великъ въ градѣ Володимери: всташа бояре и купцы, рекуще: «княже! мы тобѣ добра хочемъ и за тя головы своѣ складываемъ, а ты держишь ворогы своѣ просты! А се ворози твои и наши, суждалци и ростовци, любо й казни, любо слѣпи, али дай намъ!» Лавр.

V. Порядокъ вѣчевыхъ рѣшеній.

Порядокъ вѣчевыхъ рѣшеній представляетъ чрезвычайно характерную особенность. Счета голосовъ у насъ вовсе не дѣлалось по той причинѣ, что большинство голосовъ (абсолютнсе и тѣмъ болѣе относительное) не считалось достаточнымъ для рѣшенія дѣла. У насъ требовалось или единогласное рѣшеніе, или такое большинство, которое ясно видно безъ всякаго счета голосовъ. Это должно быть подавляющее большинство, которое заставляло бы смолкать всѣхъ разномыслящихъ.

Такой порядокъ совершенно понятенъ. Рѣшеніе по большинству не заключаетъ въ себѣ никакой разумной идеи. Если сто человѣкъ думаютъ такъ, а пятьдесятъ иначе, то отсюда вовсе не слѣдуетъ, что сто думаютъ правильно, а пятьдесятъ ложно, и что пятьдесятъ должны подчиниться мнѣнію ста. Если теперь вездѣ принимается большинство, то какъ единственно возможный мирный выходъ изъ затрудненія, представляемаго раздѣленіемъ голосовъ, и только. Древній человѣкъ не былъ способенъ къ такому искусственному рѣшенію вопроса. Онъ предпочиталъ биться за свои

убѣжденія и силою принуждать противника принять мнѣніе, въ истинности котораго былъ увѣренъ.

А съ другой стороны, рѣшеніе по большинству предполагаетъ наличность самостоятельной исполнительной власти, достаточно сильной, чтобы привести въ дѣйствіе народное рѣшеніе, не смотря на противорѣчіе многочисленнаго большинства. Въ періодъ господства вѣчеваго быта исполнительная сила не успѣла еще обособиться отъ силы народа вообще; а потому значительное меньшинство народа всегда могло противопоставить большинству дѣятельное сопротивленіе. Такъ оно, въ дѣйствительности, и было.

Что голосовъ не собирали и не считали, а принимали за рѣшеніе подавляющую силу ихъ, это мы видимъ: во первыхъ, изъ обычныхъ для того времени выраженій, въ которыхъ говорится о состоявшихся народныхъ рѣшеніяхъ, и во-вторыхъ, изъ послѣдствій, которыя наступали въ случаѣ такого раздѣленія мнѣній, при которомъ не было ни на одной изъ сторонъ подавляющаго большинства.

Всѣ вѣчевыя рѣшенія имѣютъ въ своемъ основаніи соглашеніе всѣхъ. Въ договорныхъ грамотахъ Новгорода съ князьями употребительны двѣ формы, краткая:

«Благословеніе отъ владыцѣ, Моисѣя, поклонъ отъ посадника, Данила, отъ тысяцкого, Аврама, и отъ всего Новагорода къ господину великому князю, Олександру». 1327.

и пространная:

«Благословеніе отъ владыки, покланяние отъ посадника, Михаила, и отъ тысяцькаго, Кондрата, и отъ всѣго Новагорода, и отъ всѣхъ старѣйшихъ, и отъ всѣхъ меньшихъ къ князю Ярославу». 1265.

Въ пространной редакціи прямо упомянуто, что договоръ заключенъ отъ имени всѣхъ старшихъ и младшихъ людей. Тотъ же смыслъ, конечно, имѣетъ и краткая редакція.

Такую же форму рѣшеній отъ имени всѣхъ находимъ и въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ. Въ 1212 году, на вопросъ князя своего, Ярослава Всеволодовича,—переяславцы даютъ

всѣ одинъ отвѣтъ (стр. 26). Въ 1215 году, тотъ же князь, Ярославъ, послалъ изъ Торжка въ Новгородъ сто новогородцевъ, чтобы составить тамъ партію противъ князя Мстислава и выпроводить его изъ Новгорода:

«И не яшася по то, говоритъ лѣтописецъ о новогородцахъ, нъ вси быша единодушно и тѣ сто мужъ». Новог. I.

Во время борьбы Даніила Московскаго и Михаила Тверскаго съ Андреемъ Александровичемъ на сторонѣ первыхъ стоятъ переяславцы съ единого, т. е. всѣ, какъ одинъ человѣкъ (Воскр. 1296).

Въ 1372 году новогородцы, пріѣхавшіе въ Торжокъ для защиты этого города отъ Михаила Тверскаго, совокупились и соединились съ новоторжцами и укрѣпились крестнымъ цѣлованіемъ, еже быти и стати за единъ (Новог. I). Въ 1391 году новогородцы отвѣтили отказомъ на просьбу митрополита о судѣ. Лѣтописецъ передаетъ ихъ отвѣтъ въ такихъ выраженіяхъ:

«И ноугородци отвѣщаша единѣми усты: цѣловали есмя крестъ съ одного, а грамоты пописали и попечатали, и душу запечатили*).

Но поводовъ къ разногласію въ древнее время было не меньше, чѣмъ въ наше. А потому господствовавшій тогда порядокъ заключалъ въ себѣ возможность междоусобной брани. При нерѣшительномъ раздѣленіи голосовъ, стороны стояли другъ противъ друга безъ всякихъ средствъ къ мирному выходу изъ разногласія. Имъ ничего не оставалось, какъ обратиться къ суду Божію. Они это и дѣлали. Мы приведемъ нѣсколько примѣровъ борьбы разномыслящихъ вѣчевыхъ партій, которые представятъ съ тѣмъ вмѣстѣ и новое доказательство, какъ необходимости «одиночества», такъ и полнаго отсутствія мысли о лучшемъ правѣ большинства.

---

*) Соф. I. См. еще подобныя же крестныя цѣлованія: Новог. IV. 1397 и Новог. II. 1422.

Въ 1218 году посадникъ Твердиславъ возбудилъ противъ себя значительное число новогородцевъ. Противъ него были Славянскій, Плотницкій и значительная часть Неревскаго конца; за него Людинъ конецъ и Прусская улица Неревскаго конца. Противники Твердислава собрали два вѣча, одно у святаго Никиты, другое у Сорока Святыхъ. Гдѣ собирались сторонники посадника, лѣтопись не говоритъ. Она сообщаетъ только, что Твердиславъ съ Людинымъ концомъ и Прусской улицей пошелъ противъ своихъ противниковъ. Загородскій же конецъ, прибавляетъ лѣтописецъ, не присоединился ни къ тѣмъ, ни къ другимъ. Здѣсь мы имѣемъ передъ глазами богатый содержаніемъ случай вѣчевой практики. Три конца безъ одной улицы составляютъ два вѣча противъ посадника; одинъ конецъ плюсъ чужая улица составляютъ вѣче въ пользу посадника; наконецъ, еще одинъ конецъ совершенно остается въ сторонѣ и не участвуетъ ни на одномъ изъ трехъ единовременно дѣйствующихъ вѣчевыхъ собраній. Дѣло дошло до войны: на той и другой сторонѣ были убитые и много раненыхъ. Но битва не была рѣшительна. Вѣчевыя собранія продолжались цѣлую недѣлю, пока спорящие не пришли къ единенію:

«Но Богомъ, говоритъ лѣтописецъ, дияволъ попранъ бысть и святою Софиею, крестъ возвеличянъ бысть: и съидошася братья въ купѣ о д н о д у ш н о, и крестъ цѣловаша». Новог. I.

Посадникъ Твердиславъ удержалъ за собой свое мѣсто. Въ данномъ случаѣ перевѣсъ получило мнѣніе, которое первоначально поддерживалось однимъ концомъ противъ трехъ, т. е. мнѣніе меньшинства. Надо полагать, что меньшинство это проявило болѣе энергіи и настойчивости, чѣмъ большинсто, а потому и одержало побѣду.

Въ 1384 году орѣховцы и корельцы пріѣхали въ Новгородъ съ жалобой на своего посадника, князя Патрикѣя. Патрикѣй также пріѣхалъ въ Новгородъ и «посуломъ» склонилъ на свою сторону Славянскій конецъ. Весь осталь-

ной Новгородъ былъ противъ князя Патрикѣя. И этого громаднаго большинства было недостаточно, чтобы заставить Славянскій конецъ уступить. Онъ продолжалъ собираться на Ярославовомъ дворѣ и стоять на своемъ. Онъ даже обратился къ силѣ и сдѣлалъ нападеніе на дворъ тысяцкаго, который съ лѣвой стороны Волхова ходилъ на Софійское вѣче, гдѣ собирались противники Патрикѣя. Остальному Новгороду пришлось вооружиться, какъ на рать. Только тогда Славянскій конецъ уступилъ:

«И по усобной той рати, говоритъ лѣтописецъ, поидоша вся пять концовъ въ одиночество: отняша тыи городы у князя, а даша ему Русу да Ладогу и Наровьскій берегъ; и грамоту списаша съ княземъ, и запечаташа на вѣчи, на Ярославлѣ дворѣ». Новог. IV.

Такимъ образомъ, какъ необходимость соглашенія всѣхъ, такъ и возможность междоусобной брани, въ случаѣ раздѣленія, суть двѣ стороны одного и того же явленія. При господствѣ такихъ порядковъ, волость постоянно переходитъ изъ состоянія мира въ состояніе размирья и обратно. Приведемъ два примѣра.

Въ 1342 году, новогородецъ, Лука Варѳоломеевъ, отправился противъ воли Новгорода, воевать по Двинѣ. Этотъ своевольный походъ кончился для него неудачно, онъ былъ убитъ въ Заволочьи. Надо думать, что его поддерживали чорные люди, потому что, получивъ извѣстіе о смерти Луки, они возстали на посадника, обвиняя его въ подговорѣ къ убійству. Сынъ убитаго формально обратился къ Новгороду съ жалобою на посадника, утверждая, что онъ подослалъ убійцъ.

«И Онцифоръ (сынъ Луки), продолжаетъ лѣтописецъ, съ Матфѣемъ созвони вѣче у Святѣй Софіи, а Федоръ (посадникъ) и Ондрѣшко другое созвониша на Ярославлѣ дворѣ. И посла Онцифоръ съ Матфѣемъ владыку на вѣче, и не дождавше владыцѣ съ того вѣча, и удариша на Ярославль дворъ, и яша ту Матфѣя Козку и сына его, Игната, и всадиша въ церковъ, а Онцифоръ убѣжа съ своими по-

собники. Тоже бысть въ утрѣ, а по обѣдѣ доспѣша весь городъ: сиа страна собѣ, а сіа собѣ. И владыка Василій съ намѣстникомъ, Борисомъ, докончаша миръ межи ими. И възвеличанъ бысть крестъ, а діаволъ посрамленъ бысть». Новог. I.

Въ 1388 году возстали три конца Софійской стороны на посадника Есипа Захарьича, созвонили вѣче у св. Софіи, а съ вѣча пошли на его дворъ, какъ рать сильная въ оружіи, взяли домъ его и хоромы разнесли. Посадникъ бѣжалъ на Торговую сторону, которая вся стала за него:

«И тако, говоритъ лѣтописецъ, быша безъ мира по двѣ недѣли, и потомъ снидошася въ любовь и даша посадничство Василію Ивановичу». Новог. I.

Единеніе всѣхъ было обыкновенной формой вѣчеваго рѣшенія. Но необходимость такого единенія не шла у насъ до того, чтобы вѣче вовсе не сознавало за собой права постановить обязательное для всѣхъ рѣшеніе, едва былъ хотя одинъ несогласный. Подъ единеніемъ всѣхъ надо разумѣть не соглашеніе всѣхъ безъ исключеній, а соглашеніе такого подавляющаго большинства, которое заставляетъ молчать разномыслящихъ.

Въ 1016 году новогородцы, поддерживавшіе своего князя, Ярослава Владиміровича, въ войнѣ съ Святополкомъ, рѣшили во время похода напасть на войско противника, переправившись черезъ Днѣпръ. Вотъ въ какой формѣ доводятъ они до свѣдѣнія князя о своемъ рѣшеніи:

«Яко заутра перевеземъся на не. Аще кто не пойдеть съ нами, сами потнемъ». Лавр.

Подобное этому рѣшеніе находимъ и подъ 1148 годомъ. Новогородцы, призвавъ къ себѣ князя Изяслава для защиты отъ Юрія, рѣшаютъ объявить послѣднему войну. Они говорятъ Изяславу:

«Княже! ать же пойдемъ! И всяка душа, аче и дьякъ, а гуменцо ему прострижено, а не поставленъ будеть, и тъи пойдеть. А кто поставленъ, ать Бога молитъ». Ипат.

Кіевляне, рѣшившись въ 1151 году воевать съ тѣмъ же княземъ Юріемъ, въ такой формѣ извѣщаютъ объ этомъ дружественныхъ имъ князей, Вячеслава, Изяслава и Ростислава:

«Ать же пойдуть вси, како можеть и хлудъ въ руци взяти; пакы ли хто не пойдеть, намъ же й дай, ать мы сами побьемы». Ипат.

О вѣчевыхъ совѣщаніяхъ никакихъ протоколовъ не велось. Но когда дѣло того требовало, вѣчевое рѣшеніе заносилось на грамоту. Записывались, напримѣръ, условія, на основании которыхъ извѣстному князю предоставлялся извѣстный столъ. Мы не можемъ сказать, за неполнотой извѣстій, съ какого именно времени вошло въ обычай излагать на письмѣ договоры городовъ съ князьями. Древнѣйшій писаный договоръ, о которомъ упоминаютъ наши памятники, относится къ 1175 году. Въ этомъ году володимірцы (сѣверные) признали своимъ княземъ Ярополка Ростиславича и съ радостію посадили его на столѣ, «въ Святѣй Богородицѣ весь порядъ положьше». Сузд. Основанія соглашенія съ княземъ, принятыя городомъ, были записаны и положены для храненія въ соборную церковь Св. Богородицы. Нѣтъ, однако, основанія думать, что изложеніе на бумагѣ вѣчевыхъ рѣшеній сдѣлалось общей практикой въ XII вѣкѣ. Кіевскій лѣтописецъ разсказываетъ съ нѣкоторою подробностью о соглашеніи кіевлянъ съ княземъ Игоремъ (стр. 14), но не говоритъ, чтобы оно было записано. Онъ упоминаетъ только о скрѣпленіи его крестнымъ цѣлованіемъ.

Цѣликомъ дошедшія до насъ вѣчевыя грамоты всѣ принадлежатъ одному Новгороду; древнѣйшая изъ нихъ относится къ 1265 году. Но уже отъ самаго начала XIII вѣка имѣемъ извѣстіе, изъ котораго надо заключить, что не только въ это время, но и ранѣе договоры князей съ Новгородомъ сохранялись на письмѣ. Въ 1209 году новогородцы оказали помощь князю Всеволоду въ войнѣ его съ черниговцами. Отпуская ихъ домой, онъ одарилъ ихъ безъ числа и

«Вда имъ волю всю и уставы старыхъ князь, его же хотяху новогородьцы, и рече имъ: кто вы добръ, того любите, а злыхъ казните». Новог. I.

«Уставы старыхъ князь» это, конечно, договоры князей XII вѣка съ Новгородомъ. Всеволодъ въ 1209 году переписалъ ихъ на свое имя и далъ Новгороду.

Описанные порядки давали полную свободу образованію политическихъ партій и полный просторъ ихъ взаимной борьбѣ. Наши древнія политическія партіи группировались, обыкновенно, около князей и имѣли цѣлью доставить столъ тому изъ нихъ, на сторонѣ котораго онѣ стояли. Торжество князя вело и къ торжеству членовъ партіи, такъ какъ князь раздавалъ доходныя должности и прежде всего, конечно, одѣлялъ своихъ пріятелей. Именно этимъ словомъ обозначаются въ лѣтописяхъ лица дружественной князю партіи *). Лѣтописи постоянно даютъ примѣры раздѣленія городовъ на партіи. Но эти указанія слишкомъ кратки, чтобы можно было написать исторію древнихъ партій. Мы приведемъ два-три примѣра единственно съ цѣлью указать на существованіе партій и на то, что онѣ играли важную роль.

Въ 1136 году новогородцы въ соединеніи съ псковичами и ладожанами осудили и изгнали князя Всеволода Мстиславича. Но въ слѣдующемъ же году пріятелямъ его удалось доставить ему столъ во Псковѣ. Сторонники его въ Новгородѣ были слишкомъ слабы, чтобы доставить ему торжество и въ главномъ городѣ, а потому имъ пришлось также уйти во Псковъ. Это удаленіе вмѣстѣ съ княземъ и пріятелей его, потерпѣвшихъ пораженіе, довольно обыкновенное явленіе. При той безпощадности, съ которой велась въ древности борьба партій, удаленіе побѣжденныхъ представлялось

---

*) Всеволода Мстиславича зовутъ новгородскіе и псковскіе мужи, пріятели его, Новог. I, 1137; «князь Романъ, узнавъ объ отчей смерти, яви дружинѣ своей и пріятелямъ своимъ, новогородцамъ», Ипат. 1173; «бяху пріятели Ростиславу отъ полочанъ», Ипат. 1159; см. еще для Кіева Ипат. 1169, для Владиміра на Клязьмѣ Ипат. 1188.

единственнымъ средствомъ спасенія отъ преслѣдованій раздраженныхъ противниковъ.

Выше (стр. 10) мы разсказали исторію занятія Рогволодомъ Борисовичемъ Друцка, гдѣ сидѣлъ сынъ полоцкаго князя, Ростислава. Но Рогволодъ имѣлъ пріятелей и въ Полоцкѣ. Они дали знать о себѣ, какъ только онъ утвердился въ Друцкѣ. Ростиславу едва удалось остановить возбужденное ими движеніе, одаривъ ихъ многими дарами. Но и это не надолго. По замиреніи его съ Рогволодомъ, они снова подняли голову, склонили на свою сторону всѣхъ полочанъ и доставили, наконецъ, полоцкій столъ своему любимцу.

Въ Псковѣ мы встрѣчаемъ даже нѣмецкую партію, и это въ 1240 году, во время войны Пскова съ нѣмцами. Партія эта держитъ перевѣтъ къ нѣмцамъ и подводитъ ихъ къ Пскову. Псковичи были разбиты нѣмцами, а Твердила Иванковичъ, глава нѣмецкой партіи, «самъ нача владѣти Псковомъ съ нѣмцы, воюя села новогородскія». Побѣжденная русская партія должна была укрыться въ Новгородѣ съ женами и дѣтьми (Псков. I).

Въ Смоленскѣ была литовская партія. Въ 1401 году подступилъ къ этому городу, гдѣ сидѣлъ тогда намѣстникъ Витовта, князь Юрій Святославичъ. Въ городѣ произошло возмущеніе, говоритъ лѣсописецъ: «овіи хотяху Витофта, а друзіи отчича своего». Сторонники Юрія получили перевѣсъ, убили намѣстника Витовтова, князя Романа, перебили смоленскихъ бояръ, которые князя Юрія не хотѣли, и доставили Юрію обладаніе смоленскимъ столомъ (Воскр.). Но литовская партія продолжала существовать въ Смоленскѣ. Въ 1404 году, когда Юрій ѣздилъ въ Москву, она снова передала городъ Витовту *).

*) Новог. I. См. еще любопытныя мѣста для исторіи древнихъ партій: для Галича: Ипат. 1159, 1187, 1189, Густ. 1211, 1212; Ипат. 1235, 1241; для Берестья: Ипат. 1289; для Кіева и Вышгорода: Лавр. 1015, Ипат. 1146, 1169; для Чернигова: Ипат. 1160; для Переяславля южнаго: Ипат. 1148, 1149; для Новгорода: Новог. I 1136—1142, 1230, 1232, 1340; Воскр 1471, 1476; Псков. I 1478; для Торжка: Соф. I 1386; для Рязани: Сузд. 1209. См. И. Д Бѣляева, Разсказы кн. II.

VI. Исполненіе вѣчевыхъ рѣшеній.

Исполненіе вѣчевыхъ постановленій было дѣломъ того лица, на долю котораго оно выпадало по смыслу рѣшенія. Вѣче непосредственно являлось исполнительнымъ органомъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда оно оставляло за собой исполненіе рѣшенія; постановленія вѣча исполнялись княземъ, если онъ принималъ на себя соотвѣтствующія дѣйствія. Владимірское на Волыни вѣче 1097 (стр. 3) даетъ примѣръ того и другого. Владимірцы возлагаютъ на князя обязанность выдать виновниковъ ослѣпленія Василька; если же князь этого не сдѣлаетъ, они угрожаютъ ему отворить врата града и перейти на сторону его противниковъ. По смыслу этого рѣшенія, или князь долженъ выдать, или граждане—отворятъ ворота и впустятъ въ городъ противниковъ своего князя, Володаря и Василько. Новогородское вѣче 1016 (стр. 68), рѣшивъ дать на слѣдующее утро битву войскамъ Святополка, говоритъ, кто не пойдетъ, того мы сами «потнемъ». Наоборотъ, кіевское вѣче 1151 года (стр. 69), рѣшивъ войну съ Юріемъ, наблюденіе за выступленіемъ всѣхъ на войну предоставляетъ князю, а за собой удерживаетъ право суда надъ ослушниками.

Все это указываетъ на недостаточное еще развитіе органовъ управленія. За исключеніемъ князя, они еще не успѣли обособиться отъ народа: народъ самъ и ворота отворяетъ, и посылаетъ на войну, и наказываетъ ослушниковъ.

Очень понятно, что при впечатлительности народныхъ массъ и легкой возбудимости ихъ, исполненіе рѣшенія является нерѣдко актомъ страсти. Таково было убійство князя Игоря кіевлянами въ 1146 году (стр. 20); новогородская вѣчевая практика представляетъ множество примѣровъ такой же страстной расправы вѣчниковъ съ людьми, навлекшими на себя ихъ неудовольствіе.

VII. Предметы вѣдомства.

Такъ какъ народъ собирается на вѣче въ силу принадлежащаго ему права рѣшать общественныя дѣла, которыя еще не обособились отъ его частныхъ и которыя онъ разсматриваетъ, какъ непосредственно до него относящіяся, то понятно, что народъ можетъ привлечь къ своему разсмотрѣнію всевозможные вопросы общественной жизни. Говоря языкомъ нашего времени, вѣчу принадлежала власть законодательная, правительственная и судебная Но взаимное отношеніе этихъ различныхъ предметовъ вѣдомства вѣча въ древности было совсѣмъ иное, чѣмъ въ наше время. Законодательству вовсе не принадлежало первенствующаго значенія. Наши предки жили не по закону, а по обычаю, одинаково обязательному и для народа, и для князей. Все законодательство до-московскаго времени не наполнитъ и половины одного изъ тѣхъ ста томовъ полнаго собранія законовъ, въ которыхъ выразилась законодательная дѣятельность двухъ послѣднихъ вѣковъ нашей исторіи. Первую заботу древняго времени составляло не законодательство, а управленіе. Первый же вопросъ управленія — избраніе князя, съ котораго мы и начинаемъ обзоръ вѣчевой дѣятельности.

1. *Избраніе князя.*

Порядокъ замѣщенія столовъ въ до-московской Россіи составляетъ одинъ изъ наиболѣе трудныхъ и едвали не наиболѣе спорныхъ вопросовъ нашихъ юридическихъ древностей. Причина—въ неполнотѣ источниковъ. Лѣтописцы лишь случайно и какъ бы мимоходомъ касаются юридическихъ основъ распредѣленія столовъ. Подробному разсмотрѣнію этого вопроса мы посвятимъ одну изъ слѣдующихъ главъ. Теперь же остановимся на одномъ только основаніи размѣщенія князей по столамъ—на народной волѣ Относя избраніе князей къ предметамъ вѣдомства вѣчевыхъ собра-

нiй, мы не хотимъ сказать, что столы замѣщались только по избранiю. Въ нашей исторiи весьма нерѣдки случаи занятiя столовъ и противъ воли народа, въ силу военной удачи. Право избранiя уступало здѣсь болѣе сильному праву побѣдителя. Но побѣда превозмогающей силы не уничтожала народнаго обычая. Какъ только обстоятельства мѣнялись къ лучшему, онъ снова вступалъ въ дѣйствiе. Именно такой взглядъ на отношенiе народной воли къ праву сильнаго существовалъ въ древности. Избранный кiевлянами князь, Изяславъ, потерпѣвъ въ 1149 году пораженiе отъ дяди Юрiя, обратился къ избирателямъ своимъ съ вопросомъ: могутъ ли они поддержать его въ дальнѣйшей борьбѣ? Изнуренные войной, кiевляне посовѣтовали Изяславу уступить и уѣхать, но съ оговоркой: намъ, говорили они, съ Юрiемъ не ужиться, а потому, какъ только обстоятельства измѣнятся, мы снова будемъ на твоей сторонѣ (стр. 22).

Въ первой главѣ было приведено немало случаевъ какъ призванiя князей народомъ, такъ и изгнанiя ихъ. Мы не считаемъ необходимымъ исчерпывать здѣсь весь относящiйся до избранiя князей лѣтописный матерiалъ. При изложенiи вопроса о преемствѣ столовъ намъ придется еще имѣть дѣло со случаями избранiя; здѣсь же мы сгруппируемъ только наиболѣе характерные изъ нихъ.

Въ 1097 году состоялся съѣздъ князей въ Любечѣ, на которомъ, для прекращенiя княжескихъ усобицъ, было принято въ руководство на будущее время начало «отчины». По этому началу внуки Ярослава Владимiровича должны были владѣть тѣми волостями, которыя даны были Ярославомъ ихъ отцамъ. Въ Кiевѣ должны были княжить сыновья Изяслава, въ Черниговѣ сыновья Святослава, въ Переяславѣ сыновья Всеволода и т. д. Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ чрезвычайно важнымъ рѣшенiемъ, которое, дѣйствительно, могло бы до нѣкоторой степени ограничить княжескiе споры изъ за владѣнiй. Въ 1112 году скончался кiевскiй князь Святополкъ Изяславичъ. У него осталось три сына и, слѣдовательно, преемство Кiевской волости было достаточно обез-

печено. Такъ какъ всѣ потомки Ярослава были связаны Любецкимъ соглашеніемъ, то со стороны князей и не возникло никакого вопроса о преемствѣ въ Кіевѣ. Но вопросъ подняли кіевляне. Они хотѣли имѣть своимъ княземъ не кого либо изъ сыновей Святополка, а Владиміра Мономаха, и послали къ нему приглашеніе. Когда Владиміръ отказался, они повторили приглашеніе, предупреждая его, что, если онъ будетъ настаивать на отказѣ, въ Кіевѣ возникнутъ безпорядки, за которые отвѣтственность падетъ на него. Владиміръ, вмѣсто того, что бы помочь своимъ племянникамъ, сыновьямъ Святополка, занять Кіевъ и наказать непокорныхъ, принимаетъ избраніе и дѣлается родоначальникомъ новой линіи кіевскихъ князей (Владиміровичей). Воля народная устранила, такимъ образомъ, отъ обладанія кіевскимъ столомъ князей, которые должны были занимать этотъ столъ и по завѣщанію Ярослава и по единогласному рѣшенію Любецкаго съѣзда, и предоставила его младшей линіи.

Избраніе народное является въ данномъ случаѣ рѣшающимъ и не только для Владиміра, въ пользу котораго оно состоялось, но и для другихъ князей, двоюродныхъ братьевъ его и племянниковъ. Всѣ участники Любецкаго съѣзда цѣловали крестъ на томъ, что бы каждому держать свою отчину, а въ случаѣ нарушенія, всѣмъ выступить войной противъ нарушителя, и никто не выступилъ.

Въ 1146 году Всеволодъ Кіевскій предложилъ кіевлянамъ признать своимъ княземъ по смерти своей брата своего, Игоря; въ 1157 году тоже дѣлаетъ въ Ростовской волости князь Юрій, а въ 1187 Ярославъ Осмомыслъ въ Галичѣ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ народъ при жизни помянутыхъ князей соглашается съ ихъ предложеніями, а по смерти ихъ нарушаетъ свое обѣщаніе и возводитъ на престолъ другихъ лицъ.

По смерти князя Изяслава, избраннаго кіевлянами въ 1146 году, они передаютъ кіевскій столъ брату его, Ростиславу. Вотъ какъ описано это событіе лѣтописцемъ:

«И посадиша въ Кіевѣ Ростислава кіяне, рекуче ему:

«яко же братъ твой, Изяславъ, честилъ Вячеслава, такоже и ты чести. А до твоего живота Кіевъ твой». Ипат. 1154.

Чрезвычайно характерное извѣстіе. Изъ него слѣдуетъ, что кіевляне совершенно ясно сознавали, что имъ принадлежитъ право избирать князей. Они говорятъ Ростиславу: Кіевъ твой до смерти твоей, то-есть, они избираютъ его пожизненно. Ростиславъ не можетъ назначить себѣ наслѣдника, кромѣ, конечно, случая соглашенія съ кіевлянами. Если такого соглашенія не послѣдуетъ, они изберутъ по смерти его, кого захотятъ.

Подобно этому новогородцы признаютъ сына этого Ростислава, Святослава, своимъ пожизненнымъ княземъ. Они цѣлуютъ Ростиславу креслъ на томъ,

«Яко же имъ имѣти сына его собѣ княземъ, а иного князя не искати, оли ся съ нимъ смертію разлучити».

Кіевляне очень ревниво охраняли свое право призванія. Измѣну Игорю (стр. 17) они мотивировали такими словами: «не хочемъ быти акы въ задничи», т.-е. они не желаютъ переходить отъ одного князя къ другому въ томъ порядкѣ, въ какомъ переходитъ наслѣдство въ частномъ быту.

Не менѣе ясное сознаніе о правѣ избранія князя встрѣчаемъ и въ городахъ Ростовской волости. Владимірцы, недовольные Ярополкомъ Ростиславичемъ, говорятъ: «мы есмы волная князя пріяли къ собѣ». По смерти Михалки ростовцы призываютъ къ себѣ Мстислава Ростиславича и говорятъ ему:

«Поиди, княже, къ намъ, Михалка Богъ поялъ, на Волзѣ, на Городци, а мы хочемъ тебе, а иного нехощемъ». Сузд.

Въ это же время (1176) владимірцы цѣлуютъ крестъ къ брату умершаго «и на дѣтехъ его». Сузд. Это чрезвычайно знаменательная прибавка. Владимірцы не первый разъ принимаютъ участіе въ избраніи князя. При жизни Юрія они

призываются имъ къ соглашенію о преемникѣ; по смерти Юрія, они участвуютъ въ избраніи Андрея; по смерти Андрея, участвуютъ въ избраніи Ростиславичей; по изгнаніи Ярополка Ростиславича, они призываютъ Михалку. Но ни въ одномъ изъ этихъ призваній не говорится, что князь призывается съ потомствомъ. Призванія эти были, слѣдовательно, пожизненныя, какъ и выше приведенное призваніе Ростислава въ Кіевъ; всѣ они предполагаютъ право народа, по смерти призваннаго князя, произвести новое избраніе. Въ 1176 владимірцы впервые призываютъ князя «съ дѣтьми», т. е. съ потомствомъ. Эту мѣру надо поставить рядомъ съ рѣшеніемъ князей на Любецкомъ съѣздѣ. Она имѣетъ совершенно тоже значеніе, но на этотъ разъ исходитъ не отъ князей, а отъ народа: владимірцы ограничиваютъ число законныхъ претендентовъ на владимірскій столъ потомствомъ Всеволода.

Но какъ это понимать? Установляется приведеннымъ цѣлованіемъ наслѣдственность княжеской власти во Владимірѣ, или народъ только ограничиваетъ на будущее время свое право избранія средою потомства Всеволода? Цѣлованіе 1176 года надо, думаемъ, понимать во второмъ смыслѣ; для перваго—условія того времени не были еще достаточно зрѣлы: не было еще выработано никакого опредѣленнаго порядка наслѣдственности, а съ другой стороны Всеволодъ и сыновья его имѣли еще слишкомъ мало независимыхъ отъ народа средствъ дѣйствія, чтобы обходиться безъ его согласія въ такомъ важномъ вопросѣ, какъ замѣщеніе столовъ.

Такое толкованіе находитъ себѣ подтвержденіе и въ лѣтописи. Вотъ какъ описываетъ она назначеніе Всеволодомъ себѣ преемника:

«Того же лѣта посла князь великій, Всеволодъ, по сына своего, Костянтина, въ Ростовъ, дая ему по своемъ животѣ Володимерь, а Ростовъ Юрью дая; онъ же не ѣха ко отцю въ Володимерь, хотя взяти Володимерь къ Ростову. Онъ же посла по него, вторицею, зва къ себѣ, и тако пакы не иде ко отцю своему, но хотяше Володимеря къ Ростову.

Князь же великій Всеволодъ созва всѣхъ бояръ своихъ, съ городовъ и съ волостей, и епископа Іоана, и игумены, и попы, и купцы, и дворяне и вси люди, и да сыну своему, Юрью, Володимерь по себѣ и водя всѣхъ ко кресту; и цѣловаша вси людіе на Юріи; приказа же ему и братью свою». Воскр. 1211.

Люди цѣлуютъ крестъ на томъ, что по смерти Всеволода владимірскимъ княземъ будетъ второй его сынъ. Юрій. Это есть обѣщаніе признать Юрія владимірскимъ княземъ и посадить его на столѣ. Оно напоминаетъ извѣстное уже намъ соглашеніе, состоявшееся между отцомъ Всеволода, Юріемъ, и ростовцами, суздальцами и владимірцами въ 1156—57 г. И тамъ и здѣсь обойденъ старшій сынъ; и тамъ и здѣсь созываются люди со всѣхъ городовъ и волостей. Это понятно. Предстояло рѣшить очень важный для Всеволода вопросъ. Старшій сынъ его, Константинъ, пошелъ противъ воли отца, захотѣлъ взять Владиміръ къ Ростову, т. е. захотѣлъ возстановить первенствующее значеніе Ростова и подчинить ему Владиміръ. Это не могло нравиться Всеволоду, который всѣмъ былъ обязанъ новому городу, Владиміру. Не желая умалять значенія этого города, онъ даетъ ему особаго князя въ лицѣ второго сына, Юрія. Владимірцы, конечно, охотно къ этому присоединяются; для нихъ ничто такъ не желательно, какъ сохраненіе, если не главенства надъ Ростовомъ, то, по крайней мѣрѣ, своей особности. Но для обезпеченія самостоятельности Владиміра, крестнаго цѣлованія его гражданъ, конечно, недостаточно. Желательно, чтобы къ нему присоединились и люди другихъ городовъ. Вотъ почему Всеволодъ и призываетъ къ соглашенію людей всѣхъ городовъ и волостей, владимірцевъ, ростовцевъ, суздальцевъ и пр. Присоединеніе къ такому соглашенію ростовцевъ совершенно понятно. Съ осуществленіемъ этого соглашенія они все же выигрываютъ, такъ какъ получаютъ особаго отъ Владиміра князя.

Нельзя не указать еще на одно обстоятельство въ распоряженіи Всеволодомъ своими владѣніями. Послѣ него

осталось шесть сыновей, а участки онъ назначаетъ только четыремъ и очень не равные: Константину даетъ Ростовъ, Юрію — Владиміръ, Ярославу — Переяславль, Владиміру — Юрьевъ, а Святославу и Ивану ничего. Надо, кажется, вывести отсюда, что у Всеволода не вотчинная точка зрѣнія. Еслибы онъ смотрѣлъ на свои владѣнія, какъ на свою частную собственность, у него достало бы чѣмъ надѣлить всѣхъ сыновей. Тутъ видится что-то другое.

На продолжающуюся необходимость признанія князя народомъ въ городахъ древней Ростовской волости и послѣ 1176 г. указываетъ и приведенное выше (стр. 26) обращеніе третьяго сына Всеволода, Ярослава, къ переяславцамъ.

Въ заключеніе приведемъ слова Всеволода Юрьевича, основателя, въ силу народнаго избранія, линіи владимірскихъ князей, обращенныя имъ къ противнику своему, Мстиславу Ростиславичу.

По смерти князя Михалки, ростовцы снова призвали Мстислава Ростиславича, а владимірцы цѣловали крестъ Всеволоду Юрьевичу «и съ дѣтьми». Ростовцы не хотѣли примириться съ этимъ раздѣленіемъ нѣкогда единой Ростовской волости и требовали отъ своего князя, чтобы онъ прогналъ Всеволода. Всеволодъ же, узнавъ о выступленіи противъ него Мстислава, послалъ къ нему посла съ слѣдующими характерными для того времени словами:

«Брате! оже тя привели старѣйшая дружина, и ты поеди къ Ростовоу, а оттолѣ миръ възмѣвѣ: тебе ростовци привели и боляре, а мене съ братомъ Богъ былъ привелъ и володимирци и переяславци; Суздаль боуди намъ обечь, да кого въсхотятъ, то той боудеть имъ князь». Сузд. 1177.

Всеволодъ не только признаетъ состоявшееся избраніе, но и предоставляетъ еще Суздалю высказаться въ пользу того или другого изъ имѣющихся въ волости князей. Не лишнее обратить вниманіе и на то, что Михалко и Всеволодъ не только ни кого не наказываютъ, но и ни кому не

мстятъ за то, что народъ не устоялъ на крестномъ цѣлованіи въ ихъ пользу, состоявшемся при отцѣ ихъ, Юріи.

Сознаніе о правѣ призванія хорошо высказалось въ похвалѣ лѣтописца князю Мстиславу Ростиславичу:

«Не бѣ бо тоѣ землю въ Руси, которая же его не хотяшеть». Ипат. 1179.

Мы привели нѣсколько свидѣтельствъ источниковъ, изъ которыхъ видно, что народъ не только осуществлялъ свое право призванія, но что ему было присуще и совершенно отчетливое сознаніе о принадлежности ему этого права. Право это признаютъ и князья.

Но такія характерныя извѣстія встрѣчаются не часто. Въ большинствѣ случаевъ лѣтописецъ говоритъ коротко: по смерти такого-то князя столъ его занялъ такой-то, или: такой-то князь далъ такой-то городъ такому-то князю. Какъ надо понимать эти краткія извѣстія? надо-ли и въ такихъ случаяхъ предполагать народное согласіе? Полагаемъ, что надо. Князь въ мирное время всегда вступалъ на столъ съ согласія народа, которое выражалось въ крестномъ цѣлованіи и въ торжественномъ посаженіи его народомъ на столъ. Никто не будетъ отрицать, что крестное цѣлованіе, въ которомъ и выражалось признаніе князя народомъ, всегда имѣло мѣсто при вступленіи на столъ новаго князя; а между тѣмъ и о немъ лѣтопись очень часто забываетъ упомянуть. Вотъ какъ коротко передаетъ она о вокняженіи въ Кіевѣ, по смерти Владиміра Мономаха, сына его, Мстислава:

Лаврентьевскій списокъ: «И сѣде Кыевѣ Мстиславъ, сынъ его старѣйшій, княжа съ кротостью; а Ярополкъ, братъ его, иде Переяславлю».

Ипатьевскій: «Мстиславъ, старѣйшій сынъ его, сѣде на столѣ въ Кіевѣ, отца мѣсто своего, маія въ 20».

Записанъ только голый фактъ, съ опущеніемъ всѣхъ сопровождавшихъ его обстоятельствъ. Въ Лаврентьевскомъ же спискѣ прибавка о кроткомъ княженіи Мстислава свидѣтельствуетъ, что фактъ записанъ гораздо позднѣе собы-

тія, или что первоначальная редакція его была потомъ дополнена.

На основаніи такихъ краткихъ замѣтокъ нельзя дѣлать никакихъ выводовъ о томъ, на какомъ основаніи вступилъ тотъ или другой князь на престолъ. Заключенія наши должны основываться на крестномъ цѣлованіи, которое надо всегда предполагать. Крестное цѣлованіе, въ которомъ выражается признаніе князя народомъ, и есть юридическое основаніе его власти. Это признаніе нѣтъ надобности представлять себѣ всегда совершенно свободнымъ и возникавшимъ по инициативѣ народа. Предержащая власть имѣетъ много способовъ вліять на народъ и склонять его къ угоднымъ для нея рѣшеніямъ. Князь полоцкій, Ростиславъ, напримѣръ, замѣтивъ колебаніе въ своихъ подданныхъ и склонность перейти на сторону Рогволода (стр. 10), одаряетъ ихъ многими подарками и затѣмъ уже приводитъ ко кресту. Сущность дѣла этимъ, однако, нисколько не измѣняется. Розданные подарки служатъ только новымъ доказательствомъ того, что согласіе народа нужно.

2. *Рядъ съ княземъ.*

Самымъ обыкновеннымъ выраженіемъ законодательной дѣятельности вѣча служилъ «рядъ» съ княземъ. Рядъ, въ данномъ случаѣ, есть договоръ, заключаемый народомъ съ избираемымъ имъ княземъ. Фактъ избранія князя уже предполагаетъ заключеніе съ нимъ договора, въ которомъ устанавляются условія княженія. Самый характерный разсказъ лѣтописи о рядѣ относится ко вступленію на Кіевской столъ Ростислава Мстиславича. Въ 1154 г. умеръ Изяславъ, княжившій въ Кіевѣ совмѣстно съ дядею своимъ, Вячеславомъ. На мѣсто умершаго избранъ былъ братъ его, Ростиславъ. Немедленно по избраніи онъ долженъ былъ выступить въ походъ противъ суздальскаго князя Юрія, который также имѣлъ притязанія на Кіевъ. Во время этого похода Ростиславъ, получивъ вѣсть о смерти соправителя своего,

Вячеслава, вернулся въ Кіевъ, похоронилъ дядю, роздалъ имѣніе монастырямъ и нищимъ и поспѣшилъ снова на войну. Прибывъ къ войску, онъ собралъ мужей своихъ и началъ думать о походѣ противъ черниговскихъ князей, союзниковъ Юрія.

«Мужи же, продолжаетъ лѣтописецъ, бороняхуть ему поити Чернигову, рекучи ему: «се Богъ поялъ стрыя твоего, Вячеслава, а ты ся еси еще съ людми Кіевѣ неутвердилъ; а поѣди лепле въ Кіевъ, то же съ людми утвердися. Да аче стрый придетъ на тя, Дюрги, поне тѣ ся съ людми утвердилъ будеши, годно ти ся съ нимъ умирити, умиришися, пакы ли, а ратъ зачнеши съ нимъ». Ипат.

Мужи Ростислава говорятъ новоизбранному князю: «ты еще съ людьми не утвердился». Изъ этихъ словъ надо заключить, что «утвержденіе» князя съ народомъ есть обыкновенный актъ, который необходимо совершить всякому князю. Почему Ростиславъ не совершилъ его прежде, потому-ли, что былъ отвлеченъ войной, или по какимъ инымъ соображеніямъ, это, конечно, все равно. Ростиславъ могъ не спѣшить съ утвержденіемъ по какому-нибудь неосновательному и даже легкомысленному разсчету; существо дѣла этимъ нисколько не измѣняется.

Весьма важно, что утвержденіе Ростислава съ народомъ приводится въ связь съ предстоящей ему войной съ Юріемъ. Положеніе кіевлянъ и Ростислава было очень затруднительное. Хотя Юрія въ Кіевѣ не любили и даже не могли съ нимъ ужиться, но онъ, тѣмъ не менѣе, не хотѣлъ отказаться отъ притязаній на «Русь» и имѣлъ достаточно силъ для борьбы, такъ какъ пользовался поддержкой черниговскихъ князей. Въ виду этого можно было опасаться, что въ Кіевѣ образуется партія Юрія и доставитъ ему столъ. Вотъ почему для Ростислава «утвержденіе» съ людьми было особенно нужно. Сговорившись съ кіевлянами, онъ могъ дѣйствовать съ большей увѣренностью: еслибы народъ высказалъ полную рѣшимость сопротивляться Юрію, онъ могъ бы начать войну при содѣйствіи всѣхъ кіевскихъ силъ; въ

противномъ случаѣ онъ могъ бы своевременно вступить въ мирные переговоры съ дядей. Такова точка зрѣнія мужей Ростислава. Но Ростиславъ не послушался мудраго совѣта; онъ поспѣшилъ къ Чернигову, потерпѣлъ пораженіе и потерялъ Кіевъ.

Совѣтъ, данный Ростиславу его мужами, наводитъ и на нѣкоторыя дальнѣйшіе выводы. Утвержденіе съ людьми есть актъ повторяющійся. Предержащей власти необходимо было прибѣгать къ нему при всякой перемѣнѣ обстоятельствъ; а обстоятельства, окружавшія князя, мѣнялись чрезвычайно быстро, такъ какъ друзья князей легко переходили въ лагерь ихъ враговъ. При всякой перемѣнѣ въ настроеніи партій, князю нужно было новое утвержденіе съ народомъ и новое крестное цѣлованіе съ нимъ. Примѣръ такого повторительнаго утвержденія съ людьми даетъ полоцкій князь, Ростиславъ, когда въ полоцкую волость вторгся Рогволодъ Борисовичъ (стр. 10). Постоянная рознь князей изъ-за владѣній была одной изъ причинъ, приводившихъ къ этимъ повторяющимся соглашеніямъ народа и князя.

Описаніе вступленія на кіевскій столъ Игоря Черниговскаго (стр. 14) содержитъ наиболѣе подробный разсказъ о томъ, какъ заключался рядъ князя съ народомъ. Рядъ заключался на вѣчѣ, гдѣ присутствовалъ и вновь избранный князь (лично или чрезъ уполномоченнаго). Въ приведенномъ примѣрѣ условія были предложены народомъ и приняты княземъ. Послѣ установленія условій послѣдовало крестное цѣлованіе народа къ князю и князя къ народу. Князь Игорь цѣловалъ крестъ къ кіевлянамъ «на всей ихъ воли», говоритъ лѣтописецъ; это значитъ, что Игорь принялъ безъ измѣненій условія, предложенныя народомъ.

Но такія, сравнительно подробныя извѣстія о договорахъ князей съ народомъ очень рѣдки. Въ большинствѣ случаевъ лѣтописецъ ограничивается указаніемъ на то, что народъ и новый князь цѣлуетъ другъ другу крестъ. Такое взаимное цѣлованіе непремѣнно предполагаетъ предшествовавшее ему

соглашеніе, выразившееся въ рядѣ, на которомъ стороны и цѣловали крестъ.

Мы имѣемъ случаи ряда и взаимнаго цѣлованія креста даже съ князьями, которые заняли тотъ или другой столъ, благодаря военной удачѣ, а не по призванію. Это очень понятно. Княжескія войны изъ-за обладанія волостями велись не столько противъ населенія, сколько противъ князя. Устранивъ своего личнаго противника, побѣдитель встрѣчался съ народомъ, который, въ большинствѣ случаевъ, ничего не имѣлъ противъ него и принималъ побѣдителя, если и не непремѣнно съ радостью, какъ нерѣдко говорятъ лѣтописцы, то и безъ прямого сопротивленія. Заключить съ нимъ рядъ представлялось необходимымъ, что-бы утвердиться на столѣ. Безъ такого утвержденія, народъ имѣлъ бы однимъ, поводомъ къ неудовольствію больше, и весьма важнымъ.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ ряда князя съ народомъ.

Въ 1167 г. Володарь Глѣбовичъ Городенскій двинулся ратью къ Полоцку. На встрѣчу ему вышелъ полоцкій князь, Всеславъ, съ полочанами, но былъ разбитъ. Всеславъ бѣжалъ, а Володарь «вниде въ Полтескъ и цѣлова хрестъ съ полтьцаны». Извѣстіе это чрезвычайно коротко, но оно не можетъ быть понято иначе, какъ въ смыслѣ заключенія ряда съ побѣдителемъ, на которомъ обѣ стороны цѣловали крестъ.

Въ 1169 г., по смерти Ростислава, кіевляне позвали къ себѣ на столъ Мстислава Изяславича.

«Мстиславъ же заутра... иде Кіеву... Василевьскимъ путемъ... ту выидоша кіяне вси; възма рядъ съ братьею, и съ дружиною и съ кіяны, въ тъ день, и поиде Вышегороду...». Ипат.

Княженіе Мстислава было очень тревожное; онъ скоро потерялъ почти всѣхъ своихъ союзниковъ и долженъ былъ оставить Кіевъ. Въ 1172 г. обстоятельства измѣнились къ лучшему, и ему удалось возвратиться на прежній столъ, причемъ опять былъ заключенъ рядъ:

«И вшедъ въ Кіевъ簡 вземъ ряды съ братьею, съ Ярославомъ и Володимеромъ Мьстиславичемъ, съ галичаны, и съ Всеволодовичемъ и Святополкомъ Гюрчевичемъ, и съ кіяны». Ипат.

Въ обоихъ случаяхъ договоръ съ горожанами поставленъ рядомъ съ княжескими договорами.

Въ 1175 г. владимірцы (на Клязьмѣ) находились въ войнѣ съ ростовцами и суздальцами; они хотѣли посадить у себя Михалку, тогда какъ старшіе города стояли на сторонѣ Мстислава и Ярополка Ростиславичей. Владимірцы потерпѣли пораженіе и должны были признать власть Ярополка. Это, однако, не помѣшало имъ заключить съ нимъ рядъ. Осада Владиміра, гдѣ затворился Михалка, продолжалась 7 недѣль.

«Володимирци же, говоритъ лѣтописецъ, нетръпяще глада, рѣша Михалкоу: «мирися, любо промышляй о себѣ». Онъ же отвѣщавъ рече: «прави есте, ци хошете мене дѣля погинути». И поеха въ Русь. И проводиша й володимирци съ плачемъ. И потомъ володимирци оутвръдившеся съ Ростиславичами крестнымъ цѣлованіемъ, яко не сотворити има въ городѣ никакого зла. И выидоша противу Мьстиславу и Ярополку съ кресты изъ города. И въшедша въ городъ, оутѣшиста володимирцы и раздѣлиша волость Ростовскоую, сѣдоста княжить. Ярополка князя посадиша володимирци съ радостію въ городѣ Володимири на столъ, въ святей Богородици весь порядъ положьше». Сузд. и Лавр.

Но въ слѣдующемъ году владимірцы возстали противъ Ярополка, управленіемъ котораго не были довольны, снова призвали Михалку и доставили ему обладаніе Ростовомъ и Суздалемъ. Михалка на этотъ разъ явился въ Ростовъ побѣдителемъ, но это также не помѣшало ему утвердиться съ людьми:

«Михалко же ѣха въ Суздаль и изъ Суздаля Ростову, и створи людемъ весь порядъ, утвердивъся крестнымъ цѣлованіемъ съ ними, и честь возма у нихъ, и дары многы у ростовецъ». Лавр. и Сузд.

Въ 1199 г. Романъ Мстиславичъ Володимірскій (на Волыни), поддерживаемый поляками, подступилъ къ Галичу, который, по смерти Володиміра, остался безъ князя. Галичане не хотѣли Романа и бились противъ него, но были побѣждены.

«Романъ же, говоритъ лѣтописецъ, сѣдъ на князствѣ, цѣлова крестъ Лешку королю, яко послушенъ ему быти, а галичанамъ цѣлова крестъ, еже любити ихъ и никого же обидѣти». Густ.

Такимъ образомъ, даже рядъ съ княземъ побѣдителемъ не представляется дѣломъ необычнымъ въ нашей древности.

Есть указаніе, что уже во второй половинѣ XII вѣка ряды князей съ народомъ записывались (стр. 69). Ни одинъ изъ договоровъ XII вѣка, однако, до насъ не дошелъ, а потому мы можемъ составить себѣ лишь очень поверхностное понятіе о ихъ содержаніи.

Соглашеніе народа и князя касалось: во 1) общихъ вопросовъ управленія и во 2) нѣкоторыхъ частныхъ, вызываемыхъ особенной обстановкой даннаго случая.

Вышеприведенныя мѣста лѣтописи, въ которыхъ говорится о рядѣ Ярополка съ владимірцами и Михалки съ ростовцами и суздальцами, наводятъ какъ бы на мысль, что соглашенія этого рода установляютъ полный порядокъ управленія и суда. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ лѣтопись говоритъ о «всемъ нарядѣ» или «порядѣ» земскомъ. Думаемъ, что приведенныхъ выраженій нельзя понимать въ такомъ широкомъ смыслѣ. Даже позднѣйшіе новогородскіе договоры съ князьями далеко не исчерпывали всего земскаго наряда; тѣмъ труднѣе допустить это для договоровъ XII в. Матеріальное право и даже порядокъ процесса въ цѣломъ никогда не опредѣлялись этими договорами. Право и процессъ опредѣлялись стародавними обычаями и считались одинаково обязательными для князя и народа. Самое большое, что можно допустить, это то, что князь обязывался держать волость по старинѣ. Отступленіе отъ старины

всегда вызываетъ неудовольствіе и ведетъ даже къ возстанію. Въ 1176 г. владимірцы (на Клязьмѣ) возмутились высокими пошлинами, которыя взимали судьи, назначенные княземъ Ярополкомъ, и прогнали князя и судей его. Ярополкъ, конечно, дѣйствовалъ, въ данномъ случаѣ, не по старинѣ, а произвольно увеличилъ поборы. Лѣтописецъ даже указываетъ, кто побуждалъ князя «на многое иманіе»; его побуждали къ тому ростовскіе бояре. То-же надо сказать и объ отобраніи Ярополкомъ церковнаго имущества, что также было поставлено ему въ вину. Это тоже нарушеніе существующихъ правъ. Въ жалобахъ владимірцевъ нельзя не видѣть указанія на то, что для новаго князя было обязательно охраненіе существующаго порядка.

Изъ соглашенія Игоря съ кіевлянами 1146 г. видно, что народъ опредѣлялъ иногда, кто долженъ производить судъ. Кіевляне тоже осуждаютъ тивуновъ Всеволода за чрезмѣрные поборы и требуютъ, что-бы новый князь судилъ самъ.

Можно допустить, что въ договорахъ опредѣлялись доходы князя.

Выше мы привели уже свидѣтельства лѣтописи о соглашеніи народа съ княземъ относительно срока продолжительности княженія и избранія князя съ дѣтьми. Оба пункта великой важности. Они указываютъ на то, что народъ сознавалъ весь вредъ неустойчивости княжеской власти и боролся съ ней. Пріуроченіе нѣкоторыхъ княжескихъ линій къ извѣстнымъ территоріямъ совершилось, такимъ образомъ, не наперекоръ народной волѣ, а при ея содѣйствіи. Лѣтопись приводитъ и основанія, почему народу лучше было имѣть свою собственную линію князей. Владимірцы (на Клязьмѣ) свои жалобы на Ярополка заключаютъ такими словами:

«Сии яко не свою волость творита, яко не творяче сѣдѣти оу насъ, грабита не токмо волость всю, но и церкви». Сузд.

Въ XII вѣкѣ, стало быть, уже было замѣчено, что князья, которые завладѣваютъ волостью, благодаря счастливому слу-

чаю, и не надѣются пустить тамъ корни и передать ее дѣтямъ, управляютъ ею единственно съ цѣлью нажиться, безмѣрно увеличиваютъ повинности и даже отбираютъ частное имущество. Вотъ откуда у владимірцевъ желаніе имѣть свою линію князей, обнаружившееся въ 1177 г. при избраніи Всеволода.

Но избраніе пожизненное и съ дѣтьми не всегда оговаривалось, а потому, надо думать, что въ тѣхъ случаяхъ, когда такой оговорки не было сдѣлано, предполагалось избраніе безсрочное, пока князь нравится.

Къ частнымъ пунктамъ соглашенія относятся, напримѣръ, такіе, какъ условіе не мстить гражданамъ, если они приняли князя не по доброй волѣ, а были принуждены къ тому силою оружія.

Къ началу XIII вѣка окончательно уже выработались всѣ особенности новогородскаго устройства. Но въ договорныхъ грамотахъ съ князьями онѣ далеко не всѣ выражены; нѣкоторыя изъ нихъ и притомъ самыя существенныя предполагаются извѣстными и должны мыслиться въ довольно неопредѣленномъ по своему содержанію условіи держать Новгородъ по старинѣ, по пошлинѣ, какъ держали дѣды и отцы теперешнихъ князей.

Въ началѣ XII вѣка еще встрѣчаемъ случаи назначенія княземъ новогородскаго посадника, но съ 1130 года устанавливается постоянная практика назначенія посадника новогородскимъ вѣчемъ *), а въ 1218 году посадникъ Тверди-

---

*) Въ первой половинѣ XII вѣка еще встрѣчаемъ оба способа назначенія посадника, то княземъ, то вѣчемъ. Новгор. I. 1120: «приде Борисъ посадницать въ Новгородъ», по Никон.—изъ Кіева; 1126: «вдаша (т. е. Новогородцы) посилницьство Мирославу Гюрятиницю»; 1129: «Вьниде ис Кыева Данилъ посадницитъ Новугороду». Но уже въ слѣдующемъ году новогородцы дали посадничество Петрилу и съ того времени идетъ непрерывный рядъ назначенія посадниковъ вѣчемъ. За всѣ послѣднія 70 лѣтъ XII столѣтія встрѣчаемъ только одинъ случай назначенія посадника княземъ. Въ 1171 году князь Андрей прислалъ Новгороду посадника Жирослава.

славъ высказываетъ на вѣчѣ и общее правило: «А вы, братье, въ посадничествѣ и въ князѣхъ волны». Новог. I. Тысяцкіе, первоначально назначавшіеся князьями, съ начала XIII вѣка также назначаются вѣчемъ *). А между тѣмъ, ни одинъ договоръ не говоритъ о правѣ Новгорода назначать посадника и тысяцкаго. Право же это самое существенное въ виду тѣхъ ограниченій княжеской власти, которыя возникали изъ него. Ограниченія эти перечисляются въ договорахъ. Понятно почему. Право назначать посадника возникало путемъ практики: новогородцы не просятъ посадника у князя и не ждутъ присылки, а назначаютъ сами. Для ограниченія же власти князя, нужно, чтобы онъ самъ на это согласился. Возникновеніе выборнаго посадника еще не ограничиваетъ власть князя. Для этого нужно особое установленіе, оно и возникаетъ путемъ договора. Когда появились эти ограниченія впервые, на это нѣтъ прямыхъ указаній. Надо думать, что позднѣе выборнаго посадника. Есть указаніе, что нѣкоторыя ограниченія заносились уже въ договоры первой четверти XIII вѣка. Надо думать, что ограниченія эти никакъ не древнѣе конца XII вѣка. Они вовсе не извѣстны другимъ волостямъ.

Въ новогородскихъ договорахъ конца XIII вѣка встрѣчаемъ слѣдующія ограниченія княжеской власти.

1) Князь не даетъ «грамотъ» безъ посадника. Родъ грамотъ не опредѣленъ, а потому выраженіе это надо понимать въ самомъ широкомъ смыслѣ. Князь не можетъ своею властью давать ни льготныхъ грамотъ, ни уставныхъ, ни какихъ иныхъ. Говоря языкомъ нашего времени, у князя въ Новгородѣ нѣтъ ни законодательной, ни правительственной власти.

2) Князь не раздаетъ волостей безъ посадника. Подъ волостями здѣсь разумѣются административныя единицы Новогородскаго княжества и, слѣдовательно, князь безъ

---

*) См. Новог. I. 1219, 1228, 1230, 1257.

посадника не можетъ въ Новгородѣ назначить мѣстныхъ правительственныхъ органовъ *).

3) Правительственные органы назначаются только изъ мужей новогородскихъ.

4) Князь не можетъ лишать мужа волости безъ вины, т. е. органы новогородскаго суда и управленія могутъ быть отрѣшены отъ должности только за вину и, слѣдовательно, по суду, а не по усмотрѣнію князя.

5) Князь не можетъ судить безъ посадника.

6) Въ связи съ 1-мъ, 2-мъ и 5-мъ пунктомъ стоитъ условіе, чтобы князь не предпринималъ никакихъ правительственныхъ и судебныхъ дѣйствій, касающихся новогородцевъ, внѣ Новогородской волости. Посадникъ, какъ органъ текущаго управленія и суда, находится въ предѣлахъ новогородскихъ, а потому и князь, дѣйствующій только съ посадникомъ, дѣйствуетъ въ предѣлахъ новогородскихъ. Въ связи съ этимъ стоитъ условіе о невыводѣ людей изъ Новогородской волости.

7) Князь, его княгиня и служилые люди не пріобрѣтаютъ въ предѣлахъ новогородскихъ недвижимой собственности.

Всѣ эти ограниченія считаемъ новогородскими особенностями и сравнительно позднѣйшаго происхожденія. Относительно 4-го пункта имѣемъ опредѣленное указаніе, что онъ былъ уже занесенъ въ договоръ Новгорода съ княземъ Святославомъ Мстиславичемъ. Въ 1218 году этотъ князь требовалъ удаленія неугоднаго ему посадника Твердислава. Новогородцы спросили, есть ли какая вина на немъ? Князь отвѣчалъ: «безъ вины». Тогда новогородцы сказали Святославу:

«Княже! оже нѣту вины его, ты къ намъ крестъ цѣловалъ, безъ вины мужа (волости) не лишити. А тобе ся

*) Исключеніе представляетъ Торжокъ и Волокъ, гдѣ князь могъ держать на своей половинѣ своего тивуна.

кланяемъ, а се нашъ посадникъ, а въ то ся не вдадимъ». И бысть миръ». Новогор. I.

Кромѣ приведенныхъ ограниченій княжеской власти, договоры содержатъ въ себѣ еще опредѣленіе княжескихъ доходовъ и доходовъ княжескихъ чиновниковъ, но не всѣхъ, а, по всей вѣроятности, только такихъ, по поводу которыхъ были споры и недоразумѣнія; затѣмъ немногія статьи, касающіяся суда, какъ, напримѣръ, опредѣленіе времени посылки общихъ судей, и наконецъ, пункты частнаго характера, какъ, напримѣръ, обязательство князя возвратить луга, отобранные его предшественникомъ, и проч. Что же касается матеріальнаго права, общаго порядка управленія и суда и порядка законодательства, то обо всемъ этомъ договоры умалчиваютъ. Надо думать, что по всѣмъ этимъ пунктамъ князь долженъ былъ руководствоваться стариной, что и выражалось въ его обязательствѣ «держать Новгородъ въ старинѣ, по пошлинѣ».

Если мы исключимъ изъ новогородскихъ договоровъ статьи, ограничивающія власть князя, которыя, конечно, не принадлежали къ первоначальному ихъ содержанію, то, думаемъ, въ остаткѣ получится «рядъ», довольно близкій по содержанію къ первоначальнымъ рядамъ, которые заключались князьями съ народомъ во всѣхъ волостяхъ.

Новогородскія грамоты имѣютъ свою исторію, хотя новогородцы и любили возводить ко временамъ Ярослава порядки XIII вѣка, для приданія имъ большаго авторитета. Въ 1228 году они отправляютъ пословъ къ князю Ярославу Всеволодовичу, предлагая ему княжить въ Новгородѣ на всей ихъ волѣ и «на всѣхъ грамотахъ Ярославлихъ». Въ слѣдующемъ году Михаилъ Черниговскій, по сказанію лѣтописца, дѣйствительно «цѣловалъ крестъ на всей воли новогородьстѣй и на всѣхъ грамотахъ Ярославлихъ». Новогр. I. Ярославъ, который здѣсь упоминается, есть, конечно, Ярославъ Мудрый. Ярославъ Мудрый могъ состоять въ рядѣ съ новогородцами, но содержаніе этого ряда, конечно, было иное. При посадникѣ, назначаемомъ княземъ, какъ это было

при Ярославѣ и позднѣе, не могли существовать тѣ ограниченія княжеской власти, о которыхъ идетъ рѣчь въ договорахъ XIII вѣка. По всей вѣроятности грамоты Ярослава не существовали уже въ первой половинѣ XIII вѣка.

Содержаніе новогородскихъ договоровъ XIII вѣка съ теченіемъ времени нѣсколько развивается, въ XIV и XV вѣкахъ въ нихъ появляются новыя статьи. Къ сожалѣнію, не всегда бываетъ можно сказать, содержится въ этихъ новыхъ статьяхъ дѣйствительно новое право, или это только подтвержденіе стараго обычая. Въ договорахъ Новгорода съ Михаиломъ Ярославичемъ Тверскимъ находимъ примѣръ новой статьи, только подтверждающей старый обычай:

«А вязчего не пошло по Новгородьской волости, то судиямъ твоимъ отложити». Рум. собр. I. № 10.

Изъ текста статьи ясно, что княжескіе судьи установляютъ новый судебный сборъ въ нарушеніе обычая. Договоръ только возстановляетъ старину. Можно думать, что развитіе содержанія договоровъ въ XIV и XV вѣкахъ именно вызывалось стремленіемъ князей и ихъ чиновниковъ къ нарушенію старины. Такъ, кажется, надо понимать слѣдующую статью того же договора:

«А коли, княже, поедешь въ Новгородъ, тогда тобѣ даръ емати по постояниямъ; а коли поедешь изъ Новагорода, тогда даръ не надобѣ».

Даръ есть добровольное приношеніе. Возникновеніе такихъ приношеній—дѣло народной практики. Въ статьѣ же рѣчь идетъ о дарѣ, который вынуждается княземъ. Это опять нарушеніе старины. Такого же происхожденія статья, запрещающая замышлять войну безъ новогородскаго слова и та, по которой князь обязывается не прекращать торга на Нѣмецкомъ дворѣ (Рум. собр. I. № 8, 1305).

Наибольшее число такихъ статей, отстаивающихъ старину, находимъ въ послѣднемъ новогородскомъ договорѣ 1478 года, текстъ котораго до насъ не дошелъ (содержаніе его приведено на стр. 45 и сл.).

Законодательная власть вѣча выражалась, такимъ образомъ, въ формѣ «ряда» или соглашенія съ княземъ. Это двусторонній актъ, для дѣйствительности котораго нужно согласіе двухъ факторовъ: вѣча и князя. Собраніе же народа на вѣчѣ спеціально съ цѣлью законодательства не было извѣстно древнему времени, которому была чужда и самая мысль о томъ, что право можетъ быть творимо человѣческимъ усмотрѣніемъ. Сравнительно позднему времени принадлежатъ такіе памятники вѣчеваго законодательства, какъ Новогородская и Псковская судныя грамоты.

3. *Управленіе и судъ.*

Древнему времени была совершенно чужда мысль о какомъ-либо раздѣленіи властей. Задачи управленія были въ зародышѣ и не имѣли своихъ особыхъ органовъ. Органы суда и управленія сливались. Вѣче является, однако, съ преобладающимъ характеромъ народной думы, а не обыкновеннаго органа для отправленія текущаго суда и управленія. Для этой послѣдней цѣли призывается князь. Но такое разраниченіе есть дѣло удобства, а не принципа. Нельзя же вѣчу находиться въ постоянномъ сборѣ для рѣшенія текущихъ вопросовъ суда и наряда. Но какъ скоро народъ находилъ нужнымъ, онъ вмѣшивался въ княжескій судъ и управленіе и даже управлялъ и судилъ самъ непосредственно. Мы видѣли уже, что вѣче принимало на себя всякія распорядительныя дѣйствія по исполненію своихъ рѣшеній. Даже и сами князья находили иногда нужнымъ въ вопросахъ правительственныхъ обращаться къ народу. Это очень понятно. Пока народъ составлялъ силу, нельзя было игнорировать эту силу и при рѣшеніи текущихъ вопросовъ управленія и суда. Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Въ 1097 г. кіевскій князь, Святополкъ, получивъ извѣстіе о злоумышленіи противъ него князя Василько, собираетъ вѣче и предоставляетъ дѣло на его судъ.

Въ томъ же году, ослѣпленный Василько и братъ его, Володарь, желая наказать людей, оклеветавшихъ ихъ предъ Давыдомъ и Святополкомъ, обращаются съ требованіемъ о выдачѣ ихъ къ владимірскому вѣчу.

Въ 1147 г. кіевское вѣче признаетъ Игоря врагомъ своего князя, Изяслава, рѣшаетъ убить его и само же приводитъ это рѣшеніе въ исполненіе.

Въ 1151 г. кіевляне, рѣшивъ вести войну съ Юріемъ, просятъ своего князя выдать ему всѣхъ, кто будетъ противиться этому рѣшенію и не пойдетъ на войну, для суда и наказанія.

Въ 1177 г. владимірцы на Клязьмѣ обращаются къ князю Всеволоду съ требованіемъ, что-бы онъ либо казнилъ плѣнныхъ рязанскихъ князей, либо выдалъ имъ.

Въ томъ же году владимірскій князь, Всеволодъ, самъ обращается къ рязанцамъ съ требованіемъ выдать ему остатокъ своихъ князей.

Въ 1208 г. рязанцы хватаютъ оставленныхъ у нихъ княземъ Всеволодомъ правительственныхъ лицъ, заковываютъ въ желѣзо, а нѣкоторыхъ казнятъ смертью.

Подобные же примѣры правительственной и судебной дѣятельности новогородскаго вѣча слишкомъ извѣстны, чтобы нужно было ихъ приводить.

Приведенные случаи доказываютъ, что вѣче, какъ высшая власть, беретъ на себя иногда рѣшеніе правительственныхъ и судебныхъ вопросовъ, а не то, что вѣче есть обыкновенный органъ для текущаго управленія и суда.

Къ наиболѣе важнымъ вопросамъ древняго управленія относятся вопросы объ объявленіи войны и заключеніи мира. Для правильнаго пониманія того, какую роль въ этихъ вопросахъ играло вѣче, надо имѣть въ виду, что князь могъ вести войну: во 1) собственными средствами, при помощи дружинниковъ и охотниковъ, и во 2) средствами волости, при содѣйствіи всего ея населенія. Для войны собственными средствами князь не нуждался въ согласіи вѣча; онъ велъ ее по собственному усмотрѣнію и на свой страхъ. Для

войны втораго рода нужно было согласіе вѣча. Ясный образчикъ этихъ двухъ способовъ войны даютъ кіевскія событія 1147 года. Кіевскій князь, Изяславъ, задумавъ, въ союзѣ съ черниговскими князьями, войну противъ дяди Юрія, просилъ кіевлянъ помочь ему. Не довѣряя черниговцамъ, кіевляне отказали въ помощи. Это не помѣшало. однако, князю выступить въ походъ. Онъ кликнулъ кличь къ охотникамъ, собралъ «множество вой и пойде». Но предводитель кіевскаго полка, кіевскій тысяцкій, остался въ Кіевѣ. Союзъ съ черниговскими князьями оказался, однако, непрочнымъ, они измѣнили Изяславу и положеніе его сдѣлалось крайне затруднительнымъ. Онъ снова проситъ кіевлянъ о помощи. На этотъ разъ они рѣшаютъ выступить въ походъ и съ дѣтьми. Съ этого момента кіевляне участвуютъ въ войнѣ по опредѣленію вѣча.

Война, начатая съ согласія вѣча, прекращается, если народъ потребуетъ заключенія мира, а князь не имѣетъ силъ вести ее своими средствами. Такъ, по желанію народа, Изяславъ прекратилъ въ 1169 году войну съ Юріемъ и уступилъ ему Кіевъ. Въ 1175 году владимірцы на Клязьмѣ, не имѣя болѣе возможности отстаивать призваннаго ими князя Михалку, говорятъ ему: «мирися, или промышляй о себѣ».

Но народъ не только участвуетъ въ рѣшеніи вопроса о войнѣ, задуманной княземъ; когда находитъ нужнымъ, онъ принимаетъ на себя инициативу объявленія войны. Такъ поступили кіевляне въ 1067 году. Князь ихъ Изяславъ, потерпѣвъ пораженіе отъ половцевъ, укрылся въ Кіевѣ и не хотѣлъ продолжать борьбы. Кіевляне собрали вѣче на торговицѣ и потребовали выступленія противъ половцевъ. Изяславъ не послушалъ ихъ и былъ замѣненъ Всеславомъ, который до того времени сидѣлъ въ Кіевѣ въ тюрьмѣ. Лавр. Въ 1177 г. ростовцы, требуя отъ своего князя, Мстислава Ростиславича, объявленія войны Всеволоду Владимірскому. говорятъ: «аще ты миръ даси ему, но мы ему не дамы». Лавр.

Народъ принимаетъ на себя и инициативу заключенія

мира. Въ 1186 году смоленскій князь, Давыдъ Ростиславичъ, въ союзѣ съ новогородцами предпринялъ походъ на Полоцкъ.

«Слышавше же, продолжаетъ лѣтописецъ, полочане, и сдумаша ркуще: «не можемъ стати противу новогородцемъ и смолнянамъ, и аще пустимъ ихъ во свою землю, то и миръ хотя съ ними будеть, а зла много сотворятъ намъ и землю нашу пусту сотворятъ; но поидемъ къ нимъ на рубежъ». И собравшеся вси, поидоша противу ихъ, и срѣтоша ихъ на рубежи съ поклономъ, и съ честію, и съ дармы многыми, и, умирившеся, разидошася кійждо во свояси». Воскр.

Въ Ипатьевскомъ спискѣ лѣтописи подъ 1178 годомъ находимъ любопытный образчикъ переговоровъ князя съ народомъ о войнѣ:

«Сѣдящу же Мьстиславу въ Новѣгородѣ Велицѣмъ, и вложи Богъ въ сердче Мьстиславу мысль благу пойти на чюдь и созва мужи новгородскыѣ и рече имъ: «братье! се обидятъ ны поганіи; а быхомъ узрѣвше на Богъ и на святой Богородицы помочь, помьстили себѣ и свободили быхомъ новгородьскую землю отъ поганыхъ». И бы люба речь его всимъ мужемъ новгородьскымъ, и рекоша ему: «княже! аще се Богови любо и тобѣ, а сѣ мы готовы есмы *)».

Народъ не только рѣшаетъ вопросы о войнѣ и мирѣ, но, вслѣдствіе не-обособленности народа и войска, народъ-войско, собравшись на войну, беретъ на себя даже распоряженіе самымъ ходомъ военныхъ дѣйствій. Такъ во время похода Ярослава на Святополка, новогородцы, возбуждаемые укоризнами воеводы своихъ противниковъ, говорятъ Ярославу: «заутра перевеземся на не...». Ярославъ такъ и сдѣлалъ. Въ 1093 году во время похода Святополка, Владиміра и Ростислава на половцевъ, Владиміръ, воспользовавшись удобною позиціею на берегу Стугны, хотѣлъ заключить съ половцами миръ, не вступая въ битву. На его сторонѣ было много мудрыхъ мужей, между ними и воевода Янъ. Но

---

*) Другіе случаи участія вѣча въ рѣшеніи вопросовъ о войнѣ и мирѣ можно найти въ I главѣ.

кіевляне не захотѣли, они были въ пользу сраженія: «хочемъ ся бити, говорили они, поступимъ на ону сторону рѣки». Князья послушались и были разбиты. Лавр. Въ 1150 году, во время битвы Изяслава съ союзниками Юрія у Ольшаницы, кіевляне «начаша стужати ему, рекуче: «поѣди, княже, прочь, и то рекше кіяне побѣгоша отъ него прочь». Видя это, побѣжалъ и Изяславъ. Ипат.

Въ 1178 году во время войны Всеволода Юрьевича съ Ростиславичами, Всеволодъ не хотѣлъ брать на щитъ Торжка, гдѣ новогородцы посадили соперника его, Ярополка Ростиславича. Это возбудило неудовольствіе войска, оно стало жаловаться князю: «мы не цѣловати ихъ пріехали, они, княже, лжють Богови и тобѣ». Сказавъ это, войны-народъ устремились на городскія стѣны, взяли городъ приступомъ и сожгли, а мужей повязали «за новогородскую неправду». Сузд.

Любопытно свидѣтельство лѣтописца о сборѣ рязанцевъ на войну съ Дмитріемъ Ивановичемъ Московскимъ:

«Рязанцы же, сурови суще человѣци, свирѣпи и высокоумны, палаумные людища, възгордѣвшеся величаніемъ и помыслиша высокоуміемъ своимъ, и рѣша другъ ко другу: не емлемь себѣ ни щитъ, ни копій, ни инаго которого оружіа, но токмо емлемъ съ собою едина ужища, да когождо изымавше москвичь было бы чимъ вязати...». Воскр. 1371.

VIII. Мнѣніе о законныхъ и незаконныхъ вѣчахъ и нѣкоторыя другія.

Наши ученые давно уже обратили вниманіе на вѣчевое устройство древней Россіи и литература предмета представляетъ такія мнѣнія и взгляды, которые мы считаемъ полезнымъ привести.

Первое мѣсто, конечно, принадлежитъ мнѣнію, съ точки зрѣнія котораго древнія народныя собранія дѣлятся на законныя, или правильныя и на незаконныя, или самовольныя. Это мнѣніе встрѣчаемъ у Неволина (Полн. собр. соч. VI, 112). Законнымъ вѣчемъ признаетъ онъ только такое, которое

созвано княземъ и посадникомъ и непремѣнно на дворѣ Ярослава. Мнѣніе это особенно развито Н. Бѣляевымъ (Разсказы, II, 158). Къ вѣчамъ «неправильнымъ или чрезвычайнымъ», какъ онъ выражается, относятся, по его мнѣнію, тѣ, которыя созывались во время борьбы партій; онѣ не имѣли опредѣленнаго мѣста и созывались колокольнымъ звономъ; правильныя же—созывались биричами и подвойскими.

Мнѣніе это пустило глубокіе корни въ нашу литературу и высказывается и въ наши дни. Изъ ученыхъ послѣдняго времени къ нему примыкаетъ профес. Владимірскій-Будановъ (Обзоръ Истор. Рус. Пр., I. 28, 32). Онъ различаетъ вѣча «въ тѣсномъ историко-юридическомъ смыслѣ». Подъ вѣчемъ въ этомъ тѣсномъ смыслѣ онъ разумѣетъ «собраніе полноправныхъ гражданъ старшаго города земли». Тайныхъ вѣчевыхъ собраній онъ не считаетъ вѣчами въ «историко-юридическомъ смыслѣ» слова. Явныя же имѣли, по его мнѣнію, «нормальное» мѣсто собраній. Это нормальное мѣсто онъ называетъ «законнымъ» и думаетъ, что «мѣсто собраній не мало значило для законности ихъ». Собраніе кіевлянъ у Туровой божницы онъ не считаетъ возможнымъ признать «нормальнымъ».

Приведенное дѣленіе вѣчевыхъ собраній на законныя и незаконныя есть продуктъ нашего времени. Оно совершенно чуждо сознанію древней эпохи и несогласно съ существомъ дѣла. Разсмотримъ нѣсколько ближе признаки законныхъ и незаконныхъ собраній.

1) «Законное вѣче созывается княземъ и посадникомъ».

Но, во-первыхъ, князь и посадникъ могутъ быть внѣ города; во-вторыхъ, вѣче можетъ собраться противъ князя и посадника; въ-третьихъ, въ волости можетъ вовсе не быть ни князя, ни посадника, а вѣчу надо собраться для избранія князя. Въ древности никто не смотрѣлъ на такія собранія, какъ на незаконныя. Во Владимірѣ Волынскомъ, въ 1097 году, вѣче собралось не по призыву своего князя, Давыда, а по призыву его противниковъ, Володаря и Ва-

силько. Тѣмъ не менѣе, оно вступило въ переговоры съ своимъ княземъ и онъ исполнилъ его требованіе. Кіевское вѣче 1112 года, избравшее Владиміра Мономаха, было созвано не княземъ, потому что князя уже не было въ живыхъ, и не его посадникомъ, ибо въ Кіевѣ при князѣ не было посадника. Тѣмъ не менѣе Владиміръ Мономахъ и другіе князья подчинились его рѣшенію. Никому изъ нихъ и въ голову не пришло возразить противъ законности избранія по причинѣ неправильнаго созванія вѣча.

2) «Законное вѣче должно собираться на законномъ мѣстѣ. Собраніе кіевлянъ у Туровой божницы не должно быть признано нормальнымъ».

Кіевляне, собравшіеся у Туровой божницы, пригласили къ себѣ на вѣче вновь избраннаго князя, Игоря. Игорь не возразилъ имъ указаніемъ на неправильность собранія, а послалъ вмѣсто себя брата, Святослава. Святославъ вошелъ съ собравшимися у Туровой божницы въ переговоры, пришелъ къ соглашенію и цѣловалъ къ нимъ крестъ; потомъ съ депутатами отъ собравшихся поѣхалъ къ брату и передалъ ему о своемъ соглашеніи съ народомъ; Игорь присоединился къ этому соглашенію и цѣловалъ кіевлянамъ крестъ «на всей ихъ волѣ». И все это мы должны считать «не нормальнымъ» по той одной причинѣ, что мѣстомъ собранія была Турова божница, а не Ярославовъ дворъ и не св. Софія? А если бы у св. Софіи и на Ярославовомъ дворѣ, почему либо, нельзя было собраться? Вся государственная жизнь должна была бы остановиться, и Кіевъ остаться безъ князя? Думаемъ, что не мѣсто рѣшало вопросъ о законности собранія.

3) «Во время борьбы партій созываются неправильныя вѣча и при томъ колокольнымъ звономъ а не чрезъ биричей».

Но борьба партій могла обнаружиться и на правильно созванномъ вѣчѣ. А съ другой стороны, неправильное вѣче, созванное во время борьбы партій, могло окончиться примиреніемъ партій и прекращеніемъ ихъ борьбы. Какой же результатъ? Правильное вѣче переходитъ въ неправильное

и наоборотъ, т. е. нѣтъ грани между правильнымъ и неправильнымъ. Созваніе колоколомъ не составляетъ отличительнаго признака неправильныхъ собраній. Колоколомъ собираютъ вѣче и сами князья (см. выше стр. 57).

Въ 1209 году въ Новгородѣ состоялось вѣче въ отсутствіе посадника и князя. Оно было направлено противъ отсутствующаго посадника, который и былъ осужденъ этимъ вѣчемъ. Въ томъ же году состоялось избраніе новаго посадника. По мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ это будетъ вѣче незаконное. А между тѣмъ, когда въ Новгородъ пріѣхалъ князь и узналъ о рѣшеніи собиравшагося безъ него вѣча, онъ присоединился къ нему и взялъ на себя исполненіе той части рѣшенія, которая не была еще исполнена. Новогор. I.

4) «Тайныя вѣчевыя собранія не суть вѣча въ тѣсномъ историко-юридическомъ смыслѣ слова».

Предержащая власть, отправляющая свои функціи тайно, перестаетъ ли быть властью, а то, что она дѣлаетъ тайно, перестаетъ ли быть актомъ власти? Полагаемъ, что нѣтъ, если только ей не предписано дѣйствовать явно и публично. Бываютъ обстоятельства, при которыхъ предержащая власть считаетъ нужнымъ обставлять свои дѣйствія тайной. О великомъ князѣ московскомъ, Василіѣ Ивановичѣ, мы знаемъ, что онъ самъ третей у постели своей всѣ дѣла дѣлалъ. Мы не видимъ существенной разницы между этимъ тайнымъ рѣшеніемъ государственныхъ дѣлъ въ спальнѣ, въ присутствіи двухъ любимцевъ и собраніемъ народа по дворамъ также для тайнаго обсужденія государственныхъ дѣлъ. Во многихъ государствахъ западной Европы при особѣ государя были даже особые тайные совѣты, въ обязанность которыхъ входило дѣйствовать тайно. Петръ Великій, по образцу запада, ввелъ у насъ канцелярскую тайну, а Екатерина I учредила Верховный Тайный Совѣтъ. Заключеніе международныхъ договоровъ и теперь облекается тайной. Тайна сама по себѣ не дѣлаетъ еще учрежденія, дѣйствующаго тайно, незаконнымъ или неправильнымъ. Возвращаясь къ нашимъ вѣчамъ, необходимо обратить вниманіе на то,

кто собирался тайно, тѣ же самыя лица, которыя имѣли право рѣшать вопросъ явно, на какой-либо площади, или совсѣмъ иныя? Вотъ въ этомъ и заключается рѣшающій вопросъ, а не въ тайнѣ. На площадь приходилъ, кто хотѣлъ изъ имѣющихъ право, и если число собравшихся было достаточно, чтобы настоять на исполненіи своего рѣшенія, собравшіеся не заботились объ отсутствующихъ и дѣйствовали именемъ цѣлаго народа. При соблюденіи этихъ условій, мы не видимъ причины, почему бы и тайное вѣче не считать за вѣче. На явномъ вѣчѣ присутствуютъ не всѣ и на тайномъ также не всѣ; но въ интересахъ созывающихъ тайное вѣче—собрать возможно болѣе участниковъ, чтобы заручиться содѣйствіемъ большаго числа людей и тѣмъ обезпечить силу рѣшенія. Тайныя вѣча составляли тайну для князя, противъ котораго были созваны, а не для народа. Если на явное собраніе приходило мало народу, оно расходилось ничего не сдѣлавъ; то же, конечно, бывало и съ тайными собраніями.

5) «Вѣче, какъ органъ государственной власти, есть собраніе полноправныхъ гражданъ старшаго города земли».

Отсюда слѣдовало бы вывести, что граждане пригородовъ не имѣютъ права присутствовать на вѣчѣ старшаго города. Но это до такой степени противорѣчитъ нашимъ источникамъ, что и самъ авторъ приведеннаго мнѣнія не рѣшается сдѣлать такое заключеніе. Совершенно наоборотъ, онъ допускаетъ участіе пригорожанъ на вѣчѣ старшаго города, но смягчаетъ это допущеніе такой оговоркой: «участіе пригорожанъ случайно и не необходимо». Изъ этой оговорки слѣдовало бы заключить, что участіе полноправныхъ жителей старшаго города не случайно и необходимо. Но такъ ли это? Оно только менѣе случайно, чѣмъ участіе жителей пригородовъ, но то же случайно, такъ какъ собираются наличные граждане, которые узнаютъ о вѣчѣ лишь въ моментъ собранія. Собраніе всѣхъ наличныхъ гражданъ главнаго города то же не необходимо. Сходятся вовсе не всѣ, а желающіе и переклички не дѣлаютъ. Никто не уча-

ствуетъ по необходимости, въ смыслѣ обязанности; всѣ участвуютъ лишь по доброй волѣ, и въ этомъ смыслѣ не необходимо. Никакого «историко-юридическаго» различія между вѣчевыми правами жителей старшихъ и младшихъ городовъ, кажется намъ, не было.

Относительно судебной компетенціи вѣча встрѣчаемъ также разнорѣчіе въ нашей литературѣ.

Неволинъ признаетъ вѣче верховнымъ судилищемъ по дѣламъ уголовнымъ (Полн. собр. соч. VI, 113). И. Д. Бѣляевъ судебную компетенцію вѣча допускаетъ еще въ болѣе широкихъ размѣрахъ. По его мнѣнію (Разск. II, 157), вѣчу «приносились жалобы на неправый судъ», т. е. вѣче было апеляціоннымъ судомъ не только въ уголовныхъ, но и въ гражданскихъ дѣлахъ. Къ сожалѣнію, ни тотъ, ни другой авторъ не приводятъ источниковъ, на которыхъ они основываютъ свои мнѣнія; мы же не замѣтили ни одного мѣста, на основаніи котораго можно было бы утверждать, что вѣче было обыкновеннымъ апеляціоннымъ судомъ. Принявъ же во вниманіе, что князь призывался именно для суда, что впослѣдствіи (въ Новгородѣ) судъ его ограничивался только участіемъ посадника; что новогородскія договорныя грамоты ничего не знаютъ о судѣ вѣча, какъ высшемъ апеляціонномъ по отношенію къ суду князя и посадника, о чемъ имъ не возможно было бы не знать, и зная — молчать, мы думаетъ, что не имѣемъ основанія отступать отъ высказаннаго уже по сему предмету мнѣнія.

Самую широкую компетенцію вѣча признаетъ С. М. Соловьевъ. По его мнѣнію предметы вѣдомства вѣча не отличались отъ предметовъ вѣдомства князя; но въ подтвержденіе своей мысли, что вѣче также судило, какъ и князь, онъ приводитъ примѣры лишь чрезвычайнаго суда, а не обыкновеннаго (Изслѣдов. объ отнош. Новгор. къ вел. князьямъ, стр. 8 и сл.).

Въ заключеніе обратимъ вниманіе на то, что наличность вѣча въ старыхъ городахъ есть фактъ общепризнанный, хотя, можетъ быть, и не вполнѣ еще оцѣненный. Но под-

вергаютъ сомнѣнію распространеніе этой формы быта на новыя города, воздвигаемые на глазахъ исторіи князьями. Предполагаютъ, что въ новыхъ городахъ Ростовской волости никогда не было вѣча и этимъ объясняютъ возникновеніе тамъ новаго порядка вещей, подготовившаго образованіе Московскаго государства. У С. М. Соловьева читаемъ: «Андрей Боголюбскій переселяется жить изъ стараго города Ростова Великаго въ новый, Владиміръ на Клязьмѣ, гдѣ нѣтъ вѣча, гдѣ власть княжеская не встрѣтитъ преградъ» (Исторія XIII, 21, ср., Истор. отнош. Новг. къ вел. князю стр. 17). Новый порядокъ вещей дѣйствительно развился въ новыхъ городахъ Ростовской волости, но это было произведено совокупностью очень многихъ причинъ, среди которыхъ не было, однако, мѣста предполагаемому, но въ дѣйствительности не существовавшему различію.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Вѣчевая жизнь пригородовъ.

Во второй главѣ мы указали на то, что въ вѣчевой жизни волости принимаютъ участіе и жители пригородовъ. Участіе это выражается въ двухъ формахъ:

1) въ участіи пригорожанъ въ вѣчевыхъ собраніяхъ, составляемыхъ жителями старшихъ городовъ, и

2) въ особыхъ вѣчевыхъ собраніяхъ по пригородамъ.

Есть указаніе, что жители главныхъ городовъ приглашаютъ иногда пригорожанъ на свои вѣчевыя собранія. Въ новгородской I лѣтописи читаемъ:

«Новогородци призваша пльсковиче и ладожаны и сдумавше, яко изгонити князя своего Всѣволода»... 1136.

Въ виду важности случая (предстоялъ судъ надъ княземъ) псковичи и ладожане получили особое приглашеніе пріѣхать въ Новгородъ для общей думы. Въ этомъ же смыслѣ надо понимать и съѣздъ ростовцевъ, суздальцевъ и переяславцевъ во Владимірѣ въ 1175 году, по смерти Андрея Боголюбскаго, для избранія князя. Иниціативу съѣзда, по всей вѣроятности, взяли на себя старшіе города, Ростовъ и Суздаль, но они устроили съѣздъ во Владимірѣ и пригла-

сили къ нему не только владимірцевъ, иначе не зачѣмъ было бы и съѣзжаться у Владиміра, но и переяславцевъ.

Но жители пригородовъ принимаютъ участіе въ вѣчевыхъ собраніяхъ старшаго города и безъ особаго приглашенія во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда они (т. е. нѣкоторые изъ нихъ) находятся въ главномъ городѣ во время вѣчевого собранія. Такъ князь Мстиславъ, приглашенный новогородцами, въ 1147 году, въ помощь противъ Юрія, приказываетъ звонить вѣче, а на вѣче сходятся новогородцы и псковичи, т. е. тѣ псковичи, которые находились въ это время въ Новгородѣ.

Точно также, когда вѣче созывается во время похода, то сходятся не только жители главнаго города, но и пригородовъ, если они принимаютъ участіе въ походѣ. Въ 1217 году новогородцы выступили въ походъ на чюдь; чюдь выслала къ нимъ пословъ. Для обсужденія предложеній чюдскихъ пословъ новогородцы собираются на думу вмѣстѣ съ псковичами, т. е. тѣми изъ псковичей, которые были съ ними въ походѣ. Новогор. I.

Къ вѣчевымъ собраніямъ, составленнымъ при соучастіи пригорожанъ примѣнялись, конечно, тѣ же порядки рѣшенія дѣлъ, какіе дѣйствовали на вѣчевыхъ собраніяхъ жителей главныхъ городовъ.

Но это участіе жителей пригородовъ въ вѣчевой жизни волости не могло быть ни столь же постояннымъ, ни столь полнымъ, какъ участіе въ ней жителей главныхъ городовъ. Особыя приглашенія разсылались только въ особенно важныхъ случаяхъ и когда было время ждать пріѣзда пригорожанъ. Но и въ этихъ случаяхъ приглашались жители не всѣхъ пригородовъ, а только важнѣйшихъ. Въ случаяхъ же внезапнаго созванія вѣча на собраніяхъ могли присутствовать только тѣ изъ жителей пригорода, которые случайно находились въ это время въ городѣ. Надо думать, однако, что и въ случаѣ особаго приглашенія жители пригородовъ являлись обыкновенно въ меньшемъ числѣ, чѣмъ жители главнаго города. Эта разница легко объясняется удален-

ностью пригорода отъ мѣста собранія, трудностями переѣзда, необходимостью большихъ жертвъ временемъ, деньгами и т. д.

Вторую форму участія пригородовъ въ вѣчевой жизни волости составляютъ особыя пригородныя вѣча. Въ 1140 году кіевляне нарушили крестное цѣлованіе Игорю и призвали къ себѣ на столъ князя Изяслава Мстиславича. Въ томъ же году Изяславъ принималъ пословъ отъ бѣлгородцевъ и васильевцевъ, которые также приглашали его занять княжескій столъ. «Пойди, говорили послы Изяславу, ты нашъ князь, а Ольговичь не хочемъ». Бѣлгородъ и Васильевъ — кіевскіе пригороды, но это зависимое положеніе не помѣшало имъ самостоятельно высказаться въ вопросѣ о князѣ. Въ Друцкѣ, полоцкомъ пригородѣ, собирается въ 1159 году свое особое вѣче; тоже наблюдаемъ во Владимірѣ на Клязьмѣ, Переяславлѣ сѣверномъ и въ новогородскихъ пригородахъ, Псковѣ, Торжкѣ и другихъ. Какъ въ городскихъ вѣчахъ участвуютъ жители пригородовъ, такъ и на оборотъ, на пригородныхъ вѣчахъ встрѣчаемъ жителей главныхъ городовъ. Въ призваніи дрючанами князя Всеволода въ 1159 году участвуютъ полочане. Примѣры участія жителей главнаго города въ вѣчевыхъ собраніяхъ пригородовъ представляетъ и новогородская исторія.

«Новогородци Великого Новагорода, разсказываетъ лѣтописецъ, бояре, пріѣхаша въ Торжекъ ставити городъ, съвокупишася и единишася съ новоторжьци, и укрѣпишася крестнымъ цѣлованіемъ, и сдумаша думу, еже быти и стати за одинъ; и заратишася съ княземъ Михаиломъ тферьскымъ, и съслаша намѣстники его съ города, съ Торжку». Воскр. 1372.

Въ 1393 году новогородцы, находившіеся въ Торжкѣ, оставили съ новоторжцами вѣче и убили «нѣкоего христолюбца, Максима именемъ, добра хотяще великому князю» *).

---

*) Воскр. Въ I вып. Обзора проф. Владимірскаго-Буданова читаемъ: «Предположеніе объ участіи (рѣчь идетъ объ участіи въ вѣчевыхъ со-

Но на пригородномъ вѣче не всегда же присутствовали жители главнаго города; какъ вѣче главнаго города могло состоять только изъ жителей этого города, такъ и пригородное могло состоять единственно изъ жителей пригорода. Но и въ тѣхъ случаяхъ, когда на пригородномъ вѣчѣ принимали участіе жители главнаго города, оно не всегда можетъ быть разсматриваемо, какъ вѣче цѣлой волости, такъ какъ жители главнаго города могли находиться въ пригородѣ случайно. Поэтому возникаетъ вопросъ объ отношеніи пригородныхъ вѣчевыхъ собраній къ собраніямъ главнаго города.

Вопросъ этотъ долженъ рѣшаться на основаніи тѣхъ общихъ началъ, которыми управлялась вѣчевая жизнь волости. А вѣчевая жизнь волости, какъ мы видѣли, управлялась началомъ единенія. Въ случаѣ единенія составныхъ элементовъ волости, въ волости господствовалъ миръ, въ случаѣ розни, — война, которая въ концѣ концовъ снова приводила къ единенію. Тоже, конечно, было и во взаимныхъ отношеніяхъ пригородовъ и главныхъ городовъ. Каждый пригородъ могъ составить особое пригородное вѣче и постановить на немъ какое угодно рѣшеніе. Но въ дѣйствительности на такой самостоятельный образъ дѣйствія рѣшался не всякій пригородъ, а только достаточно сильный для того, чтобы настоять на исполненіи своей воли въ томъ случаѣ, если воля эта не понравится вѣчу главнаго города.

браніяхъ) всѣхъ жителей земли противорѣчитъ обширности земель и отдаленности пригородовъ». Надо думать, что авторъ разумѣетъ здѣсь не право участія, а фактическое участіе, такъ какъ обширность и отдаленность могутъ препятствовать фактическому участію, а не праву участія. Въ этомъ смыслѣ замѣчаніе автора совершенно вѣрно; мы не знаемъ только, кто высказалъ противоположное «предположеніе, что фактически собираются всѣ». Можно настаивать только на правѣ участія всѣхъ свободныхъ и самостоятельныхъ лицъ волости. Но права не отрицаетъ и авторъ. Онъ самъ говоритъ на той же страницѣ объ участіи пригорожанъ на вѣчѣ главнаго города и объ особыхъ пригородныхъ вѣчахъ. Почему это возможно? Потому что у пригорожанъ право. А собираются, конечно, не всѣ, а кто хочетъ и можетъ.

Отсюда слѣдуетъ, что отношенія пригородовъ къ городамъ были различны, смотря по силѣ пригорода. Въ то время какъ сильные пригороды могли принимать рѣшенія завѣдомо несогласныя съ предполагаемой волею главнаго города, пригороды слабые и не помышляли о самостоятельныхъ вѣчевыхъ собраніяхъ.

Тоже надо сказать и объ отношеніи пригородовъ къ вѣчевымъ рѣшеніямъ главныхъ городовъ. Только сильные пригороды могли взязь на себя смѣлость противорѣчить рѣшеніямъ главнаго города, слабые же должны были присоединяться къ нимъ. Этимъ объясняется, почему новогородцы въ 1136 году призываютъ на вѣче псковичей и ладожанъ, а не корельцевъ и орѣховцевъ, а ростовцы, въ 1175 году, владимірцевъ и переяславцевъ, а не москвичей. Большинство пригородовъ каждой волости составляли, конечно, слабо населенные пункты, которые не имѣли достаточно силъ, чтобы бороться съ рѣшеніемъ главнаго города, а потому, обыкновенно, они присоединялись къ нему. Это общее начало и выражено въ извѣстномъ мѣстѣ лѣтописи: «на что же старѣйшіе сдумають, на томъ же пригороды станутъ».

Такимъ образомъ, взаимныя отношенія вѣчевыхъ собраній главныхъ городовъ и пригородовъ сводятся къ тѣмъ же началамъ, которыми опредѣлялись взаимныя отношенія вѣчевыхъ партій въ предѣлахъ главнаго города. Какъ между вѣчевыми партіями главнаго города существуетъ либо миръ, либо война, такъ и между вѣчами главнаго города и пригородовъ. Пригородъ имѣетъ не менѣе правъ, чѣмъ члены любой вѣчевой партіи.

Необходимость единенія нельзя, однако, понимать въ томъ смыслѣ, что всякое рѣшеніе пригорода нуждалось въ формально выраженномъ согласіи главнаго города и обратно. Молчаніе, въ случаѣ согласія, было совершенно достаточно для одобренія пригороднаго рѣшенія. Въ случаѣ же несогласія главнаго города съ рѣшеніемъ пригорода, главный городъ, если хотѣлъ заставить пригородъ отступить

отъ принятаго имъ рѣшенія, долженъ былъ объявить ему войну. Но надо думать, что, въ виду всегда сомнительнаго исхода войны, главный городъ рѣшался на это средство только въ крайнихъ случаяхъ. Въ случаяхъ же не важныхъ, или хотя и важныхъ, но сомнительныхъ по исходу вооруженной борьбы,—онъ терпѣлъ непріятное для него рѣшеніе пригорода.

Перейдемъ къ памятникамъ и посмотримъ, встрѣчаются ли тамъ случаи столкновенія пригородныхъ вѣчевыхъ собраній съ вѣчевыми собраніями главнаго города и какъ они разрѣшаются.

Въ 1136 году новогородцы, составившіе общее вѣче съ псковичами и ладожанами, осудили и изгнали князя своего, Всеволода. Въ слѣдующемъ году приверженцы изгнаннаго князя задумали снова доставить ему столъ Новогородской волости. Но партія ихъ оказалась слишкомъ слабой въ Новгородѣ и они потерпѣли тамъ пораженіе; за то во Псковѣ имъ удалось склонить въ пользу Всеволода громадное большинство гражданъ. Псковичи снова призвали Всеволода и рѣшили защищать его противъ новогородцевъ и приглашеннаго ими князя, Святослава Ольговича. Такимъ образомъ, единеніе новогородцевъ со псковичами, которое мы наблюдаемъ въ 1136 году, въ моментъ суда надъ Всеволодомъ, смѣнилось розныю въ 1137: псковичи, въ нарушеніе ясно высказанной воли новогородцевъ, снова призвали Всеволода. Для возстановленія единенія города съ пригородомъ необходимо было обратиться къ тѣмъ же средствамъ, къ какимъ обращались и въ стѣнахъ Новгорода въ случаѣ раздѣленія мнѣній на вѣче: къ миру, на основаніи уступокъ той или другой стороны, или къ войнѣ. Новгородъ подъ первымъ впечатлѣніемъ обратился къ войнѣ. Святославъ Ольговичъ совокупилъ всю землю Новогородскую, призвалъ брата своего, Глѣба, съ курянами и половцами и отправился къ Пскову прогонять Всеволода. «И не покоришася псковичи имъ, говоритъ лѣтописецъ, ни выгнаша князя отъ себя, но бяхуть ся устерегли, засѣкли осѣки вси». Эта твердая рѣшимость

защищать свое мнѣніе силою остановила новогородцевъ; они возвратились съ дороги, не желая проливать крови своей братіи, какъ объясняетъ лѣтописецъ. Ясно, что рѣшительнаго намѣренія принудить псковичей къ подчиненію у новогородцевъ не было. Они хотѣли только испытать псковичей: убѣдившись же въ ихъ рѣшимости стоять на своемъ, они отступили. Вскорѣ послѣ этого Всеволодъ умеръ; на мѣсто его псковичи призвали брата умершаго, Святополка, «и не бѣ мира съ новогородци», поясняетъ лѣтописецъ это новое избраніе, несогласное съ волею старшаго города. Въ 1138 году новогородцы показали путь своему князю, Святославу, и призвали Ростислава Юрьевича изъ Суздаля. Ростиславу удалось «заключить миръ» съ псковичами, но условія этого примиренія города съ пригородомъ не дошли до насъ. Новогор. I.

Съ явленіями такого же рода встрѣчаемся и въ другихъ волостяхъ.

Въ 1151 году полочане схватили своего князя, Рогволода Борисовича, и сослали въ Минскъ, гдѣ онъ подвергся тяжкому заключенію, а къ себѣ пригласили Ростислава Глѣбовича. Ростиславъ сѣлъ въ Полоцкѣ, а сына своего, Глѣба, назначилъ посадникомъ въ младшій городъ, Дрюцкъ. Изъ этого надо заключить, что дрючане находились въ единеніи съ полочанами. Но единеніе это продолжалось только до 1159 года. Въ этомъ году изгнанный Рогволодъ вступилъ въ сношеніе съ дрючанами и получилъ отъ нихъ приглашеніе сѣсть въ Дрюцкѣ. Пригородъ и главный городъ разошлись. Ростиславъ полоцкій узналъ объ этомъ отъ сына своего, Глѣба, который принужденъ былъ бѣжать изъ Дрюцка, потерявъ тамъ все свое имѣніе, разграбленное гражданами. Вѣсть о возвращеніи Рогволода вызвала въ Полоцкѣ волненіе, такъ какъ и тамъ были сторонники Рогволода. Но князю удалось усмирить людей подарками и привести ихъ къ новому цѣлованію на вѣрность къ себѣ. Что же предпринимаетъ Ростиславъ и утвердившіеся съ нимъ полочане по отношенію къ дрючанамъ, которые цѣловали крестъ Рог-

володу биться за него и съ дѣтьми и такимъ образомъ отложились отъ главнаго города? Они выступаютъ войной противъ Дрюцка, желая прогнать Рогволода. Но результатъ похода далеко не соотвѣтствовалъ ожиданіямъ. Ростиславъ встрѣтилъ такое сопротивленіе со стороны дdriючанъ, что вынужденъ былъ заключить выгодный для Рогволода миръ, придавъ ему волости. По заключеніи этого невыгоднаго для Полоцка мира, сторонники Рогволода снова подняли голову, получили перевѣсъ и прогнали Ростислава. Городъ въ этомъ случаѣ присоединялся къ мнѣнію пригорода.

Въ 1175 году ростовцы, суздальцы, владимірцы и переяславцы избрали въ Ростовскую волость Мстислава и Ярополка Ростиславичей. Избраніе состоялось, хотя и не всѣ избиратели были на сторонѣ Ростиславичей. Переяславцы хотѣли имѣть князьями Михалку и Всеволода Юрьевичей, а не Ростиславичей. Они, слѣдовательно, присоединились къ избранію потому, что не считали себя достаточно сильными для проведенія своихъ кандидатовъ. Они представляли, такимъ образомъ, то скрытое меньшинство, которое надо предполагать при всякомъ вѣчевомъ рѣшеніи. Ростиславичи были кандидатами ростовцевъ, которые и заправляли всѣмъ дѣломъ избранія. Какъ только окончились выборы, ростовцы отрядили полторы тысячи владимірцевъ для встрѣчи вновь избранныхъ князей. Но Ростиславичи пріѣхали въ Ростовскую волость не одни, они захватили съ собой двухъ дядей, Михалку и Всеволода, съ которыми вошли въ соглашеніе о совмѣстномъ княженіи въ избравшей ихъ волости. Соглашеніе это нарушало актъ призванія и вызвало неудовольствіе въ ростовцахъ, которые, по выраженію лѣтописца, «негодовали». Иначе отнеслись къ этому факту владимірцы; они приняли Михалку въ свой городъ. Такимъ образомъ, съ пріѣздомъ Михалки пригородъ Владиміръ отпалъ отъ старшихъ городовъ. Ростовцы не хотѣли примириться съ этимъ и подступили къ Владиміру. Осада продолжалась 7 недѣль, и пригородъ вынужденъ былъ, наконецъ, подчиниться волѣ старшихъ городовъ: онъ отказался отъ Михалки

и призналъ Ярополка. Въ слѣдующемъ году послѣдовало новое разногласіе между пригородомъ, Владиміромъ, къ которому на этотъ разъ присоединился Переяславль, и старшими городами, окончившееся торжествомъ младшихъ городовъ. Разсказывая о побѣдѣ Владиміра, лѣтописецъ прославляетъ ее въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Михалко же приѣхавъ къ Володимирю съ братомъ своимъ, Всеволодомъ, вороти городы святыя Богородицы, яже бѣ отъялъ Ярополкъ. И бысть радость велика въ градѣ Володимири, видяще оу себе великаго князя Всеволода всея Ростовскыя земля. Мы же подивимся чюдоу новомоу Божія Матере, великомоу и преславному, како застоупи градъ свой отъ великыхъ бѣдъ, и гражаны своя оукрѣпи. Не вложи бо имъ Богъ страха и не убояшася, князя два имоуще въ власти сей и боляръ ихъ прещенія нивъчтоже положиша, за седмь недѣль безъ князя боудуче въ Володимири градѣ, толико възложиша надежду и оупованіе къ святѣй Богородици и на свою правду. Новогородци бо изначала, и смолняне, и кыяне, и полочане и вся власти на доумоу на вѣчя сходятся, на чтожь старѣйшіи сдоумають, на томъ же пригороди станоуть. А сдѣ городъ старый, Ростовъ и Соуждалъ, и вси боляре, хотяще свою правду поставити, како намъ любо, и тако же створимъ, Володимиръ есть пригородъ нашь! Противящеся Богоу и святѣй Богородици, правдѣ Божіи, слоушающе злыхъ человѣкъ развратниковъ, не хотящихъ добра градоу семоу и живущимъ въ немъ». Сузд.

Это мѣсто дало поводъ многимъ нашимъ ученымъ утверждать, что пригороды не имѣютъ своей воли, а по общему правилу должны подчиняться рѣшенію старшихъ городовъ. Но если это такъ, почему же лѣтописецъ волю старшихъ городовъ считаетъ внушеніемъ злыхъ людей, развратниковъ, и противополагаетъ ее правдѣ Божіей? Почему святая Богородица была на сторонѣ владимірцевъ, преступившихъ правду? Точка зрѣнія лѣтописца не сходится съ точкой зрѣнія новѣйшихъ ученыхъ. По ихъ мнѣнію, правы ростовцы, а владимірцы представляются имъ нарушителями старыхъ обычаевъ; по мнѣнію лѣтописца, наоборотъ, правы владимірцы. Для ихъ восхваленія онъ и представляетъ борьбу

Владиміра со старшими городами, какъ что то небывалое, какъ «чудо новое», которому надо дивиться. Этимъ онъ и ввелъ въ заблужденіе ученыхъ XIX в. Владимірскій патріотъ, восхваляя своихъ сограждан, совсѣмъ упустилъ изъ виду, что онъ имѣетъ дѣло не съ первымъ случаемъ сопротивленія младшихъ городовъ волѣ старшаго. Въ 1136 году Псковъ отражалъ нападеніе Новгорода; въ 1159 Друцкъ одержалъ верхъ въ борьбѣ съ Полоцкомъ; даже Владиміръ не впервые воюетъ со старшими городами въ 1176 году; онъ воевалъ уже съ ними въ 1175. И это, конечно, не единственные случаи. Но понятно, что лѣтописцу, для восхваленія владимірцевъ, надо было умолчать о прецедентахъ; только при этомъ условіи ихъ сопротивленіе корыстной волѣ старшихъ городовъ могло быть возведено до значенія «чуда новаго».

Описанное лѣтописцемъ «чудо» повторилось въ Ростовской волости не далѣе какъ черезъ годъ. Въ 1177 году, по смерти Михалки, Владимірцы посадили у себя на столѣ его брата, Всеволода, а ростовцы снова призвали Ростислава Мстиславича и объявили войну владимірцамъ. Побѣда и на этотъ разъ была на сторонѣ пригорода.

Если пригородъ Владиміръ въ три года имѣлъ три столкновенія со старшимъ городомъ Ростовомъ, то можно думать, что споры младшихъ городовъ со старшими не составляли у насъ рѣдкости въ XII вѣкѣ.

Съ такого же рода явленіями встрѣчаемся и позднѣе. Вотъ нѣсколько примѣровъ.

Въ 1225 году новогородцы, по удаленіи отъ нихъ князя Михаила Черниговскаго, призвали къ себѣ Ярослава Всеволодовича Переяславскаго. Судя по тому, что Ярославъ княжилъ и въ Псковѣ, пригородъ этотъ находился въ единеніи съ главнымъ городомъ. Такъ продолжалось до 1228 года, когда Ярославъ предпринялъ поѣздку въ Псковъ. Между псковичами разнеслась вѣсть, будто Ярославъ «везетъ съ собой оковы, хотя ковати вячшихъ мужей»; они затворились въ городѣ и не пустили къ себѣ князя. Опасаясь, что

и новогородцы раздѣляютъ замыслы Ярослава, псковичи заключили оборонительный союзъ съ нѣмцами.

«То же слышавъше пльсковици, говоритъ лѣтописецъ, яко приведе Ярославъ пълкы, убоявшеся того, възяша миръ съ рижаны, Новгородъ выложивъше, а рекуче: то вы, а то новгородьци, а намъ не надобе; но оже пойдуть на насъ, тъ вы намъ помозите». И они рекоша: «тако буди!» и пояша у нихъ 40 мужъ въ талбу». Новогор. I.

Такимъ образомъ, единенiе пригорода съ городомъ нарушилось, и псковичи готовились дать отпоръ новогородцамъ и князю ихъ. Но опасенiя ихъ были напрасны. Новогородцы не только ничего не замышляли противъ нихъ, но даже безъ согласiя «своихъ братьевъ пльсковичей» не пошли на Ригу, къ войнѣ съ которой побуждалъ ихъ князь Ярославъ.

Въ 1228 году новогородцы дали посадничество въ Торжкѣ своему бывшему посаднику, Ивану Дмитрiевичу, «и не прияша его новоторжьци», говоритъ лѣтописецъ. Пригородъ не подчинился рѣшенiю главнаго города. Что же дѣлаетъ Новгородъ? Терпитъ и тѣмъ допускаетъ отмѣну своего рѣшенiя.

Въ 1232 году, въ княженiе Ярослава, прибыли въ Новгородскую волость сторонники черниговскихъ князей съ княземъ Святославомъ Трубецкимъ, которому они намѣревались доставить столъ. Святославъ скоро убѣдился, что прiятели его преувеличили значенiе своей партiи и возвратился съ дороги, не достигнувъ Новгорода. Но приверженцы его направились во Псковъ, гдѣ нашли сильную поддержку. Псковичи отложились отъ Новгорода и князя Ярослава и заключили въ оковы сидѣвшаго у нихъ мужа его, Вячеслава. Ярославъ велѣлъ схватить находившихся въ Новгородѣ псковичей, а во Псковъ послалъ требованiе освободить «мужа его», и показать путь приверженцамъ черниговскихъ князей. Но псковичи стояли за нихъ крѣпко; освободить Вячеслава обѣщали только подъ условiемъ, чтобы Ярославъ освободилъ лицъ противной ему партiи, или «вы собѣ, а мы собѣ» говорили они послу его. «И тако быша

безъ мира все лѣто», заключаетъ свой разсказъ лѣтописецъ. Ярославъ остановилъ подвозъ соли къ Пскову и тѣмъ принудилъ псковичей къ уступчивости: они освободили Вячеслава, а князь, съ своей стороны, освободилъ приверженцевъ Святослава, но мира еще не заключилъ. Единенiе пригорода со старшимъ городомъ возстановилось только зимою, когда псковичи снова признали Ярослава своимъ княземъ и показали путь сторонникамъ Святослава.

Но новогородцы не всегда оказывали поддержку своимъ князьямъ въ борьбѣ съ самостоятельными рѣшенiями пригородныхъ вѣчъ. Въ 1266 году, въ княженiе у нихъ Ярослава Ярославича, псковичи посадили у себя на столѣ князя Довмонта литовскаго. Новгородскiй князь хотѣлъ-было идти войной на Довмонта, но новогородцы воспротивились и сказали ему: «оли, княже, тобѣ съ нами увѣдавъшеся, тоже ѣхати въ Пльсковъ». Новогор. I.

Князь Александръ Михайловичъ тверской, возставшiй противъ татарскаго насилiя и изгнанный за это великимъ княземъ, Иваномъ Даниловичемъ, нашелъ убѣжище во Псковѣ. Въ 1328 году ѣздили на поклонъ въ Орду великiй князь Иванъ Даниловичъ и новогородскiе послы и получили приказанiе искать князя Александра. Въ слѣдующемъ году Иванъ Даниловичъ и новогородцы послали пословъ своихъ во Псковъ ко князю Александру съ предложенiемъ ѣхать въ Орду и не губить христiанъ. Александръ рѣшился ѣхать, но псковичи удержали его: «не ходи въ Орду, говорили они, и аже что будеть на тобѣ, изомремъ съ тобою во одиномъ мѣстѣ». Пригородъ сопротивляется въ данномъ случаѣ не только волѣ старшаго города, но и волѣ великаго князя и хана ордынскаго. Твердость псковичей была столь велика, что князь великiй не находилъ средствъ овладѣть княземъ Александромъ. Въ этомъ затруднительномъ положенiи онъ обратился къ помощи митрополита и намолвилъ его послать проклятiе князю Александру и вѣрнымъ русскому дѣлу псковичамъ. Князь Александръ, узнавъ объ этомъ, отъѣхалъ въ Литву. Псков. I.

Но противъ воли старшихъ городовъ могли идти только пригороды, которые считали себя достаточно сильными. Слабые обращались къ нимъ съ жалобами и челобитьями. Орѣховцы и корельцы, недовольные посадникомъ своимъ, княземъ Патрикѣемъ, не прогоняютъ его, а являются съ жалобой въ Новгородъ. Новогор. IV. 1384.

Въ заключеніе приведемъ еще одно свидѣтельство XV в. Въ 1428 г. приходилъ князь Витовтъ къ Порхову, новогородскому пригороду, ратью. Порховичи заключили съ нимъ миръ «за себя». Послѣ этого замиренія пріѣхали новогородскіе послы и дополнили заключенный порховичами миръ нѣсколькими статьями отъ себя. Новогор. I. Такимъ образомъ, порховичи, жители весьма не важнаго пригорода, считаютъ себя въ правѣ вступить отъ своего имени въ переговоры съ иностранной державой и заключить съ нею миръ; новогородцы не говорятъ, что порховичи не имѣли права этого сдѣлать, а присоединяются къ миру и дополняютъ его новыми статьями.

Таковы факты. Они совершенно подтверждаютъ сдѣланный выше выводъ о томъ, что пригородамъ принадлежитъ участіе въ вѣчевой жизни волости. Но иначе и быть не могло. Подъ жителями пригородовъ мы разумѣемъ свободныхъ людей. Почему бы они могли быть лишены тѣхъ правъ, которыя принадлежали свободнымъ людямъ вообще? Говорятъ, что жители главнаго города дѣлаютъ «обязательныя для пригорожанъ постановленія». Допустимъ. Но если пригорожане не исполняютъ этихъ обязательныхъ для нихъ постановленій, какъ заставить ихъ подчиниться? Для этого надо объявить пригороду войну, какъ это дѣлаютъ новогородцы въ 1176 г., полочане въ 1159, ростовцы въ 1175 и пр. Но такъ какъ исходъ войны неизвѣстенъ, то старшій городъ не всегда на нее рѣшается, а иногда терпитъ отступленіе пригорода отъ своей воли и, такимъ образомъ, допускаетъ отмѣну своего постановленія пригородомъ. Такъ поступаетъ Новгородъ съ Торжкомъ въ 1228 г. и со Псковомъ въ 1266. Мы не отрицаемъ, что старшіе города про-

никнуты сознанiемъ своего главенства надъ пригородами, что они смотрятъ на нихъ, какъ на пункты поселенiя, отъ нихъ зависимые и имъ подчиненные. Мы не отрицаемъ, что слабые пригороды, дѣйствительно, всегда подчиняются. Но жители пригородовъ, чувствующихъ свою силу, проявляютъ свою волю совершенно также, какъ и жители главныхъ городовъ. Если они подчиняются рѣшенiю старшаго города, то по тому, что сами этого хотятъ; въ противномъ случаѣ они проводятъ свою волю, и старшему городу приходится иногда соглашаться съ ней. Въ этомъ смыслѣ мы и говоримъ, что съ точки зрѣнiя вѣчевой жизни города и пригороды составляютъ единство. Мысль о такомъ единствѣ не чужда и древности. Въ 1397 г. Новгородъ заключилъ вѣчный миръ со Псковомъ, который былъ тогда не пригородомъ новогородскимъ, а составлялъ уже самостоятельную волость. Вотъ какъ говоритъ лѣтописецъ о скрѣпленiи этого мира крестнымъ цѣлованiемъ:

«И цѣловалъ крестъ посадникъ новогородцкой, Тимоѳей Юрьевичъ, и Микита, тысяцкiй, Ѳедоровичъ, за весь Великiй Новгородъ, и за пригороды, и за всѣ свои волости; а отъ Пскова цѣловалъ крестъ князь Григорей, и Сысой посадникъ, и Романъ посадникъ, и дружина ихъ къ Новгороду за Псковъ, за пригороды, и за всѣ свои волости, мѣсяца iюня въ 18, на память св. мученика Леонтiя и дружины его». Псков. I.

Крестъ цѣлуется и за пригороды, они, значитъ, тоже участники мира. Но это единство само въ себѣ носило начатки разложенiя. Войны городовъ съ пригородами суть явленiя совершенно однородныя съ войнами вѣчевыхъ партiй, происходившихъ на улицахъ Новгорода. Но городъ представлялъ все же болѣе крѣпкое единство, чѣмъ волость, разбросанная по большому пространству. Войны въ городѣ всегда оканчивались новымъ миромъ и возстановленiемъ нарушеннаго распрей единства. Нельзя того же сказать о цѣлой волости. Пригороды, въ случаѣ распри, могли совершенно обособиться отъ главнаго города. Друцкъ обособ-

ляется отъ Полоцка въ 1159 г. подъ властью особаго князя, Рогволода; Псковъ отъ Новгорода въ 1136 г. подъ властью особаго князя, Всеволода, и т. д. Примѣры такихъ обособленій не всѣ намъ извѣстны, но можно думать, что ихъ было весьма много. Пригороды тяготились зависимостью отъ главнаго города и стремились къ самостоятельности. Они легко могли получить особаго князя и порвать связь со старшимъ городомъ. Стремленіе князей многочисленнаго рода Рюрика стать во главѣ самостоятельныхъ княженій не есть единственная причина постояннаго возникновенія новыхъ княженій въ предѣлахъ старыхъ; стремленіе пригородовъ къ обособленію играло въ этомъ дѣлѣ также весьма видную роль.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Князь.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Владѣтельные князья.

I. Договорное право.

Нашимъ древнимъ князьямъ приходилось вращаться въ очень сложной средѣ. Они находились въ извѣстныхъ отношеніяхъ къ народу, къ другимъ владѣтельнымъ князьямъ и, наконецъ, къ своимъ вольнымъ слугамъ. Объ отношеніяхъ князей къ народу,—который призывалъ ихъ, заключалъ съ ними рядъ, а если былъ ими недоволенъ, то и показывалъ имъ путь чистъ на всѣ четыре стороны, рѣчь шла въ предшествующей книгѣ. Первую главу настоящей мы посвятимъ разбору взаимныхъ отношеній владѣтельныхъ князей.

Взаимныя отношенія князей, какъ правителей независимыхъ одна отъ другой волостей, опредѣлялись либо миромъ, либо войной. Въ случаѣ возникновенія какихъ-либо столкновеній, князья говорили другъ другу: «уладимся либо

миромъ, либо войной», или: «рать стоитъ до мира, а миръ до рати». Если ни одному изъ противниковъ неудавалось совершенно истребить другого на ратномъ полѣ, война приводила къ заключенію мирнаго договора; мирный договоръ заключали князья и въ томъ случаѣ, если находили возможнымъ покончить свои распри и «которы», вовсе не прибѣгая къ оружію. Княжескіе договоры представляютъ, такимъ образомъ, источникъ первостепенной важности для изученія взаимныхъ правъ и обязанностей владѣтельныхъ князей.

Договорное начало въ княжескихъ отношеніяхъ проходитъ чрезъ всю нашу исторію. Первое обращеніе къ войнѣ и миру встрѣчаемъ въ тотъ самый моментъ, какъ только появилось единовременно на русской землѣ нѣсколько князей правителей. На памяти исторіи это случилось при сыновьяхъ Святослава: Ярополкѣ, кіевскомъ князѣ, Олегѣ—древлянскомъ и Владимірѣ—новогородскомъ. Князья эти не уладились миромъ. Война началась между ближайшими сосѣдями. Ярополкомъ и Олегомъ. Олегъ палъ въ битвѣ, а Ярополкъ «прія власть его». Третій сынъ Святослава, новогородскій князь Владиміръ, получивъ извѣстіе объ участи Олега, «убоявся, бѣжа за море». Ярополкъ воспользовался этимъ случаемъ, «посадники своя посади въ Новгородѣ и бѣ володѣя одинъ въ Руси». Лавр. 977.

Но Владиміръ бѣжалъ за море только для того, чтобы собраться съ силами. Онъ привелъ варяговъ и объявилъ войну Ярополку. Въ этой второй братоубійственной войнѣ счастіе было на сторонѣ новогородскаго князя. Ярополкъ бѣжалъ изъ Кіева въ Родню, гдѣ и осадилъ его Владиміръ. Въ городѣ не было достаточно припасовъ, осажденные сильно страдали отъ голода. «Есть притча и до сего днѣ, говоритъ лѣтописецъ: бѣда, аки въ Роднѣ». При такомъ положеніи дѣла воевода Ярополка далъ своему князю слѣдующій совѣтъ:

«Видиши, колько вой у брата твоего? Нама ихъ не переборoти! Твори миръ съ братомъ своимъ». Лавр. 980.

Ярополкъ послушался, пошолъ просить мира у князя Владиміра, но былъ измѣннически убитъ въ самыхъ дверяхъ княжескаго терема.

Такимъ образомъ, древнѣйшие владѣтельные князья, извѣстные нашей исторіи, родные братья Святославичи, улаживаютъ свои отношенія либо ратью, либо миромъ. Это было во второй половинѣ X вѣка. Совершенно то же наблюдаемъ и во все послѣдующее время до полнаго исчезновенія удѣльныхъ князей. Одинъ изъ послѣднихъ московскихъ удѣльныхъ князей, Юрій Ивановичъ Дмитровскій, состоялъ въ мирномъ договорѣ съ братомъ своимъ, вел. кн. московскимъ, Василіемъ Ивановичемъ. Договоръ этотъ былъ заключенъ еще при жизни отца ихъ, вел. кн. Ивана Васильевича, и по его личному желанію. Фактъ чрезвычайной важности. Онъ указываетъ на то, что и съ точки зрѣнія этого ловкаго и энергическаго преобразователя старыхъ порядковъ, отношенія владѣтельныхъ князей не могли быть опредѣлены иначе, какъ съ ихъ согласія, выраженнаго въ договорѣ. Договоръ этотъ былъ заключенъ въ 1504 году, а затѣмъ, по смерти Ивана Васильевича, еще разъ повторенъ въ 1531 году (Рум. собр. №№ 133 и 134, 160 и 161).

Война и миръ опредѣляютъ взаимныя отношенія князей-родственниковъ боковыхъ линій во всѣхъ возможныхъ степеняхъ родства *). Наоборотъ, князья-родственники въ нисходящей линіи никогда не заключаютъ между собою договоровъ. Это объясняется тѣмъ, что отношенія дѣтей къ родителямъ опредѣляются семейнымъ правомъ, въ силу котораго дѣти состоятъ въ подчиненіи волѣ родителей. Подчиненіе дѣтей родителямъ выражалось въ томъ, что при жизни отца сыновья никогда не были самостоятельными владѣтельными князьями. Еслибы имъ и была дана въ управленіе само-

*) Въ нашемъ изслѣдованіи Вѣче и князь, стр. 127—130, приведены примѣры договоровъ между дядьями и племянниками и братьями разныхъ степеней. Не находимъ нужнымъ повторять здѣсь эти факты. Въ дальнѣйшемъ изложеніи намъ придется говорить о войнѣ и мирѣ Рюриковичей при самыхъ разныхъ отношеніяхъ родства.

стоятельная волость, они управляли ею въ качествѣ посадниковъ князя-отца, а не самостоятельныхъ владѣльцевъ. Въ моментъ пріѣзда князя-отца въ управляемую сыномъ волость, правительственныя полномочія послѣдняго прекращались, и власть переходила въ руки отца. Это есть натуральное послѣдствіе семейной зависимости сына отъ отца.

Не можемъ, однако, не указать, что въ нѣкоторыхъ, впрочемъ, исключительныхъ случаяхъ начало особности волостей шло такъ далеко, что разрывало только-что указанную совершенно натуральную связь отца съ сыномъ. Примѣръ такого любопытнаго явленія представляютъ послѣдніе дни княженія Владиміра Святославича. Еще задолго до смерти своей Владиміръ разсажалъ сыновей по разнымъ волостямъ, которыя онъ успѣлъ соединить подъ своею властью. Ярославъ былъ посаженъ въ Новгородѣ. До 1015 года онъ посылалъ изъ новогородскихъ доходовъ отцу въ Кіевъ по двѣ тысячи гривенъ въ годъ, какъ это дѣлали и прежніе посадники. Въ 1015 Ярославъ прекратилъ эту выдачу. Лѣтописецъ очень кратокъ. Онъ не говоритъ, что между отцомъ и сыномъ происходили поэтому поводу объясненія. Но они, конечно, происходили, и вел. князь Владиміръ, только убѣдившись, что неприсылка 2.000 гривенъ не есть недоимка, а актъ отложенія отъ его власти, приказалъ готовить путь и мосты мостить, чтобы идти ратью на сына Ярослава. Этотъ походъ, однако, не состоялся, потому что Владиміръ заболѣлъ и вскорѣ затѣмъ умеръ. Лавр. 1015. Такимъ образомъ, былъ возможенъ случай войны, а, слѣдовательно, мира и договора даже между отцомъ и сыномъ.

Остановимся на внѣшней формѣ договоровъ.

Не утверждаемъ, что они всегда были писаные. Но можно думать, что къ посредству письма стали у насъ прибѣгать весьма рано. Въ договорахъ Олега, Игоря и Святослава съ греками наши князья имѣли примѣръ писаной формы договора, который едва ли могъ долго оставаться безъ подражанія. Лѣтописныя извѣстія первой половины XII вѣка говорятъ уже о «крестныхъ грамотахъ», какъ о дѣлѣ совер-

шенно обыкновенномъ. Ипат. 1144, 1147. Наименованіе крестной грамоты возникло, конечно, изъ того, что князья, заключавшіе миръ, цѣловали крестъ на грамотѣ, въ которой были записаны условія мира. Въ первой половинѣ XII вѣка это, надо полагать, общераспространенный порядокъ. Свой первый намъ извѣстный прецедентъ клятва на грамотѣ имѣетъ въ утвержденіи кіевлянами договора съ греками, заключеннаго въ 945 году. Христіане клялись тогда въ церкви св. Иліи «честнымъ крестомъ и харатьею сею», а не крещеная русь полагала щиты свои и мечи наги и прочее оружіе и клялась обо всемъ, «яже суть написана на харатьи сей». Письменная форма есть необходимое условіе опредѣленности клятвы, и трудно думать, чтобы наши князья уже на первыхъ порахъ не почувствовали въ ней потребности.

Ни одна изъ крестныхъ грамотъ XII вѣка не сохранилась и не дошла до насъ. Свѣдѣнія о ихъ содержаніи мы имѣемъ только въ краткихъ лѣтописныхъ извѣстіяхъ. Цѣликомъ сохранившіяся грамоты не старѣе первой половины XIV вѣка. Наиболѣе древняя изъ нихъ написана послѣ смерти Ивана Даниловича Калиты († 1340 г.) его сыновьями, собравшимися у гроба отца для улаженія своихъ отношеній.

Почти всѣ дошедшіе до насъ договоры принадлежатъ московскому дому. Они заключены великими князьями московскими съ ихъ сосѣдями, удѣльными князьями московскими, великими князьями литовскими, рязанскими, тверскими и пр. Число грамотъ, въ которыхъ не участвуютъ московскіе великіе князья, очень не велико. Мы имѣемъ двѣ грамоты князей рязанскаго дома съ Витовтомъ, одну—рязанскихъ князей, родныхъ братьевъ, по поводу заключеннаго ими въ 1496 году союза, двѣ грамоты Юрія Галицкаго, двѣ—сына его, Димитрія, и одну—сына серпуховскаго князя съ бывшимъ можайскимъ княземъ, Иваномъ Андреевичемъ *). Вотъ и весь небольшой запасъ договорныхъ гра-

*) Рум. собр. I. № 47, 48, 62, 67, 127 и 128. А. А. Э. I. № 25, 26 и 70.

мотъ, составленныхъ безъ участія великихъ князей московскихъ. На 8 такихъ грамотъ мы имѣемъ 89, заключенныхъ великими князьями московскими *).

Статьи договоровъ излагались или въ одной грамотѣ, или въ двухъ, по числу договаривающихся сторонъ. Если договоръ писался въ одной грамотѣ, то въ ней прописывались права и обязанности обѣихъ сторонъ и крестное цѣлованіе происходило совмѣстно на общей грамотѣ. Общія обязательства въ такихъ грамотахъ выражались въ слѣдующей формѣ; беремъ мѣсто изъ грамоты вел. князя Семена съ братьями:

«Быти ны за одинъ до живота. А брата своего старѣйшаго имѣти ны и чтити во отцево мѣсто; а брату нашему насъ имѣти въ братствѣ и во чти безъ обиды... А тобѣ господине, князь великій, безъ насъ не доканчивати ни съ кимъ; а братьѣ твоей молодшей безъ тобѣ не доканчивати ни съ кимъ»...

Въ концѣ о крестномъ цѣлованіи говорится:

«На семь на всемь цѣловали есмы крестъ межи собе у отня гроба по любви въ правду» **).

При написаніи договоровъ въ двухъ отдѣльныхъ грамотахъ, каждая изъ этихъ грамотъ писалась на имя одной только стороны. Въ 1454 году великій князь московскій цѣловалъ крестъ къ тверскому князю на слѣдующей грамотѣ:

«На семъ на всемъ, брате, князь великій, Василей Васильевичъ, цѣлуй ко мнѣ крестъ, къ свому брату, къ великому князю, Борису Александровичу, и со своимъ сыномъ... и къ моему сыну...: добра вы намъ хотѣти во всемъ, въ Ордѣ и на Руси, безъ хитрости; а што вамъ слышевъ о

---

*) Цифра 89 соотвѣтствуетъ числу дошедшихъ до насъ грамотъ, а не договоровъ. Число договоровъ — гораздо меньше. Въ I т. Рум. собр. одинъ и тотъ же договоръ весьма нерѣдко отпечатанъ два, а иногда и четыре раза и подъ разными номерами.

**) Примѣры такихъ общихъ для обѣихъ сторонъ грамотъ см. Рум. собр. I. № 23, 27, 31, 33, 37, 38 и др.

нашемъ лихе, что намъ на пакость, или о добрѣ, то вы намъ повѣдати въ правду безъ примышленія. А ци имутъ насъ сваживати татарове, а учнутъ вамъ давати домъ святаго Спаса, а нашю отчину, великое княженье, Тфѣрь и Кашинъ, и вамъ ся, брате, не имати» и т. д. Рум. собр. I. № 76.

Съ своей стороны, московскій великій князь обязывалъ тверского по другой грамотѣ, которая начиналась такъ:

«На семъ на всемъ, брате, князь великій Борисъ Ѳедоровичъ, цѣлуй ко мнѣ крестъ къ своему брату къ великому князю, Василію Васильевичу, и къ моему сыну... и съ своимъ сыномъ: добра вы намъ хотѣти во всемъ, въ Ордѣ и на Руси, безъ хитрости; а что ти слышевъ о нашемъ добрѣ, или о лисѣ, что намъ на пакость, то вы намъ повѣдати въ правду, безъ примышленья. А ци имутъ насъ сваживати татаровѣ, а учнутъ вамъ давати нашу вотчину, великое княженье, Москву и Новгородъ Великій, и вамъ ся, брате, не имати» и т. д. *).

Но рядомъ съ такими грамотами, въ которыхъ видно стремленіе обособить и отдѣльно изложить обязательства каждой стороны, встрѣчаемъ двойныя грамоты, въ каждой изъ которыхъ одинаково прописаны обязательства обѣихъ сторонъ, какъ въ вышеуказанныхъ общихъ. Существенная особенность такихъ двойныхъ грамотъ въ томъ, что каждая сторона цѣлуетъ крестъ не на одной общей грамотѣ, а на своей особой. Вел. князь московскій, Василій Васильевичъ, заключилъ въ 1428 году договоръ съ своимъ дядею, съ удѣльнымъ княземъ Юріемъ Дмитріевичемъ. Этотъ договоръ изложенъ въ двухъ грамотахъ. Въ одной Василій Васильевичъ обязываетъ дядю; Юрія, быть съ нимъ за одинъ, хотѣть ему добра, не канчивать безъ него и т. д., и самъ обязывастся къ тому же по отношенію къ Юрію; въ другой, Юрій Дмитріевичъ обязываетъ племянника своего быть съ нимъ за одинъ, хотѣть ему добра, не канчивать безъ него и т. д., и самъ обязывается къ тому же по отношенію къ

*) Рум. собр. I. № 77. См. еще № 28, 32, 35, 36 и др.

племяннику. Каждая сторона цѣловала крестъ на той грамотѣ, въ которой противная формулировала ея обязательства *).

Изъ этого сходства содержанія двойныхъ грамотъ надо заключить, что обычай писать договоръ въ двухъ, а не въ одной грамотѣ, возникъ не изъ необходимости обособить обязательства каждой стороны и изложить ихъ въ отдѣльномъ документѣ. Причина двойныхъ грамотъ, надо полагать, была иная. Каждая сторона хотѣла имѣть въ своихъ рукахъ не копію съ общей грамоты, а подлинный документъ, на которомъ противная сторона цѣловала къ ней крестъ.

Древнѣйшій образецъ такихъ двойныхъ грамотъ опять восходитъ ко временамъ договоровъ съ греками. Договоръ Игоря 945 года былъ написанъ на двухъ хартіяхъ, изъ которыхъ одна назначалась для грековъ, другая—для руси. Княжескіе договоры XII вѣка также писались въ двухъ грамотахъ. Послѣ цѣлованія креста происходилъ обмѣнъ грамотъ и каждая сторона сохраняла обязательство противной. Такой обмѣнъ грамотъ, надо думать, произошелъ между кіевскимъ княземъ, Изяславомъ Мстиславичемъ, и союзниками его черниговскими князьями, Давыдовичами. Въ 1147 году Изяславъ пришелъ къ мысли, что союзники его «хрестъ переступили» и хотѣли его убить; онъ высказалъ имъ это черезъ посла и «поверже имъ, грамоты хрестныя», конечно, тѣ, которыя у него хранились и въ которыхъ были формулированы обязательства его союзниковъ. Послѣдствіемъ этого была война. Ипат. Но иногда случалось, что отсылка крестной грамоты съ укоромъ невѣрному союзнику возвращала его на путь долга и онъ новымъ цѣлованіемъ подтверждалъ свое прежнее обязательство. Въ 1190 году возникъ споръ о границахъ владѣній у кіевскаго князя, Святослава, со смоленскими Ростиславичами. Въ притязаніяхъ Святослава Ростиславичи усмотрѣли нарушеніе заключеннаго ими съ нимъ договора.

*) Рум. собр. I. № 43 и 44, 45, 46, 49 и 50 и многіе другіе.

«Ты, брате, приказали они сказать ему, къ намъ крестъ цѣловалъ на Романовѣ ряду, такоже нашъ братъ, Романъ, сѣдѣлъ въ Кыевѣ. Дажь стоиши въ томъ ряду, то ты намъ братъ, пакы ли поминаешь давныя тяжи, которыя были при Ростиславѣ, то ступилъ еси ряду, мы ся въ то не дамы. А се ти крестныя грамоты». Святославъ же пріемъ грамоты, не хотѣвъ креста цѣловати. И много прѣвся и молвилъ съ мужи, и отпустивъ ихъ, и опять возворотивъ ихъ, и цѣлова къ нимъ крестъ на всей ихъ волѣ». Ипат.

Изъ приведеннаго мѣста надо заключить, что Ростиславичи возвратили Святославу тѣ грамоты, на которыхъ онъ цѣловалъ къ нимъ крестъ, чтобы напомнить ему его обязательства и побудить его къ подтвержденію ихъ. Святославъ сперва спорилъ, но потомъ согласился и снова цѣловалъ крестъ.

Нарушителю договора грамоты его посылаются для обличенія его неправды и возложенія на него отвѣтственности за нарушеніе мира. Такъ поступилъ кіевскій князь, Рюрикъ, съ зятемъ своимъ, Романомъ, который нарушилъ мирный трактатъ съ тестемъ и вступилъ въ союзъ съ его врагами, князьями черниговскими. Рюрикъ «посла къ зятю своему мужи своя, говоритъ лѣтописецъ, обличи й и поверже ему крестныя грамоты». Ипат. 1195.

Но почему здѣсь сказано «граматы», во множественномъ числѣ? Для объясненія можно сдѣлать два предположенія. Это могли быть грамоты прежнихъ договоровъ. Случалось, что князья, заключая миръ, цѣловали крестъ не только на новомъ договорѣ, но и на старомъ и тѣмъ вновь его скрѣпляли *). Но возможно и другое объясненіе. Каждая сторона, вступавшая въ договоръ, имѣла въ своихъ рукахъ не только подлинное обязательство противной стороны, на которой та цѣловала крестъ, но еще и копію съ своего собственнаго обязательства. Эти два обязательства сшивались вмѣстѣ и

*) Такъ, напримѣръ, Иванъ Андреевичъ Можайскій цѣловалъ Василію Ивановичу крестъ на «сей грамотѣ» и «по нашимъ доканчальнымъ грамотамъ», т. е. прежнимъ. Рум. собр. I. № 68. 1448.

къ нимъ прикладывались висячія печати обѣихъ договаривающихся сторонъ. Отъ московскаго времени сохранились экземпляры такихъ вмѣстѣ сшитыхъ грамотъ съ подвѣшенными къ нимъ печатями *). Каждый такой договоръ, слѣдовательно, существовалъ въ четырехъ спискахъ, въ числѣ которыхъ было два подлинника и двѣ копіи. Подлинниками мы называемъ грамоты, на которыхъ произошло крестное цѣлованіе. Можно думать, что такія сшивныя грамоты были уже въ употребленіи въ Кіевской Руси. На эту мысль наводитъ то обстоятельство, что лѣтописецъ, говоря о возвращеніи грамотъ, никогда не опредѣляетъ, чьи это грамоты. Это, конечно, потому, что возвращались обязательства обѣихъ сторонъ, одно въ подлинникѣ, другое въ копіи, и князю, возвращавшему грамоты, нельзя было сказать, ни то, что онъ возвращаетъ свои грамоты, ни то, что онъ возвращаетъ грамоты противной стороны, а потому и говорилось просто: «грамоты».

Порядокъ написанія, обмѣна, храненія и возвращенія двойныхъ грамотъ представляется довольно яснымъ. Нельзя того же сказать объ общихъ грамотахъ, на которыхъ цѣловали крестъ обѣ догаваривающіяся стороны. По отношенію къ нимъ нѣтъ указаній относительно того, кто хранилъ подлинную грамоту и кто получалъ копію. Число дошедшихъ до насъ общихъ грамотъ, сравнительно съ двойными

*) См. для примѣра Рум. собр. I. № 52 и 53, 58 и 59, 99, 100, 101 и 102. Но подлинникъ и копія не всегда сшивались вмѣстѣ. Въ I т. Рум. собр. подъ № 92 напечатана грамота, на которой цѣловалъ крестъ можайскій князь, Михаилъ Андреевичъ, къ московскому вел. князю Ивану Васильевичу. Изъ надписи на оборотѣ этой грамоты видно, что она хранилась у Михаила Андреевича, у котораго и была взята при составленіи новаго договора. Это, конечно, копія съ грамоты, на которой цѣловалъ крестъ Михаилъ Андреевичъ, но при ней нѣтъ ея «противня», т.-е. грамоты, на которой цѣловалъ крестъ Иванъ Васильевичъ. Этотъ «противень», конечно, тоже находился въ рукахъ Михаила Андреевича, но хранился отдѣльно отъ копіи съ его грамоты и не былъ съ ней сшитъ. Такихъ разрозненныхъ двойныхъ грамотъ на-

не очень велико. Писались ли такія грамоты въ до-московское время, также остается не яснымъ.

Переходимъ къ содержанію договоровъ.

Договоры опредѣляютъ взаимныя права и обязанности владѣтельныхъ князей. Возникаетъ вопросъ, какого происхожденія эти права и обязанности, представляетъ ли договоръ способъ первоначальнаго ихъ возникновенія, или эти права и обязанности существовали и до договора, въ силу обычая, но были нарушены, стали предметомъ спора и получили въ договорѣ лишь новое подтвержденіе? Надо думать, что значительная часть содержанія договоровъ имѣетъ бытовую основу; не все въ нихъ возникло благодаря одному голому соглашенію. Князья жили и дѣйствовали въ готовой уже средѣ; опредѣляя свои отношенія договорами, они должны были вносить въ нихъ и то, что въ этой средѣ считалось уже правдой. Рядомъ съ такимъ подтвержденіемъ существующаго, въ содержаніи договоровъ должны встрѣчаться измѣненія установившагося порядка и даже совершенно новыя опредѣленія, вызываемыя особенностями каждаго новаго случая. Содержаніе договоровъ съ точки зрѣнія первоначальнаго ихъ источника представляется, такимъ образомъ, весьма разнообразнымъ. Разобраться въ этомъ разнообразіи дѣло не легкое и не всегда бываетъ возможно опредѣлить, что возникло изъ голаго соглашенія и что имѣетъ въ своемъ основаніи бытовую подкладку. Встрѣчается, однако, не мало опредѣленій, въ происхожденіи которыхъ едва ли есть основаніе сомнѣваться. Правила о невмѣшательствѣ одного князя въ дѣла управленія и суда другаго, о неприкосновенности владѣній, о братствѣ князей, о ихъ старѣйшинствѣ имѣютъ, конечно, бытовую основу; наоборотъ, союзъ мира и любви между князьями и самыя его условія, подчиненіе одного князя волѣ другаго, опредѣленіе

печатано довольно много въ I. т. Рум. собр. См. для прим. № 28, 32, 35, 36 и др.

границъ княжескихъ владѣній—предстявляютъ результатъ чистаго соглашенія.

Мы уже сказали, что полные тексты договоровъ, дошедшіе до насъ, не восходятъ далѣе половины XIV вѣка. Всѣ наши знанія о содержаніи договоровъ до-московскаго времени ограничиваются краткими лѣтописными извѣстіями. Къ счастію, эти краткія и случайно занесенныя въ лѣтопись извѣстія даютъ намъ возможность возстановить существенныя черты содержанія древнѣйшихъ договоровъ. Ходъ исторіи княжескихъ отношеній не отличается быстрымъ поступательнымъ движеніемъ. Разъ сложившіяся нормы государственнаго быта удерживаются у насъ чрезвычайно долго. Взаимныя отношенія князей въ періодъ вымиранія удѣльной системы покоятся на тѣхъ самыхъ началахъ, какія сложились въ періодъ господства этой системы. Ограниченія политической самостоятельности московскихъ удѣльныхъ князей не составляютъ новости XV или XVI вѣка, они были уже извѣстны въ XII вѣкѣ и раньше. На почвѣ договоровъ не могло возникнуть единодержавія. Новый московскій порядокъ сложился не путемъ соотвѣтствующаго измѣненія содержанія договоровъ, а замѣной договорныхъ отношеній отношеніемъ подчиненія. Договоры московскихъ князей являются остаткомъ глубокой старины, а не произведеніемъ новаго времени. Тѣ краткія извѣстія лѣтописи о содержаніи древнихъ договоровъ, на которыя мы только что указали, совершенно совпадаютъ съ содержаніемъ московскихъ договоровъ и представляются какъ бы разрозненными изъ нихъ вырѣзками. Поэтому, при изложеніи содержанія договоровъ по отдѣльнымъ пунктамъ мы одинаково будемъ пользоваться какъ лѣтописными отрывками древнихъ договоровъ, такъ и полными ихъ текстами московскаго времени: одно дополняетъ другое.

Княжескіе договоры заключаются съ цѣлью установленія между участниками союза мира, любви и взаимопомощи. По поводу этой основной мысли договоры высказываютъ массу положеній, относящихся какъ къ публичному, такъ и

къ частному праву. Въ настоящемъ томѣ мы будемъ имѣть въ виду только положенія публичнаго права.

1. *Неприкосновенность владѣній.*

Въ договорахъ признается неприкосновенность владѣній союзниковъ. Они обязываются не только сами не нарушать владѣтельныхъ правъ другой стороны, но и оберегать ее отъ враждебныхъ посягательствъ третьихъ лицъ. Это существенное условіе всякаго мирнаго союза возникло, конечно, не изъ договора; оно есть необходимое слѣдствіе той исконной политической особности древнихъ волостей, на которую было уже указано (I т. Рус. юр. древ., глава I).

Признаніе неприкосновенности союзныхъ владеній выражалось въ различной формѣ. Изяславъ Мстиславичъ, по словамъ черниговскихъ князей, Игоря и Святослава, цѣловалъ въ 1146 году къ нимъ крестъ на томъ, «яко не подозрѣти» ему подъ ними Кіева. Ипат. Въ 1159 году Изяславъ Давыдовичъ Кіевскій цѣловалъ крестъ къ Святославу Черниговскому, «яко не подозрѣти подъ нимъ Чернигова никимъ же образомъ». Ипат.

Въ томъ же смыслѣ употребляется выраженіе неискать. Въ 1151 году Юрій Владиміровичъ, принужденный уступить Кіевъ брату, Вячеславу, и племяннику, Изяславу, цѣлуетъ къ нимъ крестъ «Кіева подъ ними не искати». Ипат. Подъ 1195 годомъ находимъ извѣстіе о томъ, что Ольговичи обязались не искать Кіева подъ Рюрикомъ и Всеволодомъ Юрьевичемъ; въ слѣдующемъ году тѣ же князья обязались не искать Смоленска подъ братомъ Рюрика, Давыдомъ. Ипат. Сами Ольговичи такъ выражаются о принятомъ ими на себя обязательствѣ:

«Ажъ ны еси вмѣнилъ, говорятъ они Всеволоду Юрьевичу, Кыевъ тоже ны его блюсти подъ тобою и подъ сватомъ твоимъ, Рюрикомъ, то въ томъ стоимъ». Ипат. 1195.

Употребленный здѣсь терминъ блюсти сильнѣе вышеприведеннаго не искать; онъ обязываетъ противную сторону не только не вступаться во владѣнія союзника, но и охранять неприкосновенность ихъ отъ третьихъ лицъ.

Эти обязательства князей XII вѣка цѣликомъ переходятъ въ московскіе договоры XIV и XV. Серпуховскій князь, Владиміръ Андреевичъ, цѣлуетъ крестъ къ двоюродному брату своему, Дмитрію Ивановичу, на томъ, что не будетъ искать подъ нимъ удѣла дяди Семена, чѣмъ благословилъ его отецъ. Подобно этому тверской князь, Михаилъ, въ договорѣ съ тѣмъ же Дмитріемъ обязывается не искать подъ нимъ Москвы, а правнукъ Михаила, Борисъ, обязывается не искать Москвы и всего, что къ ней потянуло, подъ вел. кн. Василіемъ Васильевичемъ, и въ свою очередь обязываетъ московскаго князя не искать подъ нимъ Твери и всего, что къ ней потянуло *).

Кромѣ термина не искать въ московскихъ договорахъ встрѣчаемъ еще однозначущія выраженія: не подыскивать, не вступаться, не хотѣть, блюсти и не обидѣть **). То же значеніе имѣетъ и обязательство держать подъ великимъ княземъ княженіе его честно и грозно. Обязательство это встрѣчается въ сравнительно немногихъ договорахъ московскихъ великихъ князей съ удѣльными и возлагается всегда на удѣльныхъ, а не обратно, тогда какъ обязательства: не искать, не хотѣть, блюсти и пр. всегда обоюдны ***). Въ этомъ надо усматривать признакъ фактическаго преобладанія московскаго великаго князя надъ удѣльными. По суще-

*) Рум. Собр. I. №№ 27, 28, 76, 77, 88, 1362—1462. Число дошедшихъ до насъ договоровъ совершенно случайное, а потому мы и не видимъ надобности дѣлать ссылки на всѣ договоры, которые оправдываютъ приводимое въ текстѣ положеніе. Для нашей цѣли достаточно и одного примѣра.

**) Рум. Собр. I. №№ 32, 36, 43, 44, 49, 52, 65, 90, 97, 115, 133 134, 160, 161, 1381—1531.

***) Рум. Собр. I. №№ 27, 33, 45, 52, 54, 90—94, 133, 160, 1362—1531.

ству владѣнія удѣльнаго князя столь же неприкосновенны, какъ и великаго, ибо послѣдній обязывается не вступаться въ нихъ, блюсти и не обидѣть. Но удѣльный обязывается не только не вступаться, блюсти и не обидѣть, но дѣлать это еще «честно и грозно». Честность, конечно, подразумѣвается и въ великомъ князѣ, но по отношенію къ удѣльному у великаго князя есть сомнѣніе, а потому онъ и ставитъ честность, какъ особое условіе. Подъ «грозно» надо разумѣть дѣйствительное оказаніе поддержки великому князю въ случаѣ нападенія третьихъ лицъ на его владѣнія, и притомъ такое, которое приводило бы ихъ въ страхъ и трепетъ. Но такая дѣйствительная поддержка мыслится и въ обязательствѣ «блюсти», обязательство же «держать грозно» есть только усиленіе, какъ и обязательство «держать честно». Удѣльный князь, какъ слабѣйшій, допускаетъ сомнѣніе въ своей добросовѣстности и соглашается на это формальное усиленіе своихъ обязательствъ; въ добросовѣстности же великаго князя онъ не смѣетъ сомнѣваться, а потому и довольствуется простымъ его обѣщаніемъ не вступаться, блюсти и не обидѣть.

Невмѣшательство одного князя въ дѣла внутренняго управленія и суда другого есть необходимое слѣдствіе обоюднаго признанія неприкосновенности владѣній. Это само собой разумѣется. Московскіе договоры отправляются отъ предположенія, что всякому князю, въ предѣлахъ его владѣній, принадлежитъ право суда и управленія. Въ договорѣ Василія Дмитріевича съ Владиміромъ Андреевичемъ читаемъ:

«А хто живетъ твоихъ бояръ, говоритъ великій князь, въ нашихъ удѣлѣхъ и въ отчинѣ, въ великомъ княженіи, а тыхъ ны блюсти, какъ и своихъ, а дань взяти, какъ и на своихъ; а кто живетъ нашихъ бояръ въ твоей отчинѣ и вудѣлѣ, а тыхъ тебѣ блюсти, какъ и своихъ, и дань взяти, какъ и на своихъ». Рум. собр. I. № 27, 35.

Право каждаго князя взимать дань съ населенія своей отчины предполагается; вопросъ идетъ только о томъ, можно

ли облагать данью слугъ чужаго князя, и разрѣшается утвердительно.

Право каждаго князя производить судъ также предполагается статьями объ общемъ судѣ, который составляется изъ судей обѣихъ сторонъ *). Но въ нѣкоторыхъ договорахъ встрѣчаемъ и прямыя постановленія, воспрещающія договаривающимся сторонамъ всылать даньщиковъ и приставовъ въ чужіе удѣлы, раздавать тамъ жалованыя грамоты и пр. Въ договорѣ Дмитрія Ивановича съ Владиміромъ Андреевичемъ читаемъ:

«А въ твой ми удѣлъ данщиковъ своихъ и приставовъ не всылати; тако же и тобѣ въ мой удѣлъ данщиковъ своихъ ни приставовъ не всылати, ни во все мое великое княженье. ...А въ твой ми удѣлъ грамотъ жаловальныхъ не давати; такоже и тобѣ въ мой удѣлъ и во все мое великое княженье не давати своихъ грамотъ. А которыи грамоты буду подавалъ, а тѣ мои грамоты отоимати; а тобѣ такоже, брату моему молодшему, грамоты отоимати, кому будешь подавалъ въ моемъ княженіи». Рум. собр. I. № 27, 35, 71.

Изъ послѣднихъ словъ видно, что начало неприкосновенности чужихъ владѣній не всегда соблюдалось. Это и дѣлало необходимымъ особыя разъяснительныя постановленія въ договорахъ.

Иванъ Даниловичъ Калита предоставилъ Москву съ уѣздомъ въ общее владѣніе своихъ сыновей. Распоряженіе это имѣло послѣдствіемъ своимъ то, что управленіе и судъ въ Москвѣ принадлежали всѣмъ тремъ сыновьямъ Ивана, а послѣ ихъ смерти права ихъ перешли, подъ наименованіемъ третей, къ ихъ наслѣдникамъ. Этимъ правомъ общаго суда и объясняются такія статьи въ договорахъ московскихъ князей, какъ, напримѣръ, слѣдующая:

«А судовъ ти московскихъ, читаемъ въ договорѣ Дмитрія Ивановича съ двоюроднымъ братомъ Владиміромъ, Андреевичемъ, безъ моихъ намѣстниковъ не судити, а язъ иму московьскыи суды судити, тѣмъ ми ся съ тобою

*) Рум. Собр. I. №№ 27, 54, 55, 64, 65, 69, 70, 76, 88.

дѣлити. А буду опроче Москвы, а ударитъ ми челомъ москвитинъ на москвитина, пристава ми дати, а послати ми къ своимъ намѣстникомъ, ини исправу учинятъ, а твои намѣстники съ ними. А ударитъ ми челомъ хто изъ великого княженья на москвитина, на твоего боярина, и мнѣ пристава послати по него, а тебѣ послати за своимъ своего боярина». Рум. Собр. I. № 33.

Эта общность суда продолжается до тѣхъ поръ, пока всѣ трети не соединились въ рукахъ великаго князя московскаго.

Можно думать, что общее управленіе примѣнялось даже къ командованію московскою ратью, и она выступала въ походъ подъ начальствомъ воеводъ, назначаемыхъ всѣми третчиками.

Въ договорѣ Василія Дмитріевича съ дядею, Владиміромъ Андреевичемъ, читаемъ:

«А московьская рать ходить съ моимь воеводою (князя великого, какъ было) переже сего». Рум. собр. I. № 35.

Если это надо было оговорить въ договорѣ, то, думаемъ, потому что было время, когда московская рать ходила съ воеводами всѣхъ третчиковъ. Подтвержденіе этому находимъ въ договорѣ Дмитрія Ивановича съ тѣмъ же Владиміромъ Андреевичемъ, въ которомъ упоминается не одинъ воевода московской рати, а нѣсколько:

«А московьская рать, хто ходилъ съ воеводами, тѣ и нонѣча съ воеводами, а намъ ихъ не приимати». Рум. собр. I. № 33.

Случаи сокняженія нѣсколькихъ князей въ одной волости встрѣчаемъ и въ до-московское время. Сыновья Мстислава Владиміровича, сперва Изяславъ, а по его смерти († 1154) и Ростиславъ († 1167) сидѣли въ Кіевѣ вмѣстѣ съ дядею своимъ, Вячеславомъ († 1154). И въ этомъ древнѣйшемъ случаѣ двуцарствія князья управляли совмѣстно. Это само собой разумѣется и можетъ быть подтверждено словами Вячеслава, обращенными имъ къ племяннику, Изяславу:

«Сыну! Богъ ти помози, оже на мене еси честь возложилъ, акы на своемъ отци. А язъ пакы, сыну, тобѣ молвлю: язъ есмь уже старъ, а всихъ рядовъ не могу уже рядити, но будевѣ обы Кіевѣ, а чи намъ будеть который рядъ, или хрестьяныхъ или поганыхъ, а идевѣ оба по мѣсту; а дружина моя и полкъ мой, а то буди обою нама, ты же ряди, а чи кдѣ намъ будеть мочно обѣима ѣхати, а оба ѣдевѣ, пакы ли, а ты ѣзди съ моимъ полкомъ и съ своимъ». Ипат. 1151.

Опредѣленіе границъ владѣній есть необходимое условіе неприкосновенности и раздѣльности ихъ, а потому и относится обыкновенно къ содержанію договоровъ. Объ этомъ слѣдовало бы только упомянуть. Но существуетъ мнѣніе о томъ, что въ древности (до XIII вѣка) вся Русь составляла нераздѣльную собственность княжескаго рода Рюриковичей. Это мнѣніе, высказанное человѣкомъ много и съ великою пользою потрудившимся для русской исторіи, заставляетъ насъ остановиться на этомъ вопросѣ долѣе, чѣмъ онъ заслуживаетъ самъ по себѣ.

Съ глубокой древности каждый князь владѣетъ лично на себя и стремится расширить свои владѣнія. Обладаніе волостями составляетъ главную причину княжескихъ войнъ. «Волости ради» убиваетъ Святополкъ Бориса и Глѣба. «Желая большей власти» Святославъ Ярославичъ черниговскій подговариваетъ младшаго брата, Всеволода, отнять Кіевскую волость у старшаго Изяслава. Очень характеренъ мотивъ, которымъ удалось Святославу склонить на свою сторону Всеволода: «Изяславъ сносится со Всеславомъ, замышляя на насъ, говорилъ онъ Всеволоду, если мы его не прогонимъ, онъ насъ прогонитъ». Лавр. Двумъ князьямъ трудно было ужиться рядомъ, даже если это были родные братья. Изъза обладанія волостями возгорѣлась въ 1186 году война въ Рязани между родными братьями Глѣбовичами. Всѣ такія столкновенія, если оканчивались миромъ, должны были вести къ опредѣленію границъ владѣній. Такія опредѣленія встрѣчаемъ мы съ самыхъ древнихъ временъ.

Древнѣйшее столкновеніе князей родныхъ братьевъ отно-

сится къ X вѣку; оно произошло между Святославичами. Первою его жертвой былъ древлянскій князь, Олегъ; побѣдитель, Ярополкъ, завладѣлъ волостью убитаго.

Возгорѣвшая затѣмъ война между Владиміромъ и Ярополкомъ кончилась въ пользу Владиміра. Воевода Ярополка, Блудъ, даетъ такой совѣтъ своему князю, осажденному въ Роднѣ:

«Поиди къ брату своему и рьчи ему: что ми ни вдаси, то язъ пріиму. Поиде же Ярополкъ къ Володимеру»... Лавр. 980.

Здѣсь мы имѣемъ древнѣйшее указаніе на мирныя предложенія, которыя долженъ былъ сдѣлать побѣжденный князь побѣдителю. Онъ вынужденъ отказаться отъ всѣхъ своихъ владѣній и сдаться на волю побѣдителя. Еслибы предложенія Ярополка были приняты и миръ былъ заключенъ, въ немъ, было бы указано, что даетъ Владиміръ своему старшему брату. Но дѣло до мира не дошло, Ярополкъ былъ измѣннически убитъ при входѣ въ теремъ Владиміра.

Итакъ, еще въ X вѣкѣ, между сыновьями Святослава Игоревича возникъ вопросъ о границахъ владѣній; но такъ какъ Владиміръ Святославичъ не хотѣлъ никакого раздѣла, то Ярополкъ и поплатился жизнью за свое желаніе получить часть во владѣніяхъ отца и дѣда. Нежеланіе Владиміра дѣлиться съ братомъ находитъ себѣ нѣкоторое объясненіе въ алчной политикѣ Ярополка: онъ незадумался же захватить владѣнія Олега и Владиміра.

Въ 1024 году Мстиславъ, братъ Ярослава Мудраго, оставилъ Тмутаракань и отправился на сѣверъ искать для себя новой волости. Кіевляне его не приняли; ему удалось. однако, утвердиться въ Черниговѣ, входившемъ въ составъ владѣній кіевскаго князя, Ярослава. Все это произошло въ отсутствіе Ярослава, бывшаго въ Новгородѣ. Кіевскій князь не хотѣлъ примириться съ такимъ умаленіемъ своихъ владѣній. Подкрѣпивъ силы свои новымъ призваніемъ варяговъ, онъ вы-

ступилъ противъ Мстислава, но былъ разбитъ и бѣжалъ въ Новгородъ.

«И посла Мьстиславъ по Ярославѣ, глаголя: сяди въ своемъ Кыевѣ, ты еси старѣйшій братъ, а мнѣ буди си сторона. И не смѣяше Ярославъ ити въ Кыевъ, дондеже смиристася». Лавр.

Мстиславъ показалъ умѣренность, какой не обладали Святославичи. Онъ не захотѣлъ преслѣдовать побѣжденнаго Ярослава, а самъ предложилъ ему миръ на весьма выгодныхъ для старшаго брата условіяхъ: Ярославъ удерживалъ Кіевъ, а Мстиславъ пріобрѣталъ лѣвый берегъ Днѣпра. На этихъ условіяхъ столкновеніе и было покончено.

Въ томъ же XI вѣкѣ встрѣчаемся и со случаемъ общаго распредѣленія владѣній между потомками Ярослава.

Вскорѣ послѣ смерти Всеволода, внуки Ярослава съѣхались на съѣздъ въ Любечѣ (1097) для рѣшенія жгучаго вопроса о томъ, кому чѣмъ владѣть. Вотъ краткое извѣстіе лѣтописца объ этомъ съѣздѣ:

«Въ лѣто 6605 (1097) придоша Святополкъ (сынъ Изяслава), Володимеръ (сынъ Всеволода), Давыдъ Игоревичь, и Василько Ростиславичь, и Давыдъ Святославичь, и братъ его, Олегъ, и сняшася Любячи на устроенье мира. И глаголаша къ собѣ, рекуще: «почто губимъ Русьскую землю, сами на ся котору дѣюще, а половци землю нашу несуть розно и ради суть, оже межи нами рати. Да нонѣ, отселѣ имемъся въ едино сердце и блюдемъ Рускыѣ земли, кождо до держитъ отчину свою: Святополкъ Кыевъ—Изяславлю, Володимерь — Всеволожю, Давыдъ и Олегъ и Ярославъ— Святославлю; а имъ же роздаялъ Всеволодъ городы: Давыду—Володимерь, Ростиславичема: Перемышль—Володареви, Теребовль—Васильковн». И на томъ цѣловаша крестъ, да аще кто отселѣ на кого будеть, то на того будемъ вси и крестъ честный. Рекоша вси: да будеть на нь крестъ честный и вся земля Русьская. И цѣловавшеся, поидоша всвояси». Лавр.

Пять внуковъ и одинъ правнукъ Ярослава, съѣхавшіеся въ Любечѣ, осуждаютъ хищническую политику своихъ от-

цовъ, въ которой и имъ приходилось принимать не малое участіе, и заключаютъ между собою мирный трактатъ, въ которомъ опредѣляются предѣлы владѣній каждаго изъ участниковъ. Чрезвычайно важно начало, положенное въ основу этого распредѣленія. Князья принимаютъ начало отчины: внуки Ярослава должны сидѣть на столахъ, которые даны были дѣдомъ ихъ отцамъ.

Принципъ раздѣльности владѣній не есть, такимъ образомъ, новость, появившаяся только въ XIII вѣкѣ. Это исконное явленіе нашей исторіи; начало свое оно имѣетъ въ особенности первоначальныхъ волостей, существовавшихъ еще до Рюрика. Рюриковичи этого принципа не измѣнили. Сыновья Святослава владѣютъ каждый на себя и воюютъ между собой изъ-за владѣній. То-же продолжается и во все послѣдующее время до объединенія Руси.

Для доказательства пришлось бы приводить всѣ старыя лѣтописи постранично. Ограничимся немногими примѣрами изъ первой половины XII вѣка.

«Въ лѣто 6643 (1135) Юрьи (сынъ Владиміра Мономаха, суздальскій князь) испроси у брата своего, Ярополка (кіевскаго князя), Переяславль (отчина Владиміровичей), а Ярополку дасть Суздаль. и Ростовъ, и прочюю волость свою, но не всю. И про то заратишася Олговичи (черниговскіе князья). Иде Ярополкъ съ братьею своею, и Юрьи, и Андрей, на Всеволода на Олговича... И пакы Олговичи начаша просити у Ярополка: «что ны отецъ держалъ при вашемъ отци, того же и мы хочемъ; аже не вдасть, то не жалуйте, что ся удѣеть, то вы виновати, то на васъ буди кровь». То же все ся створи; оже выгна Гюрги Всеволода (сына Мстислава, старшаго брата Ярополка) изъ Переяслава, а потомъ Изяслава (брата Всеволода) выгна Вячьславъ (братъ Ярополка), а потомъ Изяслава выгна тотъ же Вячьславъ изъ Турова (городъ Вячеслава). А они (Всеволодъ и Изяславъ, которымъ покровительствалъ Ярополкъ; но которыхъ преслѣдовали младшіе дяди, Юрій и Вячеславъ, изъ-за обладанія Переяславомъ) приступиша къ Олговичемъ, и бысть въ томъ межи ими пря велика, злоба. Идяху слово рекуче Олговичи: «яко вы (Мономаховичи) начали есте перво насъ губити» Ипат.

Въ чемъ здѣсь дѣло? Въ 1133 году кіевскій князь, Мстиславъ Владиміровичъ, чувствуя приближеніе смерти, передалъ Кіевъ брату своему, Ярополку. За эту услугу Ярополкъ обязался устроить сыновей Мстислава и между прочимъ, дать имъ отчину Владиміровичей, Переславль, что и исполнилъ. Это, конечно, не могло понравиться младшимъ сыновьямъ Владиміра Мономаха, которые тоже были не прочь расширить свои владѣнія и, конечно, на счетъ племянниковъ, какъ это и раньше ихъ дѣлали Святославъ, Всеволодъ, а потомъ и Изяславъ Ярославичи. Отсюда и возникла коротко указанная лѣтописцемъ смѣна князей въ Переяславѣ. Ярополкъ продолжалъ покровительствовать племянникамъ, не смотря на то, что встрѣтилъ противниковъ въ братьяхъ. Когда Юрій выгналъ Всеволода, Ярополкъ прогналъ Юрія и отдалъ Переяславъ второму сыну Мстислава, Изяславу. Изяслава прогналъ Вячеславъ. Ярополкъ вошелъ въ переговоры съ Вячеславомъ и, съ его согласія, вознаградилъ Изяслава Туровымъ; но не прошло и года послѣ этого, какъ Вячеславъ возвратился въ Туровъ и прогналъ племянника. Вотъ послѣ этого то, надо думать, Ярополкъ потерялъ надежду устроить Мстиславичей согласно обѣщанію, данному ихъ отцу, и вступилъ въ выгодное для себя соглашеніе съ Юріемъ, который уступилъ ему за Переяславль значительную часть своихъ владѣній. Мстиславичи, предоставленные сами себѣ, вступили въ союзъ съ Ольговичами и вмѣстѣ съ ними начали войну съ Владиміровичами, своими ближайшими родственниками. У Ольговичей была и своя причина войны. Владиміровичи отняли у нихъ какія-то владѣнія, принадлежавшія имъ при Владимірѣ Мономахѣ.

Приведемъ и еще одинъ весьма любопытный примѣръ, близкій по времени. Въ 1140 году Всеволодъ Черниговскій занялъ Кіевскій столъ. Чѣмъ важнѣе было новое пріобрѣтеніе князя, тѣмъ бо̀льшія уступки долженъ былъ онъ дѣлать другимъ князьямъ, своимъ союзникамъ, а иногда и врагамъ, чтобы примирить ихъ со своими успѣхами. Всеволодъ много роздалъ и друзьямъ и недавнимъ врагамъ, но

все-таки не удовлетворилъ всѣхъ и прежде всего не удовлетворилъ своихъ родныхъ братьевъ и до того вѣрныхъ союзниковъ, которые и возстали противъ него опять таки изъ-за владѣній. Вотъ разсказъ лѣтописца:

«Въ се же лѣто (1142) посла Всеволодъ изъ Кіева на Вячьслава (Владиміровича), река: «сѣдѣши въ Кіевской волости, а мнѣ достоитъ; а ты пойди въ Переяславль, отчину свою». А сыновцю его да, Изяславу (Мстиславичу),—Володимерь, а Святославу, сынови своему, да—Туровъ. И бысть братьи его тяжко сердце, Игореви и Святославу: волости бо дасть сынови, а братьи не надѣли ничимъ же. И позва Всеволодъ братью къ собѣ, и пришедше сташа въ Ольжичихъ: Святославъ, Володимиръ, Изяславъ, а Игорь стояша у Городьча. И ѣха Святославъ къ Игореви и рече: «что ти даеть братъ старишей?» И рече Игорь: «даеть ны по городу: Берестій и Дорогычинъ, Черторыескъ и Кльчьскъ, а отчинѣ своеѣ не дасть, Вятичь». И чѣлова Святославъ крестъ съ братомъ своимъ, Игоремъ; а наутрѣй день чѣловаста Володемеръ, Изяславъ съ Игоремъ, и тако яшася вси, рекуще: «кто съступить крестьецѣлованье, да сь кресть взомьстить». И посла ихъ Всеволодъ звать на обѣдъ, и не ѣхаша. И послашась братья къ Всеволоду, рекуче: «се въ Кіевѣ сѣдѣши, а мы просимъ у тебе Черниговской и Новгороцкой волости, а Кіевское не хочемъ». Онъ же Вятичь не съступяшеть, но даяшеть имъ четыре городы, яже и преди нарекохомъ. Они же рѣша: «ты намъ братъ старишій, аже ны не даси, а намъ самѣмъ о собѣ поискати» Ипат.

Изъ этого мѣста слѣдуетъ:

1) Всеволодъ, занявъ Кіевскій столъ, не бросилъ свою отчину. Онъ уступилъ только часть отчины, со стольнымъ городомъ Черниговомъ, одному изъ своихъ союзниковъ, двоюродному брату, Владиміру Давыдовичу, но все остальное удержалъ за собой. Переходъ на Кіевскій столъ не есть непремѣнно переходъ изъ волости въ волость, какъ иногда думаютъ. Весьма нерѣдко это есть образованіе новаго политическаго тѣла, въ новыхъ границахъ, въ составъ котораго входятъ и значительныя части прежнихъ владѣній.

2) Сосѣднюю волость, Переяславскую, Всеволодъ отдаетъ своему недавнему врагу, Вячеславу, и, конечно, не въ томъ

намѣреніи, чтобы Переяславъ послужилъ ему ступенью для вступленія на Кіевскій столъ, какъ смотрятъ нѣкоторые ученые на занятіе Переяславскаго стола.

3) Братья Всеволода вовсе не желаютъ расширенія своихъ владѣній на счетъ сосѣдней Кіевской волости. Они просятъ надѣла изъ отчины своей, Черниговской и Новгородской волости. Это опять не совсѣмъ согласно съ весьма распространеннымъ мнѣніемъ о какомъ-то кочеваніи древнихъ князей. Древніе князья тоже были не прочь сидѣть на своихъ отчинахъ; но это имъ также не всегда удавалось, какъ не удалось и многимъ князьямъ московскаго времени сохранить за собой свои отчины.

Итакъ, распри князей и въ XII вѣкѣ, какъ и въ XI и X, идутъ изъ-за владѣній; мирные трактаты, которыми они оканчиваются, содержатъ опредѣленія о границахъ владѣній. Такими же опредѣленіями наполняются и договоры московскаго времени. Этотъ фактъ такъ общеизвѣстенъ, что не представляется надобности приводить въ подтвержденіе его какія-либо выписки.

2. *Наслѣдственность владѣній.*

Наслѣдственность княжескихъ владѣній не есть исконное начало нашей государственной жизни. При существованіи вѣча и права народа призывать князей, оно могло имѣть мѣсто только въ тѣхъ случаяхъ, когда народъ призывалъ князя съ дѣтьми и то до нѣкоторой только степени (см. выше стр. 76 и сл.). Въ тѣхъ же случаяхъ, когда князь призывался лишь до своего живота, оно отрицалось. Не смотря на это, начало наслѣдственности начинаетъ у насъ примѣняться съ очень глубокой древности. Это весьма понятно. Мы уже знаемъ, что каждый князь разсматривалъ свои владѣнія, какъ особыя, и заботился о неприкосновенности ихъ. На этой почвѣ легко могла родиться мысль о передачѣ владѣній дѣтямъ. Она, дѣйствительно, и родилась очень рано.

Первый случай примѣненія ея относится къ X вѣку. Но начало наслѣдственности должно было выдержать долгую борьбу. Оно враждебно сталкивалось: во 1-хъ, съ правомъ народа выбирать себѣ князя по усмотрѣнію; во 2-хъ, еще болѣе упорнаго врага нашло оно въ самихъ князьяхъ, которые считали себя въ правѣ доискиваться любого стола, не взирая ни на какія наслѣдственныя притязанія.

Древнѣйшій случай перехода волости по началу отчины лѣтопись приписываетъ распоряженію Владиміра Святого. Подъ 1128 годомъ мы находимъ такое объясненіе происхожденія особой вѣтви полоцкихъ князей. Владиміръ, по разсказу лѣтописца ,созвалъ бояръ своихъ и сообщилъ имъ о покушеніи на его жизнь, совершенномъ женою его, Рогнѣдою, дочерью полоцкаго князя, и о намѣреніи своемъ казнить ее смертью. Бояре отвѣчали ему:

«Уже не убій ея дѣтяти дѣля сего (Изяслава, сына Владиміра отъ Рогнѣды); но въздвигни отчину ея и дай ей съ сыномъ своимъ. Володиміръ же устрои городъ и да има»... Лавр.

Такимъ образомъ, уже боярамъ Владиміра приписывается мысль объ отчинѣ, какъ основаніи княжескаго преемства. Владиміръ слѣдуетъ совѣту бояръ, и образуетъ особую линію князей, полоцкихъ вотчинниковъ.

Тотъ же лѣтописецъ, передавая содержаніе Ярославова завѣщанія, въ заключеніе говоритъ:

«И тако раздѣли имъ грады, заповѣдавъ имъ не преступати предѣла братня, ни сгонити». 1054.

Ярославъ, бывшій не разъ свидѣтелемъ войны родныхъ братьевъ изъ за владѣній, запрещаетъ сыновьямъ своимъ переступать предѣлъ братнина удѣла. Мы думаемъ, что въ этомъ распоряженіи Ярослава можно видѣть вторую попытку, но въ болѣе широкихъ размѣрахъ, установить наслѣдованіе по отчинѣ. Переходъ одного изъ сѣновей Ярослава на столъ другого, по его смерти, но при наличности

дѣтей умершаго, является такимъ же нарушенiемъ завѣщанiя, какъ и захватъ братнина стола при его жизни. Сыновья Ярослава, по отношенiю къ своимъ дѣтямъ, находились совершенно въ такомъ же положенiи, въ какомъ находился Ярославъ по отношенiю къ своимъ. Онъ роздалъ имъ свои владѣнiя съ совершеннымъ устраненiемъ брата своего, Судислава, котораго держалъ въ тюрьмѣ. Почему сыновья его должны были поступить иначе и оставить свои владѣнiя не дѣтямъ, а братьямъ? Нѣтъ ни малѣйшаго основанiя допустить это. Правда, по смерти младшаго изъ сыновей Ярослава, Вячеслава (1057), три старшихъ брата перевели слѣдующаго за тѣмъ Игоря изъ Володимiра, назначеннаго ему отцомъ, на столъ умершаго, не смотря на то, что послѣ Вячеслава остался сынъ, Борисъ. Это перемѣщенiе есть самовольное распоряженiе старшихъ братьевъ и ничего болѣе. Оно также нарушаетъ завѣщанiе Ярослава, какъ и случившееся позднѣе изгнанiе Изяслава изъ Кiева. Такъ смотрѣли на Ярославово завѣщанiе и современники. Начальный лѣтописецъ, описавъ изгнанiе Изяслава и занятiе Кiева его младшими братьями, говоритъ, что они сдѣлали это, «преступивше заповѣдь отню». 1073.

Что Ярославъ имѣлъ въ виду установленiе наслѣдственнаго преемства въ нисходящей линiи своихъ сыновей, это подтверждается и дошедшимъ до насъ толкованiемъ его завѣщанiя князьями конца XII вѣка. Черниговскiе Ольговичи состояли въ договорѣ со Всеволодомъ Владимiрскимъ и Рюрикомъ Кiевскимъ, по которому обязались «блюсти Кiевъ подъ Всеволодомъ и сватомъ его, Рюрикомъ». Въ 1195 году Рюрикъ вознамѣрился измѣнить содержанiе этого договора и по соглашенiю со Всеволодомъ и братомъ, Давыдомъ, послалъ къ Ольговичамъ новое предложенiе, въ которомъ эти три князя и высказываютъ свой взглядъ на суть Ярославова завѣщанiя.

«Тое же осени (1195), говоритъ лѣтописецъ, сослався Рюрикъ со Всеволодомъ, сватомъ своимъ, и съ братомъ своимъ, Давыдомъ, послаша мужи своя къ Ярославу и ко

всимъ Олговичамъ, рекше ему: «цѣлуй къ намъ крестъ со всею своею братьею, како вы не искати отцины нашея, Кыева и Смоленьска, подъ нами, и подъ нашими дѣтми, и подъ всимъ нашимъ Володимеримъ племенемъ, како насъ раздѣлилъ дѣдъ нашъ, Ярославъ, по Днѣпръ, а Кыевъ вы не надобѣ». Ипат. 7.

Итакъ, по мнѣнію Владиміровичей, Ярославъ раздѣлилъ по Днѣпръ не сыновей только своихъ, Святослава и Всеволода, но и потомство ихъ. Значитъ, по мысли Ярослава, дѣти, а не братья, должны были наслѣдовать его сыновьямъ.

Хотя это толкованіе воли Ярослава и невыгодно Ольговичамъ, но они не отрицаютъ его вѣрности. Въ своемъ отвѣтѣ они вовсе не касаются неудобнаго для нихъ Ярославова завѣщанія, а указываютъ на ближайшую причину княженія Рюрика въ Кіевѣ и говорятъ, что и они могутъ занять Кіевъ въ случаѣ соединенія въ ихъ пользу тѣхъ же благопріятныхъ условій, какія доставили этотъ столъ ихъ противникамъ.

«И Олговичи же, продолжаетъ лѣтописецъ, сдумавше и пожалиша себе, рекше ко Всеволоду: «ажь ны еси вмѣнилъ Кыевъ то же ны его блюсти подъ тобою и подъ сватомъ твоимъ, Рюрикомъ, то въ томъ стоимъ; ажь ны липитися его велишь отъинудь, то мы есмы не угре, ни ляхове, но единого дѣда есмы внуци: при вашемъ животѣ не ищемъ его, ажь по васъ, кому Богъ дасть».

Ссылка Владиміровичей на Ярославово завѣщаніе вѣрна только отчасти, по отношенію къ одной Переяславской волости, которую Ярославъ назначилъ прапрадѣду ихъ, Всеволоду; Кіевъ же и Смоленскъ были назначены другимъ наслѣдникамъ и отчиной Владиміровичей сдѣлались гораздо позднѣе. и при томъ Владиміровичи сидѣли въ Кіевѣ не безъ согласія на то черниговскихъ князей, съ которыми у нихъ были заключаемы дружественные союзы. На одинъ изъ такихъ союзныхъ договоровъ и указываютъ Ольговичи въ своемъ отвѣтѣ. По договору этому Ольговичи отказа-

лись отъ Кіева въ пользу Всеволода и шурина его Рюрика, и только *).

Признаніе отчины за основаніе преемства, сказавшееся впервые въ княжескихъ распоряженіяхъ, входитъ и въ содержаніе договоровъ. Древнѣйшій примѣръ представляетъ мирный трактатъ, заключенный между внуками и правнуками Ярослава на Любецкомъ съѣздѣ (см. выше, стр. 138). Этимъ договоромъ установлено общее правило, чтобы дѣти владѣли столами своихъ отцовъ. Признаніе того же начала встрѣчается и въ договорахъ XII вѣка.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Война Изяслава Кіевскаго съ Юріемъ Ростовскимъ раздѣлила на два враждебныхъ лагеря и черниговскихъ князей: Изяслава Давыдовича и Святослава Ольговича. Когда война окончилась, Святославъ обратился къ Изяславу съ такимъ предложеніемъ:

«Брате! миръ стоить до рати, а рать до мира! А нынѣ, брате, братья есмы собѣ, а прими насъ къ собѣ. А се отцинѣ межи нами двѣ: одина моего отца, Олга, а другая твоего отца, Давыда, а ты, брате, Давыдовичь, а язъ Олговичь. Ты же, брате, прими отца своего, Давыдово; а што Олгово, а то нама дай, ать вѣ ся тѣмъ подѣливѣ». Изяславъ же крестьяньски учини, прія брата своя и отцину има узвороти, а свою къ собѣ прія». Ипат. 1151.

Святославъ хлопочетъ не о себѣ одномъ, но еще и о другомъ князѣ. Этотъ другой князь есть сынъ роднаго брата Святослава, Святославъ Всеволодовичъ, состоявшій въ союзѣ со Святославомъ Ольговичемъ. Дяди, значитъ, далеко не

*) Приведенное изъ Ипат. лѣт. мѣсто совершенно иначе передано въ Никоновской. Тамъ читаемъ:

«Небуди мнѣ отлучитися великого стола и главы и славы всеа Русіі, Киева, но якоже и отъ прадедъ нашихъ лествицею каждо восхожаше на великое княженіе Киевское, аще же и намъ и вамъ, возлюбленная и драгая братія, лествичнымъ восхожениемъ, кому аще Господь Богъ дастъ, взыти на великое княжение великого Киева. Сего, братие, не разоряйте, ни присецайте, да не Божій гнѣвъ на себѣ привлецете, хотяще едины во всей Росиі господствовати. Богъ убо мститель есть неправду творящимъ». 1196.

всегда исключали племянниковъ изъ владѣнія отчинами. Родовая теорія говоритъ объ исключеніи, въ періодъ отъ Ярослава Владиміровича до смерти Мстислава,—племянниковъ дядями «изъ общаго родоваго владѣнія». Владѣнія же отчинами она совсѣмъ не замѣтила.

Мы уже знаемъ, что сынъ Мономаха, Андрей, княжилъ во Владимірѣ. Князь этотъ заключилъ договоръ съ братомъ, Юріемъ, по которому Юрій обязался «по животѣ его волость удержати сынови его». По смерти Андрея, Юрій цѣловалъ крестъ этому сыну Андрея, «яко искати ему Володимиря». Ипат. 1157.

Въ 1170 году владимірскій князь, Мстиславъ Изяславовичъ, заключилъ договоръ съ братомъ своимъ, Ярославомъ, «якоже не подозрѣти волости подъ дѣтми его». Ипат. 1172.

Въ 1195 году Владиміровичи предлагаютъ Ольговичамъ цѣловать крестъ на томъ, что они не будутъ искать Кіева и Смоленска подъ ними, подъ ихъ дѣтьми и подъ всемъ Владиміровымъ племенемъ.

Когда это предпріятіе не удалось, Всеволодъ заключилъ съ Ольговичами миръ:

«И умолви съ нимъ (Ярославомъ Черниговскимъ) про волость свою и про дѣти своя, а Кыева подъ Рюрикомъ не искати, а подъ Давыдомъ Смоленска не искати, и води Ярослава ко честному кресту и всихъ Олговичь». Ипат.

И такъ, Всеволодъ отказался отъ новыхъ требованій, внушенныхъ Рюрикомъ, и ограничился прежними, но вмѣстѣ съ тѣмъ договорился о дѣтяхъ своихъ. Лѣтописецъ не приводитъ, въ чемъ состоялъ этотъ договоръ, но въ виду многихъ случаевъ передачи родителями дѣтямъ своихъ владѣній, есть полное основаніе думать, что Ольговичи обѣщали неподозрѣти Владимірской волости не только подъ Всеволодомъ, но и подъ дѣтьми его. Всеволоду надо было, конечно, достигнуть этого прежде всего; а могли быть и иные пункты соглашенія, о которыхъ гадать безполезно.

Насколько начало наслѣдственности пустило глубокіе корни въ XII вѣкѣ, объ этомъ свидѣтельствуютъ слѣдующіе случаи.

Въ 1140 году Всеволодъ Черниговскій, завладѣвъ Кіевомъ, захотѣлъ перевести князя Андрея изъ Переяславля въ Курскъ. Андрей отвѣчалъ ему:

«Лѣпьши ми того смерть и съ дружиною на своей отчинѣ и на дѣдинѣ взяти, нежели Курьское княженье. Отецъ мой Курьскѣ не сѣдѣлъ, но въ Переяславли. Хочю на своей отчинѣ смерть пріяти». Ипат. 1140.

Желаніе Андрея сбылось, онъ умеръ въ Переяславлѣ. По смерти его тотъ же Всеволодъ предлагаетъ брату Андрея, Вячеславу, перейти изъ Турова въ Переяславль на томъ основаніи, что это отчина его. Ипат. 1142.

Въ 1146 году Изяславъ Мстиславичъ, рѣшивъ начать войну съ Игоремъ Ольговичемъ изъ-за обладанія Кіевомъ, собираетъ войско и говоритъ ему такую рѣчь:

«Да любо си голову положю передъ вами, любо си налѣзу столъ дѣда своего и отца своего». Ипат.

Въ 1155 году черниговскому князю, Изяславу Давыдовичу, удалось занять Кіевъ. Юрій Владиміровичъ, начиная съ нимъ войну изъ-за Кіева, говоритъ ему: «мнѣ отчина Кіевъ, а не тобѣ». Ипат.

Въ 1159 году полоцкій князь Рогволодъ отбираетъ Изяславль у Всеволода Глѣбовича и передаетъ его Брячиславу Давыдовичу на томъ основаніи, что это его отчина. Ипат.

На томъ же основаніи и Новогородцы въ 1200 году просятъ Всеволода Юрьевича посадить у нихъ сына своего. Послы ихъ говорятъ князю:

«Ты господинъ князь великый, Всеволодъ Гюргевичь, просимъ у тобе сына княжитъ Новугороду, зане тобѣ отчина и дѣдина Новъгородъ». Лавр.

Начало наслѣдованія въ нисходящей линіи, по отчинѣ, возникшее въ глубокой древности *) и признаваемое не

*) Приведенныя мѣста источниковъ, свидѣтельствующія о древ-

только князьями, но даже и вольнолюбивымъ народомъ Новгорода Великаго, переходитъ, какъ готовое уже, въ московскую эпоху. Въ договорахъ московскихъ князей постоянно встрѣчаемся съ условіемъ не вступаться во владѣнія союзника не только при жизни его но и по смерти, подъ его дѣтьми. Ограничимся двумя примѣрами, древнѣйщимъ и самымъ новымъ изъ дошедшихъ до насъ договоровъ. Въ 1341 году сыновья Ивана Даниловича Калиты сходятся у отня гроба и заключаютъ между собой договоръ, въ которомъ обязываются «не обидѣть и не имати ничего (отъ княгини и) отъ дѣтий, чѣмъ ихъ кого благословилъ отецъ по роздѣлу». Подобное же обязательство находимъ и въ договорѣ, заключенномъ сыновьями вел. князя Ивана Васильевича, при жизни отца и по его приказу, въ 1504 году; обязательство это было повторено и по смерти отца въ 1531 году. Князья взаимно обязывались блюсти, не обидѣть и не вступаться другъ подъ другомъ и подъ дѣтьми. Знаменательно то, что Иванъ Васильевичъ не указомъ опредѣляетъ отношенія младшаго сына къ старшему, а договоромъ. Мысль о томъ, что владѣтельные князья подчиняются только такому закону, на который сами соизволили, живетъ и дѣйствуетъ еще и при Иванѣ Васильевичѣ. Вотъ почему онъ и обратился къ старому средству договора. Рум. собр. I. №№ 23, 133, 134, 140, 161. Такимъ образомъ, братъ великаго князя московскаго былъ такой же наслѣдственный владѣтель въ своемъ удѣлѣ, какъ и самъ великій князь. Тоже надо сказать и о всѣхъ удѣльныхъ князьяхъ московскаго времени.

ности начала наслѣдованія отъ отца къ сыну, нисколько не препятствуютъ сторонникамъ родовой теоріи считать этотъ порядокъ новымъ московскимъ обычаемъ. На стр. 443 Исторіи отнош. между русск. князьями Рюрикова дома читаемъ: «По смерти Юрія престолъ московскій занялъ старшій сынъ его, Василій Косой, мимо всѣхъ родовыхъ правъ, по новому обычаю престолонаслѣдія отъ отца къ сыну».

3. *Братство князей.*

Всѣ князья, происходя отъ одного общаго родоначальника, считаютъ себя прирожденными правителями. Они никогда не подданные другого князя, а равные ему. Они всѣ одной плоти и крови. Это бытовое явленіе; оно есть слѣдствіе рожденія, а не соглашенія. Но это начало прирожденныхъ княжескихъ правъ не всегда соблюдалось. Сильные князья не очень то уважали княжеское происхожденіе слабыхъ. Если они находили ихъ лишними, они не затруднялись устранять ихъ съ своей дороги. Вотъ это то обстоятельство и повело къ тому, что въ княжескіе договоры всегда включается статья о «братствѣ» союзниковъ. Всѣ состояшіе въ договорѣ князья именуютъ другъ друга братьями и обязываются относиться другъ къ другу соотвѣтственно этому началу братства.

Московскіе великіе князья постоянно обязываются держать своихъ союзниковъ «въ братствѣ, во чти, безъ обиды». Къ тому же обязывались и князья до-московскаго времени. Превосходный коментарій къ условію о братствѣ князей даютъ переговоры, происходившіе въ XII вѣкѣ между Андреемъ, владимірскимъ княземъ, и Ростиславичами. Князья эти состояли въ союзѣ. Въ 1154 году между ними возникло разногласіе; Ростиславичи не выдали Андрею Григорья Хотовича, котораго онъ подозрѣвалъ въ убійствѣ брата своего, Глѣба.

«Андрей же, говоритъ лѣтописецъ, исполнився высокоумья, разгордѣвъся велми, надѣяся плотной силѣ и множествомъ вой огородився, разжегся гнѣвомъ и посла Михна, мечьника: «ѣдь къ Ростиславичемъ, рци ти имъ: не ходите въ моей воли! ты же, Рюриче, пойди въ Смолньскъ къ брату, во свою отцину; а Давыдови рцы: а ты пойди въ Берладъ, а въ Руськой земли не велю ти быти; а Мьстиславу молви: въ тобе стоитъ все, а не велю ти въ Руской землѣ быти».

Ростиславичи оскорбились высокомѣріемъ тона и дали такой отвѣтъ:

«Мы тя до сихъ мѣстъ акы отца имѣли по любви, аже еси съ сякыми рѣчьми прислалъ, не акы къ князю, но акы къ подручнику и просту человѣку, а что умыслилъ еси, а тое дѣй, а Богъ за всѣмъ». Ипат.

Князь не простой человѣкъ, ему нельзя приказывать, говорить съ нимъ надо почтительно. Это и значитъ держать во чти.

Принципъ братства вноситъ въ среду князей начало равенства, онъ уравниваетъ дядю съ племянникомъ, названнаго отца съ сыномъ. Андрей не братъ Ростиславичамъ, а дядя, котораго Ростиславичи чтили, какъ отца. Тѣмъ не менѣе, какъ только Андрей позволилъ себѣ обратиться къ нимъ съ нарушеніемъ ихъ княжескаго достоинства, они разорвали свой союзъ съ нимъ.

Въ 1146 году кіевскій князь, Всеволодъ Ольговичъ, приказываетъ спросить у своихъ двоюродныхъ братьевъ, Давыдовичей, и у Изяслава Мстиславича:

«Стоите ли въ хрестномъ цѣлованьи у брата своего, у Игоря». Ипат.

Изяславъ Мстиславичъ приходится Игорю не братомъ, а племянникомъ. Если же здѣсь онъ названъ братомъ, то. конечно, потому, что въ договорѣ установлено начало братства.

Въ томъ же году, но уже по смерти Всеволода, Изяславъ Мстилавичъ обращается къ своему войску съ такими словами:

«Братье! Всеволода есмь имѣлъ въ правду брата старишаго». Ипат.

Но Всеволодъ не братъ, а дядя Изяславу, братомъ же старшимъ онъ имѣлъ его въ силу договора. Совершенно такія же обязательства найдемъ и въ московскихъ договорахъ.

Въ томъ же году, сынъ Изяслава, Мстиславъ, обращается

къ союзникамъ своего отца, Владиміру и Изяславу Давыдовичамъ, съ такою рѣчью:

«Братъ ваю, а мой отецъ, тако реклъ: къ городу же не приступайте, доколѣ же приду азъ, а какоже угадаемъ, тако створимъ. Она же рекоста тако: аже тако братъ велѣлъ, а тако и учинимъ». Ипат.

Это опять договорное братство, въ дѣйствительности же Изяславъ племянникъ Давыдовичей.

Въ 1150 году тотъ же Изяславъ посылаетъ посла къ дядямъ своимъ, Вячеславу и Юрію, и приказываетъ сказать имъ:

«Брата еста моя! Хрестъ еста цѣловала на томъ, ако моего что есть, то исправити; се же, брата, первое есми слалъ къ вамъ, и нынѣ, любо на чемъ хрестъ еста цѣловали, то управита; не хочета ли того всего исправити, то язъ въ обидѣ не могу быти». Ипат.

Согласно съ этимъ, дяди, Вячеславъ и Юрій, обращаются къ племяннику, Изяславу, называя его «братъ и сынъ». Ипат 1149 и сл.

Если въ предшествовавшихъ примѣрахъ уравнивались дяди и племянники весьма отдаленныхъ степеней, то здѣсь мы имѣемъ случай уравненія племянника съ родными дядями.

Точно также и въ московскихъ договорахъ не только братья договариваются о братствѣ, но и племянники съ дядями и дѣды со внуками. Великій князь московскій, Василій Дмитріевичъ, въ договорѣ, заключенномъ съ двоюроднымъ дядею, Владиміромъ Андреевичемъ, обязываетъ его считать себя братомъ старѣйшимъ и самъ обязывается держать его въ братствѣ и въ чести безъ обиды. Дмитрій Ивановичъ заключилъ договоръ съ Олегомъ Ивановичемъ рязанскимъ, который приходится ему внукомъ; но въ договорѣ обязывается имѣть его себѣ братомъ молодшимъ.

Итакъ, по договорамъ всѣ князья признаются братьями. Но братья въ семьѣ не равны; между ними есть старшіе и младшіе. Это бытовое явленіе то же переходитъ въ дого-

воры и проявляется двояко: во-первыхъ, князья называютъ другъ друга то старшими, то младшими братьями, сообразуясь съ дѣйствительнымъ старшинствомъ, и, во-вторыхъ, они обязываются признавать кого-либо старшимъ братомъ, и, въ свою очередь, обязываютъ этого старшаго считать ихъ младшими братьями.

Остановимся прежде на вопросѣ о томъ, что такое въ семьѣ старшій братъ, имѣлъ онъ какія-либо преимущества передъ младшими, или нѣтъ? Есть основаніе думать, что въ княжескихъ семьяхъ старшему сыну принадлежало нѣкоторое преимущество въ наслѣдованіи княжескихъ владѣній. Наслѣдованіе въ княжескихъ владѣніяхъ отличалось отъ наслѣдованія въ частной собственности. Собственность дѣлилась на равныя части, а при дѣлежѣ владѣній сообразовались съ естественнымъ дѣленіемъ ихъ на волости, а волостей на города и пригороды. При этомъ доли получались не равныя и не одинаковаго достоинства; однѣ волости были лучше, другія хуже; города же, по общему правилу, всегда были лучше пригородовъ. Такимъ образомъ, при раздѣлѣ княжескихъ отчинъ всегда возникалъ вопросъ, кому дать лучшую волость, кому слѣдующую за ней по достоинству и т. д. При этомъ и обнаруживалось преимущество старшинства братьевъ. Старшій братъ, при всѣхъ другихъ равныхъ условіяхъ, получалъ отъ отца лучшій столъ, остальные распредѣлялись между младшими. Такой порядокъ наблюдаемъ съ древнѣйшихъ временъ. Святославъ передаетъ лучшій свой столъ, кіевскій, старшему сыну Ярополку; по смерти Владиміра этотъ столъ занимаетъ старшій его сынъ, Святополкъ. Въ 1031 году Мстиславъ Владиміровичъ, одержавъ побѣду надъ братомъ Ярославомъ, уступаетъ ему Кіевъ на томъ основаніи, что онъ старшій братъ. Ярославъ, въ свою очередь, назначаетъ Кіевъ старшему сыну, Изяславу. Это право старшаго сына на лучшій или, что тоже, старшій столъ, хорошо выражено владимірскимъ княземъ, Всеволодомъ Юрьевичемъ. Посадивъ старшаго сына своего въ Новгородѣ, онъ такъ объяснилъ это назначеніе:

«Сыну мой, Костянтине, на тобѣ Богъ положилъ переже старѣйшинство во всей братьи твоей, а Новъгородъ Великій старѣйшиньство имать княженью во всей Руськой земли, по имени твоемъ тако и хвала твоя, не токмо Богъ положилъ переже старѣйшинство во всей братьи твоей, но и въ всей Русской земли; и язъ ти даю старѣйшиньство. Поѣди въ свой городъ». Лавр. 1206.

Константинъ старѣйшина въ семьѣ Всеволода; этому положенію его соотвѣтствуетъ и назначеніе его въ старѣйшій городъ Новгородъ, такова воля Божія. Чувствуя приближеніе смерти, Всеволодъ назначаетъ Константину лучшую свою волость, Владиміръ. Только послѣ того, какъ между сыномъ и отцомъ обнаружилось разногласіе по вопросу объ отношеніи Ростова къ Владиміру, Всеволодъ измѣнилъ свое первоначальное рѣшеніе и назначилъ Владиміръ второму сыну, Юрію, а Константину далъ Ростовъ. Это преимущество старшаго сына сознаютъ и московскіе князья. Сознаніе это съ совершенной ясностью высказано великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ. Назначая своимъ наслѣдникомъ въ великомъ княженіи, по смерти старшаго сына, Ивана, внука Димитрія, великій князь сказалъ:

«Отче митрополить! Божіемъ изволеніемъ отъ нашихъ прародитель, великихъ князей, старина наша оттолѣ и до сѣхъ мѣстъ, отци, великіе князи, сыновомъ своимъ прьвымъ дивали великое княженіе; и язъ былъ своего сына перваго, Ивана, при себѣ благословилъ великимъ княженіемъ...». Воскр.

Иванъ Даниловичъ Калита великое княженіе никому ни приказалъ; въ своемъ завѣщаніи онъ распоряжается только Московскимъ удѣломъ. Стремясь къ равному надѣленію своихъ наслѣдниковъ, лучшій свой городъ, Москву, онъ предоставилъ въ общее владѣніе всѣхъ трехъ сыновей; въ отдѣльное же владѣніе онъ предоставилъ имъ остальные города и волости. Незная размѣровъ и доходности этихъ участковъ, мы не можемъ сказать, получилъ что нибудь старшій сынъ Ивана на старѣйшинство, или

нѣтъ. Если удѣлъ его былъ и больше, что можно допустить, все-таки младшіе братья нашли нужнымъ сдѣлать ему прибавку. По смерти отца они заключили съ нимъ договоръ, въ которомъ сдѣлали ему уступки «на старѣйшинство». Въ этомъ договорѣ читаемъ:

«А что есмы съ ступилися тобѣ на старѣйшинство: тобѣ полтамги, (а намъ двумъ полтамги), да тобѣ сокольничий путь, и кони ставити.....хъ, и ловчий путь тоже; и потомъ на старѣйший путь, кто будеть старѣйший, тому полтамги, а молодшимъ двумъ полтамги. А опрочь того все на трое».

Отецъ все раздѣлилъ на три части; а младшіе братья уступаютъ старшему нѣкоторыя угодья цѣликомъ да половину таможенныхъ доходовъ: все это ему на старѣйшинство. Эта прибавка показываетъ, что право старѣйшинства пустило довольно глубокіе корни въ общественномъ сознаніи.

Помимо указанннаго преимущества первороднаго сына въ наслѣдованіи, ему принадлежало еще право на особый почотъ и уваженіе со стороны младшихъ, по общему правилу древности: «старыя чти, яко отца». Это особое почтеніе выражалось, напримѣръ, въ томъ, что первое слово предоставлялось старшему, младшій первый долженъ былъ поклониться старшему и пр. Вотъ въ какой почтительной фомѣ младшій братъ, Роситславъ Мстиславичъ, отвѣчаетъ старшему, Изяславу, на его впросъ о томъ, надо ли продолжать войну съ черниговскими князьми, или заключить съ ними миръ.

«Брате! кланяютися, ты еси меня старѣй, а како ты угадаеши, а язъ въ томъ готовъ есмь! Аже, брате, на мнѣ честь покладывашь, то язъ быхъ, брате, тако реклъ: русскыхъ дѣля земль и хрестьянъ дѣля, то язъ люблю, брате, миръ лѣпле». Ипат. 1148.

Въ 1289 году племянникъ владимірскаго князя, Мстислава Даниловича, и сынъ его старшаго брата, Юрій,

захватилъ городъ дяди, Берестій, и вошолъ въ соглашеніе съ жителями. Мстиславъ не хотѣлъ отказаться отъ Берестья, но прежде начала войны отправилъ посольство къ отцу Юрія и своему старшему брату, Льву, съ такимъ рѣшительнымъ по существу и почтительнымъ по формѣ обращеніемъ:

«Жалуюсь Богу и тобѣ, зане ми есь по Бозѣ братъ старѣйшій! Повѣжь ми, брате мой, право, своею ли волею сынъ твой сѣлъ въ Берестьи, ци ли твоимъ повелѣніемъ? Оже будетъ твоимъ повелѣніемъ се учинилъ се же ти повѣдаю брате мой, не тая: послалъ есмь возводитъ татаръ, а самъ пристраиваюся, а како мя Богъ разсудить съ вами! А не на мнѣ та кровь будеть, но на виноватомъ ,но на томъ, кто будетъ криво учинилъ». Ипат.

Таковы преимущества старшаго брата, старѣйшины, или говоря отвлеченно, преимущества старѣйшинства. Поэтому, слово «старѣйшинство» употреблялось у насъ иногда для обзначенія однихъ только преимуществъ старѣйшины. Мы уже знаемъ, что старшій братъ получалъ лучшій столъ, при всѣхъ другихъ равныхъ условіяхъ, т.-е., если отецъ любилъ его не менѣе младшихъ и пр. Всеволодъ разошелся съ своимъ старшимъ сыномъ, Константиномъ, и вмѣсто Владиміра назначилъ ему Ростовъ. По смерти отца между Константиномъ и Юріемъ, получившимъ лучшій столъ, возгорѣлась война. Сторону Костантина принялъ новгородскій князь, Мстиславъ Мстиславичъ. Вотъ какъ онъ объясняетъ свое вмѣшательство въ семейное дѣло сыновей Всеволодова:

«Мы, говоритъ онъ, пришли были есми, брате, не на пролитіе крови, но управитися межи себѣ, едино бо есмя племя, и дати старѣйшинство большему брату, Костянтину, да посадити и въ Володимери, а вамъ Суздальская земля вся». Воскр. 1216.

Старѣйшинство—это обладаніе старшимъ городомъ, на которое Костантинъ имѣлъ право по первородству, но котораго лишился, поссорившись съ отцомъ. Старшинство

и молодость городовъ—понятія относительныя и постоянно мѣняющіяся. Въ концѣ XII вѣка Владиміръ—младшій городъ, въ началѣ XIII—онъ уже старшій.

Младшіе сыновья Ярослава, Святославъ и Всеволодъ, прогнали старшаго брата, Изяслава, изъ Кіева. По смерти Святослава, Изяславъ возвратился изъ Польши добывать свою отчину. Всеволодъ выступилъ было противъ него, но до войны дѣло не дошло, и братья заключили между собой миръ. Текстъ этого мирнаго договора намъ не извѣстенъ, но вотъ что говоритъ о его содержаніи Изяславъ, когда Всеволодъ, разбитый половцами, обратился къ его помощи:

«Елма же ты, брате мой, показа ко мнѣ любовь, введя мя на столъ мой и нарекъ мя старѣйшину собѣ, се азъ не помяну злобы первыя, ты ми еси братъ, а я тобѣ, и положю главу свою за тя». Лавр. 1078.

Употребленное здѣсь выраженіе «нарекъ мя старѣйшину собѣ» легко объясняется изъ сказаннаго. Изяславъ—старшій братъ и согласно этому получилъ отъ отца старшій столъ. Младшіе братья нарушили его старѣйшинство и прогнали его изъ Кіева. По смерти Святослава, всему дѣлу заводчика, Всеволодъ помирился съ братомъ, уступилъ ему Кіевъ и, такимъ образомъ, призналъ его права первородства, которыя, не задолго передъ тѣмъ, отрицалъ; — это и значитъ «нарекъ его старѣйшиной». Такія признанія старѣйшиной, или братомъ старѣйшимъ постоянно находимъ и въ московскихъ договорахъ. Но объ этомъ рѣчь будетъ впереди, а теперь мы получили возможность объяснить переносное значеніе слова «старѣйшина». Изяславъ былъ лишенъ старѣйшинства; по его изгнаніи, правами его пользовался слѣдующій за нимъ братъ и похититель его правъ, Святославъ. Святославъ и былъ старѣйшиной, но не по рожденію, а въ силу захвата правъ старѣйшины. Права же старѣйшины заключались тогда въ обладаніи Кіевомъ. Святославъ былъ старѣйшина въ силу факта обладанія Кіевомъ, онъ старѣй-

шина по городу. Такимъ старѣйшиной, въ случаѣ удачи, могъ сдѣлаться любой князь.

Въ 1174 году, во время существованія большаго союза, составленнаго противъ кіевскихъ и смоленскихъ князей, Ростиславичей, усиліями Андрея Юрьевича Владимірскаго и черниговскихъ князей, къ послѣднимъ присоединился двоюродный братъ Ростиславичей, Ярославъ Изяславичъ Луцкій, «ища собѣ старѣйшинства въ Олговичахъ, какъ говоритъ лѣтописецъ, и не ступишася ему Кіева». Ипат. 1174.

Какого это старѣйшинства искалъ Ярославъ Изяславичъ передъ Ольговичами и при ихъ помощи? Старѣйшинства по первородству онъ не могъ искать, ибо происходилъ отъ третьяго сына Ярослава, а Ольговичи отъ втораго, и приходился племянникомъ своему союзнику, черниговскому князю, Святославу Всеволодовичу. Ярославъ искалъ старѣйшинства по Кіеву, т. е. желалъ, чтобы черниговскіе князья предоставили ему обладаніе Кіевомъ, который считался старше Чернигова. Это подтверждается и словами текста. Отказъ Ольговичей выраженъ въ такой формѣ: «и не ступишася ему Кіева», что и значитъ не дали старѣйшинства. Тогда Ярославъ перешелъ на сторону Ростиславичей съ тѣмъ же требованіемъ.

«Ростиславичи же, продолжаетъ лѣтописецъ, положиша на Ярославѣ старѣйшиньство и даша ему Кыевъ». Ипат. 1174.

Ярославъ, сынъ Изяслава, старшаго брата Ростислава, и, слѣдовательно, старшій двоюродный братъ Ростиславичей, имѣлъ передъ ними старшинство первородства. Что же значитъ, что они «положили на него старѣйшинство»? Это значитъ, что они по договору обязались считать его старѣйшиной и доставить ему Кіевъ, чего до сего времени не дѣлали, ибо въ Кіевѣ сидѣлъ Романъ Ростиславичъ. Здѣсь опять договоромъ подтверждаются права первородства, до того отрицавшіяся.

Итакъ, старѣйшинство означаетъ, во-первыхъ, право пер-

вородства, а такъ какъ право первородства состоитъ въ обладанiи лучшимъ столомъ, то, во-вторыхъ, старѣйшинство означаетъ лучшiй столъ; наконецъ, въ-третьихъ, старѣйшинство—можетъ означать единственно почетъ, несоединяемый ни съ какими матерiальными выгодами. Примѣръ такого словоупотребленiя даетъ договоръ Ростиславичей со Всеволодомъ Юрьевичемъ. По этому договору Всеволодъ былъ нареченъ Ростиславичами «старѣйшиной», но кiевскiй столъ, по смерти Святослава Всеволодовича (1194), занялъ не Всеволодъ, а Рюрикъ Ростиславичъ.

Узнавъ объ этомъ, Всеволодъ отправляетъ къ Рюрику и брату его, Давыду, такое посольство:

«Вы есте, приказываетъ онъ сказать имъ, нарекли мя въ своемъ племени, во Володимерѣ, старѣйшаго; а нынѣ сѣлъ еси въ Кыевѣ, а мнѣ еси части не учинилъ въ Руской землѣ, но роздалъ еси инѣмъ моложьшимъ, братьи своей. Да же мнѣ въ ней части нѣтъ, да то ты, а то Кiевъ и Руская область; а кому еси въ ней часть далъ, съ тѣмъ ей и блюди и стрежи. Да какъ ю съ нимъ удержишь, а то узрю же, а мнѣ не надобѣ». Ипат. 1195.

Отъ сюда ясно, что хотя Всеволодъ и признанъ старѣйшиной, но Ростиславичи не обязались ни къ какимъ матерiальнымъ уступкамъ въ его пользу—на старѣйшинство; они не обѣщали ему ни Кiева, ни какой либо части въ Русской землѣ. Еслибы такiя обѣщанiя были сдѣланы, Всеволодъ указалъ бы на это и упрекнулъ бы въ несоблюденiи договора. Но онъ этого не дѣлаетъ, онъ только жалуется, что его не вспомнили въ счастливую минуту и не дали части, тогда какъ всѣ другiе союзники получили и при томъ младшiе. Младшiе надѣлены, а старѣйшiй нѣтъ; это очевидное неуваженiе старѣйшинства. Всеволодъ не хочетъ этого терпѣть, ибо старѣйшинству подобаетъ особый почетъ, а ему не оказано и той чести, какая сдѣлана младшимъ. Онъ выступаетъ изъ союза. Въ этомъ и заключается его месть за недостатокъ почтенiя. Ясно, что старѣйшинство, въ данномъ случаѣ, ничего не означало, кромѣ по-

четнаго титула, которому должно было соотвѣтствовать особое вниманіе младшихъ по отношенію къ старѣйшинѣ. О томъ, что старѣйшинство означало какія-либо права верховенства старшаго князя по отношенію къ младшимъ—и рѣчи быть не можетъ. Въ этомъ смыслѣ особаго почета выраженіе «старѣйшій братъ» употребляется и въ московскихъ договорахъ.

Но переходъ отъ состоянія мира къ состоянію войны такого сильнаго князя, какъ Всеволодъ, испугалъ Ростиславичей, и они рѣшили удовлетворить его. Оказалось, что Всеволодъ желалъ получить именно ту волость, которую Рюрикъ отдалъ уже зятю своему, Роману Мстиславичу. Какъ ни трудно было удовлетворить Всеволода, Рюрикъ сдѣлалъ таки ему угодное; но онъ возстановилъ этимъ противъ себя зятя. Романъ Мстиславичъ вышелъ изъ союза съ Рюрикомъ и вступилъ въ крестное цѣлованіе съ Ярославомъ Вселодовичемъ Черниговскимъ,

«Поводя й на Кіевъ, на тестя своего. Се же слышавъ Рюрикъ, ажь Романъ отступился ко Ольговичемъ и поводитъ Ярослава на старѣйшинство, и поча Рюрикъ думати съ братьею своею и мужи своими...» Ипат. 1195.

Здѣсь опять слово «старѣйшинство» употреблено въ смыслѣ старшаго стола, въ данномъ случаѣ Кіева.

Въ московскихъ договорахъ встрѣчаемся съ тѣмъ же раздѣленіемъ князей-братьевъ на старшихъ и младшихъ. Титулъ старѣйшаго усвояется всегда старшему брату и владѣльцу старшаго на сѣверо-востокѣ стола владимірскаго и московскаго; но по отношенію къ его младшимъ братьямъ рязанскіе и тверскіе князья тоже старшіе. Имена князей и столовъ новыя, но понятія старыя. Старѣйшинство старшаго брата такъ натурально, что въ договорахъ сыновей Ивана Даниловича Калиты и Дмитрія Ивановича Донского оно встрѣчается только какъ ходячее обращеніе младшихъ братьевъ къ старшему, а не въ смыслѣ особой обязанности, возлагаемой на младшихъ,—считать старшаго старшимъ. Ве-

ликій князь, Иванъ Васильевичъ, этимъ уже не довольствуется, онъ возлагаетъ на младшихъ своихъ братьевъ обязанность «имѣть его братомъ старѣйшимъ» и самъ по отношенію къ нимъ обязывается держать ихъ братьею молодшею. Существо дѣла отъ этого, однако, нисколько не мѣняется. Онъ только прямо высказалъ въ договорѣ то, что предполагалось и прежде. Сыновья Калиты и Дмитрія Донского не обязываются имѣть старшаго брата старшимъ, но такъ его называютъ, а слѣдовательно и имѣютъ. Иванъ Васильевичъ не сдѣлалъ своихъ братьевъ подданными великаго князя; какъ и древніе князья, онъ обязывается держать ихъ въ братствѣ и во чти безъ обиды; онъ только сильнѣе оттѣняетъ ихъ обязанность почитать его, какъ старѣйшаго, чѣмъ это дѣлалось при его дѣдѣ.

Въ договорахъ же московскихъ князей съ болѣе отдаленными родственниками уже съ Дмитрія Ивановича встрѣчаемся съ опредѣленіемъ относительнаго старшинства князей и съ установленіемъ обязанности считать того или другаго князя то старшимъ, то младшимъ, то просто братомъ. Въ договорѣ Дмитрія Ивановича и двоюроднаго брата его, Владиміра Андреевича, съ тверскимъ княземъ, Михаиломъ Александровичемъ, послѣдній принимаетъ на себя обязательство имѣть Дмитрія Ивановича себѣ братомъ старѣйщимъ, а князя Владиміра—братомъ. Такъ какъ въ этомъ же договорѣ есть особыя статьи о неприкосновенности владѣній, то подъ признаніемъ старѣйшинства великаго князя московскаго надо видѣть только обязанность къ особому почтенію, подобающему старшему. Мы думаемъ, что и во всѣхъ договорахъ московскаго времени обязанность признавать извѣстнаго князя старѣйшиной сводится къ особому почету по отношенію къ этому князю и только. Съ точки зрѣнія почета можно понять и встрѣчающуюся въ московскихъ договорахъ градацію старшинства. Великій князь московскій, Иванъ Васильевичъ, возлагаетъ на рязанскаго князя такое обязательство:

«Имѣти ти меня, великого князя, себѣ братомъ старѣйшимъ и моего сына, великого князя, имѣти ти его себѣ братомъ старѣйшимъ; а брата нашего молодшего, князя Андрѣя, имѣти ти его собѣ братомъ; а брата нашего молодшево, князя Бориса, и меншево нашего брата, князя Михайла, и сына его князя, Василья, имѣти ти себѣ братьею молодшего» *).

Это есть градація чести и ничего больше. Видѣть здѣсь какую-либо форму верховенства великаго князя московскаго надъ рязанскимъ не представляется возможности. Рязанскій князь, младшій по отношенію къ Ивану Васильевичу, является самъ старѣйшиной брата московскаго великаго князя, Бориса, дяди его, Михаила Верейскаго, и племенника, Василія, сына верейскаго князя. Это, конечно, не подчиненіе братьевъ московскаго князя—рязанскому, а только форма почести, ибо въ противномъ случаѣ пришлось бы допустить двоякое подчиненіе трехъ послѣднихъ князей—рязанскому великому князю и московскому, по отношенію къ которому они тоже молодшіе братья. Условіе, только что выписанное изъ договора Ивана Васильевича, великаго князя московскаго, есть буквальное повтореніе выше приведеннаго условія изъ договора кіевскихъ и московскихъ Ростиславичей со Всеволодомъ Владимірскимъ. XV вѣкъ повторяетъ зады XII-го. Такъ медленно шла наша исторія!

Условіе объ особомъ почетѣ, выражаемомъ въ нареченіи кого-либо старѣйшиной, включается въ договоръ въ томъ только случаѣ, когда на это послѣдовало согласіе обязывающейся стороны. Такого условія нѣтъ въ договорѣ Василія Васильевича съ Борисомъ Александровичемъ Тверскимъ и даже въ первомъ договорѣ Ивана Васильевича съ сыномъ Бориса, Михаиломъ Тверскимъ (Рум. собр. I. № 76, 88). А между тѣмъ оно было въ договорѣ Дмитрія Донскаго съ Михаиломъ Александровичемъ тверскимъ. За время Василія Тем-

*) Рум. собр. I, № 115. Въ договорѣ Василія Васильевича съ Дмитріемъ Шемякой встрѣчаемъ и выраженіе «старишыньство» вмѣсто старѣйшій братъ. Тамъ же, № 52.

наго, значитъ, значеніе великихъ князей московскихъ по отношенію къ тверскимъ весьма упало. Московскій и тверскій князь въ указанныхъ договорахъ одинаково называются братьями, они, значитъ, стали равны.

Любопытную особенность представляютъ тѣ московскіе договоры, въ которыхъ князья обязываются имѣть старѣйшихъ братьевъ своихъ въ отца мѣсто. Такое обязательство находимъ въ договорѣ Дмитрія Ивановича съ Владиміромъ Анреевичемъ. Но въ дальнѣйшемъ изложеніи статей договора Дмитрій Ивановичъ называетъ Владиміра Андреевича то просто «братомъ», то «братомъ и сыномъ». Рум. собр. I. №№ 27, 29, 37. Подобно этому Василій Васильевичъ обязывается имѣть серпуховскаго князя своимъ «братомъ молодшимъ и сыномъ». Но такъ только въ одномъ договорѣ, древнѣйшемъ; во всѣхъ остальныхъ — князья состоятъ только въ братствѣ. Тамъ же, № 45, 71, 78, 84. Гораздо послѣдовательнѣе начало это проводится въ договорахъ соперника Василія Васильевича, дяди его, Юрія Дмитріевича, и племянника, Дмитрія Шемяки. Условіе о братствѣ совершенно замѣнено въ нихъ условіемъ о сыновствѣ. Завладѣвъ Москвой и великимъ княженіемъ, Юрій Дмитріевичъ поспѣшилъ укрѣпить за собой новыя пріобрѣтенія союзными договорами. Въ дошедшемъ до насъ договорѣ его съ можайскими князьями эти послѣдніе обязываются имѣть Юрія себѣ отцомъ, а онъ обязывается держать ихъ въ сыновствѣ и во чти безъ обиды. Примѣру отца слѣдуетъ и сынъ, Дмитрій Шемяка. Договоръ его съ суздальскими князьями сохранился только въ томъ экземплярѣ, на которомъ цѣловалъ крестъ самъ Шемяка. Суздальскіе князья, Василій и Ѳедоръ Юрьевичи, обязываютъ его:

«Держати ти насъ собѣ, меня, князя Василья Юріевича, собѣ сыномъ, а брата моего молодшаго, князя Федора Юрьевича, держати его собѣ братаничемъ; а сыну ти, господине, своему, князю Ивану Дмитріевичу, держати меня, князя Василья Юріевича, братомъ ровнымъ, а меня ти, господине, князя Федора Юріевича, держати сыну своему,

князю Ивану, братомъ молодшимъ. А намъ тебя, своего господина, держати мнѣ, князю Василью Юріевичу, господиномъ и отцомъ, а сына твоего, князя Ивана Дмитріевича, держати ми его собѣ братомъ равнымъ; а мнѣ, князю Федору Юріевичу, держати ми тебя собѣ господиномъ и дядею, а сына ми твоего, господине, князя Ивана Дмитріевича, держати ми его собѣ братомъ старешимъ». Рум. собр. I. № 62.

Въ замѣнѣ братства сыновствомъ надо видѣть стремленіе честолюбивыхъ галицкихъ князей возвысить свое значеніе передъ союзниками. Союзники не братья имъ, а сыновья или племянники. Только сынъ Шемяки, Иванъ, состоитъ въ братствѣ съ другими князьями, а не отецъ его. Но это условное сыновство не означаетъ дѣйствительнаго переноса отеческихъ правъ на названнаго отца, такъ какъ за сыномъ признаются всѣ права владѣтельнаго князя и даже въ правѣ заключать союзы съ другими князьями онъ уравнивается съ названнымъ отцомъ. Здѣсь опять дѣло только въ почетѣ, но въ высшей его степени.

Замѣна братства сыновствомъ такъ же не новость московскаго времени. Условія подобнаго рода заключали и князья XII вѣка. Въ 1150 году Вячеславъ цѣловалъ крестъ съ племянникомъ Изяславомъ на томъ, что «Изяславу имѣть отцомъ Вячеслава, а Вячеславу имѣти сыномъ Изяслава». Но и въ Кіевѣ, какъ въ Москвѣ, эти отцы называются старшими братьями. Вячеславъ приводитъ слова Изяслава, въ которыхъ тотъ одинаково называетъ его отцомъ и братомъ старѣйшимъ: самъ Вячеславъ, обращаясь къ Изяславу, говоритъ: «ты же мой сынъ, ты же мой братъ». Ипат. 1150—1. Это тоже только высшая степень почета и ничего больше. Что признаніе кого-либо въ отца мѣсто и въ до-московское время не означало признанія за названнымъ отцомъ высшей власти, это хорошо видно изъ столкновенія кіевскихъ Ростиславичей съ Андреемъ Боголюбскимъ. Андрей говоритъ, что Ростиславичи «нарекли его собѣ отцомъ», т.-е. по договору обязались имѣть его въ отца мѣсто. Но когда Андрей потребовалъ у нихъ выдачи лицъ, подозрѣваемыхъ

имъ въ убійствѣ брата его, Ростиславичи отказали въ выдачѣ, дальнѣйшія же его требованія нашли несогласными съ ихъ княжескимъ достоинствомъ; Андрей не хотѣлъ уступить, и Ростиславичи разорвали заключенный съ нимъ союзъ и объявили ему войну. Они продолжаютъ разсматривать себя самостоятельными князьями, а не подручниками Андрея, не смотря на то, что нарекли его отцомъ *).

Таково значеніе старѣйшинства въ договорномъ правѣ князей. Но какъ мы уже замѣтили, понятіе старѣйшинства не выдумано князьми, оно есть бытовое явленіе. Жизнь постоянно имѣетъ дѣло со старшими и младшими, это выраженія ежедневной разговорной рѣчи. Въ заключеніе остановимся на этой живой рѣчи и посмотримъ, какой смыслъ придается въ ней слову старѣйшина. Въ живой рѣчи старѣйшина означаетъ старшаго лѣтами.

Въ 1151 году Вячеславъ Туровскій обращается къ младшему своему брату, Юрію, съ такими словами:

«Моложьшему ся не поклоню, да се язъ тебе старѣй есмь не маломъ, но многомъ; азъ уже бородатъ, а ты ся еси родилъ! Пакы ли хощеши на мое старишиньство поѣхати, яко то еси поѣхалъ, да Богъ за всимъ!» Ипат.

Старѣйшинство, на которое ссылается Вячеславъ, есть старшинство лѣтъ. Здѣсь же указаны и преимущества его: младшій обязанъ почитать старшаго и выражать ему свое почтеніе—первымъ поклономъ; воевать со старшимъ значитъ нарушать его старѣйшинство.

Въ 1195 году Рюрикъ Ростиславичъ, занявъ Кіевъ, по-

---

*) Совершенно иначе объясняетъ эти термины родовая теорія. «Еслибы рязанскій князь назвался сыномъ московскаго, читаемъ у Соловьева, то этимъ самымъ, по новому порядку вещей, поступилъ бы къ нему въ подручническое отношеніе». Истор. отн. между русскими князьями Рюр. дома, 443. Чтобы составить себѣ правильное понятіе объ отношеніяхъ названнаго отца къ названному сыну, надо прочитать указанные нами выше договоры. Сынъ вовсе не подчиненъ отцу, а потому не можетъ быть рѣчи и о подручническихъ отношеніяхъ.

желалъ условиться съ братомъ, Давыдомъ, о Русской землѣ. Послы его держатъ такую рѣчь къ Давыду:

«Брате! се осталися старѣйши всѣхъ въ Руськой землѣ, а поѣди ко мнѣ Кыеву, что будеть о Руской землѣ думы и о братьи своей, о Володимерѣ племени, и то все укончаевѣ, а сами ся у здоровьи видѣвѣ». Ипат.

Старѣйшими Рюрикъ называетъ себя и брата своего, Давыда, потому что въ это время они были старшіе лѣтами изъ приднѣпровскихъ князей Владимірова племени. Въ это же время былъ живъ дядя ихъ, Всеволодъ Юрьевичъ, владимірскій князь; онъ былъ ихъ старшій родственникъ, можетъ быть даже онъ былъ и лѣтами ихъ старѣе, но это нисколько не мѣшаетъ имъ считать себя старѣйшими, такъ какъ въ приднѣпровьи не было среди Владиміровичей князей старѣе ихъ. Это относительное старшинство. Въ одно и то-же время можетъ быть много старшихъ лѣтами, много старѣйшинъ.

Подъ 1224 годомъ находимъ описаніе совѣта князей, собравшихся въ Кіевѣ; однихъ князей лѣтописецъ называетъ старѣйшинами въ Русской землѣ, а другихъ молодыми князьями. Къ старѣйшинамъ онъ относитъ четырехъ: Мстислава Романовича Кіевскаго, внука Ростислава Мстиславича, Мстислава Святославича Черниговскаго, внула Всеволода Ольговича, Мстислава Мстиславича Галицкаго, другого внука Ростислава Мстиславича, и Юрія Всеволодовича Суздальскаго; младшихъ онъ не перечисляетъ всѣхъ, по множеству ихъ; отмѣтимъ изъ ихъ числа Всеволода Мстиславича, сына кіевскаго князя, Мстислава Романовича, и Михаила Всеволодовича, внука Святослава Ольговича, черниговскихъ князей.

Въ какомъ смыслѣ одни старѣйшины, другіе молодшіе? Достаточный свѣтъ на этотъ вопросъ бросаетъ помѣщеніе въ спискѣ молодшихъ сына кіевскаго князя, Всеволода. Что такое этотъ Всеволодъ? Онъ даже не владѣтельный князь, онъ просто молодой человѣкъ. Среди же старѣйшинъ мы оди-

наково встрѣчаемъ какъ дядей, такъ и племянниковъ. Старѣйшинами, значитъ, дѣлаетъ ихъ не степень родства, а старшинство лѣтъ. Старшинство же лѣтъ—явленіе относительное.

Такихъ старѣйшинъ всегда было неопредѣленное число.

Право старѣйшинъ на особый почетъ, по существу своему, было такъ же довольно неопредѣленное. Оно было ясно, пока дѣло шло о такихъ внѣшнихъ проявленіяхъ почета, какъ первый поклонъ младшаго старшему, предоставленіе перваго слова старшему и подоб. Но весьма натурально, что старшіе не ограничивались такимъ внѣшнимъ выраженіемъ почета и простирали, иногда, свои требованія до полной уступчивости ихъ волѣ со стороны младшихъ. Здѣсь и открывалось широкое поле для всяческихъ столкновеній младшихъ со старшими. Любопытный примѣръ такихъ столкновеній представляютъ отношенія стараго Вячеслава къ племяннику своему Изяславу. Во время княженія въ Кіевѣ черниговскаго князя, Всеволода Ольговича, Вячеславъ Туровскій долженъ былъ согласиться на значительное умаленіе своихъ владѣній. По смерти Всеволода, кіевляне призвали къ себѣ на столъ Изяслава Мстиславича. Вячеславъ нашолъ этотъ моментъ удобнымъ для возвращенія своихъ утраченныхъ городовъ и волостей.

«Вячеславъ же, говоритъ лѣтописецъ, надѣяся на старишьство и послушавъ бояръ своихъ, не приложи чести ко Изяславу, отъя городы опять, иже бяшетъ отъ него Всеволодъ отъялъ; не томко же то, но и Володимерь зая и посади въ немъ Андреевича». Ипат. 1146.

Такимъ образомъ, Вячеславъ, надѣясь на свое старшинство передъ племянникомъ, началъ распоряжаться въ его владѣніяхъ, какъ въ своихъ собственныхъ. Лѣтописецъ осуждаетъ такой поступокъ; онъ говоритъ, что Вячеславъ не оказалъ должнаго почтенія племяннику. Вячеславу, для возвращенія своихъ владѣній,—надо было, конечно, войдти съ нимъ въ соглашеніе, а не распоряжаться самому. Изяславъ тоже не одобрилъ дѣйствій дяди. Онъ послалъ противъ

него своихъ союзниковъ и отнялъ у дяди даже его городъ, Туровъ.

Но на какое старшинство надѣялся Вячеславъ? Здѣсь было не одно только старшинство лѣтъ, но и старшинство степени; Вячеславъ дядя Изяславу. Всѣ князья родственники, а потому старшинство лѣтъ весьма нерѣдко совпадаетъ со старшинствомъ степени родства, что, конечно, должно было еще усиливать притязанія князей старшихъ родственниковъ. Нѣтъ, однако, основанія думать, что старшинство степени родства само по себѣ, внѣ преимущества лѣтъ, было основаніемъ старѣйшинства. Князья указываютъ на старшинство лѣтъ тамъ, гдѣ могли бы сослаться на старшинство степени. Такъ Рюрикъ Ростиславичъ уступаетъ Кіевъ Святославу Всеволодовичу по тому, что Святославъ «старѣй его лѣты». Святославъ приходился ему еще дядей, но это преимущество не имѣло никакого вліянія на рѣшеніе Рюрика; о немъ и рѣчи не было въ думѣ князя съ его мужами. Ипат. 1180.

Хотя старшинство степени не дѣлаетъ молодаго человѣка старѣйшиной, но весьма понятно, что наша древность знала и особое уваженіе, подобающее родственникамъ старшихъ степеней. Въ 1064 году Святославъ Ярославичъ ополчился на племянника своего, Ростислава Владиміровича, утвердившагося въ Тмуторокани.

«Ростиславъ же, говоритъ лѣтописецъ, отступи кромѣ изъ града, не убоявъся его, но не хотя противу стрыеви своему оружья взяти». Лавр.

По удаленіи Святослава на сѣверъ, Ростиславъ снова сѣлъ въ Тмуторокани, прогнавъ оставленнаго тамъ дядею сына, Глѣба. Въ этомъ столкновеніи дяди съ племянникомъ прекрасно отразились двѣ характерныя черты древности: уваженіе къ дядѣ, какъ родственнику, и полное непризнаніе его воли, какъ государя. Всѣ князья братья и никто изъ нихъ не обязанъ подчиняться волѣ другого, кромѣ того

случая, когда онъ самъ согласился подчиняться, о чемъ рѣчь впереди.

4. *Условія союза единенія.*

Договоры имѣютъ цѣлью установленіе мира между участниками. Миръ этотъ представляется договаривающимся сторонамъ въ формѣ полнаго ихъ единенія по всѣмъ вопросамъ внѣшней политики. Термины, въ которыхъ выражается это единеніе, совершенно одинаковы въ до-московское и въ московское время.

Древнѣйшее свидѣтельство лѣтописи о мирномъ союзѣ князей относится къ началу XI вѣка. Въ 1021 году Брячиславъ Полоцкій напалъ на Новгородъ, бывшій подъ властью дяди его, Ярослава Владиміровича. Послѣднему удалось, однако, обратить Брячислава въ бѣгство и отбить богатый полонъ, захваченный имъ въ Новгородѣ. Несмотря на этотъ успѣхъ, Ярославъ нашелъ нужнымъ сдѣлать племяннику уступки и заключить съ нимъ союзный договоръ.

«И оттолѣ (изъ Полоцка, куда бѣжалъ разбитый Брячиславъ), говоритъ лѣтописецъ, призва (Ярославъ) къ себѣ Брячислава и давъ ему два города, Восвячь и Видбескъ, и рече ему: «буди же со мною за одинъ». Воск.

На Любецкомъ съѣздѣ князья приняли такое рѣшеніе: «да нонѣ отселѣ имемъся во едино сердце».

Въ 1148 году Изяславъ Мстиславичъ, Владиміръ и Изяславъ Давыдовичи, Святославъ Ольговичъ и Святославъ Всеволодовичъ цѣлуютъ между собою крестъ на условіи: «быти всѣмъ за одинъ братъ». Ипат.

Въ 1153 году Святославъ Ольговичъ цѣлуетъ крестъ съ Изяславомъ Давыдовичемъ: «якоже за одинъ мужъ быти». Ипат.

Этимъ терминамъ XI и XII вѣка совершенно соотвѣтствуютъ выраженія московскихъ договоровъ XIV и XV вѣка.

Въ договорѣ сыновей Калиты читаемъ: «Быти ны за одинъ до живота». Такіе же договоры на обоюдномъ условіи «быти за одинъ» заключаютъ Дмитрій Ивановичъ, Василий Дмитріевичъ, Василий Васильевичъ и даже Иванъ Васильевичъ *).

Такое состояніе единенія представлялось древнимъ князьямъ состояніемъ «любви». Ростиславъ Мстиславичъ и Юрій Всеволодовичъ въ 1154 году цѣлуютъ между собою крестъ «на всей любви». Ипат. Та же точка зрѣнія и у князей московскаго времени. Въ договорѣ Василія Дмитріевича съ рязанскимъ княземъ читаемъ:

«А со княземъ Семеномъ съ Романовичемъ съ Новосильскимъ и съ Торускыми князи взяти ти (рязанскому князю) любовь по давнымъ грамотамъ». Рум. собр. I. № 36.

Какъ въ Кіевѣ, такъ и въ Москвѣ договоръ единенія называютъ любовью.

Естественнымъ послѣдствіемъ единенія и любви является условіе о томъ, что союзники должны имѣть общихъ враговъ и друзей и дѣлить какъ радости, такъ и горе.

Въ 1128 году Всеволодъ Ольговичъ напалъ на своего дядю, Ярослава, и прогналъ его изъ Чернигова. Ярославъ былъ въ договорѣ единенія съ кіевскимъ княземъ, Мстиславомъ, а потому и обратился къ нему съ такой просьбой:

«Хрестъ еси цѣловалъ ко мнѣ, пойди на Всеволода». Ипат.

Крестное цѣлованіе значитъ, возлагало на Мстислава обязанность помогать Ярославу противъ его враговъ. Въ 1148 году кіевскій князь, Изяславъ Мстиславичъ, говоритъ своимъ союзникамъ, Владиміру и Изяславу Давыдовичамъ:

«Вы есте вси хрестъ цѣловали на томъ, аже кто будетъ

*) Рум. собр. I. №№ 23, 27, 33, 37, 43, 52, 56, 61, 65, 75, 90, 92, 95, 113, 115, 118, 1341—1483, и договоръ, заключенный рязанскими князьями въ 1496, № 127.

мнѣ золъ, то вамъ на того быти со мною. Се же, брата, азъ съ вами думаю, се стрый мой Гюргій изъ Ростова обидить мой Новгородъ, и дани отъ нихъ отоималъ, и на путѣхъ имъ пакости дѣетъ, а хочю пойти на нь и то хочю управить любо миромъ, любо ратью. А вы есте на томъ хрестъ цѣловали, аки со мною быти».

Давыдовичи на это отвѣчаютъ:

«А мы вси хрестъ цѣловали на томъ, ако гдѣ твоя обида будеть, а намъ быти съ тобою». Ипат.

Въ 1150 году тотъ же Изяславъ цѣловалъ крестъ съ дядею, Вячеславомъ:

«Яко не разлучитися има ни въ добрѣ, ни въ злѣ, но по одному мѣсту быти». Ипат.

По настоянію венгерскаго короля на томъ же условіи цѣловалъ Изяславу Кіевскому крестъ и галицкій князь, Владиміръ:

«Его ся не отлучити ни въ добрѣ, ни въ злѣ, но всегда съ нимъ быти». Ипат, 1152.

А вотъ и болѣе пространный коментарій къ этому условію дѣлить радости и горе. Въ 1174 году Ярославъ Луцкій при помощи Ростиславичей занялъ кіевскій столт. Онъ находился въ союзѣ и со Святославомъ Всеволодовичемъ черниговскимъ. Хотя этотъ князь и не желалъ уступать Ярославу Кіевъ, но какъ скоро Ярославъ сѣлъ въ Кіевѣ, Святославъ нашелъ своевременнымъ напомнить ему содержаніе, заключеннаго съ нимъ союза:

«Святославъ же, разсказываетъ лѣтописецъ, поча слати къ Ярославу съ жалобою, река ему: «на чѣмъ еси цѣловалъ крестъ? А помяни первый рядъ! Реклъ бо еси: оже я сяду въ Кіевѣ, то я тебѣ надѣлю, пакы ты сядеши въ Кіевѣ, то ты мене недѣли». Нынѣ же ты сѣлъ еси, право ли, криво ли, надѣли же мене». Ипат.

Въ 1174 году Андрей Боголюбскій разсорился съ Ростиславичами. Союзники его, черниговскіе князья, узнавъ объ этомъ, обрадовались и послали сказать ему:

«Кто тобѣ ворогъ, то ти и намъ, а се мы съ тобою готови». Ипат.

Въ извѣстномъ уже намъ союзномъ договорѣ Всеволода Юрьевича съ Ростиславичами также было условіе: «кто мнѣ (Рюрику) ворогъ, то и тобѣ (Всеволоду) ворогъ». Ипат. 1195—6.

Старина эта цѣликомъ переходитъ въ договоры московскаго времени. Въ договорѣ сыновей Калиты читаемъ:

«А кто будеть брату нашему старѣйшему недругъ, то и намъ недругъ; а кто будетъ брату нашему старѣйшему другъ, то и намъ другъ».

Въ договорѣ Василія Васильевича съ Дмитріемъ Шемякою это условіе выражено двусторонне:

«А кто будетъ вамъ другъ, говоритъ великій князь московскій, обращаясь къ Дмитрію Шемякѣ и брату его, Дмитрію Красному, то и мнѣ другъ; а кто будетъ вамъ недругъ, то и мнѣ недругъ. А кто будетъ мнѣ другъ, то и вамъ другъ; а кто будетъ мнѣ недругъ, то и вамъ не другъ». Рум. собр. I. № 60.

Таже мысль о единствѣ выражается въ московскихъ договорахъ еще въ обязательствѣ хотѣть добра и сообщать о слухахъ—какъ полезныхъ, такъ и вредныхъ.

Въ договорѣ можайскаго князя съ Василіемъ Васильевичемъ читаемъ:

«А хотѣти ми, господине, тобѣ, великому князю, добра вездѣ и во всемъ и до живота;—а тобѣ, господине, великому князю, хотѣти добра мнѣ, своему брату молодшему, вездѣ и во всемъ и до живота». Рум собр. I. № 64.

Въ договорѣ Дмитрія Ивановича съ Владиміромъ Андреевичемъ:

«А что ти слышавъ о мнѣ отъ крестьянина ли, отъ поганина ли о моемъ добрѣ, или о лисѣ, или о нашей отчинѣ и о всѣхъ крестьянехъ, то ти мнѣ повѣдати въ

правду, безъ примышленія, по цѣлованью; а мнѣ токоже тобѣ повѣдати. Руск. собр. I. № 27.

Установляемое договорами единеніе приводитъ къ вопросу о томъ, какъ союзники должны были относиться къ третьимъ князьямъ, не принадлежащимъ къ союзу? Если союзники находятся въ единеніи, то, понятно, они не могутъ входить въ переговоры съ третьими князьями иначе, какъ по обоюдному согласію. Въ договоры, значитъ, должно было включаться условіе, обязывающее стороны не вступать ни съ кѣмъ въ новые союзы безъ согласія противной стороны. Есть основаніе думать, что такія условія включались въ договоры еще въ до московское время.

Съ 1177 года по 1194-й кіевскій столъ занималъ черниговскій князь, Святославъ Всеволодовичъ. Такому продолжительному сидѣнью въ Кіевѣ онъ обязанъ былъ многимъ союзамъ, которые умѣлъ заключить съ князьями черниговскими, кіевскими, смоленскими и владимірскимъ княземъ, Всеволодомъ. Продолжая стремиться къ упроченію своей власти, онъ вступилъ въ переговоры съ венгерскимъ королемъ, къ которому и отправилъ съ этою цѣлью въ 1189 сына своего, Глѣба. Союзникъ Святослава, Рюрикъ Ростиславичъ, узнавъ объ этомъ, обратился къ кіевскому князю съ такимъ упрекомъ:

«Како еси послалъ сына своего ко королеви, а со мною не спрашався, соступился еси ряду». Ипат.

Ясно, Святославъ обязался ни съ кѣмъ не вести переговоровъ безъ согласія Рюрика и нарушилъ это условіе.

Приведу еще одно свидѣтельство. Всеволодъ Юрьевичъ, воевавшій въ союзѣ съ Рюрикомъ Кіевскимъ противъ черниговскихъ князей, задумалъ заключить съ ними односторонній миръ. Братъ Рюрика, Давыдъ, узнавъ объ этомъ, обратился съ упрекомъ ко Всеволоду:

«Како еси былъ умолвилъ съ братомъ своимъ, Рюрикомъ, и со мною, аже совокупитися у Чернигова всимъ, да любо

быхомъ умирилися вси, на всей воли своей. Ты же нынѣ ни мужа своего еси послалъ къ брату своему, Рюрикови, и ни своего прихода повѣдаеши ему, ни моего... А нынѣ безъ его думы хочемъ мирupитися! А, брате, повѣдаю ти, сего мира здѣ не улюбитъ братъ мой, Рюрикъ». Ипат. 1196.

Давыдъ отправляется отъ той же точки зрѣнія: союзники не могутъ односторонне вступать въ мирные переговоры съ третьими лицами. Рюрикъ, дѣйствительно, не улюбилъ заключенный Всеволодомъ миръ, онъ усмотрѣлъ въ немъ нарушеніе принятыхъ имъ на себя обязательствъ и наказалъ дядю и брата старѣйшаго отнятіемъ данныхъ ему передъ тѣмъ волостей.

Въ договорахъ московскаго времени постоянно встрѣчаемся съ условіемъ ни съ кѣмъ «не канчивать» одному союзнику безъ согласія другаго. Въ трактатѣ сыновей Калиты читаемъ:

«А тобѣ, господине князь великій, безъ насъ не доканчивати ни съ кимъ; а братьѣ твоей молодшей безъ тобе не доканчивати ни съ кимъ».

Обѣ стороны могутъ входить въ договоры съ третьими лицами, но не иначе, какъ по обоюдному соглашенію. Такія же взаимныя ограниченія права иностранныхъ сношеній встрѣчаются въ договорахъ Дмитрія Ивановича, Василія Дмитріевича, Василія Васильевича и даже великаго князя Ивана Васильевича *).

Мы приводили до сихъ поръ только договоры, въ которыхъ обязательства сторонъ опредѣлялись совершенно одинаково, т. е. къ чему обязывалась одна сторона, къ тому же обязывалась и другая. Обѣ стороны на основаніи разсмотрѣнныхъ договоровъ пользуются совершенно одинакими правами и несутъ одна по отношенію къ другой одинакія обязанности. Но это полное равенство правъ и обязанностей не

*) Рум. собр. I. №№ 23, 27, 33, 35, 37, 45, 52, 56, 61, 75, 84, 90, 92, 95, 97, 106, 113, 118, 125; 1341—1486. Тоже и въ договорѣ рязанскихъ князей отъ 1496 года № 127.

ведетъ за собой непремѣнно и равенства услугъ, оказываемыхъ одной стороной въ пользу другой. Мѣра дѣйствительно оказываемыхъ услугъ могла быть очень различна, ибо зависѣла отъ предпріимчивости участниковъ и широты ихъ политическихъ плановъ. Въ то время, какъ предпріимчивый, сильный и честолюбивый князь создастъ себѣ массу враговъ и будетъ имѣть много случаевъ требовать помощи отъ своего союзника,—этотъ послѣдній, при скромности средствъ и требованій, можетъ ни разу не имѣть случая просить о помощи и содѣйствіи. Это разница фактическая.

Этой фактической разницей надо, кажется намъ, объяснять и встрѣчающуюся въ нѣкоторыхъ московскихъ договорахъ разницу формулировки обоюдныхъ правъ и обязанностей сторонъ. Отъ московскаго времени дошли до насъ договоры, въ которыхъ только одна сторона принимаетъ на себя обязательство быть за одно съ другой, имѣть съ ней общихъ враговъ, сообщать о слухахъ и пр.; другая же въ замѣнъ того обязывается «блюсти подъ своимъ союзникомъ его владѣнія и печаловаться о немъ». Несмотря на разную формулировку обязательствъ, суть дѣла та же. Сторона, обязывающаяся только блюсти владѣнія противной, обязывается этимъ самымъ къ единенію съ нею противъ ея враговъ, къ сообщенію вредныхъ слуховъ и пр. Такіе односторонніе по формѣ договоры заключены были великимъ княземъ московскимъ, Василіемъ Васильевичемъ, съ Василіемъ Ярославичемъ Серпуховскихъ, и великимъ княземъ, Иваномъ Васильевичемъ, съ родными его братьями. Въ этой же формѣ написанъ и договоръ, заключенный по волѣ Ивана Васильевича, между его сыновьями. Для образца приведемъ соотвѣтствующія мѣста изъ договора Ивана Васильевича съ братомъ Андреемъ Можайскимъ. Великій князь обязываетъ брата цѣловать крестъ на слѣдующихъ условіяхъ:

«А хотѣти ти мнѣ, великому князю, и моему сыну, великому князю, добра вездѣ и во всемъ и до живота и быти ти со мною, съ великимъ княземъ, и съ моимъ сыномъ, великимъ княземъ, вездѣ за одинъ и до живота на всякого

нашего недруга, и твоимъ дѣтемъ и съ моими дѣтми. А кто будетъ мнѣ, великому князю, и моему сыну, великому князю, другъ, тотъ и тобѣ другъ; а кто будетъ намъ, великимъ княземъ, не другъ, тотъ и тобѣ не другъ... А что ти слышевъ о нашемъ добрѣ или о лисѣ, отъ христіанина, или отъ иновѣрца, а то ти намъ повѣдати въ правду безъ примышленія. А намъ, великимъ княземъ, тобя жаловати ...и печаловатися тобою и твоею отчиною... А чѣмъ, брате, тебя благословилъ отецъ нашъ... и того всего мнѣ, великому князю, и моему сыну, великому князю, подъ тобою и подъ твоими дѣтми блюсти и не обѣдѣти, ни вступатися».

Подробное опредѣленіе обязанностей можайскаго князя свидѣтельствуетъ о томъ, что инициатива политики находится не въ его рукахъ, а въ рукахъ его брата. Тѣмъ не менѣе приведенныя статьи не заключаютъ въ себѣ никакого ограниченія правъ удѣльнаго князя. Онъ помогаетъ великому—и только. Но и великій не только обезпечилъ удѣльному неприкосновенность его владѣній, но еще обѣщалъ ему печаловаться о немъ и жаловать его, т. е. приумножать его владѣнія. Это обмѣнъ услугъ двухъ независимыхъ государей, но въ формѣ, въ каждомъ словѣ которой видно могущество одной стороны и слабость другой.

Но наша древность знаетъ и случаи установленія договорами нѣкоторой зависимости одного князя отъ другаго.

Съ весьма глубокой древности встрѣчаемся съ попытками сильныхъ князей ограничить самостоятельность слабыхъ и подчинить ихъ своей волѣ. Это стремленіе выражается въ очень разныхъ формахъ. Слабые князья соглашаются «ходить въ волѣ» князей болѣе сильныхъ, «быть у нихъ въ послушаніи» и пр.

Прежде чѣмъ устанавливать смыслъ этихъ выраженій, приведемъ мѣста источниковъ.

Древнѣйшее извѣстіе лѣтописи, сюда относящееся, восходитъ къ первой четверти XII вѣка. Въ 1116 году полоцкій князь, Глѣбъ Всеславичъ, напалъ на владѣнія дяди своего, Владиміра Мономаха. Владиміръ въ союзѣ съ черниговскими князьями осадилъ Глѣба въ Минскѣ.

«Володимеръ же, продолжаетъ лѣтописецъ, нача ставити истьбу у товара своего, противу граду. Глѣбови же узрившю, ужасеся сердцемъ, и начася молити Глѣбъ Володимеру, шля отъ себе послы. Володимеръ же съжалиси тѣмъ, оже проливашеться кровь въ дни постъныя великого поста, и вдасть ему миръ. Глѣбъ же вышедъ изъ города съ дѣтьми и съ дружиною поклонися Володимеру; и молвиша рѣчи о мирѣ, и обѣщася Глѣбъ по всему слушати Володимера; Володимеръ же, омиривъ Глѣба и наказавъ его о всемъ, вдасть ему Менескъ, а самъ возвратися Кіеву». Ипат.

Въ слѣдующемъ году Владиміръ Мономахъ въ союзѣ съ Давыдомъ Ольговичемъ и Володаремъ и Василькомъ Ростиславичами предпринялъ походъ на племянника своего, Ярослава Михайловича. Ярославъ выдерживалъ осаду нападавшихъ въ теченіе шестидесяти дней, но подъ конецъ долженъ былъ принять предложенныя ему условія.

«И сотвориша (т. е. Владиміръ и союзники) миръ съ Ярославомъ, Ярославу покорившюся и вдаривщю челомъ передъ стрымъ своимъ Володимеромъ. И наказавъ его Володимеръ о всемъ, веля ему къ себѣ приходити, «когда тя позову», и тако въ мирѣ разидошася кождо въ свояси». Ипат.

Въ 1160 году Святославъ Владиміровичъ, черниговскихъ князей, цѣлуетъ крестъ къ дядѣ своему, Святославу Ольговичу:

»Яко имѣти ему его въ отца мѣсто и во всей воли его ему ходити». Ипат.

О самихъ Ольговичахъ лѣтописецъ подъ 1170 годомъ говоритъ:

«Бяху бо тогда Олговичи въ Мстиславли воли». Ипат.

Подъ 1174 годомъ находимъ извѣстіе, что кіевскіе Ростиславичи обязались «ходить въ воли» Андрея Юрьевича Владимірскаго. Ипат.

Зять Рюрика, Романъ, цѣловалъ крестъ къ тестю: «въ его воли быти и зрѣти на нь». Ипат. 1196. Въ 1199 году

тотъ же Романъ цѣлуетъ крестъ польскому королю, «яко послушенъ ему быти». Густ.

Изъ приведенныхъ мѣстъ видно, что обязательства быть въ чьей-либо волѣ и ходить у кого-либо въ послушаніи принимаютъ на себя владѣтельные князья на основаніи мирныхъ договоровъ. Что же значатъ эти обязательства? Превосходный коментарій приведенныхъ выраженій даетъ сама лѣтопись подъ 1140 годомъ. Лѣтописецъ разсказываетъ о возвращеніи въ этомъ году изъ Царяграда двухъ полоцкихъ князей, находившихся тамъ въ заточеніи по волѣ кіевскаго князя, Мстислава Владиміровича. По этому поводу онъ припоминаетъ причину заточенія полоцкихъ князей, совершившагося десять лѣтъ тому назадъ. Вотъ его разсказъ:

«Въ то же время взидоста княжича два изъ Царя города, заточени были Мстиславомъ, великимъ княземъ кіевскимъ, зане не бяхуть въ его воли и не слушахуть его, коли ѣ завяшеть въ Русскую землю въ помощь; но паче молвяху Бонякови шелудивому во здоровье, и про се ся Мьстиславъ разъгнѣвася на нѣ»... Ипат.

Отсюда слѣдуетъ, что быть въ воли и послушаніи значитъ подчиняться рѣшенію своего союзника въ вопросахъ мира и войны. Полоцкіе князья этого не дѣлали, они не шли помогать великому князю кіевскому, когда онъ того требовалъ, и позволяли себѣ самостоятельныя сужденія о половецкомъ ханѣ, несогласныя со взглядами Мстислава. Этимъ они нарушили ранѣе принятое на себя обязательство быть въ воли и послушаніи Мстислава и тѣмъ навлекли на себя его гнѣвъ. Быть въ воли и послушаніи, значитъ, относится не къ вопросамъ внутренняго управленія, а къ международной политикѣ. Сохраняя всѣ права владѣтельныхъ князей въ предѣлахъ территоріи своей волости, князья, обязавшіеся къ послушанію, отказываются отъ права принимать какое-либо участіе въ вопросахъ внѣшнихъ сношеній съ третьими лицами и подчиняются въ этомъ отношеніи волѣ своего союзника. Они, слѣдовательно, не имѣютъ своихъ друзей и

враговъ; ихъ друзья и враги—суть друзья и враги ихъ союзника.

Это весьма существенное ограниченіе князей, состоящихъ въ чужой волѣ. Они не могутъ составить союза въ своихъ цѣляхъ; они всегда исполнители чужихъ намѣреній.

Самостоятельность внутренняго управленія такихъ князей видна изъ приведенныхъ мѣстъ. Лѣтописецъ говоритъ, что полоцкіе князья не ходили въ Русскую землю на помощь, когда ихъ звалъ Мстиславъ. Военное управленіе, значитъ, оставалось въ ихъ рукахъ, они начальники войскъ, а слѣдовательно въ ихъ рукахъ финансы, а тѣмъ болѣе судъ.

Очень понятно, что ограниченія политической самостоятельности князей начались въ области внѣшней политики. Князья дѣйствуютъ всегда въ союзѣ съ другими; въ этомъ ихъ сила. Очень важно было имѣть союзниковъ, которые обѣщали бы безусловную помощь и отказывались сами судить о вопросахъ войны и мира. Найдти такихъ союзниковъ было возможно на условіи нѣкоторыхъ матеріальныхъ въ ихъ пользу уступокъ. Ограниченіе же самостоятельности въ дѣлахъ внутренняго управленія—дѣло гораздо болѣе трудное, ибо оно не возможно безъ лишенія князя его владѣтельныхъ правъ. Этого можно было достигнуть только низложеніемъ владѣтельнаго князя, что, конечно, сопряжено съ большими опасностями.

Отъ цѣлованія креста на условіи «быть въ чьей-либо волѣ» надо различать цѣлованіе креста «на всей чужой волѣ». Послѣднее выраженіе означаетъ только принятіе тѣхъ условій, которыя предложены противной стороной. Въ 1190 году возникъ споръ между кіевскимъ княземъ, Святославомъ Всеволодовичемъ, и союзниками его, Рюрикомъ и Давыдомъ Ростиславичами, о границахъ владѣній.

«Рюрикъ же, разсказываетъ лѣтописецъ, сослався со Всеволодомъ, сватомъ своимъ, и съ Давыдомъ, братомъ своимъ, послаша ко Святославу мужи своя, рекущи ему: «ты, брате, къ намъ крестъ цѣловалъ на Романовѣ ряду, тако же нашъ братъ Романъ сѣдѣлъ въ Кыевѣ; дажь стоиши въ

томъ ряду, то ты намъ братъ. паки ли поминаешь давныя тяжи, которыи былѣ при Ростиславѣ, то ступилъ еси ряду, мы ся въ то не дамы. А се ти крестныя грамоты. Святославъ же пріемъ грамоты, не хотѣвъ креста цѣловати. И много прѣвся и молвивъ съ мужи, и отпустивъ ихъ, и опять возворотивъ ихъ, поцѣлова къ нимъ крестъ на всей ихъ волѣ». Ипат.

Т. е.. Святославъ цѣловалъ крестъ на прежнихъ условіяхъ, предложенныхъ Рюрикомъ. Въ этихъ условіяхъ, конечно, и рѣчи не было о томъ, что Святославу быть въ волѣ Рюрика.

Договорное подчиненіе однихъ князей волѣ другихъ, выработавшееся у насъ въ глубокой древности, переходитъ и въ московское время, но облекается въ иныя формы и, надо признать, болѣе точныя. Старый терминъ встрѣчаемъ въ одномъ только договорѣ Василія Ивановича съ двоюроднымъ братомъ его, Владиміромъ Андреевичемъ. Передъ заключеніемъ этого договора Владиміръ Андреевичъ разошелся съ великимъ княземъ московскимъ и отступилъ отъ него. Но онъ скоро раскаялся въ своемъ поступкѣ и снова просилъ великаго князя принять его къ себѣ въ любовь. Великій князь принялъ его въ любовь и сдѣлалъ прибавку къ его владѣніямъ. Изъ-за этой прибавки, конечно, и возникъ разладъ. При такихъ-то условіяхъ и былъ заключенъ новый договоръ, по которому серпуховской князь обязался служить брату своему «безъ ослушанья». Это нововведеніе. Въ предшествовавшемъ договорѣ онъ обязывался служить ему «безъ ослушанья по згадцѣ», а теперь просто «безъ ослушанья». Два разсматриваемые договора (Рум. собр.. I, № 27 и 33) свидѣтельствуютъ о крайней нерѣшительности, съ которою Дмитрій Ивановичъ проводитъ хорошо извѣстное древней Россіи начало послушанія. О послушаніи говоритъ уже и первый договоръ, но тамъ начало послушанія парализовано условіемъ «по згадцѣ», т. е., по имѣющему состояться соглашенію. Съ такой службой по соглашенію гармонируютъ и другія статьи договора. Мы встрѣчаемъ въ

немъ два обоюдныя условія: о единеніи и не канчивати. Если Дмитрій Ивановичъ находился въ единеніи съ братомъ и не могъ безъ него заключать договоровъ, то конечно, Владиміръ Андреевичъ служилъ ему только въ тѣхъ случаяхъ, когда находилъ это нужнымъ. Въ болѣе позднемъ договорѣ условія «по згадцѣ» нѣтъ, но повторены обоюдныя условія единенія и не канчивать. Такимъ образомъ, начало безусловнаго подчиненія и здѣсь парализовано.

Надо думать, что неудачная редакція договоровъ Дмитрія Ивановича съ Владиміромъ Андреевичемъ была замѣчена нашими государственными людьми XIV вѣка. Этимъ, кажется, и надо объяснять то обстоятельство, что въ позднѣйшихъ договорахъ выраженіе «служить безъ ослушанія» не употребляется. Для ограниченія политической самостоятельности во внѣшнихъ дѣлахъ, московскіе договоры пользуются условіемъ о вступленіи въ доворы съ третьими лицами и выражаютъ его односторонне въ пользу господствующей стороны. Сила такого ограниченія очень различна. Разсмотримъ отдѣльные случаи.

Въ договорѣ Дмитрія Ивановича и союзника его, Владиміра Андреевича, съ рязанскимъ княземъ, Олегомъ Ивановичемъ, читаемъ:

«А къ Литвѣ князю великому, Олгу, целованье сложити. А будетъ князь великий, Дмитрій Ивановичь, и братъ, князь Володимеръ, съ Литвою въ любви, ино и князь великій Олегъ съ Литвою въ любви; а будетъ князь великий Дмитрій и князь Володимеръ съ Литвою не въ любви, и князю великому Олгу быти со княземъ великимъ съ Дмитріемъ и со княземъ съ Володимеромъ на нихъ съ одиного». Далѣе слѣдуетъ такое же условіе о татарахъ *).

*) Рум. собр. I. № 32. Такія же условія о выступленіи изъ существуюшихъ уже договоровъ встрѣчаемъ и въ XII вѣкѣ. Въ 1151 году окончилась война кіевскихъ князей, Изяслава и дяди его, Вячеслава, съ Юріемъ Суздальскимъ. По миру, заключенному въ этомъ году, Юрій отказался отъ союза со Святославомъ Ольговичемъ, который все время войны былъ на его сторонѣ. Это условіе лѣтопись передаетъ въ

Выраженныя въ этомъ договорѣ условія не общія, а спеціальныя; они касаются только Литвы и татаръ. По отношенію къ нимъ рязанскій князь ставится въ полную зависимость отъ воли своихъ союзниковъ. Онъ находится съ Литвой и татарами въ мирѣ или войнѣ, смотря по тому, чего желаютъ они. При Василіѣ Дмитріевичѣ зависимость Рязани нѣсколько ослабляется; Василій Васильевичъ возвращается къ практикѣ дѣда, а сынъ его идетъ еще далѣе: онъ обязываетъ Ивана Васильевича Рязанскаго не канчивать съ Литвой, съ дѣтьми князя можайскаго и Шемяки и «ни съ инымъ ни съ кѣмъ». (Рум. собр. I. № 36, 65, 115). Такимъ образомъ, рязанскій князь совершенно лишается права иностранныхъ сношеній; ихъ ведетъ великій князь московскій, который съ своей стороны, принимаетъ на себя обязательство, по замиреніи съ великимъ княземъ литовскимъ, написать въ доканчаніи, что онъ съ рязанскимъ княземъ одинъ человѣкъ.

Нѣсколько медленнѣе развиваются ограниченія тверскихъ князей. Дмитрій Ивановичъ обязываетъ Михаила Тверскаго сложить цѣлованіе къ Литвѣ, но будущую международную дѣятельность Твери онъ не подчиняетъ безусловно своей волѣ: миръ и война съ татарами происходятъ по взаимному соглашенію обоихъ великихъ князей. Тоже начало обоюдности удерживается и въ договорахъ его сына и внука. Шагъ впередъ дѣлаетъ Иванъ Васильевичъ: онъ обязываетъ Михаила Борисовича не заключать союзовъ съ Литвой безъ думы съ собою, но себѣ выговариваетъ право заключать союзы съ Литвой односторонне, обязываясь только пріобщать тверскаго князя къ своимъ доканчаніямъ (Рум. собр. I, № 28, 76, 88, 119; А. Э. I № 14, 33).

Изъ приведенныхъ примѣровъ ясно, что московскіе князья, какъ и ихъ отдаленные предки, хорошо понимали важность стѣсненія свободы своихъ союзниковъ въ вопросахъ иностранной политики. Но любопытно то, что они проводятъ

такой формѣ: «Святославъ же ти Ольговичь не надоби», т.-е., ты слагаешь обязательства, принятыя по отношенію къ Святославу. Ипат.

эти ограниченія прежде всего въ примѣненіи къ князьямъ рязанскимъ, суздальскимъ, тверскимъ, а потомъ уже переходятъ къ ближайшимъ своимъ родственникамъ, удѣльнымъ князьямъ московскимъ. Въ договорахъ Дмитрія Ивановича съ серпуховскимъ княземъ, Владиміромъ Андреевичемъ, условіе «не канчивати» обоюдное *); такъ же точно и въ договорѣ Василія Дмитріевича съ дядею, Владиміромъ Андреевичемъ, и братьями. Даже Василій Васильевичъ продолжаетъ заключать договоры съ удѣльными московскими князьями на обоюдномъ условіи «не канчивати» **) Но въ нѣкоторыхъ его договорахъ есть къ этому условію прибавка. Въ договорѣ съ дядею Юріемъ читаемъ:

«А не канчивати ти (Юрію) безъ насъ ни съ кѣмъ, а хотя будешъ съ кѣмъ въ цѣлованіи и тобѣ къ нему цѣлованіе сложити; а намъ также безъ твоего вѣдома не канчивати ни съ кѣмъ». Рум. собр. I. № 43.

Въ договорѣ съ можайскимъ княземъ, Михаиломъ Андреевичемъ, прибавка эта изложена полнѣе:

«А не канчивати ти, господине князь велики, ни съ кѣмъ, ни ссылатися безъ моего вѣданія; а мнѣ также безъ

*) Исключеніе составляетъ только татарская дань. Она вносится въ Орду однимъ великимъ княземъ. Серпуховской князь собираетъ ее въ своемъ удѣлѣ и передаетъ великому, а тотъ уже сносится по этому поводу съ ханомъ. Рум. собр. I. №№ 27, 33. Такъ же и въ Рязани, Орду вѣдаетъ великій князь, а не удѣльные, тамъ же № 127. — Любопытная черта: Дмитрій Ивановичъ, объединяя въ своихъ рукахъ сношенія съ ордой въ московскихъ удѣлахъ, понималъ выгоду разъединенія въ сосѣднихъ княженіяхъ, а потому и обезпечилъ кашинскому князю, Василію, находившемуся подъ его покровительствомъ, сношенія съ Ордой, независимыя отъ Твери. Тамъ же № 28. Насколько князья дорожили правомъ иностранныхъ сношеній, какъ исконнымъ ихъ правомъ, видно изъ того, что они выговариваютъ себѣ это право, какъ только къ тому представляется возможность. Суздальскіе князья, Василій и Өедоръ Юрьевичи, въ договорѣ съ Дмитріемъ Шемякой выговорили въ свою пользу право непосредственнаго сношенія съ Ордой. Тамъ же, № 62.

**) Рум. собр. I. №№ 45, 60, 61, 69, 71, 73, 78, 84.

тобе, безъ великаго князя, не канчивати, ни съсылатися ни съ кѣмъ. А съ кѣмъ господине, князь великій, будешь въ доканчаньи, и тобѣ, господине, и мене съ тѣмъ учинити въ докончаньи: а съ кѣмъ, господине, азъ буду въ целованьи и мнѣ къ тому целованье сложити *).

Сопоставленіе этихъ двухъ разнородныхъ условій надо, кажется, понимать такъ. На будущее время стороны обязываются не вступать въ договоры иначе, какъ по обоюдному согласію. Но они могутъ уже находиться съ кѣмъ либо въ союзѣ; относительно этихъ наличныхъ договоровъ постановляются разныя условія: удѣльный князь обязанъ сложить съ себя прежнія цѣлованія; наоборотъ, великій князь остается въ прежнихъ цѣлованіяхъ, но съ обязательствомъ присоединить къ нимъ и удѣльнаго.

Хотя на сторонѣ великаго князя оказывается нѣкоторое преимущество, но разсматриваемая прибавка нисколько не мѣняетъ отношенія сторонъ въ будущемъ. Они вступаютъ въ новые договоры по взаимному согласію и, слѣдовательно, удерживаютъ свою равноправность, какъ и по договорамъ безъ приведенной прибавки.

На этихъ же условіяхъ заключаетъ договоры съ удѣльными князьями и Иванъ Васильевичъ и его соименникъ рязанскій великій князь **).

Очень понятно, почему первыя ограниченія выпали на долю великаго князя рязанскаго, а не московскихъ удѣльныхъ. Рязанскій князь былъ болѣе опасный сосѣдъ, чѣмъ удѣльные московскіе, а потому объ ограниченіи его и надо было думать прежде всего. Обезопасивъ себя, при помощи братьевъ, со стороны Рязани и Твери, Иванъ Васильевичъ начинаетъ подчинять волѣ своей и московскихъ удѣльныхъ князей. Въ договорѣ его съ братомъ, Борисомъ Васильевичемъ, читаемъ:

«А не канчивати ти, обязываетъ великій князь брата, ни

*) Рум. собр. I. № 64; см. еще №№ 52, 54, 56, 58, 66, 70, 75.

**) Рум. собр. I. №№ 90, 95, 97, 106, 113, 125, 127.

съсылатися ни съ кѣмъ безъ нашего вѣданья. А съ кѣмъ мы, великіе князи, будемъ въ доканьчаньи, и намъ и тебя съ тѣмъ учинити въ доканчанье; а съ кѣмъ будешъ ты въ целованье, и тобѣ тому целованье сложити». Рум. собр. I. № 123, 1486.

По этому условію удѣльный князь слагаетъ съ себя прежнія цѣлованія, а въ новыя вступаетъ только съ согласія великаго князя; великій же князь вступаетъ въ новые договоры безъ вѣдома удѣльнаго и только обязывается присоединять его имя къ своимъ докончаніямъ. Менѣе сговорчивымъ оказался другой братъ великаго князя, Андрей Углицкій. До насъ дошелъ договоръ его, заключенный съ великимъ княземъ въ томъ же году. Условіе «не канчивати» здѣсь обоюдное. Несговорчивость Андрея и была, конечно, причиной заключенія его въ тюрьму.

Идеалъ Ивана Васильевича шелъ, однако, далѣе. Мы узнаемъ его изъ договора, заключеннаго по его приказу между его сыновьями, Василіемъ и Юріемъ. По интересующему насъ вопросу въ этомъ договорѣ находимъ такую статью:

«А съ кѣмъ будешъ ты (Юрій) въ целованіе, а тобе тому целованіе сложити».

И только. Условія объ обоюдномъ единеніи тоже нѣтъ; только Юрій обязывается быть за одинъ съ великимъ княземъ на всѣхъ его недруговъ. Итакъ, международная политика вся въ рукахъ великаго князя; удѣльный не имѣетъ къ ней никакого отношенія. Онъ состоитъ въ крестномъ цѣлованіи только съ великимъ и болѣе ни съ кѣмъ.

Эта мысль еще сильнѣе выражена въ договорѣ тѣхъ же князей, но состоявшемся въ 1531 году, много лѣтъ спустя по смерти отца.

«А съ кѣмъ будешь ты (Юрій), читаемъ въ этомъ договорѣ, въ целованье, и тобѣ тому целованье сложити. А и впредъ тобѣ, опричь меня, великаго князя, и моего сына, князя Ивана, въ целованье ни съ кѣмъ не быти».

Московскіе великіе князья замѣняютъ старинную и не вполнѣ ясную формулу «быти въ волѣ и ходити въ послушаніи» новой и гораздо болѣе опредѣленной: «а тебѣ опричь меня ни съ кѣмъ въ цѣлованіи не быти». Существо же дѣла остается тоже. Какъ полоцкіе князья должны были выступать на войну по требованію своего союзника, такъ и братъ великаго князя московскаго, Юрій, ибо и полоцкіе князья и Юрій, на основаніи договора, отказались отъ права разсуждать о мирѣ и войнѣ.

Послѣдствіемъ союза единенія является военная помощь одного союзника другому. Размѣръ помощи не опредѣляется въ договорахъ; но въ нихъ есть статьи, опредѣляющія, кто долженъ начальствовать вспомогательнымъ войскомъ, самъ князь союзникъ, или его воеводы Эти статьи имѣютъ въ томъ отношеніи значеніе, что до нѣкоторой степени предопредѣляютъ и самый размѣръ помощи. Если князь-союзникъ самъ долженъ командовать, то, понятно, что для обезпеченія своей безопасности онъ выступитъ съ возможно значительными силами; воеводу же онъ могъ бы послать и съ незначительнымъ отрядомъ.

Въ московскихъ договорахъ вопросъ о командованіи рѣшается весьма различно. Въ нѣкоторыхъ договорахъ встрѣчаемъ совершенно равное распредѣленіе личной обязанности командовать. Такъ, напримѣръ, тверской князь Михаилъ Александровичъ, обязывается «сѣсть на коня», если на войну выступаетъ лично Дмитрій Ивановичъ, или его союзникъ, Владиміръ Андреевичъ; если же они посылаютъ воеводъ, то и тверской князь посылаетъ воеводъ. Въ договорѣ съ тверскимъ княземъ, Михаиломъ Борисовичемъ, великій князь московскій, Иванъ Васильевичъ, принимаетъ на себя обязанность лично выступить противъ Литвы, если она нападетъ на Тверь; если же нападутъ— татары, то послать воеводъ. Къ тому же обязывается и тверской князь. Такое же равенство обязательствъ встрѣчаемъ и въ договорѣ Ивана Васильевича съ Рязанью *).

*) Рум. собр. I. №№ 28, 88, 115.

Но есть договоры, въ которыхъ великіе князья московскіе принимали на себя большія обязательства, чѣмъ тверскіе. Василій Дмитріевичъ по договору съ Михаиломъ Александровичемъ тверскимъ обязывается самъ предводительствовать вспомогательнымъ войскомъ, если на Тверь нападутъ татары, литва, или нѣмцы; а тверской князь высылаетъ на помощь московскому только дѣтей своихъ и племянниковъ. А. Э. I. № 14. 1398.

Въ договорахъ съ удѣльными князьями великіе князья московскіе, обыкновенно, выговариваютъ себѣ право посылать ихъ на войну и въ тѣхъ случаяхъ, когда они сами лично не предводительствуютъ войскомъ. Такая формула встрѣчается уже въ древнѣйшемъ договорѣ сыновей Калиты:

«А гдѣ ми будеть всѣсти на конь, говоритъ великій князь Семенъ, всѣсти вы со мною; а гдѣ ми будеть самому не всѣсти, а будеть ми васъ послати, всѣсти вы на конь безъ ослушанья».

Но иногда московскіе великіе князья допускали и отступленіе отъ такого порядка. Юрій Дмитріевичъ въ договорѣ съ племянникомъ своимъ, великимъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ, вовсе не обязывается садиться на коня, когда въ походъ выступаетъ великій князь; онъ обязывается только посылать съ нимъ своихъ сыновей съ боярами и слугами. Рум. собр. I. № 43.

Условіе о выступленіи въ походъ лично по требованію великаго князя московскаго встрѣчаемъ, какъ въ договорахъ, устанавливающихъ ограниченіе одной изъ сторонъ въ междукняжескихъ сношеніяхъ, такъ и въ такихъ, въ которыхъ условіе «не канчивати» и условіе единенія взаимны *). Изъ соединенія обоюднаго условія о единеніи и о правѣ союзовъ съ правомъ одной стороны требовать отъ другой, чтобы она лично шла на войну, слѣдуетъ, что это требованіе обусло-

---

*) Таковы договоры, отпечатанные въ I т. Рум. собр. за №№ 33, 37, 52, 56, 61, 75, 90, 92, 113, 118; 1388—1483.

вливается предварительнымъ общимъ рѣшеніемъ вопроса о войнѣ. Наоборотъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда вопросы о мирѣ и войнѣ предоставлены усмотрѣнію одной стороны, требованіе о личномъ выступленіи въ походъ—является безусловнымъ. Рѣшающее значеніе для опредѣленія взаимныхъ отношеній князей имѣетъ, значитъ, не это требованіе, а характеръ условія о правѣ войны и мира.

Статьи о томъ, кому и когда садиться на коня и предводительствовать войскомъ, не новость московскаго времени, а составляютъ также нашу старину. Въ до-московское время также были причины, приводившія къ требованію, чтобы князья-союзники сами командовали войскомъ. Наши лѣтописцы замѣчаютъ, что воины бьются дурно, если съ ними нѣтъ князя. Такимъ образомъ, дѣятельная военная помощь всегда обусловливалась личнымъ присутствіемъ князя въ войскѣ. Этого и должны были домогаться союзники. Для обозначенія обязанности самому выступать съ войскомъ, если союзникъ тоже лично выступалъ, въ древности было употребительно выраженіе «подлѣ ѣздить», что и значитъ, быть вмѣстѣ на войнѣ.

Въ 1147 году Изяславъ Мстиславичъ Кіевскій въ союзѣ съ черниговскими Давыдовичами началъ войну съ дядею, Юріемъ, и его союзникомъ, Святославомъ Ольговичемъ, тоже линіи черниговскихъ князей. Во время похода Изяславъ получилъ извѣстіе, что Давыдовичи вошли въ соглашеніе съ противникомъ его, Святославомъ, и послалъ къ нимъ съ вопросомъ, стоятъ ли они въ крестномъ цѣлованіи? Давыдовичи отвѣчали:

«Брате, цѣловали есме крестъ къ Святославу Олговичю, жаль бо ны есть, брата нашего держиши, Игоря, а онъ уже чернецъ и схимникъ, а пусти брата нашего, а мы подлѣ тебѣ ѣздимъ». Ипат.

Давыдовичи не выступили въ походъ съ Изяславомъ, какъ должны были по договору, они поступили такъ, потому что хотѣли добиться освобожденія бывшаго кіевскаго князя,

Игоря. Если Игорь будетъ освобожденъ, они обѣщаютъ ѣздить подлѣ Изяслава, т. е. находиться вмѣстѣ съ нимъ при войскѣ.

Въ лѣтописяхъ встрѣчаемъ и выраженіе московскихъ договоровъ «сѣсть на коня». Въ 1196 году Рюрикъ, кіевскій князь, послалъ къ союзнику своему, Всеволоду Суздальскому, такое напоминаніе:

«Како еси былъ умолвилъ со мною и съ братомъ моимъ, Давыдомъ, возсѣсти на конѣ съ Рожества Христова и снятися всѣмъ въ Черниговѣ. Азъ же совокупився съ братьею своею, и съ дружиною своею, и съ дикими половци, и сѣдѣлъ ѣсмь доспѣвъ, жда отъ тебе вѣсти; ты же тое зимы не всѣлъ, има имъ (Ольговичамъ, противъ которыхъ и былъ задуманъ этотъ походъ) вѣры, аже имъ стати на всей воли нашей. Язъ же то слышавъ, ажь еси не всѣлъ на конь и роспустилъ есмь братью свою и дикіи половци». Ипат.

Изъ этого мѣста надо заключить, что между Рюрикомъ и Всеволодомъ было особое условіе — «сѣсть обоимъ на коня» въ концѣ декабря и двинуться къ Чернигову, т. е., лично предводительствовать войскомъ въ этомъ походѣ.

Миромъ, обыкновенно, прекращается война, а потому въ мирныхъ трактахъ встрѣчаемся со статьями, опредѣляющими порядокъ улаженія случившихся во время войны нарушеній частныхъ правъ. Статьи этого рода встрѣчаются уже въ договорахъ XII вѣка. Изяславъ въ 1149 году цѣловалъ крестъ съ своими дядьями, Вячеславомъ и Юріемъ, на томъ,

«Что будеть пограблено, или стада, или челядь, что ли кому будетъ свое познавши, поимати же по лицю». Ипат.

Такое возвращеніе пограбленнаго во время войны дѣлалось, конечно, по суду. Разобрать судомъ предъявленныя претензіи — значило учинить «управу», или просто «управити». Это должны были сдѣлать князья, или ихъ чиновники, по мѣсту нахожденія пограбленнаго.

Статьи о пограбленномъ, о нятцахъ и пр. и объ исправѣ находимъ и въ московскихъ договорахъ *).

*) Рум. собр. I. №№ 28, 44, 52, 66 и друг.

II. Практическое значеніе договорнаго права.

Договорное право закрѣпляетъ существованіе отдѣльныхъ и независимыхъ одно отъ другихъ государствъ; оно обезпечиваетъ на вѣчныя времена каждому такому государству неприкосновенность границъ и наслѣдственность въ нисходящей линіи царствующаго князя. Лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ установляется договоромъ зависимость одного князя отъ другого, но и то только въ междукняжескихъ сношеніяхъ, а не въ вопросахъ внутренняго управленія. За этимъ единственнымъ исключеніемъ владѣтельные князья, до XVI вѣка включительно, сохраняютъ права самостоятельныхъ государей. Договорное право представляетъ, такимъ образомъ, величайшую помѣху для образованія единаго государства съ единымъ государемъ во главѣ. Вся наша исторія съ древнѣйшихъ временъ и до послѣднихъ удѣльныхъ князей, сыновей Ивана Васильевича и родныхъ братьевъ послѣдняго великаго князя московскаго, Василія Ивановича,—представляется безконечнымъ рядомъ союзныхъ договоровъ и обусловленныхъ ими союзныхъ дѣйствій князей. Что бы убѣдиться въ этомъ надо читать не общіе курсы нашей исторіи, въ которыхъ событія древней жизни пріурочиваются къ именамъ болѣе крупныхъ князей, а лѣтописи, которыя передаютъ эти событія съ тѣмъ характеромъ союзнаго единенія князей, какой они дѣйствительно имѣли.

Время отъ 1054 года, когда умеръ Ярославъ Владиміровичъ, и по 1093 годъ, когда умеръ послѣдній его сынъ Всеволодъ, Исторія Государства Россійскаго раздѣляетъ какъ бы на два царствованія: Изяслава отъ 1054 до 1077 и Всеволода отъ 1078 до 1093. Соловьевъ отрѣшается отъ изложенія событій по отдѣльнымъ царствованіямъ кіевскихъ князей, но пріурочиваетъ ихъ ко времени то сыновей Ярослава, то его внуковъ и правнуковъ, какъ будто съ сыновьями Ярослава не дѣйствовали его внуки, а съ внуками правнуки.

Д. И. Иловайскій снова возвращается къ царствованіямъ отдѣльныхъ кіевскихъ князей; мы находимъ у него Святополка I и II, Мстислава I и II, Всеволода I и II, Изяслава I и II и т. д. и это не въ исторіи отдѣльныхъ княженій. а въ кіевскомъ періодѣ исторіи Россіи, т. е. эти Святополки, Мстиславы и пр.—суть всероссійскіе князья.

Въ дѣйствительности же каждый отдѣльный князь управлялъ только въ своемъ собственномъ княженіи, общія же дѣйствія совершались союзами князей. Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Лавр. 1059. Изяславъ, Святославъ, и Всеволодъ высыдиша стрыя своего изъ поруба, сидѣ 60 лѣтъ 20 и 4, заводивъше кресту, и бысть чернцемъ».

1060. «Изяславъ, и Святославъ, и Всеволодъ и Всеславъ совокупивше вои безчислены, поидоши на конихъ и въ лодьяхъ, безчислено множьство, на торкы».

1066. «Заратися Всеславъ, сынъ Брячиславль, Полочьскѣ, и зая Новгородъ; Ярославичи же тріе, Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, совкупивше вои, идоша на Всеслава, зимѣ сущи велицѣ. И придоша къ Мѣньску... и бысть сѣча зла, и мнози падоша, и одолѣша Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ; Вячеславъ же бѣжа. По семъ же... Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ цѣловаше крестъ честный къ Всеславу, рекше ему: приди къ намъ, яко не створимъ ти зла».

Это дѣйствія внѣшней политики. Но единеніе оказывалось нужнымъ и по вопросамъ внутренняго управленія, по вопросамъ суда. Владѣнія Ярославичей не только соприкасались, но, что весьма вѣроятно, границы одного владѣнія врѣзывались въ предѣлы другого. При такихъ условіяхъ единство суда представлялось дѣйствительной потребностью населенія, а достигнуто оно могло быть только путемъ соглашенія. Вотъ почему въ пространной редакціи Русской Правды читаемъ:

«По Ярославѣ же пакы съвъкупившеся сынове его, Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, и моужи ихъ, Късячько, Перенѣгъ, Никифоръ, и отложиша убіеніе за голову, нъ

кунами ся выкъупати; а иное все, якоже Ярославъ судилъ, такоже и сынове его оуставиша».

По принятому способу изложенія нашей исторіи съ 1023 по 1112 годъ въ Россіи княжитъ Святополкъ-Михаилъ, а съ 1112 по 1125 Владиміръ Мономахъ. Въ лѣтописяхъ же разсказъ ведется о союзныхъ дѣйствіяхъ князей. Вотъ какъ описываетъ начальный лѣтописецъ первую войну Святополка-Михаила съ половцами:

«И не всхотѣша половци мира, и вступиша половци воюючи. Святополкъ же поча сбирати воѣ, хотя на нѣ. И рѣша ему мужи смысленіи: «не кушайся противу имъ, яко мало имаши вои». Онъ же рече: «имѣю отрокъ своихъ 800, иже могутъ противу имъ стати». Начаша же другіи несмысленіи глаголати: «поиде, княже!» Смысленіи же глаголаху: «аще бы пристроилъ и 8 тысячь, не лихо то есть! Наша земля оскудѣла есть отъ рати и отъ продажь; но послися къ брату своему, Володимеру, дабы ти помоглъ». Святополкъ же, послушавъ ихъ, посла къ Володимеру, дабы помоглъ ему. Володимеръ же собра вои свои, и посла по Ростислава, брата своего, Переяславлю, веля ему помогати Святополку. Володимеру же пришедшю Кіеву, совокупистася у святаго Михаила, и взяста межи собою распря и которы. И уладившася цѣловаста крестъ межи собою». 1093.

Святополкъ долженъ просить Владиміра о помощи. Владиміръ соглашается, но не даромъ; по пріѣздѣ въ Кіевъ онъ предъявляетъ какія-то требованія. Возникаетъ споръ, который, наконецъ, оканчивается мирнымъ договоромъ, и тогда только князья выступаютъ противъ половцевъ.

Послѣ этого докончанія Святополка и Владиміра встрѣчаемъ рядъ ихъ совокупныхъ дѣйствій.

Лавр. 1195. «Святополкъ же и Володимеръ посласта къ Олгови, велявста ему поити на половци съ собою. Олегъ же обѣщався съ нима, и пошедъ, не иде съ нима въ путь единъ».

Хотя Олегъ и выступилъ въ походъ по требованію Святополка и Владиміра, но показалъ мало охоты къ единенію съ ними. Это и понятно. Ему только что удалось (въ 1194 году)

занять отчину свою, Черниговъ, гдѣ до того времени сидѣлъ Владиміръ и, конечно, по соглашенію со Святополкомъ. Отношенія Олега къ Владиміру и Святополку были, поэтому, весьма натянуты. Чтобы перевести ихъ «въ любовь», Святополкъ и Владиміръ рѣшили устроить съѣздъ съ Олегомъ въ Кіевѣ.

1096. «Святополкъ и Володимеръ посласта къ Олгови, глаголюща сице: «поиде Кыеву, да порядъ положимъ о Русьстѣй земли предъ епископы, и предъ игумены, и предъ мужи отець нашихъ, и предъ людми градьскими, да быхомъ оборонили Русьскую землю отъ поганыхъ».

Въ 1097 году состоялся съѣздъ внуковъ и правнуковъ Ярослава, на которомъ дѣйствительно было достигнуто общее ихъ соглашеніе по важнѣйшему вопросу о распредѣленіи между ними наслѣдства Ярослава.

1101. Томъ же лѣтѣ совокупишася вся братья, Святополкъ, Володимеръ, и Давыдъ и Олегъ, Ярославъ, братъ ею, на Золотьчи, и прислаша половци слы отъ всѣхъ князій ко всей братьи, просяще мира. И рѣша имъ русскыи князи: «да аще хощете мира, да совокупимся у Сакова».

1103. «Богъ вложи въ сердце князем̀ рускымъ мысль благу, Святополку и Володимеру, и снястася думати на Долобскѣ».

1104. «Сего же лѣта исходяща, посла Святополкъ Путяту на Мѣнескъ, а Володимеръ сына своего Ярополка, а Олегъ самъ иде на Глѣба» (минскаго князя).

Подобныя же извѣстія можно найти въ Лавр. спискѣ лѣтописи подъ 1107, 1110, 1112, и въ Ипатьевскомъ подъ 1115 и 1116. Приведемъ лишь одно изъ нихъ.

Ипат. 1115. «Съвъкупишася братья русціи князи, Володимеръ, зовомый Мономахъ, сынъ Всеволожь, и Давыдъ Святославичь, и Олегъ, братъ его, и сдумаша перенести мощи Бориса и Глѣба: бяху бо создали церковь има камяну, на похвалу и честь тѣлесома ею и на положеніе.... Распри же бывши (по перенесеніи мощей) межи Володимеромъ, и Давыдомъ, и Олгомъ. Володимеру бо хотящу я̀ (мощи) поставити средѣ церкви и теремъ серебренъ поставити надъ нима;

а Давыдъ и Олегъ хотяшета поставити я въ комару, «идѣже отецъ, рече, мой назнаменовалъ, на правой сторонѣ, идѣже бяста устроенѣ комарѣ има». И рече митрополитъ и епископи: «верзите жребіи, да кдѣ изволита мученика, ту же я поставимъ. И вгодно се бысть».

Всякій разъ, какъ согласіе князей распадалось, приходилось обращаться къ суду Божію. Это потому, что всѣ князья самодержавны и ни одинъ изъ нихъ не могъ приказывать другому.

Желающій слѣдить далѣе за проявленіемъ договорнаго начала въ XI и слѣдующихъ вѣкахъ нашей исторіи да обратится къ лѣтописямъ. Мы же въ напутствіе ему сдѣлаемъ одно разъясненіе. Лѣтописцы, передавая обращеніе одного князя къ другому, весьма нерѣдко облекаютъ это обращеніе въ повелительную форму. Владиміръ, напримѣръ, посылаетъ за братомъ Ростиславомъ, веля ему помогати Святополку и пр. Нѣкоторые изъ нашихъ изслѣдователей дѣлаютъ отсюда заключеніе о правѣ, по началу родоваго старшинства, того князя, который «велитъ», приказывать и объ обязанности того, кому приказываютъ,—подчиняться приказу. Это большое заблужденіе. Повелительная форма есть только способъ выраженія, свойственный тому времени, и ничего болѣе. Изъ нея нельзя дѣлать никакихъ заключеній къ праву повелѣвать. Извѣстно, что кіевскій князь, Изяславъ Мстиславичъ, никогда не былъ подчиненъ черниговскимъ князьямъ, Владиміру и Изяславу Давыдовичамъ; какъ кіевскій князь онъ былъ даже лучше ихъ, а между тѣмъ въ лѣтописи читаемъ:

«И сгадавше князи черниговьскіи, послаша къ Изяславу, веляче ему пойти (на Юрія Владимірскаго и Святослава Ольговича), рекуче: «земя наша погибаеть, а ты не хощеши пойти». Ипат. 1147.

Изяславъ былъ въ единеніи съ черниговскими Давыдовичами. Земли ихъ терпѣли отъ общаго врага и вотъ они приглашаютъ своего союзника оказать имъ помощь. Форма приглашенія, на нашъ взглядъ, нѣсколько грубая, но она въ

духѣ времени. Такъ всѣ тогда говорили. Особенно любопытно въ этомъ отношенiи мѣсто Ипат. списка лѣтописи подъ 1159 годомъ. Изяславъ Давыдовичъ посылаетъ къ двоюродному брату своему и союзнику, Святославу Ольговичу, «в е л я ему поити съ собою на Галичъ». Святославъ не соглашается воевать Галичъ и въ свою очередь отправляетъ посла къ Изяславу, который держитъ къ нему такую рѣчь: «не в е л и т ь ти братъ начинати рати, а всяко в е л и т ь ти ся воротити». Такимъ образомъ, оба князя приказываютъ другъ другу!

Семилѣтнее княженiе Мстислава въ Кiевѣ разсказано нашими лѣтописцами очень коротко, они посвящаютъ ему не болѣе двухъ страницъ. Мы конечно не все знаемъ о его отношенiяхъ къ современнымъ ему князьямъ. Разсказывая о походѣ Мстислава на полоцкихъ князей, лѣтописецъ коротко выражается: «посла князь Мстиславъ братью свою на кривичѣ», и далѣе: «а Всеволоду Олговичю повелѣ ити съ своею братьею на Стрѣжевъ къ Борисову». Лавр. 1127. Изъ выраженiй «посла» и «повелѣ» рѣшительно ничего нельзя вывести объ отношенiяхъ Мстислава ни къ его многочисленнымъ братьямъ, ни къ черниговскимъ князьямъ.

Повелительная форма соотвѣтствуетъ дѣйствительному отношенiю только въ тѣхъ случаяхъ, когда одинъ изъ союзниковъ обязался быть въ волѣ другого, какъ полоцкiе князья, напримѣръ, обязались быть въ волѣ Мстислава.

Таже практика и въ московское время.

Великiй князь, Дмитрiй Ивановичъ, состоя въ союзѣ съ двоюроднымъ братомъ своимъ, Владимiромъ Андреевичемъ, на обоюдномъ условiи «неканчивати», договоры съ Тверью Рязанью и Литвой заключаетъ не отъ одного только своего имени, но и отъ имени союзника своего, серпуховскаго князя. А такъ какъ серпуховскiй князь имѣлъ свою долю въ управленiи стольнымъ городомъ Москвой, то и мѣры по управленiю Москвой принимались великимъ княземъ по совѣщанiю съ нимъ. Въ Воскресенской лѣтописи подъ 1367 годомъ читаемъ:

«Тое же зимы князь великій, Дмитрій, съ братомъ, княземъ Володимеромъ Андрѣевичемъ, замыслиша ставити городъ Москву каменъ, и еже умыслиша, то и сътвориша, тое бо зимы и камень повезоша ко граду»,

Общія военныя предпріятія и при Дмитріѣ Ивановичѣ являются результатомъ соглашенія князей участниковъ. Въ той же лѣтописи подъ 1377 годомъ:

«Тое же зимы посыла князь (суздальскій), Дмитрій Костантиновичь, брата своего, князя Бориса, и сына своего, князя Семена, ратью, воевати поганую мордву; а князь великій, Дмитрей Ивановичь, посла же свою рать съ ними».

А вотъ примѣръ въ обратномъ смыслѣ:

«Великій же князь, Дмитрій Ивановичь, слыша таковую вѣсть, оже идетъ на него самъ царь (Тохтамышъ) въ множествѣ силы своея, и нача съвъкупляти свои плъцы ратныхъ, и выѣха изъ города, съ Москвы, хотя ити противу ратныхъ. И начаша думу таковую думати великій князь, Дмитрей Ивановичъ, съ всѣми князи рускими, и обрѣтеся разность въ нихъ, не хотяху помогати... Бывшу же промежи ими неодиночеству и неимоверству. и то познавъ и разумѣвъ великій князь, Дмитрей Ивановичь, бысть въ недоумѣніи и размышленіи, не хотя стати противу самого царя, но поѣха въ свой градъ Переаславль, и оттуду мимо Ростовъ, и пакы реку вборзѣ и на Кострому». Воскр. 1382.

Дмитрій Ивановичъ рѣшилъ уже идти противъ Тохтамыша, но когда другіе князья отказали ему въ своей помощи, онъ долженъ былъ измѣнить свое рѣшеніе и уйти за Волгу. Нельзя не сблизить положеніе великаго князя московскаго въ концѣ XIV вѣка съ положеніемъ великаго князя Кіевскаго въ концѣ XI (см. выше стр. 192). Ни тотъ ни другой не могутъ приказывать сосѣднимъ князьямъ, а должны просить ихъ о помощи. Кіевскій князь получаетъ помощь черниговскаго и переяславскаго, но потому, что дѣлаетъ имъ уступки; московскій—не получаетъ и, конечно, потому что не удовлетворилъ притязаній своихъ союзни-

ковъ. Факты безконечно разнообразятся въ частностяхъ, но суть явленій таже.

Явленія того же рода наблюдаемъ не только при Василіѣ Дмитріевичѣ и Василіѣ Васильевичѣ, но и при Иванѣ Васильевичѣ. Могущество этого князя превосходитъ все, что русскіе люди могли себѣ представить по образцамъ прежняго времени; рядомъ съ его обширными владѣніями не осталось ни одного великаго княженія, за исключеніемъ Литовскаго; число удѣльныхъ князей, его современниковъ, было очень не велико; и тѣмъ не менѣе этотъ все сильный государь находился въ такихъ же отношеніяхъ къ небольшой горсти владѣтельныхъ князей его братьевъ, въ какихъ находились сравнительно слабые его предшественники. Какъ и они, договоры съ Тверью и Рязанью онъ пишетъ не отъ своего только имени, но и отъ имени своихъ союзниковъ, которые состоятъ съ нимъ въ единеніи на обоюдномъ условіи не канчивати. Онъ совѣщается съ ними нетолько по вопросамъ войны и мира, но и по церковнымъ. Въ 1464 году оставилъ митрополію митрополитъ Феодосій; вотъ что разсказываетъ лѣтописецъ объ избраніи ему преемника:

«Князь же великій посла по братію свою и по вся епископы земли своеа, такожде по архимандриты и игумены честныа, и якоже снидошася князи, братіа великого князя, и вси епископы земли Рускыя и весь освященный соборъ, архимандрити и игумени и протопопы и прочіи священници, изволеніемъ же великаго князя и его братіи и всѣхъ епископъ, бывшихъ тогда на избраніи томъ, и всего освященнаго събора избраша епископа Филипа суздальскаго быти митрополитомъ всей Русіи». Воскр.

Братья великаго князя участвуютъ въ избраніи митрополита не какъ совѣтники его и члены великокняжеской думы, а какъ самостоятельные государи, находящіеся съ нимъ въ единеніи.

Но единеніе это, какъ и во времена древнія, длилось до тѣхъ только поръ, пока князь великій удовлетворялъ притязаніямъ своихъ союзниковъ; въ противномъ случаѣ

они обращали свое оружіе противъ него. Въ 1472 году великій князь присоединилъ къ своимъ владѣніямъ удѣлъ умершаго брата, Юрія, и ничего не далъ изъ него другимъ братьямъ.

«Того же лѣта, разсказываетъ лѣтописецъ, разгнѣвахуся братіа на великаго князя, что имъ не далъ въ удѣлѣ жеребіа, въ братнѣ, во князь Юрьевѣ. И помири мати ихъ. Князь же великій далъ князю Борису Вышегородъ, а князю Андрею Меншему—Тарусу, а Большему князю Андрею мать дала Романовъ». Воскр.

Гнѣвъ братьевъ надо было смягчать уступками земель. Сдѣланными уступками они удовлетворились и заключили съ великимъ княземъ новый миръ на обоюдномъ условіи «не канчивати». Рум. собр. I. №№ 97, 99. Силы каждаго изъ братьевъ великаго князя были ничтожны въ сравненіи съ его силами, но это не мѣшаетъ имъ возбуждать «распри и которы» изъ за владѣній; тоже дѣлаетъ Владиміръ Мономахъ на съѣздѣ со Святополкомъ кіевскимъ. Кіевскій князь сдѣлалъ уступки своему союзнику; тоже дѣлаетъ и московскій.

Заключенный въ 1473 году миръ продолжался до 1480, а въ этомъ году разсказываетъ лѣтописецъ:

«Отступили братіа отъ великаго князя, князь Андрей да князь Борисъ. Въ тоже время пріиде вѣсть къ великому князю въ Новгородъ отъ сына его, что братіа его хотятъ отступити. Онъ же вборзѣ ѣха изъ Новгорода къ Москвѣ и пріиде на Москву передъ великимъ заговѣйномъ, и ради быша вси людіе, быша бо въ страсѣ велицѣ отъ братьи его. Всѣ грады быша въ осадахъ и по лѣсомъ бѣгаючи мнози мерли отъ студени безъ великаго князя». Воскр.

Это новое размирье произошло по винѣ самого великаго князя. Состоя въ мирномъ докончаніи съ братомъ Борисомъ, онъ захватилъ его села. Андрей соединился съ Борисомъ для возстановленія его нарушенныхъ правъ. Несмотря на двукратное посольство отъ великаго князя съ мирными предложеніями, Андрей и Борисъ удалились къ литовскому

рубежу и отправили пословъ къ польскому королю съ просьбою управить ихъ въ ихъ обидахъ съ великимъ княземъ и помогать имъ. Великій князь снарядилъ къ нимъ третье посольство съ такими предложеніями:

«Поидите опять на свою отчину, а язъ во всемъ хочу васъ жаловати. А князю Андрѣю даю къ его отчинѣ и къ материну данію Колугу да Олексинъ, два города на Окѣ». Воскр.

Недовольные князья не приняли и этихъ условій. Между тѣмъ пришла вѣсть о движеніи на Москву царя Ахмата. Андрей и Борисъ, до сихъ поръ упорствовавшіе въ нежеланіи мириться, въ виду общей опасности укротили гнѣвъ свой и сами послали къ брату предложеніе о мирѣ. Посредничеству великой княгини, Мареы, митрополита Геронтія, архіепископа Вассіана и игумена Паисія удалось на этотъ разъ свести князей въ любовь. Иванъ Васильевичъ далъ князю Андрею Можайскъ и отступился отъ захваченныхъ селъ Бориса. Князья братья заключили новый мирный договоръ на обоюдномъ условіи «не канчивати». Рум. собр. I. №№ 106 и 110.

У Ивана Васильевича и мысли не было объ иныхъ отношеніяхъ удѣльныхъ князей къ великому помимо договорныхъ. Поэтому то онъ и сыновей своихъ заставилъ заключить договоръ. Всѣ князья были опутаны сѣтью договоровъ. При такихъ условіяхъ, князю, стремившемуся къ единовластію, ничего не оставалось, какъ прибѣгать къ насилію и нарушать собственныя обязательства. Такъ и поступилъ Иванъ Васильевичъ съ своимъ братомъ Андреемъ, заключивъ его въ тюрьму. Это тоже не новость. Еще въ началѣ XI вѣка Ярославъ Мудрый посадилъ въ тюрьму брата своего Судислава. Однѣ и тѣже причины всегда приводятъ и къ одинакимъ слѣдствіямъ.

Жизнь полна противорѣчій. Не мало ихъ было и въ древности. Несмотря на нарушенія договорнаго права, громадное его практическое значеніе на протяженіи всей нашей

древней исторіи до XVI вѣка включительно стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія.

Но твердость договорнаго права, какъ и всякаго права, обезпечивается правомъ иска и судомъ. Было ли у насъ такое обезпеченіе? Постояннаго суда не было, какъ его нигдѣ нѣтъ и теперь въ международныхъ отношеніяхъ, къ которымъ по существу и относятся наши междукняжескія отношенія.

За отсутствіемъ постояннаго суда, предки наши прибѣгали къ нѣкоторымъ другимъ средствамъ для обезпеченія силы договорнаго права.

Самымъ обыкновеннымъ и общераспространеннымъ средствомъ обезпеченія служила клятва. Всѣ договоры скрѣплялись присягой. Быть въ договорѣ значило, поэтому, быть въ крестномъ цѣлованіи. Нарушеніе договора являлось, такимъ образомъ, не только нарушеніемъ принятыхъ на себя обязательствъ, но и грѣхомъ. Это было клятвопреступленіе.

Но тутъ опять мы встрѣчаемся съ поразительнымъ противорѣчіемъ. Духовенство приводило къ присягѣ князей-союзниковъ, но оно же и снимало съ нихъ клятву, когда находило это нужнымъ. Побужденія, которыми руководствовалось при этомъ духовенство, были очень различны. Иногда оно освобождало отъ клятвы въ интересахъ мира. Древнѣйшій такой случай, намъ извѣстный, относится къ XI вѣку. Въ 1128 году предпріимчивый Всеволодъ Ольговичъ напалъ на дядю своего, черниговскаго князя, Ярослава Святославича, захватилъ его въ плѣнъ и овладѣлъ его княженіемъ. Ярославъ былъ въ союзѣ съ кіевскимъ княземъ, Мстиславомъ, къ которому и обратился за помощью. Всеволодъ же, уступивъ Ярославу Муромъ, съ своей стороны обратился къ Мстиславу съ предложеніями мира и сталъ расточать дары его боярамъ. Мстиславъ медлилъ. Такъ прошло все лѣто и осень.

«Бяшеть бо въ ты дни, разсказываетъ далѣе лѣтописецъ, игуменъ святаго Андрея, Григорій, любимъ бо бѣ преже Володимеромъ, чтенъ же ото Мьстислава и ото всихъ лю-

дей. Тотъ бо не вдадяше Мьстиславу въстати ратью по Ярославѣ, река: «то ти менше есть, онже, переступивъ хрестьное цѣлованіе, на рать не въстанешь, неже кровь пролити хрестьяньскую». И съвъкупивъше сборъ іерейскый, митрополита же въ то время не бяше, и рекоша Мьстиславу: «на ны будеть тотъ грѣхъ». Ипат.

Цѣлый соборъ іереевъ принималъ на себя грѣхъ клятвопреступленія. Что было дѣлать князю? Въ вопросахъ о томъ, гдѣ грѣхъ и гдѣ спасеніе, судъ, конечно, принадлежалъ духовенству, и князь подчинился ему:

«И створи волю ихъ, говоритъ лѣтописецъ, и съступи хреста Мьстиславъ къ Ярославу, и плакася того вся дни живота своего».

Духовенство, принявъ на себя грѣхъ Мстислава, не могло, однако, освободить его отъ чувства раскаянія по случаю неисполненнаго долга.

Въ 1195 году, по такимъ же соображеніямъ, кіевскій митрополитъ, Никифоръ, снялъ крестное цѣлованіе съ князя Рюрика къ зятю его, Роману. Всеволодъ Юрьевичъ Владимірскій, союзникъ Рюрика, потребовалъ отъ него уступки городовъ, переданныхъ уже по крестному цѣлованію Рюрикомъ Роману. По поводу этого требованія между союзниками возникъ разладъ и дѣло было близко къ войнѣ. Рюрикъ обратился тогда къ помощи митрополита и получилъ отъ него такой совѣтъ:

«Княже! мы есмы приставлены къ Руской землѣ отъ Бога востягивати васъ отъ кровопролитія. Ажь ся проьляти крови крестьянской въ Руской землѣ, ажь еси далъ волость моложьшему въ облазнѣ предъ старѣйшимъ, и крестъ еси къ нему цѣловалъ, а нынѣ азъ снимаю съ тебѣ крестное цѣлованіе и взимаю на ся. А ты послушай мене, возми волость у зятя у своего дай же старѣйшому, а Романови даси иную въ тое мѣсто». Ипат.

И въ томъ и другомъ случаѣ духовенство руководилось хорошими побужденіями. Но развѣ цѣль оправдываетъ сред-

ства? и не разрушаютъ ли вѣру въ крестъ эти разрѣшенія отъ добровольно принятаго на себя креста?

Разрѣшаетъ отъ клятвы и московское духовенство. Оно руководится при этомъ желаніемъ угодить сильнѣйшей сторонѣ, обыкновенно, великимъ князьямъ. Мы уже знаемъ, что въ договоры великихъ князей съ удѣльными нерѣдко вносится условіе, въ силу котораго удѣльные обязываются сложить съ себя всѣ прежнія цѣлованія. На такое нарушеніе всѣхъ прежнихъ клятвъ удѣльные князья впередъ получаютъ пастырское благословеніе. Первое такое благословеніе, по имѣющимся даннымъ, далъ митрополитъ Алексѣй. Онъ разрѣшилъ Владиміру Андреевичу Серпуховскому сложить цѣлованіе къ Ольгерду, и братьи его, и дѣтямъ, и братаничамъ. Его примѣру слѣдуютъ митрополиты: Кипріянъ, Фотій, Іона, Ѳеодосій, Филиппъ, Геронтій, Симонъ и Даніилъ; въ Рязани такія же разрѣшенія даетъ рязанскій и муромскій владыка Симеонъ *).

Едва вошли въ практику обязательства о сложеніи цѣлованія, то, понятно, должны были появиться и противоположныя имъ: «сего цѣлованія не сложить», или «а се намъ докончаніе правити и до живота» **). Эти послѣднія, однако, ничего новаго къ существу дѣла не прибавляютъ, такъ какъ вѣрность договору разумѣется и безъ этой прибавки.

Если само духовенство не считало клятву безусловно обязательной и различало крестныя цѣлованія, которыя надо исполнять, отъ такихъ, которыя должно сложить, то тѣмъ менѣе можно ожидать отъ сторонъ, заинтересованныхъ въ дѣлѣ, что они всегда будутъ исполнять принятыя на себя обязательства. Князья легко снимали съ себя крестъ и безъ разрѣшенія духовенства. Старая практика въ этомъ отношеніи была весьма печальна. Исторія наша полна примѣ-

---

*) Рум. собр. I. №№ 28, 32, 43, 75, 90, 92, 99, 127, 133, 160; А. А. Э. I. № 33; съ 1368 по 1531.

**) Рум. собр. I. №№ 28, 47, 52, 56. Въ № 123 вмѣсто «цѣлованія не сложить» употреблено выраженіе: «быти не отступну».

рами невѣрности слову и клятвѣ. Приведемъ нѣсколько случаевъ.

Черниговскіе князья, Владиміръ и Изяславъ Давыдовичи, въ 1146 году состояли въ союзѣ со Святославомъ Ольговичемъ противъ Изяслава кіевскаго; въ томъ же году они измѣнили Святославу и перешли на сторону Изяслава. Въ 1147 они измѣнили Изяславу, а въ 1148 опять вступили въ цѣлованіе съ нимъ. Въ 1149 Давыдовичи переходятъ на сторону врага Изяслава, дяди его Юрія; въ 1151 снова соединяются съ Изяславомъ противъ Юрія.

Святославъ Ольговичъ, двоюродный братъ Давыдовичей, въ 1148 году былъ въ союзѣ съ Изяславомъ Кіевскимъ; въ 1149 онъ перешолъ на сторону Юрія, врага Изяслава; въ 1150 снова соединился съ Изяславомъ; въ 1152 измѣнилъ Изяславу и опять заключилъ союзъ съ Юріемъ.

И это еще не самые мрачные случаи. Гораздо хуже тѣ, когда князья пользуются крестнымъ цѣлованіемъ, чтобы «на любви» заманить къ себѣ союзника и измѣннически лишить его свободы и владѣній. Такъ Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ Ярославичи захватили пріѣхавшаго къ нимъ Всеслава Полоцкаго, несмотря на то, что сами пригласили его къ себѣ и цѣловали къ нему крестъ «не сотворить ему зла»; такъ же обманомъ, на крестномъ цѣлованіи, Святополкъ кіевскій и Давыдъ, владимірскій князь, схватили князя Василько и ослѣпили его; на крестномъ же цѣлованіи овладѣлъ полоцкими князьями и Мстиславъ Великій.

Московское время въ этомъ отношеніи нисколько не лучше.

Лѣтописецъ разсказываетъ, что Дмитрій Ивановичъ при содѣйствіи митрополита Алексѣя, зазвалъ къ себѣ «любовію» тверскаго князя Михаила, а на третій день лишилъ его свободы и сталъ судить. Воскр. 1368.

Великій князь, Василій Васильевичъ, былъ схваченъ и ослѣпленъ на крестномъ цѣлованіи союзниками своими, Дмитріемъ Шемякою и Иваномъ Можайскимъ, и самъ, въ свою очередь, на крестномъ же цѣлованіи, схватилъ и заклю-

чилъ въ темницу Василія Ярославича Серпуховскаго. Такъ же поступалъ съ своими союзниками и Иванъ Васильевичъ.

Каждый князь является, такимъ образомъ, собственнымъ судьею въ вопросахъ договорнаго права. Онъ самъ рѣшаетъ, виноватъ передъ нимъ союзникъ, или нѣтъ; и если находитъ, что виноватъ, то выступаетъ изъ крестнаго къ нему цѣлованія.

Въ 1158 году Изяславъ Давыдовичъ замыслилъ войну противъ кіевскаго князя, Юрія, и началъ собирать союзниковъ. Ему удалось склонить на свою сторону роднаго племянника Юрія, Ростислава Мстиславовича, и внука его, Мстислава Изяславича. Но Святославъ Ольговичъ, котораго онъ также хотѣлъ подговорить къ союзу противъ Юрія, отвѣчалъ такъ:

«Хрестъ есмь цѣловалъ къ нему, а не могу безъ вины на нь встати». Ипат.

Указать союзнику его вину и тогда уже сложить съ себя крестное къ нему цѣлованіе на языкѣ XII вѣка значило «оправиться въ хрестномъ цѣлованіи». Въ 1151 году Изяславъ обратился къ дядямъ, Вячеславу и Юрію, съ упрекомъ въ томъ, что они не исполняютъ того, къ чему обязались по докончанію: «не хочета ли того всего исправити, говоритъ онъ, то азъ въ обидѣ не могу быти». И далѣе:

«Изяславъ же, якоже бяше реклъ переже: «въ обидѣ не могу быти», и тако оправяся въ хрестьномъ цѣлованѣ»... Ипат.

Далѣе слѣдуетъ разсказъ о его войнѣ съ дядями. Итакъ, нужна вина союзника, эта вина должна быть указана ему. Если онъ не исправится, можно начать съ нимъ войну. Но виноватъ ли союзникъ или нѣтъ, объ этомъ каждый судитъ самъ. При этомъ условіи выступленіе изъ крестнаго цѣлованія представляется дѣломъ весьма не труднымъ.

Но для самого выступленія существовало одно общее

правило, несоблюденіе котораго почиталось измѣной. Правило это заключалось въ заявленіи союзнику о сложеніи крестнаго цѣлованія. Послѣ такого заявленія прежній другъ воленъ былъ начать войну, и это не считалось измѣной. Нападеніе же, сдѣланное безъ такого заявленія, было нападеніемъ въ измѣну.

«Онъ же, говоритъ лѣтописецъ о тверскомъ князѣ, Михаилѣ Александровичѣ, схваченномъ на крестномъ цѣлованіи Дмитріемъ Ивановичемъ, съжалися о томъ велми и положи въ измѣну, и имѣаше ненависть къ великому князю, Дмитрію, паче же и на митрополита жаловашеся». Воскр.

Такое заявленіе дѣлалось, обыкновенно, чрезъ возвращеніе крестныхъ грамотъ. Съ этого момента и начиналось состояніе размирья. Въ договорѣ Василія Ивановича съ Дмитріемъ Шемякою читаемъ:

«А што, брате, еще до складные грамоты поиманы мои городы, и волости, и мои села, и моее матери села, великіе княгини, и моихъ бояръ села, войною и грабежомъ, а на то ти мнѣ дати судъ и исправу... А што, брате, въ наше розмирье въ нашихъ отчинахъ войны или грабежы чинилися, а тому всему дерть по се наше докончание на обѣ стороны». Рум. собр. I, № 52.

Здѣсь установлены даже разныя послѣдствія войны «въ розмирье», т.-е. правомѣрной, и войны «до складные грамоты», т.-е. въ измѣну. Военная добыча пріобрѣтается только въ войнѣ правомѣрной. Все же, что пріобрѣтено въ войнѣ, начатой до сложенія цѣлованья, подлежитъ возвращенію.

Недостаточность клятвы и самосудъ каждаго князя въ вопросахъ договорнаго права должны были побуждать князей къ изысканію иныхъ средствъ для обезпеченія силы договоровъ. Съ такими попытками мы и дѣйствительно встрѣчаемся. Онѣ не многочисленны, но чрезвычайно важны, ибо служатъ дополненіемъ и подтвержденіемъ всего сказаннаго о княжескихъ отношеніяхъ. Попытки эти состоятъ въ установленіи особаго суда, который и долженъ рѣшать

всѣ пререканія сторонъ, возникающія изъ договора; этому же суду предоставляется и забота объ исполненіи постановляемыхъ имъ рѣшеній.

Древнѣйшее указаніе на учрежденіе такого суда представляетъ Любецкій трактатъ. Рѣшивъ крайне запутавшійся вопросъ о Ярославовомъ наслѣдствѣ, князья опредѣлили:

«Да аще кто отселѣ на кого будеть, то на того будемъ вси». Лавр. 1097.

По этому опредѣленію право рѣшать пререканія князей, участниковъ Любецкаго союза, признано за самымъ союзомъ. Князья—участники союза и составляютъ верховный княжескій судъ.

Случай съ Василько представляетъ превосходный коментарій къ этому опредѣленію. Едва успѣли князья-союзники разъѣхаться изъ Любеча, какъ нѣкоторые мужи, къ которымъ «вниде сотона въ сердце», начали говорить Давыду Игоревичу, что Владиміръ и Василько Ростиславичи замышляютъ напасть на него и на Святополка Кіевскаго. Давыдъ повѣрилъ имъ и убѣдилъ Святополка въ измѣнѣ Ростиславичей. Послѣдствіемъ этого былъ захватъ Василька на любви и ослѣпленіе его. Остальные князья-союзники нашли эти дѣйствія Святополка и Давыда неправильными, потребовали ихъ къ своему суду и приговорили къ лишенію данныхъ имъ на Любецкомъ съѣздѣ волостей. Вотъ разсказъ лѣтописца.

«Володимеръ же, и Давыдъ, и Олегъ послаша мужѣ свои, глаголюще къ Святополку: «что се зло створилъ еси въ Русьстѣй земли, вверглъ еси ножь въ ны? чему еси слѣпилъ братъ свой? аще ти бы вина кая была на нь, обличилъ й предъ нами и упрѣвъ бы й, створилъ ему. А нонѣ яви вину его, оже ему се створилъ еси». Лавр. 1097.

И такъ, великій князь кіевскій не могъ судить теребовльскаго князя. Онъ долженъ былъ явиться обвинителемъ его передъ союзомъ князей. Такъ какъ онъ этого не сдѣлалъ, онъ самъ былъ вызванъ къ суду князей и долженъ былъ

отвѣчать передъ нимъ. Оправданіе его было признано не достаточнымъ, и союзники рѣшили прогнать Святополка изъ Кіева *). Только благодаря вмѣшательству кіевлянъ (см. стр. 6), князья-союзники перемѣнили гнѣвъ на милость, признали единственнымъ виновникомъ измѣны Давыда и поручили Святополку прогнать его изъ Владиміра. Святополкъ былъ плохимъ исполнителемъ союзнаго рѣшенія; онъ не только прогналъ Давыда, но и напалъ на Володаря и Василько, «надѣяся на множьство вой».

Въ 1100 году состоялся новый съѣздъ Святополка, Владиміра, Давыда и Олега Святославичей въ Увѣтичахъ, гдѣ они снова пришли къ единенію, но на какихъ условіяхъ, лѣтописецъ не говоритъ. Въ томъ же году была окончательно рѣшена и судьба Давыда Игоревича. Лѣтописецъ даетъ по этому поводу довольно подробную картину союзнаго суда.

«Того же мѣсяца (августа) въ 30, томъ же мѣстѣ (въ Увѣтичахъ) братья вся сняшася: Святополкъ, Володимеръ, Давыдъ и Олегъ (Святославичи). И приде къ нимъ Игоревичъ Давыдъ, и рече къ нимъ: «на что мя есте привабили? О се есмь. Кому до меня обида?» И отвѣща ему Володимеръ: «ты еси прислалъ къ намъ: хочю, братья, прити къ вамъ и пожаловатися своея обиды. Да се еси пришелъ и сѣдишь съ братьею своею на единомъ коврѣ, то чему не жалуешься, до кого ти насъ жалоба?» И не отвѣща Давыдъ ничтоже. И сташа вся братья на конихъ. И ста Святополкъ съ своею дружиною, а Давыдъ и Олегъ съ своею, разно, кроме собе; а Давыдъ Игоревичъ сѣдяше кромѣ, и не припустяху его къ собѣ, но особь думаху о Давыдѣ. И сдумавше, послаша къ Давыду мужи своѣ: Святополкъ—Путяту, Володимеръ—Орогостя и Ратибора, Давыдъ и Олегъ—Торчина. Посланіи же придоша къ Давыдови и рекоша ему: «се ти молвять братья: не хочемъ ти дати стола володимерьскаго, за не ввергль еси ножь въ ны, его же не было

---

*) Приведенное свидѣтельство лѣтописи нисколько не мѣшаетъ сторонникамъ родовой теоріи утверждать, что старшій князь имѣлъ право судить младшихъ. См. Исторію Россіи съ древнѣйшихъ временъ, II т., стр. 3.

въ Русьскѣй земли. Да се мы тебе не имемъ, ни иного ти зла не створимъ, но се ти даемь, шедъ сяди въ Бужьскѣмъ, въ Острозѣ; а Дубенъ и Черторыескъ то ти даеть Святополкъ, а се ти даеть Володимеръ 200 гривенъ, а Давыдъ и Олегъ 200 гривенъ». И тогда послаша слы свои къ Володареви и къ Василкови: «поими брата своего Василка къ собѣ, и буди ваю едина власть, Перемышль; да аще любо, да сѣдита; аще же ни, да пусти Василка сѣмо, да его кормимъ здѣ». Лавр.

Описанный здѣсь союзный судъ не вполнѣ соотвѣтствуетъ соглашенію, состоявшемуся въ Любечѣ. Ростиславичи, по этому соглашенію, тоже члены суда, а ихъ здѣсь не было. Надо думать, что миръ въ Увѣтичахъ измѣнилъ Любецкое соглашеніе, и Ростиславичи были выключены.

Другая черта союзнаго суда въ Увѣтичахъ, обращающая на себя вниманіе, состоитъ въ томъ, что потерпѣвшій Василько лишонъ волости и получилъ только право на кормленіе. На какомъ же это основаніи? Въ разсматриваемое время князь кормится отъ волости, но это не синекура. Князь — лицо дѣятельное, онъ самъ управляетъ, судитъ и предводительствуетъ на войнѣ. Слѣпой Василько не можетъ управлять лично, ему нуженъ только кормъ. Эта точка зрѣнія на князя, какъ на фактическаго правителя, и была, можетъ быть, причиной указаннаго рѣшенія. Ослѣпленіе князя является, такимъ образомъ, фактомъ, лишающимъ его владѣтельныхъ правъ. Предположеніе это находитъ себѣ подтвержденіе и въ желаніи владимірцевъ ослѣпить враговъ ихъ, рязанскихъ князей. Лавр. 1177. Великій князь, Василій Васильевичъ, не только былъ плѣненъ, но и ослѣпленъ.

Другихъ случаевъ союзнаго суда мы не замѣтили въ древнихъ памятникахъ. Но есть основаніе думать, что постановленіе Любецкаго съѣзда не стоитъ совершенно одиноко. Въ 1177 году русскіе князья потерпѣли пораженіе отъ половцевъ и, между прочимъ, потому что одинъ изъ союзниковъ, Давыдъ Ростиславичъ, не пришелъ къ нимъ на помощь. Въ виду этого неисполненія условій договора Свято-

славъ Всеволодовичъ Черниговскій обратился съ такими словами къ Роману Кіевскому, брату Давыда:

«Брате! я не ищу подъ тобою ничего же, но рядъ нашь такъ есть: оже ся князь извинить, то въ волость, а мужь— у голову, а Давыдъ виноватъ». Онъ же того не створи». Ипат.

По упоминаемому здѣсь договору черниговскихъ князей съ кіевскими и смоленскими, князь, виновный въ неисполненіи условій мирнаго соглашенія, подвергался лишенію волости. Отсюда слѣдуетъ, что рѣшеніе союзнаго суда внуковъ Ярослава не осталось безъ послѣдствій, а вошло въ княжескую практику и стало включаться въ договоры. Но спрашивается, кто же былъ судьею вины? Надо полагать, что вопросъ о винѣ, какъ и при внукахъ Ярослава, рѣшался судомъ союзниковъ. Потому-то Святославъ и обращается къ Роману. Романъ же «того не створи», т.-е., не внялъ словамъ Святослава или, что то-же, взялъ подъ свою защиту Давыда. Тогда Святославъ обратился къ другимъ союзникамъ и объявилъ войну самому Роману. Столкновеніе это кончилось уступкой Кіева Святославу.

Итакъ, наши князья XI и XII вѣка додумались уже до союзнаго суда. Въ договоры XII вѣка вносились даже статьи, въ которыхъ опредѣлялись наказанія князьямъ, неисполнявшимъ условій мирныхъ союзовъ.

Эта старина переходитъ и въ московское время. Но въ періодъ развитія единодержавія союзная юрисдикція не могла получить большого значенія. Слѣдъ до-московской старины мы находимъ только въ трехъ договорахъ Василія Васильевича. Иванъ Можайскій былъ очень виноватъ передъ великимъ княземъ московскимъ. Онъ напалъ на него въ крестномъ цѣлованіи, взялъ въ плѣнъ и отвезъ въ Москву, гдѣ великаго князя ослѣпили. Это не помѣшало, однако, великому князю заключить потомъ съ Иваномъ Можайскимъ миръ, по которому онъ обязался жить съ нимъ по старымъ грамотамъ, а того, какъ Михаилъ поступилъ съ нимъ въ 1446 году, не помнить, не поминать, не мстить, ни на

сердцѣ не держать. Въ старыхъ же грамотахъ Василій Васильевичъ обязывался быть съ Можайскимъ княземъ за одинъ, держать его въ братствѣ, въ любви и во чти безъ обиды, не канчивать ни съ кѣмъ безъ его вѣданья, ни ссылаться; жаловать его и печаловаться его отчиной, блюсти ее, не обидѣть и не вступаться подъ нимъ и дѣтьми его. Иванъ Можайскій, на любви напавшій на московскаго великаго князя, имѣлъ основаніе сомнѣваться въ искренности обѣщаній Василія Васильевича, а потому и не могъ ограничиться обыкновенной санкціей договоровъ, присягой. Для обезпеченія его правъ нуженъ былъ не зависимый отъ великаго князя судъ. Вотъ почему въ концѣ договора перечисляется рядъ князей посредниковъ, которымъ предоставляется право рѣшать вопросъ о томъ, кто нарушилъ договоръ, и помогать правому на виноватаго:

« А къ тому ввели есмя на обѣ стороны брата нашего, великаго князя Бориса Александровича тферского, и свою сестру, а его великую княгиню, Настасью, и свою братью молодшою, князя Михаила Ондрѣевича (можайскаго) и князя Василья Ярославича (серпуховскаго). А кто насъ нарушитъ се наше докончанье, и сію нашю утверженную грамоту, и крестное цѣлованье по докончалнымъ грамотамъ и по сей грамотѣ не исправитъ..., а братъ нашъ князь велики, Борисъ Александровичь, и наша братья молодшая, князь Михайло Андрѣевичь и князь Василій Ярославичь будутъ съ правымъ на виноватаго». Рум. собр. I №№ 63, 68.

Всѣ князья, блюстители точнаго исполненія договора, были вмѣстѣ съ тѣмъ друзьями и союзниками договаривающихся сторонъ. Это тоже судъ союзниковъ, но по отношенію къ одному только случаю, а не вообще.

Предосторожность, принятая можайскимъ княземъ, не спасла его. Не смотря на крестное цѣлованіе, великій князь отобралъ у него его отчину безъ всякаго суда союзныхъ князей. А одного изъ поручителей, Василія Ярославича, онъ даже пожаловалъ частью отнятыхъ у Ивана Можайскаго владѣній.

III. Княжескіе съѣзды.

Изъ предшествовавшаго изложенія слѣдуетъ, что древнія княженія суть суверенныя государства и что ограниченія ихъ суверенныхъ правъ возникаютъ лишь изъ договоровъ. Ограниченія эти касаются только права междукняжескихъ сношеній и являются въ двоякомъ видѣ. Они или одностороннія или взаимныя. Въ первомъ случаѣ получаются зависимыя государства; во второмъ, при обоюдномъ условіи «не канчивати», зависимость взаимная, а потому здѣсь и не можетъ быть рѣчи о какомъ либо преимуществѣ одного князя передъ другимъ; съ точки зрѣнія права—они равны: въ случаѣ заключенія союза съ третьими лицами необходимо совѣщаніе прежнихъ союзниковъ и новое ихъ по этому предмету соглашеніе. Совѣщанія союзниковъ вызывались еще и всякаго рода общими предпріятіями, о порядкѣ веденія которыхъ надо было условиться.

Эти разнообразныя причины и вызвали у насъ къ жизни княжескіе съѣзды или снемы. Организація ихъ во многихъ чертахъ напоминаетъ порядки вѣчевыхъ собраній.

И съѣзды и вѣча одинаково называются «думой». Но существенная разница княжеской думы отъ народной состоитъ въ томъ, что княжеская дума не имѣетъ никакого опредѣленнаго района дѣйствія. Вѣче дѣйствуетъ въ предѣлахъ своей волости; княжескіе же съѣзды не привязаны ни къ какой опредѣленной территоріи.

Всѣ независимые князья могутъ созывать съѣзды и присутствовать на нихъ, но никто изъ нихъ къ тому не обязанъ. Отъ иниціатора съѣзда зависитъ рѣшеніе вопроса о томъ, кого позвать. Ротниковъ своихъ иниціаторъ конечно всегда приглашалъ; но онъ могъ пригласить и не ротниковъ съ цѣлью присоединить ихъ къ имѣющему состояться соглашенію. Въ виду разрозненности княжескихъ интересовъ, мы не встрѣчаемся ни съ однимъ случаемъ пригла-

шенія на съѣздъ всѣхъ князей-современниковъ. Но и приглашенные не были обязаны пріѣхать. Они пріѣзжали, если хотѣли. На непріѣздъ приглашенныхъ надо смотрѣть, какъ на нежеланіе ихъ присоединиться къ постановленіямъ съѣзда, которыя всегда можно было до нѣкоторой степени предугадывать.

Наши источники знаютъ только частные съѣзды князей, въ большинствѣ случаевъ, съѣзды князей-союзниковъ. Такіе съѣзды происходили очень часто. Родственныя отношенія не играли при этомъ никакой рѣшающей роли. Дальные родственники нисколько не затруднялись съѣзжаться для уговоровъ о совокупномъ дѣйствіи во вредъ ближайшимъ. На съѣздѣ 1146 года Давыдовичи (линіи Святослава Ярославича) сошлись съ Изяславомъ Мстиславичемъ (линіи Всеволода Ярославича) и уговорились дѣйствовать противъ двоюроднаго брата своего, Святослава Ольговича (тоже линіи Святослава); а въ слѣдующемъ году съѣхались въ Москвѣ Юрій со Святославомъ Ольговичемъ (братья въ 6-й степени) и условились дѣйствовать противъ Изяслава Мстиславича, родного племянника Юрія, и противъ Давыдовичей, двоюродныхъ братьевъ Святослава.

Порядки совѣщаній отличаются тою же не оформленностью, какъ и вѣчевыя. Предсѣдателя не избирали; открывалъ пренія тотъ князь, который созвалъ съѣздъ. Рѣшенія не голосовались и съѣздъ ничего не могъ постановить большинствомъ голосовъ. Желающіе присоединялись къ предложенію инициатора; всякій несогласный сохранялъ свободу дѣйствія. Да иначе и не могло быть въ собраніи независимыхъ государей.

Принятые на съѣздѣ рѣшенія отличаются такой же неустойчивостью, какъ и вѣчевыя. Князь, присоединившійся къ опредѣленію съѣзда, оставался вѣренъ ему, пока это ему нравилось, въ противномъ случаѣ онъ выступалъ изъ соглашенія.

Приведемъ нѣсколько свидѣтельствъ источниковъ.

Въ 1169 году, по смерти Ростислава, на кіевскій столъ

вступилъ племянникъ его, Мстиславъ Изяславичъ, находившійся въ дружественномъ союзѣ почти со всѣми князьями праваго и лѣваго берега Днѣпра. Въ слѣдующемъ году онъ задумалъ походъ на половцевъ; такъ какъ онъ желалъ привлечь къ участію въ немъ и своихъ союзниковъ, то потребовалось совѣщаніе съ ними. Вотъ какъ лѣтописецъ описываетъ состоявшійся по этому поводу съѣздъ князей:

«Вложи Богъ въ сердце Мьстиславу Изяславичю мысль благу о Руской земли, занеже ей хотяше добра всимъ сердцемъ. И съзва братью *) свою и нача думати съ ними, река имъ тако: «братье! пожальтеси о Руской земли и о своей отцинѣ и дѣдинѣ, оже несуть хрестьяны на всяко лѣто у вѣжи свои, а съ нами роту взимаюче, всегда переступаюче. А уже у насъ и гречьскій путь изъотимають, и соляный, и залозный. А лѣпо ны было, братье возряче на божію помочь и на молитву святоѣ Богородици, по искати отець своихъ и дѣтъ своихъ пути и своей чести». И угодна бысть рѣчь его преже Богу, и всеѣ братьѣ, и мужемъ ихъ. И рекоша ему братья вся: «Богъ ти, брате, помози въ томъ, оже ти Богъ вложилъ таку мысль въ сердце; а намъ дай Богъ за хрестьяны и за Рускую землю головы своѣ сложити». Ипат.

Предложеніе Мстислава было единодушно принято всѣми съѣхавшимися въ Кіевѣ князьями; союзники дружно напали на половцевъ и нанесли имъ чувствительный уронъ. Съ этимъ разсказомъ лѣтописца любопытно сравнить выше приведенное (стр. 196) описаніе съѣзда, устроеннаго великимъ княземъ московскимъ, для рѣшенія вопроса о сопротивленіи нашествію Тохтамыша. Среди созванныхъ Дмитріемъ Ивановичемъ князей оказалась «разность». Лѣтописецъ очень кратокъ и не говоритъ, почему нѣкоторые князья не хотѣли помогать; онъ не говоритъ и о томъ, какъ велико было число противниковъ великаго князя. Это, впрочемъ, довольно безразлично. Для энергическаго

*) Въ другихъ подобныхъ случаяхъ лѣтописецъ говоритъ, что князь созываетъ «ротниковъ своихъ». Ипат. 1147.

отпора татарамъ нужно было «одиначество» князей; едва его не было, Дмитрію Ивановичу ничего не оставалось, какъ отказаться отъ своего рѣшенія и поспѣшить укрыться за Волгой, что онъ и сдѣлалъ.

Въ 1183 году

«Князь же (кіевскій) Святославъ Всеволодовичъ, сгадавъ со сватомъ своимъ, Рюрикомъ, поидоша на половцѣ и сташа у Олжичь, ожидающе Ярослава изъ Чернигова. И усрѣте и Ярославъ и рече имъ: «нынѣ. братья, не ходите, но срекше веремя, оже дасть Богъ на лѣто пойдемъ». Святославъ же и Рюрикъ, послушавша его, возвратишася». Ипат.

Старшій братъ и князь кіевскій, Святославъ, по совѣщаніи съ своимъ союзникомъ, рѣшается предпринять походъ на половцевъ и дѣйствительно выступаетъ противъ нихъ. Оставалось только соединиться съ младшимъ братомъ, Ярославомъ Черниговскимъ, чтобы вступить въ зелю Половецкую. Но едва пріѣхалъ этотъ младшій другъ, какъ рѣшенный уже вопросъ о войнѣ подвергся новому обсужденію и разрѣшенъ былъ совершенно въ противоположномъ смыслѣ.

Не менѣе характерно для нашихъ древнихъ порядковъ и извѣстіе лѣтописи подъ 1187 годомъ, въ которомъ рѣшающая роль опять выпала на долю того же младшаго брата и союзника кіевскаго князя, Ярослава.

«Тое же зимы, говоритъ лѣтописецъ, Святославъ (кіевскій князь) сослався съ Рюрикомъ, сватомъ своимъ, и сдумаста ити на половцѣ. Рюрикъ же улюби Святославлю рѣчь, и рече ему: «ты, брате, ѣди въ Черниговъ, совокупися же со братьею своею, а азъ сдѣсе со своею». И тако совокупившеся вси князи рускіѣ поидоша по Днѣпру, нелзѣ бо бяшеть индѣ ити, бѣ бо снѣгъ великъ. И доидоша до Снепорода и ту изъимаша сторожи половецкыѣ, и повѣдаша вѣжи и стада половецкая у Голубого лѣса. Ярославу же не любо бысть далѣ пойти, и поча молвити брату, Святославу: «не могу ити далѣ отъ Днѣпра, земля моя далече, а дружина моя изнемоглася». Рюрикъ же поча слати

ко Святославу, понуживая его, река ему: «брате и свату! намъ было сего у Бога просити, а вѣсть ны есть, а половцы восе лежать за полъдне!»... Святославу же любо бысть, и рече ему: «азъ есмь, брате, готовъ есмь всегда и нынѣ; но посли ко брату, Ярославу, и понуди его, а быхомъ поѣхали вси». Рюрикъ же посла ко Ярославу, и рече ему: «брате! тобѣ было не лѣпо измясти нами! А вѣсть ны правая есть, ажь вѣжи половецкія восе за полъдне, а великого ѣзду нѣтуть. А, брате, кланяютися, ты мене деля пойди до полудня, а язъ тебе дѣля ѣду 10 дневъ». Ярославъ же, не хотя ѣхати, рѣче: «не могу поѣхати одинъ, а полкъ мой пѣшь. Вы бы есте мнѣ повѣдалѣ дома, же до толѣ ити». И бысть межи ими распря. Рюрикъ же много понуживая ихъ и не може ихъ повести. Святославъ же хотѣ ити съ Рюрикомъ, но не оста брата Ярослава. И возвратишася во своясИ». Ипат.

Въ данномъ случаѣ было два съѣзда князей: на правомъ берегу Днѣпра совѣщались Ростиславичи, на лѣвомъ—Ольговичи. Несмотря на то, что всѣ князья сошлись въ одну думу, каждый изъ нихъ сохранилъ командованіе своими войсками и свободу дѣйствія. Въ разстояніи полудня отъ стоянки половцевъ, Ярославъ не захотѣлъ идти далѣе. Возникло новое совѣщаніе, на которомъ выяснилось, что Святославъ не желаетъ идти безъ брата. И на этотъ разъ, и опять благодаря несговорчивости младшаго князя, Ярослава, все предпріятіе рушилось.

Въ 1189 году тотъ же самый Святославъ въ союзѣ съ Рюрикомъ и другими князьями праваго и лѣваго берега Днѣпра предпринялъ походъ на Галичъ. Достигнувъ Галича, но еще не начиная военныхъ дѣйствій, князья стали рядиться «о волость Галицкую», т. е. совѣщаться о раздѣлѣ еще непріобрѣтенной добычи. На этомъ совѣщаніи соглашенія между союзниками не состоялось и они возвратились, ничего не достигнувъ.

Эти извѣстія существенно пополняютъ сказанное выше о союзахъ единенія. Всякое новое предпріятіе вызываетъ совѣщаніе и нуждается въ новомъ соглашеніи. Если къ соглашенію не приходятъ, предпріятіе рушится.

Подъ 1301 годомъ находимъ извѣстіе о съѣздѣ не союзниковъ, а враговъ, собравшихся для заключенія мира:

«Того же лѣта учиниша снемъ у Дмитрова: Андрѣй, князь великый, Михайло, князь тфѣрскый, Данило, князь московьский, Іоаннъ князь Дмитріевичь изъ Переяславля и взяша миръ межю собою. А Михайло съ Иваномъ не докончалъ межи собою». Лавр.

Кто хотѣлъ, тотъ помирился, кто не хотѣлъ, остался въ прежней розни.

Но князья не всегда лично являлись на съѣзды, иногда они дѣйствовали чрезъ уполномоченныхъ пословъ. Въ 1148 году

«Володимеръ же и Изяславъ Давыдовича, и Святославъ Олговичь, и Всеволодичь Святославъ послаша послы свои къ Изяславу Мьстиславичю, ищуще мира и тако рекуще...» Ипат.

Къ посламъ прибѣгаютъ иногда, какъ къ дополненію съѣзда: договорившіеся о чемъ либо на съѣздѣ, приглашаютъ черезъ пословъ присоединиться къ ихъ рѣшенію такихъ князей, которые на съѣздѣ не были. Эта замѣна князей послами ничего не измѣняла въ существѣ дѣла.

Въ 1183 году Святославъ Всеволодовичъ и Рюрикъ Ростиславичъ сговорились идти на половцевъ и отправили пословъ къ своимъ союзникамъ, приглашая ихъ участвовать въ походѣ. На это приглашеніе отозвались согласіемъ: Мстиславъ и Глѣбъ Святославичи, Владиміръ, переяславскій князь, Всеволодъ Луцкій съ братомъ, Мстиславомъ, Мстиславъ Романовичъ, Изяславъ Давыдовичъ, Мстиславъ Городенскій, Ярославъ Пинскій съ братомъ, Глѣбомъ, и Ярославъ Галицкій.

«А своя братія, говоритъ лѣтописецъ, не идоша, рекуще: «далече ны есть ити внизъ Днѣпра, не можемъ своеѣ земли пусты оставити; но же пойдеши на Переяславль, то скупимся съ тобою на Сулѣ». Ипат.

IV. Конецъ договорнаго права.

Предметъ нашего изслѣдованія—древности русскаго права. Но оно не будетъ закончено, если мы не укажемъ, когда же перестали существовать эти древности. Новый, до петровскій порядокъ вещей сложился въ Москвѣ. Но Москва долгое время жила старыми порядками. Московскіе князья XV вѣка также были опутаны сѣтью договоровъ, какъ и ихъ отдаленные предки XII-го. Даже въ первой половинѣ XVI вѣка великій князь Василій Ивановичъ былъ связанъ договорными отношеніями къ своимъ братьямъ. Когда же и какъ кончились договорныя отношенія?

Въ духовной грамотѣ великаго князя Ивана Васильевича находимъ такое распоряженіе:

«А приказываю свою душу и дѣтей своихъ меньшихъ, Юрья, Дмитреа, Семена, Андрѣя, сыну своему, Василью. А вы, дѣти мои меньшие, Юрій съ братьею, дрьжыте сына моего Василья, а своего брата старѣйшаго, въ мое мѣсто своего отца и слушайте его во всемъ».

Нельзя ли въ этомъ приказѣ «имѣть старшаго брата въ отца мѣсто» видѣть попытку перехода отъ договорныхъ отношеній къ отношеніямъ подданничества? Это возможно было бы въ томъ случаѣ, еслибы Иванъ Васильевичъ дѣйствительно перенесъ на своего старшаго сына всѣ тѣ права по отношенію къ младшимъ, которыя принадлежали ему, какъ отцу. Но Иванъ Васильевичъ этого не сдѣлалъ. При его жизни сыновья его состояли въ полной его власти и владѣтельными князьями не были. Онъ могъ посылать ихъ, куда хотѣлъ, давать такой кормъ, какой желалъ, и отбирать назадъ то, что разъ было дано. Все это мѣнялось со смертью его. Младшіе сыновья дѣлались наслѣдственными владѣтельными князьями; старшій братъ долженъ былъ держать ихъ, по словамъ той же духовной грамоты, «въ братствѣ и

во чти безъ обиды». Права судить младшихъ братьевъ и наказывать ихъ Василій Ивановичъ не получилъ. Случай ослушанія ихъ волѣ старшаго брата великій князь Иванъ предусматриваетъ, но предаетъ его суду Божію, а не суду своего наслѣдника. Въ духовной читаемъ:

«А которой мой сынъ не учнетъ сына моего Василья слушати во всемъ, или учнетъ подъ нимъ подъискивати великихъ княжествъ, или подъ его детми, или учнетъ отъ него отступати, или учнетъ съсылатися съ кѣмъ ни буди тайно или явно на его лихо, или учнетъ кого на него подъимати, или съ кѣмъ учнетъ на него одиначитися,—ино не буди на немъ милости Божія и пречистые Богоматери и святыхъ чудотворецъ молитвы и родитель нашихъ и нашего благословенія въ сій вѣкъ и въ будущій».

Итакъ, младшіе братья, не подданные Василія Ивановича, а такіе же владѣтельные князья, какъ и онъ самъ. Этотъ выводъ вполнѣ подтверждается и тѣмъ фактомъ, что за годъ съ небольшимъ до смерти своей Иванъ Васильевичъ приказалъ Василію и Юрію заключить формальный договоръ съ обоюднымъ крестнымъ цѣлованіемъ, въ которомъ и были опредѣлены будущія отношенія великаго князя къ его брату. Что эти договорныя отношенія не отмѣнены завѣщаніемъ (время написанія котораго не обозначено) видно изъ того, что Василій и Юрій подтвердили этотъ договоръ въ 1531 году.

До насъ дошелъ только одинъ договоръ будущаго великаго князя Василія съ братомъ его Юріемъ. Но значитъ ли это, что съ другими братьями договора при жизни отца не было заключено? Конечно, нѣтъ. Гораздо болѣе есть основаній думать, что Иванъ Васильевичъ привелъ въ крестное цѣлованіе съ будущимъ великимъ княземъ и остальныхъ своихъ сыновей. Предусматриваетъ же онъ въ своемъ завѣщаніи случай подыскиванія ихъ подъ великое княженіе.

Какъ же надо понимать это распоряженіе—имѣть старшаго брата въ отца мѣсто?

Власть отца была единственной недоговорной властью,

какую только знали князья; она установлялась не въ силу свободной воли сторонъ и была выше человѣческаго произвола. Состояніе членовъ семьи подъ властью отца представляется замиреннымъ, въ семьѣ нѣтъ войны. Это завидное состояніе въ эпоху столь богатую войнами, какъ княжеская. Отсюда понятно, что князья ничего лучшаго не могли завѣщать своимъ дѣтямъ, будущимъ владѣтельнымъ князьямъ, какъ продолженіе мирной семейной жизни подъ руководствомъ названнаго отца. А такъ какъ названному отцу не сообщалась настоящая отеческая власть, то завѣщательное распоряженіе имѣло значеніе добраго совѣта, и только.

Стремленіе сохранить добрыя семейныя отношенія между сыновьями свойственно и другимъ московскимъ князьямъ. Василій Васильевичъ съ этою цѣлью поручаетъ дѣтей княгинѣ своей и приказываетъ имъ «жить за одинъ и во всемъ слушаться матери своей въ свое мѣсто отца». Великій князь Дмитрій Ивановичъ такъ же приказываетъ своимъ сыновьямъ слушаться во всемъ матери и изъ воли ея не выступать ни въ чемъ; рядомъ съ этимъ онъ приказываетъ младшимъ сыновьямъ чтить и слушать старшаго брата «въ свое мѣсто отца», а старшему держать младшихъ въ братствѣ безъ обиды. Это предписаніе нисколько не мѣшало сыновьямъ Дмитрія Ивановича заключать между собой договоры на обоюдныхъ условіяхъ единенія и «не канчивати».

Указанныя попытки поддержать среди дѣтей семейный миръ также не составляютъ нововведенія Москвы. Это опять старина. Древнѣйшій случай восходитъ къ XI вѣку. Ярославъ Мудрый завѣщалъ уже младшимъ сыновьямъ «слушать старшаго въ себѣ мѣсто». Это распоряженіе совершенно совпадаетъ съ распоряженіемъ московскаго великаго князя, Ивана Васильевича. Приказывая младшимъ слушаться старшаго, Ярославъ дѣлитъ между ними города и завѣщаетъ дѣтямъ «не преступати предѣла братня, ни сгонити». По смерти его, слѣдовательно, такъ же нарушалось единство власти, какъ и по смерти Ивана Васильевича, и Яро-

славичи дѣлались владѣтельными князьями, какъ и дѣти московскаго князя. Если у перваго брата свой особый удѣлъ, то, понятно, между ними возможны враждебныя столкновенія. Ярославъ, не разъ поднимавшій оружіе противъ родныхъ братьевъ, предвидѣлъ это. Но и онъ, какъ и московскій великій князь, не подчинилъ младшихъ сыновей суду старшаго, а установилъ неприкосновенность владѣній всѣхъ своихъ сыновей. Ни одинъ изъ нихъ, слѣдовательно, не подданный другаго. Они и вели себя, какъ независимые государи, на что было указано выше. Въ началѣ лѣтописной передачи Ярославова завѣщанія находимъ такой совѣтъ дѣтямъ: «пребывайте мирно, послушающе братъ брата». Еслибы у насъ не было подъ руками подлинныхъ завѣщаній московскихъ князей, мы могли бы упрекнуть лѣтописца въ неточной передачѣ воли Ярослава, который приказываетъ то слушать брату брата, то всѣмъ слушаться старшаго въ отца мѣсто. Но совершенно такое же распоряженіе находимъ и въ завѣщаніи Дмитрія Ивановича, который приказываетъ сыновьямъ «жить за одинъ», т.-е. слушать другъ друга, и вмѣстѣ съ тѣмъ слушать старшаго въ отца мѣсто. Эти кажущіяся намъ противорѣчія объясняются тѣмъ, что древніе князья имѣли въ виду установить между своими сыновьями не отношенія дѣйствительнаго подчиненія младшихъ старшему, а семейнаго согласія и единенія между ними. Это таже цѣль, для достиженія которой заключались и мирные союзы, въ которыхъ на первомъ мѣстѣ говорится о единеніи. Если условіе имѣть кого-либо «въ отца мѣсто» и возлагало на названнаго сына нравственную обязанность быть въ послушаніи названнаго отца, то, съ другой стороны, оно возлагало и на названнаго отца обязанность любить названнаго сына, заботиться о немъ, оказывать ему всякую поддержку и даже сложить свою голову за его обиду. Это ясно изъ ниже приводимыхъ словъ мазовецкаго князя Конрада Самовитовича (стр. 221). Это семейно-нравственныя обязанности. О подчиненіи въ государственномъ смыслѣ слова здѣсь и рѣчи быть не можетъ.

Сѣверо-восточныя княженія получили первое, но чисто внѣшнее объединеніе въ 1238 году, по покореніи ихъ татарами. Съ этого момента возникло общее подчиненіе ихъ ордынскимъ ханамъ. Въ лицѣ хановъ впервые создалась высшая власть надъ всѣми князьями Русской земли. Ханы не только распредѣляли столы между князьями по своему усмотрѣнію, но призывали ихъ къ своему суду и были вольны въ ихъ жизни и смерти.

Но здѣсь мы опять встрѣчаемся съ поразительнымъ противорѣчіемъ. Въ противность собственнымъ своимъ интересамъ, татары явились проводниками начала объединенія Русской земли подъ главенствомъ великаго князя владимірскаго. Подъ 1341 годомъ лѣтописецъ говоритъ, что по смерти Ивана Даниловича Калиты «вси князи рустіи», поѣхали въ Орду, и за тѣмъ продолжаетъ:

«Тое же осени выиде изъ Орды на великое княженіе князь Семенъ Ивановичь, а съ нимъ братіа его, Іоаннъ и Андрѣй, и вси князи рускіи подъ руцѣ его даны, и сѣде на столѣ въ Володимери». Воскр.

Такимъ образомъ, въ 1341 году татарскій ханъ Узбекъ отдалъ подъ руку великаго князя владимірскаго всѣхъ князей русскихъ. Выраженіе «быть подъ рукой» употребляется и русскими князьями, но въ ихъ устахъ оно имѣетъ совсѣмъ не тотъ смыслъ, который должны были придавать ему татары. Въ 1287 году мазовецкій князь Конрадъ Самовитовичъ обратился къ Владиміру Галицкому съ такими рѣчами:

«Господине братъ мой! ты же ми былъ въ отца мѣсто, како мя еси держалъ подъ своею рукою, своею милостью! Тобою есмь, господине, княжилъ и городы свои держалъ, и братьи своей отъялъся есмь, и грозенъ былъ! А нынѣ, господине, слышалъ есмь, оже еси далъ землю свою всю и городы брату своему Мьстиславу, а надѣюся на Богъ и на тя, абы ты, господинъ мой, послалъ свой посолъ съ моимъ посломъ къ брату своему Мьстиславу, абы мя, господине, со твоею милостью пріялъ братъ твой

подъ свою руку и стоялъ бы за меня въ мою обиду, како ты, господинъ мой, стоялъ за мною во мою обиду». Володимеръ же послалъ брату своему Мьстиславу, тако река: «братъ мой, самъ вѣдаешъ, како есмь имѣлъ брата своего Кондрата, и честилъ и дарилъ, а въ обиду его стоялъ есмь за нимъ, како и за собою. Абы ты тако же, мене дѣля, прiялъ и съ любовью подъ свою руку и стоялъ за нимъ въ его зло». Мьстиславъ же обѣчася Володимиру, тако река: «братъ мой! радъ, тебѣ дѣля, прiимаю съ любовью подъ свою руку, а въ обиду его дай Богъ голову свою сложити за нь». Ипат.

Имѣть подъ рукою это тоже, что имѣть сыномъ и быть въ отца мѣсто, т.-е., любить, заботиться и даже голову свою сложить въ интересахъ покровительствуемаго. Трудно думать, чтобы татары имѣли въ виду установить такое попечительное и любовное покровительство великаго князя владимiрскаго надъ остальными сѣверо-восточными князьями. Отдавая русскихъ князей подъ руку Семена Ивановича, они, надо полагать, имѣли въ виду нѣчто иное. Ханскiе ярлыки, въ которыхъ, вѣроятно, были опредѣлены права великихъ князей владимiрскихъ и обязанности остальныхъ, до насъ не дошли. За отсутствiемъ этого главнаго источника, намъ остается только гадать о смыслѣ и значенiи татарской отдачи подъ руку. Татары смотрѣли на себя, какъ на верховныхъ владыкъ русскаго народа. Хотя они и не управляли непосредственно въ предѣлахъ русской земли, но имѣли здѣсь свои постоянные интересы и нуждались въ особомъ органѣ власти, который наблюдалъ бы за исполненiемъ ихъ велѣнiй. Такимъ органомъ они и назначили великаго князя владимiрскаго. Остальные князья были отданы подъ его руку, но, надо думать, не въ старо-русскомъ смыслѣ любви, покровительства и заботы, а въ смыслѣ подчиненiя по всѣмъ вопросамъ, имѣвшимъ отношенiе къ татарскимъ интересамъ. По роду дѣлъ это было подчиненiе спецiальное, ограничивавшееся сферою татарской политики; по характеру—безусловное; въ случаѣ непослушанiя, русскiе князья, конечно, подлежали отвѣтственности передъ ордынскимъ царемъ. Но

великій князь владимірскій приказывалъ имъ не какъ самостоятельный государь, а какъ посаженникъ ханскій и прикащикъ Орды. По всей вѣроятности, Семенъ Ивановичъ былъ не первымъ такимъ прикащикомъ. Уже отецъ Семена, Иванъ Даниловичъ Калита, безпрекословно исполнялъ ханскія приказанія и присоединялъ свои силы къ татарскимъ полчищамъ для войны противъ русскихъ городовъ. Князья, которые ходили съ нимъ на Тверь, Псковъ, Смоленскъ, подчинялись не ему, а ордынскому царю, по приказу котораго дѣйствовалъ и самъ Калита. Ограничимся однимъ примѣромъ:

«А Товлубій (татарскій воевода, посланный царемъ воевать Смоленскъ), говоритъ лѣтописецъ, поиде ратью съ Переяславля къ Смоленьску; съ нимъ же посла рать свою и князь Иванъ великій Даниловичъ, по цареву повелѣнію, князя Константина Васильевича Суздальскаго, князя Константина Борисовича Ростовскаго, князя Іоанна Ярославича Юрьевскаго, князя Іоанна Дрютскаго, князя Ѳеодора Ѳоминьскаго, а съ ними великаго князя воеводы, Александръ Ивановичь и Ѳедоръ Акинѳовичь, и стояше у города немного днiй, и поидоша прочь, граду не успѣвшу ничтоже». Воскр. 1340.

Хотя большаго усердія въ исполненіи царева повелѣнія въ данномъ случаѣ и не видно, но едва ли можно сомнѣваться въ нѣкоторомъ объеденіи русскихъ княженій подъ властію великаго князя владимірскаго, происшедшемъ въ татарскихъ интересахъ.

Возникаетъ вопросъ, какія послѣдствія имѣло это внѣшнее объединеніе на отношенія князей внѣ дѣйствія татарской силы? Этотъ вопросъ можетъ и долженъ быть поставленъ, такъ какъ русскіе князья, состоя подъ татарскимъ владычествомъ, не все же дѣйствовали по татарскимъ велѣніямъ. Орда была далеко и князья продолжали жить своею жизнью, наслѣдованною отъ предковъ. Вотъ на эту-то жизнь какое оказало вліяніе возникшее по инициативѣ татаръ начало подчиненія всѣхъ князей великому князю владимір-

скому? Отвѣтъ на этотъ вопросъ надо искать въ извѣстныхъ уже намъ договорахъ XIV и XV вѣка. Въ нихъ нѣтъ ни малѣйшаго слѣда внесеннаго татарами начала подчиненія. Даже Семенъ Ивановичъ, которому царь Узбекъ отдалъ родныхъ его братьевъ подъ руку, заключилъ съ ними договоръ на обоюдномъ условіи единенія и «не канчивати». Насколько русская и татарская практика были различны и не похожи одна на другую показываетъ слѣдующій случай. Передъ татарскимъ судомъ происходила тяжба великаго князя, Василія Васильевича, съ дядею Юріемъ изъ-за обладанія великимъ княженіемъ Владимірскимъ.

«И тогда, разсказываетъ лѣтописецъ, царь дасть великое княженіе князю Василію Васильевичу, и повелѣ князю Юрію конь повести подъ нимъ. Князь же велики не въ схотѣ того дяди своего безчестити». Воскр. 1432.

По татарскимъ понятіямъ подчиненный ведетъ коня своего принципала и въ этомъ нѣтъ безчестья, а выражается только подчиненіе. По русскимъ понятіямъ племяннику заставить своего дядю и владѣтельнаго князя вести подъ собою коня, значитъ обезчестить его. Василій Васильевичъ отказался отъ такого выраженія своего верховенства. Въ княжеской средѣ такого обычая не было. Зависимые князья ѣздятъ рядомъ съ своимъ старшимъ братомъ, но не водятъ его коня; коня водятъ слуги. Татарское завоеваніе оставило глубокій слѣдъ въ нашей исторіи; но идея подчиненія князей власти великаго князя, проводимая татарами въ XIV вѣкѣ, вовсе не привилась въ нашей практикѣ; она держалась единственно страхомъ татарскаго насилія и безслѣдно исчезла вмѣстѣ съ татарскимъ владычествомъ *).

*) Иное рѣшеніе постановленнаго вопроса даетъ родовая теорія. Въ исторіи Соловьева (Ш, 312) читаемъ, что уже при Семенѣ Гордомъ русскіе князья «перестали быть родичами равноправными и стали подручниками великаго князя»; а доказательство такое: «вси князи русскіе даны были подъ руки Симеона, говорятъ лѣтописи». Но вѣдь

Ни великіе князья московскіе, ни татары не положили конца договорнымъ отношеніямъ и не низвели владѣтельныхъ князей до положенія подданныхъ великаго князя. Сдѣлали это бояре московскіе въ малолѣтство Ивана Васильевича, перваго русскаго царя.

Въ самую полночь съ 3-го на 4-е декабря 1534 года скончался великій князь Василій Ивановичъ. Немедленно, въ тотъ самый часъ, какъ онъ умеръ, бояре его цѣловали между собою крестъ на томъ, что имъ великой княгинѣ и сыну ея, великому князю Ивану, прямо служить и великаго княженія подъ нимъ беречь въ правду, безъ хитрости, за одинъ. Тогда же бояре привели къ крестному цѣлованію и братьевъ умершаго государя, Юрія и Андрея, на томъ, что имъ племяннику своему добра хотѣть и великаго княженія подъ нимъ блюсти и стеречи и самимъ не хотѣть. Но присяга братьевъ Василія Ивановича произошла не въ обычномъ порядкѣ. Бояре, требуя отъ нихъ клятвы великому князю, сами отказались цѣловать имъ крестъ именемъ малолѣтнаго государя. Это было вопіющее нарушеніе освященныхъ временемъ порядковъ. Покойный князь два раза цѣловалъ крестъ къ Юрію и второй разъ не далѣе, какъ за три года до своей кончины, а бояре его не хотятъ ему дать «правды» за малолѣтнаго племянника! Юрій не желалъ, да и не долженъ былъ переносить такое поруганіе своихъ княжескихъ правъ. Онъ долго противился и спорилъ. Но бояре не выпустили его съ государева двора и насильно заставили цѣловать крестъ. Юрій не считалъ себя связаннымъ этимъ «невольнымъ цѣлованіемъ» и на другой же день сталъ набирать дружину, перезывая отъ великаго князя его служилыхъ людей. Дѣйствія эти не укрылись отъ

лѣтописи говорятъ это не отъ себя, а приводятъ татарскую мѣру, и надо было разобрать, измѣнился этимъ татарскимъ распоряженіемъ русскій порядокъ или нѣтъ. Что князья московскіе при Семенѣ и послѣ не перестали быть родичами равноправными и не сдѣлались подручниками великаго это доказывается княжескими договорами и лѣтописями.

бояръ, они усмотрѣли въ нихъ нарушенie только что принесенной присяги, и заключили Юрія въ тюрьму. Онъ оставался въ неволѣ до своей смерти (+1536).

Пойманie Юрія должно было до крайности обострить отношенія къ другому дядѣ великаго князя, Андрею. Онъ имѣлъ основанie опасаться, что и его «поимаютъ», и потому не ѣхалъ въ Москву, куда его усиленно приглашали; а въ Москвѣ боялись, что онъ первый начнетъ дѣйствовать противъ великаго князя. Въ 1537 году дѣло дошло до враждебнаго столкновенія. Но Андрей не рѣшился вступить въ бой съ полками великаго князя, а «учалъ у воеводы великаго князя правды просить, что его великому князю не поимати и опалы на него великія не положити». Воевода поручился за московское правительство, и тогда дядя великаго князя поѣхалъ въ Москву. Въ Москвѣ, однако, не одобрили уступчивость воеводы; князя Андрея «велѣли поимати и въ полату посадити, и тягость на него положити». Вотъ въ этомъ то тягостномъ положенiи бояре взяли съ него запись, въ которой онъ обязался хотѣть великому князю добра, извѣщать его о всякой опасности, не подыскивать подъ нимъ его государствъ, не принимать къ себѣ его служилыхъ людей и ни съ кѣмъ на него не ссылаться. Эту запись князь Андрей долженъ былъ скрѣпить крестнымъ цѣлованiемъ; бояре же великаго князя и на этотъ разъ правды ему не дали и никакихъ правъ за нимъ не признали. Только въ концѣ записи они именемъ великаго князя написали:

«А мнѣ, великому князю Ивану Васильевичу всеа Русiи, и моей матери, великой княгине Еленѣ, жаловати тебя и беречи по государя своего наказу, великаго князя Василія Ивановича всеа Русiи». Рум. собр. I. № 103.

Это простое обѣщанie, а не договорное обязательство, скрѣпленное клятвой, и при томъ обѣщанie очень неопредѣленное. Великiй князь обѣщаетъ жаловать и беречь князя Андрея лично, но о владѣнiяхъ его и владѣльческихъ правахъ не говоритъ ни слова.

Вотъ это и есть конецъ договорныхъ отношенiй. Два послѣднихъ удѣльныхъ князя рѣшенiемъ бояръ изъ владѣтельныхъ государей превращены въ подданныхъ великаго князя. Они болѣе не въ договорѣ съ нимъ, а въ одностороннемъ цѣлованiи, какъ и служилые люди. Это актъ низложенiя владѣтельныхъ князей.

Этой перемѣной своего положенiя князь Андрей такъ же не удовлетворился, какъ и братъ его. Невольную присягу онъ не считалъ обязательной, а потому, улучивъ время, бѣжалъ изъ Москвы въ Новгородъ, надѣясь найти тамъ приверженцевъ. Его постигла участь брата; онъ былъ пойманъ и заключенъ въ тюрьму, гдѣ и умеръ. Ни Юрiй, ни Андрей не захотѣли быть подданными; они сопротивлялись до конца новымъ порядкамъ, въ которыхъ не могли признать «правды». Правдою для нихъ оставались договорныя отношенiя и обязанность великаго князя держать ихъ въ братствѣ и во чти безъ обиды. Послѣднiе владѣтельные князья подданными великаго князя не сдѣлались, ихъ пришлось извести изморомъ въ неволѣ и цѣпяхъ.

Низложенный Юрiй и Андрей умерли, но не могли ли народиться новые владѣтельные князья? Московскiе бояре указали путь, которымъ можно было достигнуть политическаго объединенiя Россiи. Путь этотъ—низложенiе удѣльныхъ. Въ этомъ великая ихъ заслуга. Но мысль о политическомъ единствѣ Россiи слышится и съ другой стороны. Въ 1498 году великiй князь, Иванъ Васильевичъ, положилъ опалу на сына своего, Василiя, и назначилъ преемникомъ своимъ внука, Дмитрiя. Опала эта, однако, длилась не долго. Въ слѣдующемъ уже году Иванъ Васильевичъ возвратилъ милость сыну и назначилъ его великимъ княземъ Новгорода и Пскова. Такимъ образомъ въ 1499 году имѣлось на лицо какъ бы два будущихъ великихъ князя: одинъ владимiрскiй и московскiй, другой новогородскiй и псковскiй. Это отдѣленiе Пскова отъ Москвы не понравилось псковичамъ, они усмотрѣли въ немъ новую попытку раздробленiя Руси и отправили къ великому князю торжественное посольство,

составленное изъ посадниковъ и бояръ, по три отъ каждаго конца; послы эти должны были просить Ивана Васильевича о томъ, чтобы въ Псковѣ и Москвѣ былъ одинъ государь. Самовластіе московскаго государя было въ это время уже такъ велико, что онъ опалися на псковскихъ пословъ за это патріотическое челобитье, а однаго изъ нихъ велѣлъ посадить въ тюрьму, хотя и не надолго.

Государственное единство Росси сдѣлало уже большіе успѣхи. Оно становилось потребностью народа. Но развѣ московскіе государи не вольны были создать изъ своихъ сыновей новыхъ владѣтельныхъ князей? Они могли это сдѣлать, и по чувствамъ родительской любви къ дѣтямъ они не далеки были отъ того, чтобы и дѣйствительно это сдѣлать. Они болѣе любили сыновей своихъ, чѣмъ государственное единство Россіи. Каждый изъ нихъ испыталъ неудобства многокняжія, воевалъ съ дядьями и братьями и на крестномъ цѣлованіи захватывалъ ихъ владѣнія; но какъ только возникалъ вопросъ о наслѣдникѣ государства, царствующій государь выдѣлялъ каждому своему сыну особый удѣлъ и оставлялъ своему преемнику бремя новыхъ владѣтельныхъ князей. Такъ поступилъ и великій князь Иванъ Васильевичъ, такъ много сдѣлавшій для объединенія Московскаго государства. Владѣтельные князья, которыхъ пришлось низлагать боярамъ его сына, получили свою власть изъ его рукъ. Василій Ивановичъ также оставилъ особый удѣлъ своему второму сыну, Юрію. Тоже сдѣлалъ и Иванъ Грозный. Отказавъ государство свое старшему сыну, Ивану, онъ назначилъ весьма большой удѣлъ и слѣдующему, Ѳедору. Все это явленія неблагопріятныя для государственнаго единства Россіи. Можно было и во второй половинѣ XVI-го в. опасаться, что эти назначенія поведутъ къ образованію новыхъ линій владѣтельныхъ князей. Но и здѣсь на помощь Московскому государству пришелъ счастливый случай. Юрій Васильевичъ умеръ, не оставивъ потомства; старшій сынъ Грознаго умеръ при жизни отца и наслѣдникомъ оказался слѣдующій, Ѳедоръ, въ царствованіе кото-

раго умеръ малолѣтнымъ и послѣднiй сынъ Ивана, царевичъ Димитрiй. Θеодоръ же Ивановичъ сыновей вовсе не имѣлъ. Такимъ образомъ во второй половинѣ XVI вѣка не оказалось ни одного кандидата во владѣтельные князья. По прекращенiи же линiи Даниловичей сознанiе о государственномъ единствѣ русскаго народа широкою волной прошло по Русской землѣ и выразилось въ избранiи одного государя на все Московское государство.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Распредѣленіе волостей между князьями.

Вопросъ о распредѣленіи или преемствѣ столовъ возникаетъ для каждой волости или княженія въ отдѣльности. Каждая волость, представляя особое государство, должна была имѣть, или, по крайней мѣрѣ, должна была стремиться выработать для себя и свой порядокъ преемства.

Но волости не вели изолированной жизни; онѣ находились въ постоянныхъ столкновеніяхъ между собою, результатомъ которыхъ было то, что князья нерѣдко занимали волости и въ силу военной удачи. Вслѣдствіе этого, тотъ порядокъ преемства, который могъ бы сложиться въ извѣстной волости, благодаря вліянію собственныхъ ея потребностей и силъ, постоянно нарушался и путался этими вторженіями изъ внѣ. Такимъ образомъ, условія нашей древней жизни очень мало благопріятствовали тому, чтобы возникъ и упрочился одинъ опредѣленный порядокъ преемства. И дѣйсвительно, одного, сколько нибудь опредѣленнаго порядка наша древность и не представляетъ. Распредѣленіе столовъ происходило подъ вліяніемъ весьма разнообразныхъ началъ и интересовъ, изъ которыхъ ни одинъ не пользо-

вался безспорнымъ признаніемъ и относительное значеніе и историческая важность которыхъ были очень различны и весьма не постоянны.

Не беря на себя задачи раскрыть и изслѣдовать всѣ условія, вліявшія въ отдѣльныхъ случаяхъ на преемство, мы укажемъ на тѣ, которыя имѣютъ болѣе общее значеніе. На распредѣленіе столовъ вліяли: интересы народа, выражавшіеся въ его правѣ избранія князей; начало отчины; интересы царствующаго князя и его семьи, проявлявшіеся въ договорахъ и завѣщаніяхъ; начало старшинства князей. Но ни одинъ изъ этихъ интересовъ не имѣлъ силы самъ по себѣ. Въ виду преобладающаго значенія договорнаго и союзнаго начала въ нашей исторіи, интересы эти получали практическое осуществленіе только въ томъ случаѣ, если для поддержки ихъ удавалось составить достаточно внушительные союзы и заключить соотвѣтствующіе договоры. А такъ какъ для организаціи такихъ союзовъ нужно было умѣнье, настойчивость, энергія, а при всемъ томъ и достаточный запасъ военныхъ силъ, то личныя качества князя и его фактическое положеніе въ средѣ другихъ князей являются такъ же весьма важными условіями въ рѣшеніи разсматриваемаго вопроса.

I. Избраніе князей народомъ.

Объ избраніи князей народомъ рѣчь была выше. Мы видѣли, что народъ осуществлялъ свое право, не смотря ни на какія соглашенія князей о порядкѣ преемства. По смерти Святополка Михаила кіевляне призвали къ себѣ на столъ Владиміра Мономаха, хотя по Любецкому трактату онъ клятвенно обязался въ Кіевѣ не садиться.

Въ дополненіе къ сказанному надо указать на то, что и народное избраніе нуждалось въ признаніи или, по крайней мѣрѣ, въ молчаливомъ согласіи со стороны другихъ князей, иначе они начинали войну противъ избранника и избрав-

шей его волости. Въ 1146 году, по смерти Всеволода Черниговскаго, кіевляне пригласили къ себѣ на столъ владимірскаго князя Изяслава Мстиславича. До этого приглашенія онъ былъ въ союзѣ съ черниговскими Ольговичами и Давыдовичами. Но союзъ этотъ приглашеніемъ Изяслава въ Кіевъ нарушился, ибо однимъ изъ условій его было вступленіе на кіевскій столъ Игоря Ольговича. Изяславъ, занявъ Кіевъ подъ Игоремъ, вызвалъ противъ себя войну своихъ прежнихъ союзниковъ. Святославъ Ольговичъ, братъ обманутаго Игоря, не надѣясь собственными силами одолѣть Изяслава, обратился къ дядѣ его, Юрію, и предложилъ ему свою помощь для овладѣнія Кіевской волостью. Въ 1147 году къ Святославу и Юрію присоединились и Давыдовичи. Такъ началась эта достопамятная борьба Изяслава съ Юріемъ, въ которой черниговскіе князья были то на сторонѣ Изяслава, то на сторонѣ Юрія. Въ первый годъ войны Юрій не помогъ своимъ союзникамъ и они вынуждены были заключить съ Изяславомъ миръ, по которому признали его кіевскимъ княземъ. Въ самый годъ этого замиренія Изяславу пришлось просить помощи своихъ новыхъ союзниковъ противъ дяди Юрія. Возобновившаяся война велась съ перемѣнными союзниками и перемѣннымъ счастьемъ, и Изяславу приходилось даже отказываться отъ Кіева въ пользу счастливаго соперника, а кіевлянамъ разставаться съ излюбленнымъ Изяславомъ и, принимать въ свои стѣны не угоднаго имъ Юрія.

Все это обыкновенныя послѣдствія непостоянства военнаго счастья.

Практика избранія князей народомъ несовершенно, однако, исключала начало наслѣдственности, или, говоря языкомъ того времени, начало отчины. Иногда народъ избиралъ князя не лично только, но и съ его дѣтьми. Въ этомъ надо видѣть не отказъ на будущее время отъ права избранія, а ограниченіе этого права, при его осуществленіи, нисходящимъ потомствомъ извѣстнаго князя.

Та же идея наслѣдственности несомнѣнно слышится и

въ отказахъ населенія нѣкоторыхъ волостей биться противъ князей той или другой линіи. Такъ кіевляне не желаютъ поднимать руки на князей Владимірова племени. Въ 1149 году, узнавъ о походѣ Юрія противъ избраннаго ими Изяслава, они отказываются идти противъ Юрія и требуютъ отъ Изяслава, чтобы онъ мирился съ дядею. Это имѣетъ тотъ смыслъ, что потомковъ избранника своего, Владиміра Мономаха, кіевляне считаютъ какъ бы прирожденными кіевскими князьями. Изяславъ имъ нравится болѣе Юрія, а потому они и избрали его; но при столкновеніи Юрія съ Изяславомъ, они предпочитаютъ обоюдныя уступки и примиреніе этихъ «своихъ князей», а потому и совѣтуютъ Изяславу миръ. Въ случаѣ крайности, они готовы даже принять Юрія, хотя и знаютъ, что не уживутся съ нимъ.

Въ этомъ смыслѣ переяславцы говорятъ о томъ же Юріи:

«Гюрги намъ князь свой, того было намъ искати и далече». Ипат. 1149.

Переяславль—отчина Владиміра Мономаха, Юрій—сынъ его, вотъ почему переяславцы и говорятъ, что онъ имъ свой князь, и становятся на его сторону. Владимірово племя было любимо не въ одномъ только Кіевѣ, не меньшею привязанностью пользовалось оно и въ своей первоначальной отчинѣ, Переяславлѣ.

Отсюда прямой переходъ къ началу наслѣдственности въ распредѣленіи волостей.

II. Начало отчины.

Мы уже знаемъ (стр. 142 и сл.), что начало отчины стало примѣняться къ распредѣленію столовъ въ самой глубокой древности, что въ XII вѣкѣ оно получило широкое распространеніе и затѣмъ перешло въ московскую Русь. Но начало это ни въ древности, ни въ московское время не получило

точнаго опредѣленія и разработки своихъ частностей. На всемъ пространствѣ нашей древней исторіи права племянника на наслѣдованіе отчиной сталкивались съ такими же правами дяди. И дядя и племянникъ могли быть одинаково отчичами извѣстнаго стола. Отсюда ведутъ начало нерѣдкіе случаи борьбы изъ-за владѣній этихъ близкихъ между собой родственниковъ. Но борьба дядей съ племянниками изъ-за отчинъ не отрицаетъ отчиннаго начала; обѣ стороны признаютъ его, но только разно понимаютъ: дяди думаютъ, что они должны наслѣдовать отчину съ устраненіемъ племянниковъ отъ старшаго брата; племянники, наоборотъ, думаютъ, что они должны наслѣдовать отцамъ своимъ, устраняя ихъ младшихъ братьевъ, а своихъ дядей. Вотъ поэтому то отчинное начало проводилось въ нашей исторіи не тихо и спокойно, а въ постоянной борьбѣ. Князья съ оружіемъ въ рукахъ доискивались своихъ отчинъ и закрѣпляли ихъ за собой союзами и крестнымъ цѣлованіемъ.

Не смотря на эту неопредѣленность порядка наслѣдованія по отчинѣ и на частыя нарушенія отчиннаго начала путемъ захвата волостей князьями не отчичами, порядокъ этотъ является въ нашей исторіи весьма живучимъ и прочнымъ. Практическое дѣйствіе его проявляется съ древнѣйшихъ временъ въ обособленіи княжескихъ линій, пріурочиваемыхъ къ извѣстнымъ мѣстностямъ. Мы имѣемъ полоцкихъ князей, черниговскихъ, рязанскихъ, кіевскихъ, смоленскихъ и пр. Эта работа обособленія продолжается и на сѣверовостокѣ. Нисходящіе Всеволода Большое Гнѣздо выдѣляютъ изъ себя князей суздальскихъ, тверскихъ, нижегородскихъ, московскихъ и проч. Московская линія, въ свою очередь, выдѣляетъ серпуховскую, можайскую и т. д. Все это князья-отчичи *).

---

*) Мысль о преемствѣ по началу отчины и съ самыхъ древнихъ временъ встрѣчаемъ у Погодина. Изслѣдованія, IV, 368. Но эта совершенно вѣрная мысль представлялась ему въ довольно смутныхъ

Приведемъ самые крупные факты изъ исторіи образованія этихъ наслѣдственныхъ линій.

Древнѣйшая линія князей-отчичей получила свое начало при Владимірѣ святомъ, который назначилъ сыну своему, Изяславу, Полоцкое княженіе. Отъ Изяслава Владиміровича и пошли полоцкіе князья. Но сынъ Изяслава, Брячиславъ, не хотѣлъ уже довольствоваться одной отчиной и сталъ стремиться къ ея расширенію. Онъ напалъ на Новгородъ, состоявшій подъ властью дяди его, Ярослава. Хотя Ярославъ и одержалъ побѣду надъ племянникомъ, но долженъ былъ увеличить его владѣнія, прибавивъ къ нимъ свои два города. Единственный сынъ Брячислава, Всеславъ, наслѣдовавъ свою отчину, въ началѣ жилъ въ мирѣ съ сосѣдями, сыновьями Ярослава, и въ 1060 году вмѣстѣ съ ними участвовалъ въ походѣ на торковъ. Но въ 1064 г. Всеславъ послѣдовалъ примѣру отца и нападеніемъ на Новгородъ открылъ враждебныя дѣйствія противъ Ярославичей. Ярославичи разбили его и принудили къ миру. Не надѣясь, однако, что онъ откажется отъ враждебной по отношенію къ нимъ политики, они рѣшились навсегда освободиться отъ безпокойнаго сосѣда. Подъ предлогомъ переговоровъ

очертаніяхъ. «Древнее наше престолонаслѣдіе,—говоритъ онъ, основывалось на правѣ старшинства, ограниченнаго правомъ отчиннымъ». Стр. 383. Этого, конечно, нельзя понять, несмотря на многочисленныя выписки изъ лѣтописей, приводимыя на 12 предществующихъ страницахъ. На стр. 386 онъ рѣшительно утверждаетъ: «пять сыновей Ярослава *должны были* наслѣдовать Кіевъ одинъ за другимъ, по старшинству: это знаемъ мы положительно». Авторъ только не знаетъ, кто долженъ былъ наслѣдовать Кіевъ послѣ смерти младшаго сына Изяслава: всѣ ли по очереди сыновья старшаго, за тѣмъ всѣ сыновья второго и т. д., или только одинъ старшій изъ всѣхъ, а потомъ старшій сынъ второго сына и т. д. Такимъ вопросомъ и задаваться бы не слѣдовало, ибо на него не отвѣтилъ бы ни кто и изъ современниковъ Ярослава. Но на какомъ основаніи авторъ утверждаетъ, что всѣ сыновья Ярослава наслѣдуютъ Кіевъ одинъ за другимъ? Отчинному началу одинаково соотвѣтствуетъ, какъ наслѣдованіе брата брату, такъ и наслѣдованіе сына отцу, помимо его брата.

Ярославичи пригласили къ себѣ Всеслава и когда онъ, полагаясь на ихъ крестное цѣлованіе, пріѣхалъ, схватили его и заключили въ погребъ вмѣстѣ съ двумя сыновьями. Послѣдствіемъ этого было завладѣніе его отчиной. Но Всеславъ не долго оставался въ заключеніи, а полоцкая отчина безъ отчича. Въ 1067 г. кіевскій князь, Изяславъ, и переяславскій, Всеволодъ, прибѣжали въ Кіевъ разбитые половцами, которые разсыпались по землѣ и начали грабить. Кіевляне, устроивши вѣче на торговой площади, рѣшили потребовать отъ князя, чтобы онъ далъ имъ коней и оружіе и снова выступилъ противъ половцевъ. Изяславъ не согласился. Тогда возмутившійся народъ бросился къ порубу, гдѣ былъ заключенъ Всеславъ, освободилъ его и провозгласилъ своимъ княземъ. Изяславъ бѣжалъ изъ Кіева. Такимъ образомъ, полоцкій отчичъ, потерявшій свою отчину, сдѣлался княземъ въ отчинѣ Ярославичей. Онъ прокняжилъ въ Кіевѣ 7 мѣсяцевъ и возвратился въ Полоцкъ, не желая воевать съ Изяславомъ, пришедшимъ съ польскою силою отыскивать свои владѣнія. Послѣ Всеслава осталось семь сыновей. Надо полагать, что имъ тѣсно было въ отчинѣ. Одинъ изъ Всеславичей, Давыдъ, принужденъ былъ даже оставить родину и искать покровительства у внуковъ Ярослава, въ рядахъ которыхъ мы и встрѣчаемъ его въ 1103 г. въ войнѣ противъ половцевъ. Подъ 1104 годомъ лѣтописецъ разсказываетъ о походѣ Святополка Кіевскаго, Владиміра Мономаха и Олега Черниговскаго къ Минску на Глѣба Всеславича. Судя по тому, что въ походѣ участвовалъ и обдѣленный братьями Давыдъ, можно думать, что походъ былъ предпринятъ для завоеванія ему волости. Князья союзники не имѣли успѣха и воротились ни съ чѣмъ

При Мстиславѣ Владиміровичѣ Кіевскомъ изъ семи сыновей Всеслава въ живыхъ оставалось только четверо; всѣ они были въ союзѣ съ нимъ. Но Мстиславъ нашелъ, что они не исполняютъ принятыхъ на себя обязательствъ, пригласилъ ихъ къ себѣ, лишилъ свободы и сослалъ въ заточеніе въ Грецію; Полоцкую же волость онъ присоединилъ

къ своимъ владѣніямъ. Судя по тому, что въ числѣ сосланныхъ былъ и Давыдъ, надо думать, что ему удалось, наконецъ, получить часть въ своей отчинѣ. Съ тридцатыхъ годовъ мы опять встрѣчаемъ въ Полоцкой волости отчичей, внуковъ Всеслава.

Не смотря на то, что полоцкіе отчичи не всѣ получали части въ своей отчинѣ, и что сосѣдніе князья завладѣвали по-временамъ ихъ городами, потомство Изяслава Владиміровича продержалось въ Полоцкой волости болѣе 200 лѣтъ, съ 1001 года вплоть до завоеванія полоцкаго княженія Литвой.

Слѣдующую по времени возникновенія линію отчичей представляютъ черниговскіе князья. Начало этой линіи положилъ Ярославъ Владиміровичъ, назначивъ второму своему сыну, Святославу, черниговскій столъ. Отъ этого Святослава и пошла линія черниговскихъ князей, удержавшаяся на лѣвомъ берегу Днѣпра до XIV в. Намѣреніе Ярослава именно и заключалось въ образованіи изъ своихъ приднѣпровскихъ владѣній пяти наслѣдственныхъ княжествъ по числу своихъ сыновей (см. выше стр. 143). Но намѣренію этому не суждено было осуществиться и, между прочимъ, по винѣ черниговскаго князя, Святослава, который отнялъ Кіевъ у старшаго брата, Изяслава, а свой столъ передалъ сопернику своему, Всеволоду. Это нарушеніе воли отца повело къ безчисленнымъ столкновеніямъ сперва родныхъ братьевъ, а потомъ племянниковъ съ дядьями, послѣдствія которыхъ окончились лишь въ 1097 году на Любецкомъ съѣздѣ, возвратившемся къ началамъ Ярославова завѣщанія, вслѣдствіе чего потомство Святослава и утвердилось окончательно въ Черниговѣ. Этимъ мы не хотимъ сказать, что преемство потомковъ Святослава въ Черниговѣ никогда не прерывалось вступленіемъ на черниговскій столъ князей другихъ линій. Такой непрерывности не было и въ Черниговѣ, какъ не было ея въ Полоцкѣ. Въ 1210 году Святославичи заключили миръ съ кіевскими Ростиславичами и Всеволодомъ Владимірскимъ, а непосредственно затѣмъ лѣтописи сообщаютъ

извѣстіе о переходѣ на черниговскій столъ кіевскаго князя, Рюрика Ростиславича, а на кіевскій—черниговскаго, Всеволода Святославича. Рюрикъ умеръ въ 1215 году, «княжа въ Черниговѣ». Надо думать, что эта перемѣна князей состоялась по миру 1210 года. Подъ 1218 годомъ находимъ извѣстіе, что въ Черниговѣ умеръ и сынъ Рюрика, Ростиславъ. Очень можетъ быть, что онъ княжилъ тамъ по смерти отца. Такимъ образомъ, и въ Черниговѣ сиживали князья другихъ линій, но это не мѣшало образоваться линіи черниговскихъ отчичей, ведущихъ свое начало отъ 1054 года.

Отъ черниговскихъ отчичей отдѣлилась вѣтвь рязанскихъ князей. Отдѣленіе это совершилось еще при сыновьяхъ Святослава, родоначальника линіи черниговскихъ князей. По смерти Давыда Святославича Черниговскаго столъ этотъ занялъ братъ его, Ярославъ. Но у него былъ предпріимчивый племянникъ, Всеволодъ Ольговичъ; онъ не желалъ дѣлать уступокъ дядѣ, внезапно напалъ на него и овладѣлъ Черниговомъ. Чтобы успокоить дядю, Всеволодъ рѣшилъ дать ему Муромъ, принадлежавшій къ Черниговской волости. Это случилось въ 1128 году. Ярославъ Святославичъ, принужденный отказаться отъ Чернигова, сдѣлался родоначальникомъ линіи муромскихъ, впослѣдствіи рязанскихъ князей.

Образованію особой линіи кіевскихъ князей пришлось встрѣтиться съ гораздо большими препятствіями, чѣмъ тѣ, съ какими имѣла дѣло линія полоцкихъ князей. Начало ей положено тоже ярославовымъ завѣщаніемъ, по которому Кіевъ былъ назначенъ старшему его сыну, Изяславу. Но линіи Изяслава не удалось утвердиться въ Кіевѣ. По смерти старшаго его сына, Святополка, кіевляне избрали переяславскаго князя, Владиміра Мономаха. Это избраніе навсегда устранило отъ кіевскаго стола прежнихъ отчичей, Изяславичей, и положило основаніе новой кіевской линіи—Владиміровичей. Князья этой линіи тоже не непрерывно сидѣли въ Кіевѣ. Мы наблюдали перерывы и въ Полоцкѣ и въ Черниговѣ, но въ Кіевѣ они были и чаще и продолжительнѣе. Объясняется это не особымъ значеніемъ Кіева,

на который наши историки смотрятъ, какъ на столицу государства россійскаго, съ обладаніемъ которой связывалось верховенство надъ всѣми князьями и городами, а тѣмъ обстоятельствомъ, что Кіевская волость избраніемъ Владиміра Мономаха была лишена своихъ первыхъ князей отчичей. Отъ Ярославова завѣщанія берутъ начало первыя линіи князей-отчичей; Любецкій договоръ подтвердилъ распоряженіе Ярослава и возстановилъ сдѣланное имъ распредѣленіе князей по волостямъ. Эти два акта, установившіе наслѣдованіе въ нисходящей линіи, нарушались; тѣмъ не менѣе, они все же должны были пользоваться нѣкоторымъ авторитетомъ въ глазахъ князей, потомковъ Ярослава. Кіевляне, избравъ Владиміра Мономаха, нарушили и завѣщаніе Ярослава и постановленіе Любецкаго съѣзда; но могли ли они этимъ избраніемъ положить начало новой линіи отчичей? Конечно, могли, но подъ условіемъ, что будутъ постоянно избирать князей изъ потомковъ Мономаха. Но избраніе есть результатъ довѣрія избирателей къ избираемому, а довѣріе можетъ пріобрѣсти и не Мономаховичъ. Вотъ почему Кіевъ, утративши своихъ первоначальныхъ отчичей, и сдѣлался въ гораздо большей мѣрѣ предметомъ исканія сосѣднихъ князей, чѣмъ волости, въ которыхъ удержались первые отчичи, имѣвшіе нѣкоторую окраску законности въ глазахъ современниковъ. Не смотря на это и въ Кіевѣ образовалась своя линія отчичей. Это были потомки Владиміра Мономаха. Имъ удавалось по преимуществу занимать кіевскій столъ. Укажемъ на главнѣйшіе перерывы въ ихъ княженіи и причины, ихъ вызвавшія. Съ избранія Владиміра Мономаха въ 1112 году и по годъ смерти второго его сына, Ярополка († 1139), въ Кіевѣ княжатъ непрерывно, въ теченіе 27 лѣтъ, Владиміровичи. Въ 1140 году Ярополку наслѣдовалъ третій сынъ Мономаха, Вячеславъ, но долженъ былъ уступить предпріимчивому черниговскому князю, Всеволоду Ольговичу; слабый Вячеславъ передалъ ему Кіевъ безъ боя.

Среди другихъ Владиміровичей Всеволодъ встрѣтилъ было сопротивленіе, но рядомъ энергическихъ дѣйствій

сумѣлъ склонить ихъ къ миру, по которому и они отказались въ его пользу отъ Кіева. Всеволодъ не только удержался въ Кіевѣ до смерти своей, но и умѣлъ получить согласіе кіевлянъ на переходъ Кіевской волости къ брату своему, Игорю. На этотъ переходъ дали согласіе и нѣкоторые изъ Владиміровичей. Такимъ образомъ, новой линіи кіевскихъ отчичей угрожала весьма серьезная опасность совсѣмъ потерять Кіевъ, какъ потеряли его Изяславичи. На помощь имъ снова явилась народная любовь. Кіевляне измѣнили Игорю и призвали внука Владиміра Мономаха, Изяслава Мстиславича. Съ этого времени (1146) Кіевъ остается за Владиміровичами въ теченіе 31 года лишь съ небольшими перерывами. Въ 1154 году кіевляне, оставшись безъ князя, призвали Изяслава Давыдовича Черниговскаго; но онъ долженъ былъ въ томъ же году уступить Кіевъ отчичу, Юрію Владиміровичу. По смерти Юрія († 1158) кіевляне снова призвали Изяслава Давыдовича, который на этотъ разъ продержался въ Кіевѣ около двухъ лѣтъ и долженъ былъ въ 1160 году уступить его опять Владиміровичу, Ростиславу Мстиславичу. Съ этого года въ теченіе 27 лѣтъ на кіевскомъ столѣ опять смѣняются все Мономаховичи. Въ 1177 году въ Кіевѣ княжилъ сынъ Ростислава, Романъ. Этотъ Романъ принужденъ былъ уступить Кіевъ не Мономаховичу, а черниговскому князю, Святославу Всеволодовичу. Причина этой передачи заключалась не въ томъ, чтобы Святославъ во чтобы то ни стало добивался Кіева. Романъ находился въ дружественныхъ союзахъ не только съ Владиміровичами, но и съ черниговскими князьями и въ томъ числѣ и съ этимъ Святославомъ. Въ договоръ съ черниговскими князьями было внесено условіе, по которому князья-союзники обязались наказать лишеніемъ волости того изъ своей среды, кто нарушитъ условія союзнаго договора. Нарушилъ договоръ братъ Романа, Давыдъ, не выступившій противъ половцевъ, съ которыми начали войну союзники. Святославъ Черниговскій потребовалъ примѣненія къ нему статьи договора о лишеніи волости. Романъ не обратилъ на это

требованіе никакого вниманія. Святославъ объявилъ ему войну, которая и привела его въ Кіевъ. Война эта велась, слѣдовательно, не изъ-за Кіева.

По смерти Святослава Кіевъ снова перешолъ къ Владиміровичамъ въ лицѣ брата Романова, Рюрика Ростиславича. Переходъ этотъ совершился совершенно мирно. Чувствуя приближеніе смерти, Святославъ самъ послалъ за Рюрикомъ и передалъ ему свой столъ. Эта передача была, надо полагать, результатомъ предварительнаго соглашенія Святослава съ Рюрикомъ.

При этомъ Рюрикѣ встрѣчаемся съ чрезвычайно любопытной попыткой Владиміровичей оградить Кіевскую волость отъ притязаній черниговскихъ князей. Рюрикъ, какъ и предшественникъ его, находился въ дружественныхъ договорахъ съ суздальскимъ княземъ и съ князьями праваго и лѣваго берега Днѣпра. Черниговскіе князья цѣловали крестъ Рюрику и Всеволоду Юрьевичу, между прочимъ, на томъ, что они отказываются отъ Кіева въ пользу Рюрика и Всеволода. Весьма вѣроятно, что такое соглашеніе состоялось еще при жизни Святослава Всеволодовича. Занявъ въ 1194 году кіевскій столъ, Рюрикъ не хотѣлъ уже довольствоваться такою статьею, а сговорившись со Всеволодомъ, предложилъ черниговскимъ князьямъ отказаться отъ Кіева и Смоленска въ пользу Владимірова племени вообще, никогда и ни въ какомъ случаѣ не садиться ни въ Кіевѣ, ни въ Смоленскѣ, а предоставить эти столы князьямъ линіи Владиміра Мономаха, т.-е., признать эти столы ихъ отчиной. Святославичи отказались *).

Остановимся нѣсколько ближе на этомъ требованіи.

Въ желаніи Владиміровичей удержать исключительно за собой волости праваго берега Днѣпра выражается сознаніе о принадлежности имъ наслѣдственныхъ правъ на эти волости. Но почему же Святославичи не желаютъ признать наслѣдственныхъ правъ Владиміровичей?

---

*) Мѣста источниковъ приведены выше, стр. 145 и 146.

Святославичи—отчичи въ Черниговѣ и по Ярославову завѣщанію, и по рѣшенію Любецкаго съѣзда. Владиміровичи же и по той, и по другой причинѣ не отчичи въ Кіевѣ, а только въ Переяславлѣ. Отчичами въ Кіевѣ они сдѣлались въ нарушеніе Ярославова завѣщанія и постановленія князей въ Любечѣ. Наслѣдственныя права ихъ на Кіевъ не лучше правъ Святославичей, а хуже, ибо Святославичи происходятъ отъ второго сына Ярослава, а Владиміровичи отъ третьяго. Если настоящіе кіевскіе отчичи, потомки Изяслава Ярославича, сошли уже съ политической арены, то первыя наслѣдственныя права у Святославичей, а не у Владиміровичей.

Владиміровичи сдѣлались кіевскими отчичами по народному избранію. Но это такое основаніе, которое не нынче, такъ завтра можетъ быть и на сторонѣ Святославичей. Согласились же кіевляне имѣть своимъ княземъ Игоря Ольговича, а его двоюроднаго брата Изяслава Давыдовича они два раза призывали на кіевскій столъ. То же можетъ случиться и съ племянниками этихъ князей, отъ которыхъ Владиміровичи требуютъ, чтобы они никогда не садились въ Кіевѣ.

Отвѣтъ Святославичей вовсе не отрицаетъ отчиннаго начала. Они не хотятъ только признать за Владиміровичами лучшихъ отчинныхъ правъ на Кіевъ и въ этомъ они совершенно правы. Въ этомъ смыслѣ они и говорятъ: «мы не угры и не ляхи, а единаго дѣда внуки». Въ выраженіи «мы не угры и не ляхи» слышится чувство оскорбленнаго достоинства членовъ старшей линіи.

Событія оправдали осторожность Святославичей. Не прошло и 15 лѣтъ со времени этихъ переговоровъ, въ теченіи которыхъ Кіевъ занимали непрерывно Владиміровичи, какъ между этими Владиміровичами, во главѣ которыхъ продолжали находиться Рюрикъ и Всеволодъ, и черниговскими князьями произошло соглашеніе, въ силу котораго кіевскій столъ занялъ черниговскій князь, Всеволодъ, а черниговскій—кіевскій князь, Рюрикъ.

Послѣ Всеволода Чермнаго кіевскій столъ снова занимаютъ Владиміровичи. Сынъ Романа Ростиславича, Мстиславъ, сидѣлъ въ Кіевѣ съ 1212 по 1224 годъ. При немъ происходилъ «совѣтъ всѣхъ князей», на которомъ рѣшено было встрѣтить татаръ на чужой землѣ. Въ битвѣ на Калкѣ Мстиславъ Романовичъ былъ убитъ. Послѣ его смерти Кіевъ достался опять Мономаховичу, Владиміру Рюриковичу.

Отъ линіи кіевскихъ князей отдѣляется линія князей галицкихъ, смоленскихъ, владимірскихъ на Клязьмѣ, которая въ свою очередь распадается на линіи князей суздальскихъ, тверскихъ, московскихъ и пр.

Итакъ, важное практическое значеніе отчиннаго начала съ древнѣйшихъ временъ нашей исторіи не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію. Но это начало само по себѣ представляетъ лишь голую идею, которая служитъ основаніемъ притязаній извѣстнаго князя на извѣстный столъ и только. Чтобы отчичу утвердиться на отчинѣ, для этого нужно было согласіе народа и другихъ князей, а въ томъ числѣ приходилось имѣть дѣло и съ отчичами — соперниками. Личные интересы нерѣдко побивали отчинныя права. Для ихъ защиты нужна была внушительная сила, а такую силу представляютъ только союзы князей. Ярославъ Святославичъ Черниговскій, для обезпеченія за собой своей отчины, былъ въ договорѣ съ Мстиславомъ Кіевскимъ; Мстиславъ Кіевскій—съ Ярославомъ Черниговскимъ и роднымъ братомъ, Ярополкомъ; Изяславъ Кіевскій — съ черниговскими князьями, братомъ Ростиславомъ и дядею Вячеславомъ, и т. д. Во всѣхъ договорахъ князей московскаго времени находимъ статьи объ утвержденіи за ними ихъ отчинныхъ правъ.

Москва не представляетъ въ этомъ отношеніи чего либо новаго, неизвѣстнаго древности. Въ Москвѣ продолжаетъ жить старина, только фактическія отношенія сложились тамъ лучше, чѣмъ это было въ Кіевѣ. Потомство основателя московской линіи, князя Даніила, было менѣе плодовито, чѣмъ потомство Владиміра Мономаха. Благодаря этому,

въ Москвѣ въ каждый данный моментъ было менѣе претендентовъ—отчичей на московскій столъ, чѣмъ въ Кіевѣ на кіевскій. Съ 303 года и по 1425, въ теченіе цѣлыхъ 122 лѣтъ, московская отчина спокойно переходила къ сыновьямъ московскаго государя и только тогда къ братьямъ, когда сыновей не оставалось по смерти отца: 122 года подъ рядъ безспорнаго преемства по отчинѣ, въ нисходящей линіи, но только потому, что не было отчичей соперниковъ. Въ 1425 году появились отчичи соперники и начался споръ. Совсѣмъ другое явленіе представляетъ кіевская Русь. Благодаря относительной плодовитости Мономаховичей, постоянно имѣется налицо нѣсколько претендентовъ—отчичей. Они спорятъ изъза Кіева, такъ какъ онъ одинаково отчина имъ всѣмъ. Благодаря этому послѣдовательность наслѣдственной линіи постоянно прерывается. Но преемство идетъ, хотя и съ перерывами, а все же по отчинѣ. И въ Москвѣ, и въ Кіевѣ—идея одна, различіе же въ рядѣ благопріятныхъ въ пользу Москвы случайностей, которыя дали возможность преемству по отчинѣ проявиться чище и яснѣе *).

---

*) Насколько фактическое положеніе дѣла въ Москвѣ было просто и способствовало упроченію идеи о преемствѣ московскаго стола въ нисходящей линіи, по отчинѣ, настолько въ кіевской Руси оно было запутано. Возьмемъ для примѣра годъ смерти кіевскаго князя Мстислава Изяславича († 1170) и посмотримъ, кто въ это время былъ отчичемъ Кіева и могъ притязать на занятіе кіевскаго стола. Отчичами Кіева были: 1) сыновья умершаго князя; 2) сынъ Мстислава Владиміровича, Владиміръ; 3) сыновья Юрія Владиміровича; 4) сыновья Изяслава Мстиславича; 5) сыновья Ростислава Мстиславича, и, наконецъ, 6) даже сыновья Всеволода Олеговича Черниговскаго. Въ 1171 году кіевскій столъ удалось занять Глѣбу Юрьевичу, бывшему въ союзѣ съ Ростиславичами. Въ 1173 году, по смерти Глѣба, Кіевъ занялъ Владиміръ Мстиславичъ, въ томъ же году умершій. Въ это время Ростиславичи находились въ союзѣ съ Андреемъ Юрьевичемъ Владимірскимъ, который и помогъ старшему изъ нихъ, Роману, занять Кіевъ по смерти Владиміра. Но союзъ этотъ рушился въ томъ же году; Андрей соединился съ черниговскими князьями противъ Ростиславичей и началъ войну противъ нихъ. Этимъ воспользовался новый претендентъ, Ярославъ Изяславичъ, и предложилъ свою помощь черниговскимъ князьямъ,

Наблюдаемое въ нашей исторіи постоянное образованіе новыхъ мѣстныхъ линій князей указываетъ на значительное

но съ тѣмъ, чтобы они уступили ему Кіевъ. Святославъ Всеволодовичъ былъ самъ отчичъ Кіеву, а потому и не принялъ услугъ Ярослава. Тогда Ярославъ перешолъ на сторону Ростиславичей, которые согласились помогать ему въ пріобрѣтеніи Кіева. Въ 1174 году Ярославу удалось занять Кіевъ. Но уже въ слѣдующемъ году Ростиславичи входятъ въ новое соглашеніе съ Андреемъ съ цѣлью прогнать Ярослава изъ Кіева и опять посадить тамъ Романа. Романъ дѣйствительно занялъ Кіевъ подъ Ярославомъ въ 1175 году, но просидѣлъ тамъ не долго. Въ 1177 году Кіевъ перешолъ въ руки новаго отчича, Святослава Всеволодовича Черниговскаго, который при помощи хорошо составленныхъ союзовъ съ князьями черниговскими, кіевскими, смоленскими и владимірскими умѣлъ удержаться тамъ до самой своей смерти въ 1194 году. Умирая, онъ передалъ кіевскій столъ союзнику своему, Рюрику Ростиславичу, брату уже умершаго Романа. Въ виду такихъ опытныхъ въ войнѣ и мирѣ претендентовъ на Кіевскій столъ, сыновья Мстислава Изяславича, ближайшіе отчичи, и не думали предъявлять своихъ правъ на Кіевъ. Всѣ помянутые претенденты были отчичи Кіева и считали себя въ правѣ на этомъ основаніи доискиваться обладанія Кіевомъ.

Совсѣмъ въ другомъ положеніи находилась Москва. Послѣ смерти основателя линіи московскихъ князей, Даніила Александровича, Москву наслѣдуетъ безъ всякихъ споровъ его старшій сынъ, Юрій. Юрій дѣтей не оставилъ; изъ братьевъ же его пережилъ только одинъ, Иванъ, который и является безспорнымъ преемникомъ его правъ на отчину. За Иваномъ, пережившимъ всѣхъ своихъ братьевъ, безъ всякаго спора слѣдуетъ его старшій сынъ, Семенъ. Четверо сыновей Семена умираютъ ранѣе отца, двое послѣднихъ и младшій братъ Андрей въ одинъ годъ съ нимъ. Единственнымъ отчичемъ и преемникомъ остается слѣдующій за нимъ братъ, Иванъ. По смерти Ивана Ивановича были на лицо два его сына и родной племянникъ, Владиміръ Андреевичъ, владѣвшій своей особой отчиной. Ивану Ивановичу наслѣдуютъ поэтому оба сына, изъ которыхъ второй вскорѣ умираетъ, и Дмитрій Ивановичъ является, такимъ образомъ, единственнымъ отчичемъ и преемникомъ отца. Послѣ Дмитрія Ивановича единственными преемниками опять являются только его сыновья. Въ 1425 году умираетъ Василій Дмитріевичъ, котораго переживаютъ четыре брата и сынъ Василій. Здѣсь мы встрѣчаемся съ первымъ случаемъ, когда по смерти князя являются претендентами два отчича: сынъ и братъ умершаго князя. Что они дѣлаютъ? Вступаютъ въ борьбу, какъ и ихъ отдаленные предки кіевскіе князья. Василій

тяготѣніе нашей древности къ отчинному порядку, за который высказываются и вѣчевыя собранія. Даже свободолюбивый Новгородъ Великій признавалъ своихъ отчичей.

Это начало отчины проводилось и княжескими распоряженіями на случай смерти, къ которымъ теперь и переходимъ.

III. Распоряженія владѣтельныхъ князей.

Весьма естественно, что владѣтельные князья не были равнодушны къ тому, кто займетъ ихъ столъ по ихъ смерти. Волю свою по этому предмету они выражали въ завѣщаніяхъ и договорахъ.

Однихъ завѣщательныхъ распоряженій было недостаточно. При отсутствіи верховнаго суда, который охранялъ бы силу такихъ распоряженій, исполненіе ихъ зависѣло отъ доброй воли князей, пережившихъ завѣщателя. Мы уже знаемъ, что и князья — сыновья, въ пользу которыхъ писались завѣщанія, измѣняли послѣднюю волю родителей во вредъ другимъ наслѣдникамъ. Такъ поступили три старшіе Ярославича, такъ же поступилъ и великій князь тверской, Иванъ Михайловичъ. Отецъ его, чувствуя приближеніе смерти, раздѣлилъ свою отчину между сыновьями: старшему, Ивану, далъ Тверь, Зубцевъ, Радиловъ и друг. города; слѣдующему, Василію, и внуку, Ивану Борисовичу, далъ части въ Кашинѣ; послѣднему сыну, Ѳедору, городки Микулины съ волостями. Восемь лѣтъ спустя великій князь Иванъ нарушилъ это распоряженіе, изгналъ племянника изъ отказанной ему части Кашина и присоединилъ ее къ своимъ владѣніямъ. Если такія близкія къ завѣщателямъ лица,

---

Васильевичъ, такъ много потерпѣвшій въ этомъ спорѣ изъ за отчины, скончался при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ: онъ пережилъ всѣхъ своихъ родныхъ и двоюродныхъ братьевъ, сыновей соперника своего дяди Юрія. Отчина его опять безъ спора перешла къ сыновьямъ.

какъ ихъ сыновья, не затруднялись нарушать послѣднюю волю своихъ родителей, то родственники болѣе отдаленныхъ степеней стѣснялись еще менѣе духовными завѣщаніями умершихъ князей.

Такая необезпеченность послѣдней воли отъ нарушеній дѣлала необходимымъ попытки укрѣпить ее еще при жизни. Средствами такого укрѣпленія являются опять договоры; ихъ надо было заключать не только съ другими князьями, но и съ народомъ.

Въ 1141 году скончался волынскій князь Андрей Володиміровичъ. Желая передать свой столъ сыну, Владиміру, онъ заключилъ договоръ съ братомъ, Юріемъ, объ огражденіи наслѣдственныхъ правъ своего сына. Вотъ какъ самъ Юрій говоритъ объ этомъ договорѣ Владиміру Андреевичу:

«Сыну! язъ есмь съ твоимъ отцомъ, а съ своимъ братомъ Андреемъ, хрестъ цѣловалъ на томъ, яко кто ся ӥаю останеть, то тый будеть обоимъ дѣтемъ отець и волость удержати. А потомъ къ тобѣ хрестъ цѣловалъ есмь имѣти тя сыномъ собѣ и Володимира ти искати. Нынѣ же, сыну, аче ти есмь Володимира недобылъ, а се ти волость» — и далъ ему Дорогобужь, и Пересопницю, и всѣ Погориньскія городы». Ипат. 1157.

Это своего рода взаимное страхованіе съ цѣлью обезпеченія участи дѣтей.

Около того же времени кіевскій князь, Всеволодъ Ольговичъ, замыслилъ передать свой кіевскій столъ брату, Игорю. Для осуществленія этого намѣренія ему надо было заручиться согласіемъ своихъ ближайшихъ союзниковъ. Съ этою цѣлью онъ приглашаетъ въ 1145 году въ Кіевъ родного своего брата, Святослава, двоюроднаго, Владиміра Давыдовича, и князя Владиміровой линіи, Изяслава Мстиславича. Когда князья собрались, Всеволодъ обратился къ нимъ съ рѣчью, изъ которой, къ сожалѣнію, уцѣлѣло только заключеніе:

«...Володимиръ, говорилъ Всеволодъ, посадилъ Мьстислава, сына своего, по собѣ въ Кіевѣ, а Мьстиславъ Яро-

полка, брата своего; а се я мольвлю: «оже мя Богъ поиметь, то азъ по собѣ даю брату своему Игореви Кіевъ». И много замышлявшу Изяславу Мьстиславичю, нужа бысть цѣловати хрестъ. И сѣдшимъ всей братьи у Всеволода на сѣнехъ, и рече имъ Всеволодъ: «Игорю! цѣлуй крестъ, яко имѣти братью въ любовь; а Володимиръ, и Святославъ, и Изяславъ цѣлуйте крестъ ко Игореви, что вы начнеть даяти, но по воли, а не по нужи». И цѣловаша на всей любви крестъ». Ипат.

Изъ этого уцѣлѣвшаго мѣста лѣтописа видно, что Всеволодъ оправдываетъ волю свою ссылками на прецеденты. Онъ назначаетъ преемникомъ своимъ брата, потому что и предшественники его тоже назначали себѣ преемника, кто сына, кто брата. Изяславу Мстиславичу это не понравилось, онъ много спорилъ и, конечно, потому что былъ отчичемъ Кіеву, а Ольговичи этого преимущества на своей сторонѣ не имѣли. Несмотря, однако, на свои отчинныя притязанія, Изяславу пришлось уступить и цѣловать крестъ Игорю на всей любви, т. е., отказаться въ его пользу отъ Кіева, обѣщать единство противъ враговъ и т. д. Изяславъ не выговорилъ въ свою пользу даже никакихъ территоріальныхъ уступокъ, а обѣщалъ довольствоваться тѣмъ, что Игорь дастъ ему добровольно.

Соглашенія съ этими тремя князьями, однако, было еще недостаточно: надо было, чтобы и народъ призналъ Игоря своимъ княземъ. Съ этою цѣлью Игорь созвалъ кіевлянъ на вѣче въ слѣдующемъ году и предложилъ имъ признать брата своего княземъ. Они согласились и цѣловали крестъ (выше стр. 14).

Подобно этому ростовскій князь, Юрій, желая передать свою волость меньшимъ сыновьямъ, скрѣпляетъ свою волю предварительнымъ соглашеніемъ съ ростовцами, суздальцами и владимірцами, которые цѣлуютъ ему крестъ «на меньшихъ сыновьяхъ».

О предсмертномъ распоряженіи Мстислава Изяславича лѣтопись сохранила такое извѣстіе:

«Того же лѣта исходячи, разболѣся князь Мьстиславъ Изяславичь въ Володимери, бѣ же ему болѣзнь крѣпка. И начася слати къ брату, Ярославу, рядовы дѣля о дѣтехъ своихъ. Урядився добрѣ съ братомъ и крестъ цѣловалъ, яко же ему не подозрѣти волости подъ дѣтми его, преставися князь Мьстиставъ мѣсяца августа въ 19». Ипат.

Ярославъ Галицкій, назначивъ свое княженіе младшему сыну, Владиміру, скрѣпилъ свое распоряженіе «клятвами мужей галицкихъ» и старшаго сына, Олега, которые обѣщались не нарушать его воли. Ипат. 1187.

Въ договорахъ московскаго времени условія о переходѣ владѣній отъ отца къ дѣтямъ составляютъ обыкновенное явленіе.

Теперь посмотримъ, кому же князья отказывали свои владѣнія.

Родителей и дѣтей соединяютъ самыя тѣсныя узы любви; поэтому, первая забота родителей состоитъ въ передачѣ своихъ владѣній дѣтямъ. Отсюда возникаетъ и извѣстное уже намъ начало отчины. Тѣмъ не менѣе, передача владѣній дѣтямъ есть дѣло любви, а не право дѣтей. Родители, если не желали, могли и не назначать сыновей своими наслѣдниками. Волость могла быть назначена боковому родственнику помимо сына. Право отца назначить себѣ преемника по мимо сына ясно выражено галицкимъ княземъ, Львомъ Даниловичемъ. Въ 1289 году сынъ Льва, Юрій, занялъ Берестій, городъ, отказанный волынскимъ княземъ, Владиміромъ, своему двоюродному брату, Мстиславу. Когда Мстиславъ, не желавшій потерять Берестье, сталъ угрожать Льву войной и пригласилъ уже къ себѣ татаръ на помощь, послѣдній отправилъ къ сыну посла съ такими рѣчами:

«Поѣдь вонъ изъ города, не погуби землѣ: братъ мой послалъ взводить татаръ. Не поѣдешь ли вонъ, яже ти буду помочникъ брату своему на тя. Аже ми будеть смерть, по своемъ животѣ даю землю свою всю брату своему, Мьстиславу, а тобѣ не дамъ, аже мене не слушаешь, отца своего». Ипат.

Тоже начало проявилось и въ духовной грамотѣ верейскаго князя Михаила Андреевича, отказавшаго свою отчину великому князю, Ивану Васильевичу, помимо сына, Василія. Рум. собр. I. №№ 118, 121.

Если съ точки зрѣнія князей сыновья ихъ не имѣли права на участіе въ наслѣдствѣ, а наслѣдовали по ихъ доброй волѣ, то, понятно, что князья надѣляли не всѣхъ сыновей и далеко не по ровну. Князь Юрій Владиміровичъ отказалъ свою Суздальскую волость меньшимъ сыновьямъ, а старшаго, Андрея, исключилъ. Сынъ Юрія, Всеволодъ Большое Гнѣздо, надѣлилъ только четырехъ старшихъ сыновей; двумъ младшимъ удѣла не назначилъ, а поручилъ ихъ попеченію втораго сына, Юрія, великаго князя владимірскаго. Удѣлы старшихъ были далеко не равны, особенно мало досталось четвертому, Владиміру. Сузд. 1213.

Въ виду приведенныхъ фактовъ мнѣніе нашихъ историковъ о томъ, что каждый Рюриковичъ имѣлъ право на участіе во владѣніи русской землей, представляется весьма сомнительнымъ. Можно допустить только то, что каждый Рюриковичъ самъ считалъ себя призваннымъ владѣть русской землей, но чтобы это субъективное сознаніе о своемъ княжескомъ призваніи было общепризнаннымъ правомъ, этого никакъ нельзя утверждать. Даже отцы не признавали за своими дѣтьми такого права.

Хотя сыновья и не имѣли права на наслѣдіе отцовъ, тѣмъ не менѣе, въ силу родительской любви, они, обыкновенно, назначались наслѣдниками во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда могли быть устранены, путемъ договоровъ или иными средствами, всѣ другіе претенденты. Ближайшими же конкуррентами ихъ являются, въ силу неопредѣленности отчиннаго преемства, дяди-отчичи. Чѣмъ болѣе такихъ претендентовъ, тѣмъ труднѣе передать отчину сыну; чѣмъ ихъ менѣе, тѣмъ легче. Въ этомъ вся разница между кіевской и московской Русью. Назначеніе наслѣдниками сыновей имѣетъ мѣсто и въ до-московской Руси. Такъ поступаетъ Ярославъ Мудрый; но чтобы обезпечить наслѣдство за своими дѣтьми,

ему пришлось заключить родного своего брата въ тюрьму, продержать его въ неволѣ 18 лѣтъ и закованнаго въ цѣпи передать съ наслѣдствомъ своимъ сыновьямъ. Сыновья Ярослава такъ запутали установленный отцомъ ихъ порядокъ, что о спокойной передачѣ ими владѣній своимъ дѣтямъ не могло быть и рѣчи. Но внукъ Ярослава, Владиміръ Мономахъ, передаетъ Кіевское княженіе своему старшему сыну, Мстиславу, а Переяславскую отчину—второму, Ярополку. Младшіе сыновья Владиміра Мономаха, Андрей и Юрій, заключаютъ между собой договоръ объ обезпеченіи ихъ владѣній за ихъ дѣтьми и въ этомъ смыслѣ, слѣдовательно, они имѣли намѣреніе сдѣлать распоряженіе на случай смерти и, по всей вѣроятности, сдѣлали.

Хотя у Ярополка сыновей и не было, тѣмъ не менѣе въ моментъ его смерти число кіевскихъ отчичей, а слѣдовательно и конкуррентовъ на кіевскій столъ, было такъ велико, интересы ихъ такъ мало примиримы между собой, что Кіевское княженіе во все продолженіе XII и въ XIII вѣкѣ переходило не по духовнымъ завѣщаніямъ, а бралось съ боя счастливѣйшимъ и искуснѣйшемъ изъ соискателей. Въ гораздо лучшемъ положеніи были московскіе отчичи, на что было уже указано (стр. 244). Въ теченіе двухъ столѣтій (1303—1505) Москва переходитъ отъ отца къ дѣтямъ въ силу завѣщательныхъ распоряженій ея князей. Въ сознаніи народа, при видѣ этого длиннаго ряда князей-отчичей, последовательно занимавшихъ московскій столъ, утверждается мысль о наслѣдственности власти московскихъ государей. Но всякій опредѣленный порядокъ ограничиваетъ предержащую власть; московскіе же государи никакихъ ограниченій не любили. Поэтому-то великій князь московскій, Иванъ Васильевичъ, и отвѣчалъ псковичамъ на ихъ просьбу, чтобы въ Москвѣ и Псковѣ былъ одинъ государь: «развѣ я не воленъ въ сынѣ, или внукѣ? кому хочу, тому и даю царство».

Такимъ образомъ, и въ сознаніи московскихъ государей XV и XVI вѣка не выработалось еще идеи наслѣдственности

Московскаго государства въ строгомъ смыслѣ этого слова. Они наслѣдуютъ своимъ отцамъ въ силу послѣдней ихъ воли, а не закона; воля же эта никакому порядку не подчинена, она руководствуется усмотрѣніемъ. Она можетъ призвать второго сына, помимо внука отъ перваго; а можетъ призвать и этого внука помимо сына. Это, какъ и въ старину, дѣло любви, а не права. А если ни одинъ сынъ любви не заслуживалъ? Въ Москвѣ такой вопросъ не былъ поставленъ; но его поставилъ Петръ и отвѣтилъ: «лучше чужой хорошій, чѣмъ свой непотребный». Это тоже въ духѣ старины.

Возникаетъ вопросъ, какъ поступали князья, когда у нихъ было по нѣсколько сыновей и они хотѣли надѣлить ихъ всѣхъ или нѣсколькихъ изъ нихъ? Выше (стр. 153) мы указали уже на то, что въ этихъ случаяхъ старая практика состояла въ томъ, что лучшій столъ назначался старшему. Это преимущество старѣйшинства. Въ дополненіе скажемъ, что и это преимущество не выработалось въ непререкаемый обычай, а держалось по доброй волѣ князей и по ихъ усмотрѣнію могло быть отмѣнено. Галицкій князь Ярославъ имѣлъ двухъ сыновей: старшаго и законнаго Владиміра и младшаго не законнаго, Олега. Старшій «не ходилъ въ его воли», и потому онъ не далъ ему Галича, а назначилъ небольшой удѣлъ въ Перемышлѣ; Галичъ же отказалъ Олегу Настасьичу, который «былъ ему милъ». Съ этимъ распоряженіемъ согласились и «мужи галицкіе» и обѣщали поддерживать его. Подобно этому и Всеволодъ Юрьевичъ свой владимірскій столъ отказалъ второму сыну, Юрію, а не старшему, Константину, оказавшему сопротивленіе волѣ отца. Константинъ увидалъ въ этомъ нарушеніе своихъ правъ старѣйшинства и началъ съ братомъ войну. Кто же былъ правъ: отецъ, не признавшій за непокорнымъ сыномъ права на лучшій столъ, или сынъ, не признавшій за отцомъ права распорядиться своими владѣніями? Хотя Константинъ и нашолъ сторонниковъ среди современныхъ ему князей, но мы думаемъ, что правъ былъ отецъ. Право старѣйшинства большихъ сыновей возникло изъ того, что отцы давали имъ

лучшій столъ; а давали они лучшій столъ потому, что старшіе сыновья были имъ особенно милы, а не въ силу ихъ права. Самое право отцовъ—оставить удѣлы сыновьямъ—основывалось то на народномъ признаніи, то на соглашеніи съ другими князьями. Самъ Всеволодъ получилъ Владимірское княженіе въ силу избранія. Откуда же могло возникнуть безусловное право на Владиміръ у старшаго его сына? Насколько наслѣдственныя права сыновей зависѣли отъ доброй воли ихъ отцовъ, показалъ великій князь московскій, Иванъ Васильевичъ. Въ 1498 году онъ положилъ опалу на сына своего, Василія, а внука отъ старшаго сына, Ивана, объявилъ наслѣдникомъ и вѣнчалъ на царство. Въ 1502 году, наоборотъ, сынъ Василій посаженъ былъ «на великое княженіе Володимірское и всеа Руси самодержцемъ», а вѣнчанный на царство внукъ заключенъ въ тюрьму, гдѣ и умеръ.

Нѣкоторые изъ старыхъ князей, еще при жизни своей и за долго до смерти, имѣли обыкновеніе назначать своихъ дѣтей правителями отдѣльныхъ княженій, состоявшихъ подъ ихъ властью. Такъ поступилъ Святославъ Игоревичъ, такъ поступилъ и сынъ его, Владиміръ. Въ такихъ назначеніяхъ надо видѣть распоряженіе на случай смерти.

Оставляли ли до-московскіе князья свои столы въ общее владѣніе сыновей, какъ это сдѣлалъ Иванъ Даниловичъ Калита съ Москвой? Наши свѣдѣнія о завѣщательныхъ распоряженіяхъ князей кіевскаго времени чрезвычайно скудны и мы замѣтили только одинъ такой случай. Владиміръ Мономахъ отказалъ Переяславль двумъ старшимъ сыновьямъ, Мстиславу и Ярополку *). Случаи отдѣльнаго надѣленія сыновей встрѣ-

*) Въ Ростовѣ, по смерти Глѣба Васильковича († 1278), сидятъ два князя, Дмитрій и Константинъ Борисовичи, родные племянники умершаго; но мы незнаемъ, какъ это случилось, по завѣщанію или захватомъ. Но братья не долго насидѣли вмѣстѣ. Въ 1281 году они поссорились, и Константинъ уѣхалъ къ Дмитрію Александровичу Владимірскому, который свелъ ихъ опять въ любовь. Въ 1286 году, по увеличеніи Ростовской волости присоединеніемъ Углича, Борисовичи садятся

чаются чаще. Святославъ Игоревичъ, Владиміръ Святославичъ, Ярославъ Владиміровичъ надѣляютъ своихъ сыновей каждаго особо. Ярополкъ Кіевскій передалъ свой переяславскій столъ, по договору съ братомъ Мстиславомъ, старшему его сыну, а не всѣмъ пяти. Юрій, обязавшійся блюсти отчину брата Андрея подъ его сыновьями, по смерти Андрея цѣловалъ крестъ о доставленіи Владимірской волости опять только старшему его сыну, а не обоимъ. Можно думать, что въ древности преобладало такое начало: единству волости соотвѣтствуетъ одинъ князь.

Переходимъ къ вопросу о томъ, какъ поступали князья, когда у нихъ сыновей не было? Въ этихъ случаяхъ они назначали свои владѣнія тому изъ родственниковъ, кто былъ ближе къ нимъ по чувствамъ любви, внѣ всякой зависимости отъ степени родства и старшинства; дальнѣйшій родственникъ могъ быть назначенъ помимо ближайшаго. Если можно было обходить сыновей, то тѣмъ болѣе братьевъ, племянниковъ и т. д. Волынскій князь, Владиміръ Васильевичъ, отказалъ свою волость младшему изъ своихъ двоюродныхъ братьевъ, Мстиславу, помимо старшаго, Льва. Левъ, конечно, не былъ этимъ доволенъ и подсылалъ къ Владиміру сына своего и епископа, чтобы получить хотя одинъ городъ изъ богатаго наслѣдства; но все было напрасно. Переговоры, происходившіе по этому поводу, такъ живо рисуютъ эпоху, что мы приведемъ ихъ цѣликомъ. Переговоры началъ сынъ Льва, Юрій.

«Присла Юрьй Львович посолъ свой ко строеви своему, князю Володимеру, река ему: «господине, строю мой! Богъ вѣдаетъ и ты, како ти есмь служилъ со всею правдою своею, имѣлъ тя есмь, аки отца собѣ, абы тобѣ сжалилося моее службы. А нынѣ, господине, отець мой прислалъ ко мнѣ, отнимаеть у мене городы, что ми былъ далъ, Бѣлзъ, и Червенъ, и Холмъ; а велитъ ми быти въ Дорогычинѣ и Мѣлницѣ. А бью челомъ Богу и тобѣ, строеви своему, дай ми,

въ разныхъ городахъ: Костантинъ остается въ Ростовѣ, а Дмитрій переходитъ въ Угличъ.

господине, Берестій, то бы ми сполу было». Володимеръ же рче послу: «сыновче, рци, не дамъ. Вѣдаешь самъ, оже я не двоюрѣчю, ни я пакъ ложь былъ, а Богъ вѣдаеть и вся подънебесная, не могу порушити ряду, что есмь доконча́лъ съ братомъ своимъ, Мьстиславомъ: далъ есмь ему землю свою всю и городы и грамоты есмь пописалъ», съ тѣми словы отряди посла сыновца своего..... Присла же потомъ ко Володимеру Левъ епископа своего перемышлескаго, именемъ Мемнона. Слуги же его повѣдаша ему: «владыка, господине, пріѣхалъ». Онъ же рече: «который владыка?» Они же повѣдаша: перемышлескій, ѣздить отъ брата, ото Лва». Володимеръ же, бѣ разумѣа древняя и задняя, на што пріѣхалъ, посла по него. Онъ же войде къ нему и поклонився ему до землѣ, река: «братъ ти ся кланяеть». И велѣ ему сѣсти. И нача посолъство правити. «Братъ ти, господине, молвить: «стрый твой, Данило король, а мой отецъ, лежить въ Холмѣ, у святѣй Богородици, и сынове его, братья моа и твоя, Романъ и Шварно, и всихъ кости туто лежать. А нынѣ, брате, слышимъ твою немочь великую, абы ты, братъ мой, не изгасилъ свѣчѣ надъ гробомъ стрыя своего и братьи своей, абы далъ городъ Берестій: то бы твоя свѣща была!» Володимеръ же разумѣя притчѣ и темно слово и повѣстивъ со епископомъ много отъ книгъ, зане бысть книжникъ великъ и философъ, акого же не бысть во всей земли и по немъ не будеть, и рче епископу: «брате, рцы, Лве княже! ци безъ ума мя творишь, оже быхъ не разумѣлъ сей хитрости! ци мала ти, рци, своя земля, оже Берестья хочешь, а самъ держа княженія три: Галичкое, Перемышльское, Бѣльзское, да нѣту ти сыти! А се пакъ мой, рци, отець, а твой стрый лежить во епископьи у святой Богородици въ Володимерѣ, а много ли есь надъ нимъ свѣчь поставилъ? Что есь далъ, который городъ, абы то свѣча была? Оже, рци, просилъ еси живымъ, а аже пакъ мертвымъ просиши! Не дамъ, не реку города, но ни села не возмешь у мене. Разумѣю я твою хытрость, не дамъ». Володимеръ же, одаривъ владыку, отпусти й, зане бысть не бывалъ у него ни колиже». Ипат. 1288.

По смерти Владиміра, Юрій занялъ-было Берестій; но въ виду рѣшительнаго намѣренія Мстислава отстаивать неприкосновенность отказанной ему волости, вынужденъ былъ уступить его дядѣ.

Подобно Владиміру и переяславскій князь, Иванъ Дмитріевичъ, отказалъ свою волость младшему дядѣ, Даніилу Московскому, помимо старшаго, Андрея Володимірскаго: «того бо паче всѣхъ любляше», какъ объясняетъ лѣтописецъ это предпочтеніе. Очень вѣроятно, что этотъ отказъ былъ такъ же результатомъ предварительнаго соглашенія, такъ какъ Даніилъ Московскій и Иванъ Переяславскій находились въ союзѣ единенія и въ войнахъ помогали другъ другу. Андрей не менѣе Льва желалъ увеличить свои владѣнія открывшимся наслѣдствомъ и поспѣшилъ было, по смерти Ивана, занять Переяславль своими намѣстниками; но они «сбѣжали» при приближеніи намѣстниковъ Даніила, за которымъ и остался этотъ городъ.

Изъ этихъ случаевъ слѣдуетъ, что начало старѣйшинства не было общепризнаннымъ правиломъ и для боковой линіи.

IV. Начало старѣйшинства.

Въ нашей литературѣ давно уже обращено вниманіе на роль старшинства князей въ вопросѣ о преемствѣ столовъ. Писатели очень различныхъ направленій одинаково признаютъ, что преемство столовъ опредѣлялось родовымъ старшинствомъ претендентовъ. Такое мнѣніе встрѣчаемъ и у Неволина. Въ самомъ лучшемъ изслѣдованіи по занимающему насъ вопросу, принадлежащемъ перу названнаго ученаго, читаемъ: «до послѣдней четверти XII столѣтія родовое старѣйшинство принималось главнымъ основаніемъ къ замѣщенію кіевскаго престола. П. с. с. VI, О преемствѣ великокняжескаго кіевскаго престола, 617. Но Неволинъ—образецъ строгаго ученаго, не легко поддающагося увлеченіямъ; выводы его отличаются чрезвычайной осторожностью. Родовое старѣйшинство признаетъ онъ главнымъ, но не единственнымъ основаніемъ и то только до послѣдней четверти XII вѣка. На слѣдующей страницѣ Неволинъ подробнѣе разви-

ваетъ свою мысль. «Родовое старѣйшинство, говоритъ онъ, не дѣйствовало исключительно и безусловно. Преемство престола, основанное на родовомъ старѣйшинствѣ, было наслѣдіемъ по закону. Но этотъ порядокъ преемства власти ни мало не исключалъ другихъ видовъ преемства, которые основаны были на иныхъ началахъ и въ тѣ времена имѣли преимущество предъ законнымъ порядкомъ наслѣдія».

Итакъ, вопросъ о роли старшинства не такъ простъ, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Рядомъ со старшинствомъ дѣйствуютъ и другія начала, которыя имѣютъ передъ нимъ даже преимущество. Въ виду этого можно думать, что выводъ Неволина, выписанный нами со стр. 617, выраженъ имъ сильнѣе, чѣмъ бы слѣдовало.

Мы имѣли уже случай говорить о старѣйшинствѣ (стр. 153 и сл.). Что князья выставляютъ свое старшинство, какъ основаніе для всяческихъ притязаній и въ томъ числѣ для притязаній на тотъ или другой столъ, въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія; но вопросъ въ томъ, было ли это основаніе общепризнано и какое имѣло оно практическое значеніе?

Къ занимающему насъ вопросу прежде всего относятся права старѣйшинства, принадлежавшія старшему брату передъ младшими. Мы уже показали, что за старшимъ братомъ признавались нѣкоторыя преимущества въ порядкѣ наслѣдованія, но преимущества эти принадлежали ему не въ силу закона, а въ зависимости отъ доброй воли родителей (стр. 252). Теперь посмотримъ, насколько преимущества эти признавались народомъ и младшими братьями, и могли ли они имѣть для нихъ непререкаемое значеніе.

Начинаемъ съ самаго древняго времени.

Святославъ Игоревичъ отдалъ старшій свой столъ старшему сыну, Ярополку; слѣдующаго, Олега, посадилъ въ Древлянской землѣ; а младшаго, Владиміра, взяли у него къ себѣ Новогородцы. Но Ярополкъ не ограничился тѣмъ, что ему далъ отецъ; онъ напалъ на владѣнія Олега и присоединилъ ихъ къ своимъ. Что надо было, при этихъ об-

стоятельствахъ, дѣлать Владиміру Новогородскому? Весьма натурально, что онъ усомнился въ своей безопасности и бѣжалъ за море. Опасенія его подтвердились, такъ какъ Ярополкъ воспользовался его отсутствіемъ и захватилъ Новгородъ. Вотъ почему Владиміръ, возвратившись изъ за моря съ варягами, объявилъ войну старшему брату, убилъ его и сдѣлался княземъ кіевскимъ и новогородскимъ. Это первое столкновеніе старшаго брата съ младшимъ кончилось уничтоженіемъ представителя старшей линіи потомства Святослава и переходомъ Кіева въ руки младшей. Причина же этого не въ родствѣ князей, не въ спорахъ ихъ о родовомъ старшинствѣ, а единственно въ хищнической политикѣ старшаго и въ необходимости самообороны со стороны младшаго.

Въ 1015 году скончался этотъ Владиміръ, родоначальникъ младшей линіи Святославичей. Вотъ что разсказываетъ лѣтописецъ о замѣщеніи кіевскаго стола по его смерти:

Святополкъ же сѣде Кыевѣ по отци своемъ, и съзва кыяны, и нача даяти имъ имѣнье. Они же пріимаху, и не бѣ сердце ихъ съ нимъ, яко братья ихъ бѣша съ Борисомъ. Борису же възъвратившюся съ вои, не обрѣтшю печенѣгъ, вѣсть приде къ нему: «отець ти умерлъ». И плакася по отци велми, любимъ бо бѣ отцемъ своимъ паче всѣхъ... Рѣша же ему дружина отня: «се дружина у тобе отня и вои; поиди, сяди Кыевѣ на столѣ отни». Онъ же рече: «не буди мнѣ възняти рукы на брата старѣйшаго! Аще и отець ми умре, то сей ми буди въ отца мѣсто». Лавр.

Итакъ, по смерти Владиміра Кіевъ занимаетъ его старшій сынъ, но своею волею, а не по завѣщанію отца, который не оставилъ никакого на этотъ случай распоряженія. Владиміръ не любилъ Святополка и наши историки не безъ основанія думаютъ, что онъ имѣлъ намѣреніе отдать Кіевъ младшему сыну, Борису, а не старшему *). Что же касается

---

*) Соловьевъ, Исторія отношеній между князьями Рюрикова дома, стр. 58.

дружины Владиміра, то она прямо высказалась въ пользу младшаго брата. Ее поддержали и тѣ изъ кіевлянъ, которые находились въ войскѣ, высланномъ противъ печенѣговъ. И такъ, дружина и народъ ни во что ставятъ права старѣйшинства Святополка и желаютъ возвести на кіевскій столъ младшаго князя. Но этотъ младшій самъ не желаетъ идти противъ старшаго; Борисъ одинъ признаетъ права старѣйшинства. Святополкъ и самъ чувствовалъ, что его права первородства не много значатъ, а потому и поспѣшилъ привлечь къ себѣ расположеніе народа подарками *).

Борисъ не рѣшился поднять руку на старшаго брата, но Святополкъ не затруднился убить Бориса и Глѣба для увеличенія своихъ владѣній. Послѣдствія были тѣ же, что и по убійствѣ Ярополкомъ Олега: Ярославъ въ цѣляхъ самозащиты началъ войну со старшимъ братомъ, убилъ его и сдѣлался кіевскимъ княземъ. Опять въ Кіевѣ утверждается младшая линія и опять по винѣ старшей.

Въ этомъ занятіи кіевскаго стола Ярославомъ, по устраненіи Святополка, наши историки видятъ случай преемства по порядку старшинства рожденія. Такъ даже Неволинъ. Но Ярославъ занялъ Кіевъ послѣ побѣды надъ Святополкомъ и еще при его жизни. Это, конечно, не есть случай законнаго наслѣдованія по порядку старшинства, это— отрицаніе старшинства, и притомъ отрицаніе необходимое, ибо оно вызвано правомъ самообороны.

Ярославъ, съ которымъ во второй разъ кіевскій столъ

---

*) Такъ же смотритъ на этотъ случай и Неволинъ. «Это предложеніе дружины, говоритъ онъ, показываетъ, что одного права старѣйшинства Святополку было недостаточно для того, чтобы онъ могъ возсѣсть и утвердиться на кіевскомъ престолѣ. Тоже показываютъ и другія обстоятельства. Лица, окружавшія Владиміра во время его кончины, считали возможнымъ устранить Святополка отъ кіевскаго престола, утаивши на нѣкоторое время смерть великаго князя. Занявши престолъ, для утвержденія на немъ, Святополкъ почиталъ необходимымъ пріобрѣсть расположеніе кіевлянъ раздачею сокровищъ и даже прибѣгнулъ къ братоубійству». 590.

переходитъ въ младшую линію Святославичей, завѣщалъ Кіевъ старшему сыну, Изяславу. Это случилось въ 1054 г., а въ 1067 кіевляне изгоняютъ Изяслава и сажаютъ на его мѣсто полоцкаго князя, Всеслава. Преемство по старшинству, даже и въ томъ случаѣ, когда въ пользу его есть завѣщательное распоряженіе князя, народъ считаетъ для себя обязательнымъ только до тѣхъ поръ, пока этотъ старшій князь ему нравится. Въ противномъ случаѣ онъ замѣняетъ его первымъ попавшимся подъ руку, и безъ всякаго соображенія съ правами старшинства.

Княженіе въ Кіевѣ младшихъ братьевъ Изяслава, сперва Святослава, а потомъ Всеволода, Неволинъ опять приводитъ, какъ случаи наслѣдованія по старшинству рожденія (618). Это, конечно, обмолвка, такъ какъ Святославъ занялъ Кіевъ еще при жизни Изяслава и продержался тамъ до своей смерти, а по его смерти въ Кіевѣ сѣлъ Всеволодъ опять при жизни Изяслава. Это все случаи отрицанія правъ старѣйшинства, вызванныя опасеніемъ за неприкосновенность собственныхъ владѣній; но на этотъ разъ опасеніе было, можетъ быть, только предлогомъ, а настоящая причина заключалась въ стремленіи предпріимчиваго Святослава Черниговскаго къ расширенію своихъ владѣній на счетъ сосѣдей.

По смерти старшаго сына Изяслава Ярославича, Святополка, княжившаго въ Кіевѣ съ 1093 года по 1112, кіевляне, нисколько не стѣсняясь ни завѣщаніемъ Ярослава, ни родовымъ старшинствомъ князей, ни постановленіями княжескихъ съѣздовъ, избираютъ себѣ княземъ Владиміра Мономаха, представителя младшей линіи Ярославичей. По смерти своей Владиміръ Мономахъ оставляетъ Кіевъ сыну своему, Мстиславу, а не старшимъ въ родѣ Ярослава, которыми были сыновья Святополка Изяславича и сынъ, и внуки Святослава Ярославича Черниговскаго.

Изъ приведенныхъ фактовъ видно, что наслѣдственныя права старшихъ братьевъ не только не пользовались общимъ признаніемъ, но, по условіямъ нашей древней жизни, они

и не могли ими пользоваться. Не могли они ими пользоваться, во-первыхъ, потому что у народа было право избранія и изгнанія князя, которое по существу своему отрицало право законнаго наслѣдованія; во-вторыхъ, потому что князья-братья относились другъ къ другу, какъ независимые правители, вели между собой войны и заключали договоры, причемъ руководящими мотивами служили соображенія о выгодахъ и безопасности владѣній, а не забота о поддержаніи какого-либо законнаго порядка наслѣдованія.

Такія же столкновенія младшихъ братьевъ со старшими, разрѣшаемыя судомъ Божіимъ, находимъ и въ исторіи сѣверо-восточныхъ княженій. Вскорѣ послѣ смерти великаго князя владимірскаго, Ярослава Всеволодовича, великимъ княженіемъ удалось завладѣть не старшему его сыну, Александру, а младшему, Андрею. Только четыре года спустя старшій сынъ добылъ себѣ въ Ордѣ великое княженіе подъ младшимъ братомъ и прогналъ его при помощи татаръ. Войны родныхъ братьевъ повторились и при сыновьяхъ Александра Ярославича. Въ 1276 году владимірскій столъ занялъ старшій сынъ его, Димитрій. Пять лѣтъ спустя младшій братъ Димитрія, Андрей, отправился въ Орду добывать великое княженіе владимірское подъ старшимъ братомъ. Орда удовлетворила его желаніе и также, какъ отцу его, дала помощь для изгнанія старшаго брата. Борьба сыновей Александра Невскаго возобновилась въ 1282 году и съ перерывами продолжалась въ теченіе цѣлаго десятилѣтія.

Князья XIII вѣка употребляютъ новыя средства для достиженія своихъ эгоистическихъ цѣлей, въ ихъ рукахъ татарская сила, но суть дѣла таже: права старшаго брата не имѣютъ въ глазахъ младшихъ безусловнаго значенія. Права старѣйшинства—это практика, имѣющая мѣсто при наличности нѣкоторыхъ благопріятныхъ условій, а не общепризнанный обычай. Неволинъ преемство престола, основанное на родовомъ старшинствѣ, приравниваетъ къ порядку наслѣдованія по закону. Это не совсѣмъ точно. Законное наслѣдованіе, кромѣ опредѣленнаго закономъ или обычаемъ

порядка наслѣдованія, предполагаетъ еще и наличность судовъ, которые обезпечиваютъ примѣненіе законнаго порядка. Такихъ судовъ въ междукняжескихъ отношеніяхъ не было; а при ихъ отсутствіи весьма рискованно говорить о законномъ порядкѣ наслѣдованія. Но это еще не все. Нѣсколько примѣровъ, которые Неволинъ приводитъ въ доказательство наслѣдованія по закону въ порядкѣ родового старшинства, въ дѣйствительности являются примѣрами наслѣдованія по распоряженію князя. Такъ Изяславъ наслѣдовалъ Ярославу не по закону, а по завѣщанію; также Мстиславъ — Владиміру Мономаху; Ярополкъ передалъ свой столъ по соглашенію съ кіевлянами брату Мстиславу и пр. Это все отказы, а не случаи законнаго наслѣдованія.

Еще меньше общаго признанія выпадало на долю старшинства дядей передъ племянниками. Выше мы уже говорили о томъ, что дяди и племянники могутъ считать себя одинаково призванными занять извѣстный столъ въ силу начала отчины. Это общая дядямъ и племянникамъ отчина и есть та среда, въ которой права дядей и племянниковъ сталкиваются. Не подлежитъ сомнѣнію, что начало отчины даетъ право и дядѣ и племяннику искать обладанія отчиной. Но у кого больше правъ? Это всегда было спорно и осталось спорнымъ даже въ пятнадцатомъ вѣкѣ. Спорный вопросъ этотъ разрѣшался въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ либо ратью, либо міромъ. Такое рѣшеніе вопроса открывало широкое поле энергіи и искусству князей, ихъ умѣнью пользоваться обстоятельствами и привлекать на свою сторону союзниковъ и народъ. Исторія съ древнѣйшихъ временъ одинаково представляетъ примѣры какъ торжества дядей надъ племянниками, такъ и обратно. Счетъ случаевъ, когда побѣдили дяди, а когда племянники, не возможенъ, такъ какъ лѣтописи записали очень немногіе изъ нихъ и преимущественно для Кіева; но еслибы ихъ и можно было сосчитать, это ни къ чему бы не повело, потому что перевѣсъ случаевъ свидѣтельствовалъ бы не о преимуществѣ права дядей или племянниковъ, а только о большей силѣ

и большемъ искусствѣ тѣхъ или другихъ въ борьбѣ съ противниками. О лучшихъ правахъ дядей могли бы свидѣтельствовать выраженія, подобныя тѣмъ, какія у насъ сложились въ древности въ пользу лучшихъ правъ старшаго брата и которыя мы привели выше (стр. 155). Но въ пользу лучшихъ правъ дядей древность не выработала никакихъ ходячихъ выраженій; ясный знакъ, что эти права не пользовались даже и такимъ признаніемъ, какое выпало на долю правъ старшаго брата.

Размотримъ древнѣйшіе случаи столкновенія правъ дядей и племянниковъ.

Первый такой случай относится къ первому появленію въ нашей исторіи дяди и племянника. Ярославъ Владиміровичъ роздалъ свои владѣнія сыновьямъ и ничего не оставилъ брату, котораго за долго еще до своей смерти лишилъ свободы и заключилъ въ тюрьму. Черезъ 5 лѣтъ по смерти отца сыновья Ярослава освободили дядю изъ заключенія, но только за тѣмъ, чтобы онъ перемѣнилъ тюрьму на монастырь. Заключеніе Судислава въ тюрьму и постриженіе его въ чернецы несомнѣнно свидѣтельствуетъ о томъ, что его считали опаснымъ претендентомъ. У него, значитъ, были права; но едва ли этотъ случай можно приводить въ доказательство того, что права Судислава были больше правъ его племянниковъ и что кіевскій престолъ переходитъ по началу родаваго старѣйшинства. Исторія отношеній дядей къ племенникамъ начинается, такимъ образомъ, торжествомъ племянниковъ. Но кіевскіе племянники были въ тоже время дядями, у нихъ тоже былъ племянникъ, полоцкій князь Всеславъ. Этотъ племянникъ былъ слишкомъ слабъ для того, чтобы постричь въ чернецы своихъ кіевскихъ родственниковъ и лишить ихъ владѣтельныхъ правъ; но напасть на далекій отъ Кіева Новгородъ онъ считалъ дѣломъ хорошей политики. Что дѣлаютъ дяди? Они воюютъ съ племянникомъ, заключаютъ съ нимъ миръ, гарантируютъ ему неприкосновенность его владѣній и личную безопасность, а потомъ обманомъ заманиваютъ къ себѣ,

хватаютъ и сажаютъ въ тюрьму, владѣнія же его присоединяютъ къ своимъ. На этотъ разъ восторжествовали дяди. Въ лицѣ кіевскихъ князей одновременно торжествуютъ и племенники, и дяди.

Два приведенные случая весьма различны; но сопоставленіе ихъ и сравненіе мы считаемъ возможнымъ и полезнымъ для разъясненія вопроса объ отношеніяхъ князей родственниковъ Рюрикова дома.

Судиславъ, какъ сынъ Владиміра, имѣлъ, конечно, отчинное право на часть его владѣній. По сказанію нѣкоторыхъ лѣтописцевъ Владиміръ еще при жизни своей далъ ему Псковъ. Онъ, стало быть, такой же владѣтельный князь, какъ и старшій братъ его, Ярославъ; владѣнія отца для него такая же отчина, какъ и для Ярослава. Если Ярославъ, побѣдивъ Святополка, завладѣлъ Кіевомъ, то могъ тоже сдѣлать и Судиславъ по отношенію къ Ярославу. Отсюда недовѣріе Ярослава къ Судиславу и поимка его; отсюда же и желаніе сыновей Ярослава, чтобы Судиславъ отказался отъ благъ мира сего и постригся. Это столкновеніе на почвѣ отчинныхъ правъ. Иначе былъ поставленъ вопросъ между Ярославичами и полоцкимъ княземъ. Полоцкій князь не имѣлъ отчинныхъ притязаній на владѣнія Ярославичей, а Ярославичи не имѣли отчинныхъ притязаній на Полоцкъ. Но притязанія князей не опредѣлялись однимъ только отчиннымъ началомъ. Въ видахъ округленія и безопасности своихъ владѣній они постоянно выступаютъ изъ предѣловъ отчинныхъ правъ. Въ этой внѣ отчинной средѣ и произошло столкновеніе Всеволода съ Ярославичами. Почва, на которой дѣйствуютъ князья, различная; но суть столкновенія — одна и та же. И тутъ, и тамъ опредѣляющій мотивъ дѣятельности — опасеніе за безопасность своихъ владѣній; послѣдствія—то же совершенно одинакія: и псковскій, и полоцкій князь одинаково попали въ тюрьму. Играютъ тутъ какую-либо роль родственныя отношенія? Съ Судиславомъ — да, ибо у него отчинныя права; съ Всеславомъ—никакой, ибо у него нѣтъ отчинныхъ правъ на Кіевъ. А послѣдствія одинакія.

Это потому, конечно, что родственныя отношенія, съ перваго уже появленія въ нашей исторіи нѣсколькихъ князей родственниковъ, не исчерпываютъ и не опредѣляютъ отношеній владѣтельныхъ князей. Князья имѣютъ другъ съ другомъ дѣла не столько въ качествѣ родственниковъ, сколько въ качествѣ независимыхъ правителей самостоятельныхъ волостей. Отсюда, братья убиваютъ братьевъ, дяди лишаютъ свободы племянниковъ, племянники—дядей и т. д. Это все дѣлается не въ силу родственныхъ или семейныхъ отношеній, а въ силу потребностей междукняжеской политики. Дяди и племянники въ этихъ столкновеніяхъ ни при чемъ; торжествующимъ является не племянникъ или дядя, а князь побѣдитель, который въ одно и тоже время можетъ торжествовать и надъ дядей, и надъ племянникомъ.

Чѣмъ болѣе возрастало число владѣтельныхъ князей, тѣмъ болѣе возрастало и число поводовъ къ взаимнымъ столкновеніямъ. Побѣдителемъ изъ этихъ столкновеній долженъ былъ выходить тотъ, кто болѣе былъ къ нимъ подготовленъ, кто былъ лучше вооруженъ. При всѣхъ другихъ равныхъ, весьма натурально, что дяди, какъ старшіе возрастомъ, могли быть лучше приготовлены къ борьбѣ, чѣмъ племянники, сравнительно младшіе. Старый князь (дядя) могъ уже пользоваться доброй славой у народа, тогда какъ молодому (племяннику) надо было ее еще заслуживать; старый князь могъ уже стоять въ центрѣ цѣлой сѣти договоровъ съ другими князьями и направлять силы своихъ союзниковъ согласно съ своими видами, тогда какъ молодой только что приступалъ къ примиренію своихъ личныхъ интересовъ, вновь выдвигаемыхъ имъ въ княжескую среду, съ интересами другихъ князей и къ пріисканію себѣ союзниковъ. Этою относительно лучшею подготовкою старшихъ князей къ борьбѣ и надо объяснять встрѣчающіеся въ лѣтописяхъ случаи занятіе столовъ дядями передъ племянниками, а не голымъ фактомъ ихъ старшинства, которому не усвоялось лучшихъ правъ.

Наши лѣтописи слишкомъ скупы на извѣстія, а потому

мы и не можемъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ перехода стола отъ одного князя къ другому объяснить настоящую причину такого перехода. Многіе писатели довольствуются голымъ фактомъ перехода стола отъ брата къ брату, чтобы заключить къ преимущественному праву дяди передъ племянникомъ. Такъ поступаетъ даже Неволинъ. Выше (стр. 259 и сл.) мы указали нѣсколько случаевъ перехода столовъ отъ брата къ брату, въ которыхъ онъ видитъ торжество начала родоваго старшинства, тогда какъ въ дѣйствительности они являются его отрицаніемъ. Трудность вопроса въ томъ и заключается, что не всегда видны настоящіе причины перехода. Оставимъ сторонникамъ преемства по родовому старѣйшинству тѣ факты, о причинахъ которыхъ ничего нельзя сказать положительнаго, и разсмотримъ тѣ, которые допускаютъ объясненіе.

Въ 1076 году умеръ кіевскій князь, Святославъ Ярославичъ, и столъ его занялъ слѣдующій за нимъ братъ, Всеволодъ, а не сыновья умершаго. Старшимъ въ поколѣніи Ярослава былъ не Всеволодъ, а братъ его, Изяславъ, находившійся еще въ живыхъ. Занятіе Всеволодомъ Кіева есть едновременное отрицаніе и правъ старшаго брата, и правъ племянниковъ, сыновей послѣдняго кіевскаго князя. По какому же праву занялъ онъ Кіевъ? Онъ занялъ его не по праву, а съ нарушеніемъ всякихъ правъ, путемъ захвата. Кіевъ въ рукахъ Всеволода является счастливой добычей и только. Очень понятно, что мысль о захватѣ Кіева осѣнила голову Всеволода. Онъ былъ дѣятельнымъ соучастникомъ Святослава въ изгнаніи Изяслава изъ Кіева. Святославъ добылъ Кіевъ подъ старшимъ братомъ и оставался спокойнымъ его обладателемъ до самой смерти своей. Почему было не попытать счастья и Всеволоду? И онъ попыталъ.

Но Изяславъ, узнавъ о смерти своего главнаго врага, Святослава, рѣшилъ возвратиться въ Русскую землю и отыскивать отцовское наслѣдіе. Всеволодъ выступилъ-было противъ него съ войскомъ, но предпочелъ миръ невѣрному исходу брани и уступилъ Кіевъ старшему брату.

Миръ съ Изяславомъ былъ очень выгоденъ для Всеволода. Онъ состоялся на условіи полнаго единенія братьевъ; они подѣлили между собой Русскую землю съ исключеніемъ племянниковъ. Всеволоду досталась при этомъ Черниговская волость. На какомъ основаніи? Это опять захватъ. Но сынъ умершаго черниговскаго князя, Олегъ, не захотѣлъ отказаться отъ отчины. Онъ соединился съ другимъ обдѣленнымъ племянникомъ, Борисомъ Вячеславичемъ, и при помощи половцевъ разбилъ Всеволода.

Потерпѣвшій пораженіе черниговскій князь бѣжалъ въ Кіевъ, гдѣ былъ обласканъ Изяславомъ, который обратился къ нему съ такими словами утѣшенія:

«Брате! не тужи... Аще будеть нама причастье въ Русскѣй земли, то обѣма, аще лишена будевѣ, то оба; азъ сложю главу свою за тя». Лавр. 1078.

Эти слова даютъ превосходный комментарій условію договоровъ «быти за одинъ».

Изяславъ какъ сказалъ, такъ и сдѣлалъ: онъ немедленно выступилъ на помощь Всеволоду и былъ убитъ въ началѣ сраженія. Битва кончилась, однако, пораженіемъ Олега, который бѣжалъ въ Тмутаракань. По смерти Изяслава, Всеволодъ занялъ Кіевъ; сыну своему, Владиміру, онъ далъ Черниговъ, а племяннику, Ярополку Изяславичу, Володиміръ и Туровъ. На какомъ основаніи произошло такое распредѣленіе Русскихъ волостей? Сторонники законнаго преемства по началу родового старѣйшинства видятъ въ занятіи Всеволодомъ Кіева осуществленіе ихъ взглядовъ. Это мнѣніе можно было бы принять, еслибы Всеволодъ, во 1-хъ, не соединился въ 1073 году со Святополкомъ и не прогналъ старшаго брата изъ Кіева, во 2-хъ, если бы онъ, по смерти Святополка, предложилъ Кіевъ Изяславу, а не занялъ его самъ и не уступилъ старшему брату только тогда, когда тотъ пришолъ на него съ оружіемъ въ рукахъ. При наличности же указанныхъ фактовъ во Всеволодѣ очень трудно видѣть провозвѣстника началъ преемства по родовому стар-

шинству. Онъ служитъ не родовымъ началамъ, а своимъ личнымъ интересамъ. Съ точки зрѣнія этихъ личныхъ интересовъ онъ помогаетъ младшему брату противъ старшаго. захватываетъ Кіевъ по смерти Святослава, уступаетъ его Изяславу, когда тотъ приходитъ на него съ войскомъ, а по его смерти занимаетъ снова. Это опять захватъ сильнаго, а не торжество законнаго порядка. Такъ смотрѣли и современники. Лѣтописецъ говоритъ:

«Всеволодъ же сѣде Кыевѣ на столѣ отца своего и брата своего, переима власть Русьскую всю». Лавр. 1078.

Перенять — значитъ перехватить волость. Этотъ перехватъ чужой власти не могъ не возбудить неудовольствія и протеста. По завѣщанію Ярослава Кіевъ долженъ былъ оставаться въ потомствѣ старшаго его сына, Изяслава, у котораго были сыновья. Всеволодъ, обобравшій всѣхъ своихъ племянниковъ, сдѣлалъ исключеніе только для старшаго сына своего вѣрнаго союзника, Изяслава, которому далъ Владиміръ и Туровъ. Несмотря на это значительное надѣленіе, Ярополкъ Изяславичъ въ 1085 году задумалъ походъ на Всеволода. Лѣтописецъ, по обыкновенію, чрезвычайно кратокъ и не объясняетъ причинъ, побудившихъ владимірскаго князя возстать на сильнаго дядю. Онъ говоритъ только. что Ярополкъ послушалъ злыхъ совѣтниковъ. Можно думать, что злые совѣтники объяснили своему князю, что онъ имѣетъ болѣе правъ на Кіевъ, чѣмъ его дядя; вотъ почему онъ и собрался войной на него.

Всеволодъ до смерти своей княжилъ въ Кіевѣ, но долженъ былъ сдѣлать нѣкоторыя уступки обобраннымъ имъ племянникамъ и внукамъ. Внукамъ Ростиславичамъ онъ далъ Перемышль и Теребовль, а племяннику Давыду Игоревичу, по смерти Ярополка,—Владиміръ; Туровъ же достался брату Ярополка, Святополку.

По смерти Всеволода († 1093), захватившаго въ свои руки къ отцовскому наслѣдію, Переяславлю,—Кіевъ, Черниговъ и Смоленскъ, и лишившаго всякаго участія въ отчинѣ

сыновей своего прежняго союзника и друга, Святослава,— снова возникъ вопросъ, кому сидѣть въ Кіевѣ? На этотъ разъ начальный лѣтописецъ позволилъ себѣ рѣдкую роскошь; онъ записалъ раздумье старшаго сына Всеволода, Владиміра, сидѣвшаго въ Черниговѣ:

«Володимеръ же, говоритъ онъ, нача размышляти, река: «аще сяду на столѣ отца своего, то имамъ рать съ Святополкомъ взяти, яко то есть столъ преже отца его былъ». И размысливъ посла по Святополка Турову, а самъ иде Чернигову, а Ростиславъ Переяславлю». 1093.

Чрезвычайно характерное разсужденіе, свидѣтельствующее о томъ, до какой степени хищническая политика сыновей Ярослава спутала всякія понятія о какомъ-либо опредѣленномъ порядкѣ занятія столовъ. Владиміръ оказался въ положеніи сказочнаго путника, очутившагося на перекресткѣ трехъ дорогъ. Можно пойдти и на-право, и на-лѣво, только вездѣ будетъ плохо. Можно занять и Кіевъ, занимали же этотъ городъ безъ всякаго права и дядя его, и отецъ. Но въ этомъ случаѣ придется выдержать войну со Святополкомъ, въ силу начала отчины. Владиміръ не хочетъ этой войны; онъ уступаетъ Кіевъ Святополку, а самъ идетъ въ Черниговъ. Но развѣ на Черниговъ его права были лучше? Нисколько. Черниговъ былъ отказанъ Святославу и, слѣдовательно, дѣти Святослава имѣли болѣе правъ на Черниговъ, чѣмъ дѣти Всеволода. Занявъ Черниговъ, Владиміръ продолжалъ неправду своего отца. Но почему же онъ не уступилъ Черниговъ сыновьямъ Святослава, какъ уступилъ Кіевъ сыну Изяслава? Разное отношеніе Владиміра къ Кіеву и Чернигову объясняется различіемъ фактическаго положенія дѣла. Святополкъ былъ не далеко отъ Кіева, въ Туровѣ, и до Владиміра могли дойти слухи о его желаніи искать своей отчины; Олегъ*) же Святославичъ былъ далеко, въ Тмутаракани, и Владиміръ могъ быть въ полной

*) Гдѣ находился въ это время Давыдъ, старшій сынъ Святослава, по лѣтописямъ не видно.

неизвѣстности относительно его намѣреній. Онъ захватилъ Черниговъ, въ надеждѣ на безнаказанность. Только черезъ годъ пришолъ Олегъ изъ Тмутаракани искать своей отчины и обложилъ Черниговъ при помощи половцовъ. Владиміръ, признавшій уже отчинныя права Святополка, не могъ отказать въ такомъ же признаніи и Олегу. Онъ уступилъ ему Черниговъ, а самъ отправился въ свою отчину, Переяславль.

Такимъ образомъ, послѣ двадцатилѣтнихъ (1073—94) хищеній, возстановлено было, благодаря уступчивости Владиміра Мономаха, распредѣленіе владѣній, сдѣланное въ завѣщаніи Ярослава. Князья внуки, наученные тяжелымъ опытомъ, хотѣли увѣковѣчить этотъ порядокъ и съ этою цѣлью съѣхались въ Любечѣ и заключили договоръ, въ которомъ за основаніе распредѣленія волостей было принято начало отчины.

По смерти Святополка послѣдовало новое нарушеніе и Ярославова завѣщанія, и договора въ Любечѣ, но на этотъ разъ по волѣ кіевлянъ. Они избрали на Кіевское княженіе не сына Святополка, какъ бы слѣдовало и по завѣщанію Ярослава, и по соглашенію князей въ Любечѣ, а Владиміра Мономаха. По смерти Владиміра Мономаха кіевскій столъ занимаетъ старшій сынъ его, Мстиславъ, который далеко не былъ старѣйшиной въ родѣ Ярослава. Старѣйшинами были сыновья Святополка Изяславича, Брячиславъ и Изяславъ, и дядя ихъ, сынъ Святослава Ярославича, Ярославъ Черниговскій. Но Мстиславъ занялъ Кіевъ и не въ силу торжества своихъ отчинныхъ правъ; еще лучшія отчинныя права были у его троюродныхъ братьевъ, сыновей Святополка, и у двоюроднаго дяди, Ярослава Черниговскаго. Онъ занялъ кіевскій столъ потому, что отецъ его былъ достаточно силенъ, чтобы передать ему этотъ столъ, да и самъ Мстиславъ былъ довольно умудренъ опытомъ, чтобы удержать за собой Кіевъ; въ годъ смерти отца ему было 49 лѣтъ.

Но Владиміръ Мономахъ не только передалъ свой столъ сыну, онъ позаботился и о дальнѣйшей участи Кіевскаго княженія, и объ участи внуковъ своихъ, сыновей старшаго

сына, Мстислава. Вотъ относящееся сюда мѣсто начальной лѣтописи.

«Преставися Мстиславъ, сынъ Володимерь, мѣсяца априля въ 14 день, и сѣде по немъ братъ его, Ярополкъ, княжа въ Кіевѣ, людье бо, кыяне, послаша по нь. Въ тоже лѣто Ярополкъ приведе Всеволода Мстиславича изъ Новагорода и да ему Переяславль, по хрестьному цѣлованью, якоже ся бяше урядилъ съ братомъ своимъ Мстиславомъ, по о҃тню повелѣнью, ако же бяше има далъ Переяславль съ Мстиславомъ». 1132.

Чрезвычайно любопытное мѣсто. Онъ дорисовываетъ портретъ Владиміра Мономаха. Этотъ князь ничего не дѣлаетъ съ плеча; онъ во все вдумывается и внимательно взвѣшиваетъ всѣ обстоятельства дѣла. По смерти отца онъ «размышляетъ» о томъ, гдѣ ему сѣсть, въ Кіевѣ, или Черниговѣ. Послѣ утвержденія въ Кіевѣ, имъ овладѣваетъ новая дума о томъ, что будетъ послѣ него, и онъ принимаетъ мѣры къ упорядоченію отношеній между сыновьями своими и внуками. Эта озабоченность будущимъ весьма понятна. Всѣ смуты печальнаго прошлаго происходили на его глазахъ. Мономаху было 20 лѣтъ, когда дядя его, Святополкъ, въ союзѣ съ его отцомъ, прогналъ старшаго брата, Изяслава, изъ Кіева и лишилъ его и дѣтей его отчины. Въ изгнаніи Святославичей изъ Черниговской волости онъ самъ былъ дѣятелемъ, такъ какъ съ 1088 года по 1094 сидѣлъ въ Черниговскомъ княженіи. У Владиміра было пять взрослыхъ сыновей. Опытъ прошлаго не могъ не пугать его. Сыновья Святослава и Владиміра святого убивали другъ друга, сыновья дѣда, Ярослава, воевали другъ съ другомъ и обирали племенниковъ. Не таже ли участь ожидаетъ и его потомство? Но его потомство было еще въ худшемъ положеніи. Ему предстояло имѣть дѣло и съ князьями старшихъ линій, Изяслава и Святослава. Права сыновей Владиміра Мономаха на Кіевъ не были прочны. У потомковъ Изяслава права были лучше. Мономахъ занялъ Кіевъ въ нарушеніе этихъ лучшихъ правъ. Не заключалось ли въ этомъ поощренія для власто-

любія потомковъ Святослава послѣдовать примѣру дѣда и занять Кіевъ подъ Мономаховичами? Эти соображенія должны были безпокоить Владиміра Всеволодовича и вызывать на предохранительныя мѣры. Что же онъ сдѣлалъ?

О мѣрахъ, принятыхъ Мономахомъ для обезпеченія участи своихъ потомковъ, лѣтописецъ разсказываетъ подъ 1132 годомъ, семь лѣтъ спустя послѣ смерти Мономаха; а сколько лѣтъ спустя послѣ принятія этихъ мѣръ, объ этомъ мы и гадать не можемъ съ какою-либо точностью. Разсказъ этотъ дѣлается по поводу смерти сына Владиміра Мономаха, Мстислава, и послѣдовавшихъ за тѣмъ событій. Мы не имѣемъ никакого права думать, что лѣтописецъ передаетъ намъ все распоряженіе Мономаха. Въ высокой степени вѣроятно, что Владиміръ Мономахъ входилъ или пытался войти въ соглашеніе по этому предмету съ кіевлянами и князьями, Изяславичами и Святославичами; а своихъ сыновей онъ, конечно, долженъ былъ всѣхъ привести въ свою волю, а не двухъ только старшихъ. Лѣтописецъ ничего объ этомъ не говоритъ. Да и то, что онъ говоритъ, такъ отрывочно и кратко, что далеко не соотвѣтствуетъ дѣйствительному событію.

Онъ говоритъ, что кіевляне послали за Ярополкомъ, а объ участіи Мстислава и Владиміра въ этомъ событіи не упоминаетъ. Но дѣйствительно ли они не принимали въ этомъ никакого участія? Это чрезвычайно сомнительно. Молчаніе начальной лѣтописи исправляетъ Ипатьевскій списокъ, который говоритъ, что самъ Мстиславъ оставилъ княженіе свое Ярополку «ему же и дѣти свои съ Богомъ на руцѣ предастъ». Тутъ нѣтъ противорѣчія. Воля кіевлянъ и воля Мстислава равно участвовали въ возведеніи Ярополка на кіевскій столъ. Но объ участіи въ этомъ дѣлѣ Владиміра Мономаха ничего не говоритъ и Ипатьевскій списокъ лѣтописи. А между тѣмъ передача Кіева, по смерти Мстислава, Ярополку, а не сыновьямъ Мстислава, произошла по волѣ Мономаха. Это слѣдуетъ изъ вышеприведеннаго мѣста начальной лѣтописи.

Еще при жизни своей Владиміръ далъ Переяславль двумъ

старшимъ сыновьямъ, Мстиславу съ Ярополкомъ. На случай смерти Мстислава, онъ обязалъ Ярополка передать Переяславль сыновьямъ Мстислава. При чемъ оставался Ярополкъ? Онъ получалъ Кіевъ. Итакъ, переходъ Кіева, по смерти Мстислава, къ Ярополку есть результатъ согласной воли Владиміра Мономаха, сыновей его и кіевлянъ.

Сторонники законнаго преемства въ порядкѣ родового старшинства видятъ въ этомъ переходѣ торжество своей мысли. Но такъ ли это? Намъ это кажется очень сомнительнымъ. Во Владимірѣ Мономахѣ такъ же трудно, какъ и въ отцѣ его, видѣть провозвѣстника родовыхъ началъ. На Любецкомъ съѣздѣ онъ высказался за отчинный порядокъ; въ 1113 году онъ послѣдовалъ призыву кіевлянъ и занялъ Кіевъ съ нарушеніемъ родового старшинства; преемникомъ своимъ въ Кіевѣ онъ назначилъ сына своего также съ нарушеніемъ родового старшинства. По смерти Мстислава, Владиміръ Мономахъ предоставилъ Кіевъ брату умершаго, а не сыновьямъ его; за то Переяславль онъ предоставилъ сыновьямъ Мстислава, а не слѣдующему брату, Вячеславу, какъ бы слѣдовало по закону предполагаемаго родового старшинства и по лѣствичному восхожденію. Владиміръ Мономахъ въ одно и то же время высказывается и въ пользу дяди противъ племянника и въ пользу племянника противъ дяди! Какому же началу онъ служитъ? Его занимаютъ не начала, о которыхъ спорятъ наши ученые, а лица. Онъ хочетъ обезпечить сыновей и внуковъ своихъ, на сколько это возможно при данныхъ обстоятельствахъ. Онъ слѣдуетъ указаніямъ современной политики и только.

Оставить Кіевъ сыновьямъ Мстислава было неполитично, потому что, при молодости ихъ и неопытности, имъ трудно было удержать этотъ городъ за собой. Кіевъ давно уже сдѣлался цѣлью княжескихъ притязаній. Съ сыновей Владиміра святого родные братья борются уже изъ-за Кіева. Мстиславичи могли имѣть противъ себя не только родныхъ дядей, но и Святославичей черниговскихъ. Вотъ почему

Владиміръ предназначаетъ Кіевъ взрослому и опытному Ярополку. Но онъ желаетъ устроить и сыновей Мстислава и назначаетъ имъ Переяславль, съ нарушеніемъ правъ старѣйшинства своего третьяго сына, Вячеслава, который долженъ былъ оставаться въ своемъ Туровѣ. Никакого передвиженія князей къ Кіеву по лѣствицѣ родового старѣйшинства Владиміръ Мономахъ, значитъ, не знаетъ *).

Лѣтопись ничего не говоритъ о томъ, были приведены другіе сыновья Владиміра къ соглашенію, состоявшемуся между двумя старшими, или нѣтъ. Мы знаемъ только, что четвертый сынъ Владиміра, Юрій, возсталъ противъ передачи Переяславля племяннику и выгналъ его изъ этого города въ самый день водворенія его тамъ. Юрій могъ это сдѣлать, еслибы даже и былъ приведенъ волею отца къ соглашенію со старшими братьями; прогналъ же дѣдъ его, Всеволодъ, Изяслава изъ Кіева, хотя отецъ и связалъ его клятвой непереступать предѣлъ братень.

Но почему Юрій прогоняетъ племянника? Сторонники преемства по родовому старѣйшинству опять увидятъ здѣсь торжество своей мысли. Еслибы мы и уступали имъ этотъ случай, выигрышъ ихъ былъ бы очень не великъ. Владиміръ, Мстиславъ и Ярополкъ находятъ возможнымъ дать Переяславль племяннику передъ дядей; ясно, кажется, что

---

*) Назначеніе Переяславля племяннику по мимо дяди не укладывается въ рамки родовой теоріи лѣствичнаго восхожденія, а по тому Соловьевъ старается ослабить значеніе этого факта такимъ разсужденіемъ:

«Мстиславъ уговорился съ братомъ и премникомъ своимъ Ярополкомъ, что бы тотъ, перейдя изъ Переяславля въ Кіевъ, отдалъ прежній столъ старшему сыну Мстислава, Всеволоду, тогда князю новогородскому подъ незаконнымъ предлогомъ, что Мономахъ отдалъ Переяславль имъ обоимъ вмѣстѣ, Мстиславу и Ярополку. Исторія отнош. между русск. князьями Рюрикова дома, 140.

Къ счастію авторъ въ сноскѣ приводитъ текстъ лѣтописи, напечатанный у насъ на стр. 271, изъ котораго видно, что самая передача Переяславля Всеволоду совершилась по отню повелѣнію и что ни о какомъ незаконномъ предлогѣ и рѣчи быть неможетъ.

мысль о преимуществѣ дяди передъ племянникомъ не пользуется большимъ признаніемъ. Но мы не можемъ уступить и этого случая. Въ силу родового старѣйшинства притязанія на Переяславль могъ заявить не Юрій, а старшій его братъ, Вячеславъ. Вячеславъ же никакихъ притязаній не заявляетъ. Убѣдившись въ невозможности исполнить волю отца и старшаго брата, Ярополкъ самъ вступилъ въ соглашеніе съ младшими братьями и передалъ спорный городъ Вячеславу. Но Вячеславъ не просидѣлъ тамъ и года и ушолъ въ свой Туровъ. Тогда Юрій, прогнанный Ярополкомъ изъ Переяславля, снова заявилъ притязанія на этотъ городъ, но на этотъ разъ мирно. Онъ предложилъ Ярополку за Переяславль значительную часть своей Ростовской волости. На этотъ обмѣнъ Ярополкъ согласился.

Теперь можно отвѣтить на вопросъ, почему Юрій прогналъ племянника? Юрій былъ предпріимчивый князь, онъ хотѣлъ во что бы то ни стало завладѣть Переяславлемъ и, наконецъ, получилъ его въ обмѣнъ на другія свои владѣнія. Здѣсь опять мы имѣемъ дѣло съ борьбою личныхъ притязаній, а не началъ родового старѣйшинства.

Ярополкъ княжилъ въ Кіевѣ до своей смерти, не смотря на то, что ему пришлось выдержать упорную борьбу съ черниговскимъ княземъ, Всеволодомъ, на сторону котораго перешли и недовольные дядею Мстиславичи. Опасенія Владиміра Мономаха оправдались, среди его потомковъ пошла та же рознь, которой онъ и самъ былъ постояннымъ свидѣтелемъ и участникомъ въ лучшіе годы своей жизни.

Въ 1139 году Ярополкъ скончался, не оставивъ дѣтей. Кому быть преемникомъ? Право на Кіевскую волость, по началу отчины, имѣли сыновья Владиміра Мономаха и сына его, Мстислава. Кіевскій столъ занялъ, на этотъ разъ, дядя Вячеславъ. Но онъ не долго нацарилъ въ матери городовъ русскихъ. Не прошло и двухъ недѣль съ его вокняженія, какъ къ Кіеву подступилъ черниговскій князь, Всеволодъ Ольговичъ, и потребовалъ, чтобы Вячеславъ выходилъ «добромъ» изъ города.

«Онъ же, говоритъ лѣтописецъ о Вячеславѣ, не хотя крови пролити, не бися съ ними, и смири я̆ митрополитъ, и уверди я̆ крестомъ честнымъ, и иде опять Турову, а Всеволодъ вниде въ Кыевъ». Лавр.

Всеволодъ имѣлъ такъ же мало правъ на Кіевъ, какъ и его дѣдъ, Святославъ; но онъ занялъ его благодаря удачѣ. Митрополитъ, которому было все равно, кто бы ни княжилъ въ Кіевѣ, царствовалъ бы только миръ на землѣ, принялъ на себя посредничество между соперниками, убѣдилъ Вячеслава къ уступкѣ и утвердилъ честнымъ крестомъ отказъ его отъ отчины. Въ томъ же году Всеволодъ успѣлъ заключить миръ и съ другимъ отчичемъ, Изяславомъ Мстиславичемъ, который такъ же призналъ его кіевскимъ княземъ.

Потомки Владиміра Мономаха лишились Кіева. Всеволодъ Ольговичъ, благодаря искусной политикѣ и многочисленнымъ договорамъ, умѣлъ удержаться въ немъ до своей смерти. Онъ сдѣлалъ даже болѣе: онъ съумѣлъ устроить на случай своей смерти переходъ Кіева къ брату своему, Игорю. Ему удалось получить согласіе на такой переходъ и народа и князей, своихъ союзниковъ. Въ числѣ согласившихся находился и кіевскій отчичъ, Изяславъ Мстиславичъ. При дальнѣйшей удачѣ Ольговичи могли навсегда вытѣснить Мономаховичей изъ Кіева. Но воля народная снова возвратила Кіевъ младшей линіи Ярославичей въ лицѣ Изяслава Мстиславича.

Сдѣлаемъ небольшой перерывъ, чтобы взглянуть на порядокъ наслѣдованія въ Черниговской волости, откуда вышелъ князь Всеволодъ. Въ Черниговѣ родовое старшинство пользуется не большими правами, чѣмъ въ Кіевѣ. По смерти Всеволода Ярославича, приходитъ оспаривать черниговскій столъ у Владиміра Мономаха не старшій сынъ Святослава, а второй, Олегъ, который, благодаря миролюбію Владиміра Мономаха, и утверждается на столѣ отца своего въ 1094 году. Старшій братъ Олега, Давыдъ, выступаетъ на первое мѣсто только съ 1097 года, но на чемъ братья

сошлись и какъ подѣлили между собой Черниговскую волость послѣ Любецкаго съѣзда, этого мы не знаемъ. Очень, однако, вѣроятно, что Давыдъ, какъ старшій, сѣлъ въ Черниговѣ. Давыда пережилъ только одинъ братъ, Ярославъ, который, въ силу начала отчины, и занялъ черниговскій столъ послѣ смерти старшаго брата († 1123). Но Ярославъ просидѣлъ въ Черниговѣ всего 4 года. Въ 1127 году на него напалъ извѣстный уже намъ племянникъ его, Всеволодъ Ольговичъ, и прогналъ изъ Чернигова. По какому праву? Это чистѣйшее насиліе и ничего больше. Всеволодъ даже не былъ отчичемъ Чернигову, такъ какъ отецъ его занималъ этотъ столъ въ нарушеніе правъ старшаго брата. Въ силу начала отчины съ Ярославомъ могли спорить сыновья старшаго его брата, Давыда: они были отчичами Чернигову. Но они не предъявили никакихъ притязаній къ дядѣ. Точно также эти старѣйшины въ родѣ Святослава не предъявили спора и ко Всеволоду.

Какъ же отнеслись Ярославъ и его союзники къ этому незаконному захвату? Ярославъ не думалъ мириться съ племянникомъ и обратился къ союзнику своему, Мстиславу Кіевскому, требуя объявленія войны Всеволоду. Мстиславъ готовъ былъ выступить въ походъ, но въ дѣло вмѣшалось духовенство и освободило Мстислава отъ связывавшей его клятвы. Благодаря этому, Всеволодъ утвердился въ Черниговѣ въ прямое нарушеніе правъ дяди и старшихъ двоюродныхъ братьевъ. Князь этотъ унаслѣдовалъ предпріимчивость отца и дѣда и передалъ ее сыну своему, Святославу, которому впослѣдствіи также удалось овладѣть Кіевомъ. Все это — случаи борьбы не родовыхъ началъ, а личныхъ честолюбій. Предпріимчивые князья добываютъ себѣ все то, что только въ силахъ добыть. Предпріимчивый Всеволодъ еще при жизни Ярополка хотѣлъ добыть себѣ Кіевъ и съ этою цѣлью началъ было съ нимъ войну; но продолженію ея воспротивились черниговцы и Всеволодъ принужденъ былъ заключить миръ съ Ярополкомъ.

Возвратимся къ кіевскимъ событіямъ. По смерти Всево-

лода, Изяславъ Мстиславичъ, нарушивъ крестное цѣлованіе къ Игорю и вступивъ съ нимъ въ борьбу, искалъ Кіева не себѣ, а дядѣ своему, Вячеславу: они оба были отчичи Кіеву, и Изяславъ сдѣлалъ въ этомъ случаѣ уступку старшему родственнику. По словамъ Вячеслава:

«Изяславъ, ѣда биться съ Игоремъ, тако молвить: язъ Кіева не собѣ ищу, но онъ отець мой Вячьславъ, братъ старѣй, а тому его ищу». Ипат. 1151.

Но кіевляне не обратили никакого вниманія на волю Изяслава; они желали имѣть своимъ княземъ его, а не Вячеслава. Изяславъ подчинился народной волѣ и занялъ Кіевъ. Изяславъ былъ младшимъ не только въ родѣ Ярослава, но и въ линіи Владиміра Мономаха. Что же дѣлаютъ старшіе при этомъ нарушеніи приписываемыхъ имъ правъ?

Вячеславъ Владиміровичъ, узнавъ объ утвержденіи племянника въ Кіевѣ, поспѣшилъ занять тѣ города, которые отнялъ у него Всеволодъ, овладѣвъ Кіевской волостью, и только. Лѣтописецъ говоритъ, что Вячеславъ сдѣлалъ это, надѣясь «на свое старшинство». Итакъ «старшинство» Вячеслава легко удовлетворяется захватомъ нѣсколькихъ не важныхъ городковъ и не думаетъ притязать на Кіевъ. Но лѣтописецъ не находитъ возможнымъ одобрить и эти скромныя притязанія старѣйшины. Онъ осуждаетъ старѣйшину за то, что тотъ «не приложилъ чести» къ племяннику и безъ его дозволенія занялъ принадлежавшія къ Кіевской волости города. Изяславъ на этотъ разъ тоже не желаетъ дѣлать уступокъ дядѣ и отбираетъ у него городъ Туровъ. Это случилось въ 1146 году, а въ 1148 году Вячеславъ оказываетъ Изяславу помощь въ войнѣ съ черниговскими князьями. Ипат. Дядя, слѣдовательно, остался доволенъ племянникомъ и призналъ всѣ пріобрѣтенныя имъ права.

Владиміръ и Изяславъ Давыдовичи, старшіе въ родѣ Святослава Ярославича, еще прежде Вячеслава примирились съ новымъ кіевскимъ княземъ. Они признали права Изяслава на Кіевъ, а въ вознагражденіе выговорили себѣ его содѣй-

ствіе для борьбы съ двоюроднымъ братомъ, Святославомъ Ольговичемъ.

Только этотъ Святославъ, родной братъ Игоря, не хотѣлъ мириться съ Изяславомъ, нарушившимъ крестное цѣлованіе къ Ольговичамъ. Не находя союзниковъ въ ближайшихъ родственникахъ, Давыдовичахъ, которые составили планъ отобрать у Ольговичей ихъ отчину, Святославъ обратился къ помощи суздальскаго князя, Юрія Владиміровича, вызывая его овладѣть Кіевомъ и обѣщая свое содѣйствіе.

Кто же возсталъ на младшаго родича Изяслава? Не старшіе, которые вошли съ нимъ въ сдѣлку и примирились, а младшіе. Ясно, кажется, что борьба идетъ не за старшинство, а изъ-за совершенно иныхъ побужденій. Святославъ, иниціаторъ войны, ведетъ ее за брата Игоря и за свою отчину, отнятую у него Изяславомъ и Давыдовичами.

Мы не будемъ слѣдить за ходомъ этой борьбы, которая велась и съ перемѣннымъ военнымъ счастьемъ, и съ перемѣнными союзниками. Мы остановимся только на нѣкоторыхъ явленіяхъ, характерныхъ для княжескихъ отношеній.

Въ войну Изяслава со Святославомъ Ольговичемъ былъ вовлеченъ и ростовскій князь, Юрій. Но въ первые два года войны онъ не выказалъ большой энергіи. Его помощь союзникамъ была такъ слаба, что въ 1148 году Изяславу удалось заключить союзъ единенія не только съ Давыдовичами, но и съ Ольговичами. Только послѣ того, какъ Изяславъ поссорился съ старшимъ сыномъ Юрія и лишилъ его данныхъ ему въ Русской землѣ городовъ, Юрій началъ энергически дѣйствовать противъ племянника *). Вступивъ съ

*) Столкновеніе Ростислава съ отцомъ и кіевскимъ княземъ весьма знаменательно, но никакъ не съ точки зрѣнія патріархальности началъ нашей древней жизни. Старшій сынъ Юрія, Ростиславъ, поссорился съ отцемъ своимъ тоже изъ-за владѣній и перешолъ на сторону противника своего отца. Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ лѣтописецъ: «Пришелъ бѣ Гюргевичь старѣйшій, Ростиславъ, роскоторався съ отцемъ своимъ, оже ему отець волости не далъ въ Суздальской земли, и приде къ Изясляву Кіеву, поклонився ему, рече: «отецъ мя перео-

многочисленнымъ войскомъ въ Кіевскую волость, Юрій обратился къ Изяславу съ такимъ предложеніемъ:

«Се, брате, на мя еси приходилъ и землю повоевалъ и старѣйшиньство еси съ мене снялъ! Нынѣ же, брате и сыну, Рускыя дѣля земля и хрестьянъ дѣля, не пролейвѣ крови хрестьяньскы, но дай ми Переяславль, ать посажю сына своего у Переяславли, а ты сѣди царствуя въ Кіевѣ! Не хощеши того створити, а за всимъ Богъ». Ипат.

Чрезвычайно знаменательныя слова. Юрій несомнѣнно старѣйшина Изяславу; это признаетъ и самъ Изяславъ. Въ своемъ обращеніи къ сыну Юрія, Ростиславу, онъ говоритъ: «всѣхъ насъ старѣй отець твой, но съ нами не умѣетъ жити». И что же, этотъ несомнѣнный старѣйшина и не думаетъ предъявлять притязаній на Кіевъ, ни для себя, ни для старшаго своего брата, Вячеслава. Онъ уступаетъ Кіевъ младшему, а себѣ требуетъ второстепенной волости, Переяславской. Но это не значитъ, что онъ отказывается отъ ста-

---

бидилъ и волости ми не далъ. И пришелъ есмь нарекъ Бога и тебе, зане ты еси старѣй насъ въ Володимирихъ внуцѣхъ, а за Русскую землю хочю страдати и подлѣ тебе ѣздити».

Изяславъ былъ въ это время въ войнѣ съ Юріемъ и предложеніе ему услугъ сыномъ Юрія является со стороны послѣдняго измѣной не только государю, но и отцу. Изяславъ ласково встрѣтилъ Ростислава и далъ ему нѣсколько городовъ въ Русской землѣ. Но въ послѣдствіи Ростиславъ навлекъ на себя гнѣвъ Изяслава, который и отнялъ у него эти города. Тогда бѣглецъ возвратился къ отцу и сталъ подбивать его къ войнѣ съ Изяславомъ, говоря, что его хочетъ вся Русская земля. Юрій принялъ сторону сына и пошолъ войной на племянника: «тако ли мнѣ части нѣту въ Руськой землѣ и моимъ дѣтемъ!» говоритъ онъ. Чрезвычайно своеобразная семья. Сынъ переходитъ на сторону враговъ отца, потому что отецъ плохо надѣлилъ его. Отецъ радуется успѣху непокорнаго сына, которому удается получить часть въ Русской землѣ, и принимаетъ къ сердцу обиду этого сына, когда его за вину лишаютъ этой части. Въ этой семьѣ все держится на разсчетѣ и не остается, кажется, ни малѣйшаго мѣста самымъ обыкновеннымъ родственнымъ чувствамъ; въ ней не видно ни сына, ни отца, видны какіе-то бездушные, жадные добытчики волостей, для которыхъ чувства семейной любви и привязанности не имѣютъ никакого смысла.

рѣйшинства. Совершенно наоборотъ. Онъ остается въ сознаніи своего старѣйшинства и жалуется на то, что Изяславъ «снялъ съ него старѣйшинство». Что же означаетъ это нарушенное старѣйшинство? Старшинство лѣтъ и родства, которое требуетъ къ себѣ почтенія и которое Изяславъ нарушилъ тѣмъ, что повоевалъ землю дяди.

Итакъ, и Юрій началъ войну не за обладаніе Кіевомъ, а за свою обиду.

Но Изяславъ, отуманенный цѣлымъ рядомъ удачъ, не хотѣлъ сдѣлать ни малѣйшей уступки дядѣ. Юрію пришлось воевать. Естественно, у него возникаетъ вопросъ, кто же долженъ занять Кіевъ въ случаѣ пораженія Изаслава? У Юрія былъ живъ старшій братъ, Вячеславъ; по воззрѣніямъ того времени онъ имѣлъ преимущество предъ младшими братьями. Юрій не искалъ Кіева для себя, онъ уступалъ его даже племяннику; очень понятно, что онъ предложилъ теперь Кіевъ старшему брату, Вячеславу. Ипат. 1151. Возбужденная Изяславомъ война кончилась не въ его пользу, онъ потерпѣлъ пораженіе и принужденъ былъ въ 1149 году заключить миръ, по которому отказался отъ Кіева въ пользу Юрія, а Юрій обязался возвратить ему захваченныя имъ новогородскія дани и исполнить другія требованія Изяслава, которыхъ лѣтописецъ точно не обозначаетъ.

Уладившись съ племянникомъ, Юрій приступилъ къ передачѣ Кіева старшему брату, Вячеславу, и послалъ къ нему приглашеніе занять кіевскій столъ. Ипат. 1150. Этотъ поступокъ, совершенно согласный съ существовавшими обычаями, въ силу которыхъ князья свои лучшіе столы обыкновенно назначали старшимъ сыновьямъ, встрѣтилъ противодѣйствіе среди бояръ Юрія. Они говорили своему князю:

«Брату твоему не удержати Кіева; да не будетъ его ни тобѣ, ни оному». Ипат. 1150.

Бояре такъ же мало, какъ и народъ, обращаютъ вниманіе на преимущества старшинства и даже въ такомъ несомнѣнномъ случаѣ, какъ старшинство старшаго брата передъ

младшимъ. Да это и понятно: князья занимаютъ столы не въ силу старшинства, а въ силу умѣнья занять и удержать ихъ за собой. Чтоже дѣлаетъ Юрій? Онъ слѣдуетъ совѣту бояръ, удерживаетъ за собой Кіевъ, а у миролюбиваго Вячеслава отбираетъ даже Пересопницу и Дорогобужъ, оставляя за нимъ одинъ Вышгородъ. Ипат. 1151. Рѣшающимъ началомъ при распредѣленіи столовъ является не право старшинства, а требованія политики.

Война Юрія съ Изяславомъ этимъ не кончилась. Юрій не исполнилъ принятыхъ имъ на себя по отношенію къ племяннику обязательствъ и тѣмъ вызвалъ съ его стороны новыя враждебныя дѣйствія. На этотъ разъ удача была на сторонѣ Изяслава, и Юрій вынужденъ былъ бѣжать изъ Кіева. Вячеславъ, узнавъ объ этомъ, поспѣшилъ пріѣхать въ Кіевъ и сѣсть на столѣ Ярослава. Онъ могъ это сдѣлать, какъ старшій сынъ Владиміра Мономаха и какъ князь, которому предлагали Кіевъ и племянникъ, Изяславъ, и братъ, Юрій. Но кіевляне по прежнему не хотѣли имѣть его своимъ княземъ и предпочли ему племянника; они говорили Изяславу:

«Гюрги вышелъ изъ Кіева, а Вячьславъ сѣдить ти въ Кіевѣ, а мы его не хочемъ... Ты нашь князь, поѣди же къ святой Софьи, сѣди на столѣ отца своего и дѣда своего». Ипат. 1150.

Возбужденіе кіевлянъ противъ Вячеслава было очень сильно, нѣкоторые предлагали даже Изяславу напасть на дядю, перехватить его дружину, а самого лишить свободы. Это не соотвѣтствовало намѣреніямъ Изяслава, онъ отвѣчалъ:

«Не дай ми того Богъ, язъ не убійца есмь братьи своей; а се ми есть яко отець, стрый свой; а язъ самъ полѣзу къ нему». Ипат. 1150.

Умудренный опытомъ, Изяславъ не питалъ къ кроткому дядѣ, который не разъ оказывалъ ему помощь, ни вражды, ни пренебреженія. Предвидя продолженіе войны съ Юріемъ,

онъ хотѣлъ и на будущее время пользоваться его содѣйствіемъ и съ этою цѣлью хотѣлъ заключить съ нимъ договоръ. Но настоящій моментъ народнаго возбужденія былъ не удобенъ для мирныхъ переговоровъ, а потому Изяславъ, придя къ дядѣ, сказалъ ему:

«Отце! кланяютися. Нелзѣ ми ся съ тобою рядити. Видиши ли народа силу, людий полкъ стояща? А много ти лиха замысливають. А поѣди же въ свой Вышегородъ, отголѣ же ся хочю съ тобою рядити». Ипат. 1150.

Старый Вячеславъ обидѣлся этимъ вѣжливымъ приглашеніемъ уѣхать изъ Кіева; но дѣлать было нечего, онъ уступилъ Кіевъ племяннику, упрекнувъ его, однако, тѣмъ, что онъ самъ звалъ его въ Кіевъ, и уѣхалъ въ свой Вышегородъ.

Въ томъ же году Изяславъ поѣхалъ къ дядѣ въ Вышегородъ и вступилъ съ нимъ въ переговоры. Изяславъ хорошо понималъ, что кроткій и уступчивый Вячеславъ не можетъ быть ему опасенъ, а пользу принести можетъ, предоставивъ въ его распоряженіе свою дружину. Онъ сдѣлалъ, поэтому, дядѣ великолѣпное предложеніе — сѣсть въ Кіевѣ. Всѣ хорошо знали, что Вячеславъ не можетъ держаться въ Кіевѣ, и потому Изяславъ, приглашая бездѣтнаго дядю въ Кіевъ, рѣшительно ничѣмъ не рисковалъ. Вся власть по прежнему оставалась въ его рукахъ, дядя получалъ только почотъ. Предлагая дядѣ поѣхать въ Кіевъ, гдѣ никто его не желалъ видѣть, Изяславъ просилъ, чтобы Вячеславъ далъ ему свой полкъ для предстоящей войны съ Юріемъ. Вячеславъ съ удовольствіемъ согласился на всѣ эти предложенія и вступилъ въ дружественный союзъ съ племянникомъ.

«Что, сыну, говорилъ онъ племяннику, у мене дружины моея, вси съ тобою пущаю». Изяславъ же, продолжаетъ лѣтописецъ, пріѣха въ Кіевъ, и тако ударя у трубы, съзва кіяны, и пойде изъ Кіева полкы своимы противу Владимиру, тако река: се ми есть ближе, къ тому пойду переже». Ипат. 1150.

Изъ приведеннаго мѣста видно, что въ Кіевѣ распоряжается не Вячеславъ, а Изяславъ. Такъ установилось двоецарствіе въ Кіевской волости, о которомъ мы имѣли уже случай говорить выше. Дѣйствительная власть вся осталась въ рукахъ младшаго князя, несмотря на то, что онъ обязался имѣть Вячеслава отцомъ себѣ. Установленіе двоецарствія въ такой формѣ свидѣтельствуетъ, конечно, не о господствѣ родовыхъ началъ въ нашей древней исторіи, а лишь о политической изворотливости князя Изяслава. Когда онъ находилъ возможнымъ обходиться безъ помощи дяди, онъ не только не предлагалъ ему Кіева, но даже отбиралъ города, принадлежавшіе къ его удѣлу. Съ перемѣной обстоятельствъ, онъ оказываетъ ему почотъ, нисколько, впрочемъ, не умаляющій собственной его роли и значенія.

Новымъ союзникамъ пришлось выдержать весьма упорную борьбу съ Юріемъ Владиміровичемъ. Въ 1151 году имъ удалось, однако, восторжествовать надъ нимъ и принудить его къ миру, по которому Юрій обязался «Кіева подъ Вячеславомъ и подъ Изяславомъ не искати». Ипат. Такимъ образомъ, въ небольшой промежутокъ двухъ лѣтъ, тѣ же самые князья заключили два мирныхъ договора на совершенно противоположныхъ началахъ По миру 1149 года Изяславъ отказывается отъ Кіева въ пользу Юрія, по миру 1151 года, наоборотъ, Юрій отказывается отъ Кіева въ пользу Изяслава. И дядя, и племянникъ, слѣдовательно, одинаково хорошо могутъ занимать Кіевскій столъ, и при этомъ дядя, уступающій Кіевъ племяннику, продолжаетъ оставаться старѣйшиной. Борьба велась не изъ-за старѣйшинства, а изъ-за матеріальныхъ выгодъ. Юрій двинулся на югъ, желая пріобрѣсти Переяславль; цѣль своей борьбы съ дядею Изяславъ объясняетъ самъ въ словахъ, обращенныхъ къ войску, которое жаловалось на затруднительность своего положенія: съ тылу угрожалъ войску Владиміръ Галицкій, а съ фронта—Юрій.

«Изяславъ же рѣче дружинѣ своей: «вы есте по мнѣ изъ Рускые земли вышли (войско находилось въ Волыни),

своихъ селъ и своихъ жизній лишився, а язъ пакы своея дѣдины и отчины не могу перезрѣти: но любо голову свою сложю, пакы ли отчину свою налѣзу и вашю всю жизнь. Да же мя постигнеть Володимеръ съ сѣми, а съ тѣмъ судъ Божій вижю, а како Богъ разъсудить съ нимъ; пакы ли мя усрящеть Гюрги, а съ тѣмъ судъ Божій вижю, како мя съ нимъ Богъ разсудить». Ипат. 1150.

Изяславъ доискивается для себя — своей отчины, а для преданныхъ ему лицъ — ихъ отчинъ въ Кіевской волости. Онъ достигаетъ своей цѣли и остается кіевскимъ княземъ до смерти своей. Приведенныя слова сказаны Изяславомъ уже послѣ того, какъ онъ заключилъ союзъ съ Вячеславомъ и предоставилъ ему право сѣсть въ Кіевѣ. Текстъ этого союза не дошелъ до насъ, но изъ приведенныхъ словъ видно, что Изяславъ не отказался отъ своей отчины, Кіева и Переяславля; онъ не уступилъ своихъ отчинныхъ правъ дядѣ, а продолжалъ оставаться кіевскимъ кназемъ и послѣ «ряда» съ нимъ. Что Вячеславъ не служилъ прикрытіемъ для Изяслава отъ притязаній Юрія, это видно изъ того, что война Юрія противъ племянника продолжалась и послѣ того, какъ Вячеславъ сдѣлался соправителемъ Изяслава.

Установленное Изяславомъ двоецарствіе продолжается и послѣ его смерти. Въ 1154 году, какъ только скончался Изяславъ, сейчасъ же возникъ вопросъ о новомъ князѣ на его мѣсто, такъ какъ Вячеславъ самъ собою не могъ держаться въ Кіевѣ. И Вячеславъ, и мужи княжіе, и кіяне всѣ единогласно сошлись на Ростиславѣ Мстиславичѣ, какъ преемникѣ Изяслава.

«И посадиша въ Кіевѣ Ростислава кіане, говоритъ лѣтописецъ, рекуче ему: «яко же братъ твой Изяславъ честилъ Вячеслава, тако же и ты чести, а до твоего живота Кіевъ твой». Ипат. 1154.

Эти слова бросаютъ яркій свѣтъ и на положеніе Изяслава въ Кіевѣ. Какъ теперь кіевскимъ княземъ становится Ростиславъ, такъ передъ тѣмъ былъ имъ Изяславъ. Вячеславъ тоже считался кіевскимъ княземъ, но для него это

было только почетное званіе, а не дѣйствительное княженіе. Надо отдать справедливость племянникамъ добродушнаго Вячеслава, они такъ были къ нему почтительны, что онъ въ самомъ дѣлѣ думалъ, что распоряжается въ Кіевѣ. Вотъ съ какой рѣчью обратился онъ къ Ростиславу:

«Сыну! се уже въ старости есмь, а рядовъ всихъ не могу рядити. А, сыну, даю тебѣ, якоже братъ твой держалъ и рядилъ, тако же и тобѣ даю. А ты мя имѣй отцемъ и честь на мнѣ держи, яко же и братъ твой, Изяславъ, честь на мнѣ держалъ и отцемъ имѣлъ. А се полкъ мой и дружина моя, а ты ряди».

На это Ростиславъ почтительно и не безъ лести отвѣчалъ:

«Велми радъ, господине отце, имѣю тя отцомъ господиномъ, яко же и братъ мой, Изяславъ, имѣлъ тя и въ твоей воли былъ». Ипат. 1154.

Итакъ, по смерти Изяслава, кіевскимъ княземъ дѣлается, по волѣ кіевлянъ и втораго кіевскаго князя, младшій братъ умершаго, Ростиславъ. Это опять преемство не по старшинству. Старшимъ въ это время былъ черниговскій князь, Изяславъ Давыдовичъ. Получивъ вѣсть о смерти Изяслава Мстиславовича, онъ подъѣзжалъ къ Кіеву подъ предлогомъ «оплакать гробъ умершаго». Но этого старѣйшину не пустили въ Кіевъ, опасаясь, что онъ сядетъ на столѣ.

Старше Ростислава былъ и дядя его, Юрій, но объ немъ не вспомнили ни кіевляне, ни родной братъ его, Вячеславъ, ни вновь избранный на кіевскій столъ племянникъ, Ростиславъ. Вспомнили объ немъ черниговскіе князья, Изяславъ, котораго только-что не пустили въ Кіевъ поплакать надъ гробомъ умершаго родственника, и Святославъ Ольговичъ, старинный союзникъ Юрія. Они послали за нимъ въ Суздаль; но для нихъ Юрій былъ не старшій, а младшій. Они звали его, какъ союзника, для борьбы съ кіевскими князьями. Сынъ Юрія, Глѣбъ, дѣйствительно, немедля напалъ на Переяславль. Какъ и при Изяславѣ, Вячеславъ оказываетъ пользу

Ростиславу не старшинствомъ своимъ, которое нисколько не удерживаетъ Глѣба отъ войны съ кіевскими князьями, а дружиной.

Въ самомъ началѣ этой войны Вячеславъ умеръ, а Ростиславъ былъ разбитъ соединенными силами Изяслава Давыдовича и Глѣба Юрьевича и принужденъ бѣжать въ свой Смоленскъ. Кіевъ, недавно имѣвшій двухъ князей, оказался вовсе безъ князя, а у воротъ его стояли половцы, приведенные сыномъ Юрія. Медлить было некогда, надо было спѣшить приглашеніемъ князя-защитника. Изяславъ Давыдовичъ предложилъ Кіеву свои услуги.

«Они же, разсказываетъ о кіевлянахъ лѣтописецъ, боячеся половець, зане тогды тяжко бяше кіяномъ, не осталъ бо ся бяше у нихъ ни единъ князь у Кіевѣ, и послаша кіяне епископа Демьяна каневьского (къ Изяславу), рекуче: «поѣди Кіеву, ать не возмуть насъ половци, ты еси нашъ князь, а поѣди». Ипат. 1154.

Изяславъ не заставилъ себя долго ждать и занялъ кіевскій столъ. Въ лицѣ его сѣлъ, наконецъ, старѣйшина *), но не въ силу своего старшинства, а благодаря стѣсненному положенію кіевлянъ. Чтобы утвердиться въ Кіевѣ, Изяславу надо было удовлетворить Юрія. Онъ вспомнилъ его притязанія на Переяславль и поспѣшилъ отдать эту волость сыну его, Глѣбу. Но съ тѣхъ поръ, когда Юрій впервые заявилъ притязанія на Переяславль прошло много времени и ему удавалось не разъ садиться въ самомъ Кіевѣ. Обезпечивъ себя выгодными союзами со Святославомъ Ольговичемъ, племянникомъ Ростиславомъ и Святославомъ Всеволодичемъ,

*) Изяславъ былъ старѣйшиной среди потомковъ втораго и третьяго сына Ярослава, которымъ и принадлежала первая роль въ Приднѣпровьи. Но старѣе его былъ правнукъ старшаго сына Ярослава, Юрій Ярославичъ. Этотъ дѣйствительный старшина не игралъ, однако, соотвѣтствующей его старшинству роли. Мы даже не можемъ сказать, чѣмъ онъ въ это время владѣлъ. Лѣтопись упоминаетъ о немъ подъ 1149 г. Онъ находился тогда въ войскѣ Юрія и вмѣстѣ съ сыномъ послѣдняго, Ростиславомъ, противился заключенію союза съ Изяславомъ.

Юрій отправилъ къ Изяславу посольство съ требованіемъ очистить Кіевъ. «Мнѣ отчина Кіевъ, а не тебѣ», приказалъ онъ сказать Изяславу.

«Изяславъ же, продолжаетъ лѣтописецъ, присла къ Гюргеви, моляся и кланяяся, река: «ци самъ есмь ѣхалъ Кіевѣ? Посадили мя кіяне! А не сотвори ми пакости! А се твой Кіевъ». Ипат. 1155.

Эти переговоры очень знаменательны; они показываютъ, изъ-за чего у князей идетъ борьба. Сторонники родовой теоріи говорятъ, что князья воюютъ изъ за старшинства. Изяславъ Мстиславичъ и Юрій доискиваются не старшинства, а отчины. Ссылаясь на начало отчины, Юрій отнялъ Кіевъ у старшаго князя и княжилъ тамъ до смерти своей.

Но Изяславъ Черниговскій хотя и не былъ отчичемъ Кіеву, тѣмъ не менѣе не хотѣлъ помириться съ утратою этого города. Княжилъ же тамъ его младшій двоюродный братъ, Всеволодъ Ольговичъ, тоже не отчичъ. Изяславъ сталъ составлять союзы противъ Юрія. Ему удалось склонить на свою сторону Ростислава Мстиславича, недавняго кіевскаго князя, и Мстислава Изяславича, отчича и дѣдича Кіеву. Новые союзники собирались уже выступить къ Кіеву, какъ получено было извѣстіе о смерти Юрія († 1159). Кіевляне, оставшись безъ князя, снова пригласили къ себѣ на столъ Изяслава Давыдовича. На этотъ разъ лѣтописецъ не объясняетъ мотивовъ, какими они руководствовались, но мотивы эти ясны и безъ объясненія: Изяславъ былъ уже кіевскимъ княземъ; кіевское княженье очень ему понравилось, и хотя онъ вынужденъ былъ уступить его Юрію, но вскорѣ за тѣмъ съумѣлъ составить союзъ съ цѣлью добычи Кіева; наконецъ, на его сторонѣ были даже и кіевскіе отчичи и дѣдичи. Начавъ свое княженіе въ Кіевѣ при столь благопріятныхъ условіяхъ, Изяславъ скоро потерялъ его и по своей собственной винѣ. Онъ вмѣшался въ галицкія дѣла съ цѣлью доставить столъ Галицкой волости покровительствуемому имъ Ивану Берладнику. Это произвело раздѣленіе среди его союзниковъ. Большинство изъ нихъ отказа-

лось поддерживать его. Онъ потерпѣлъ пораженіе и бѣжалъ съ поля битвы, а главный его противникъ, галицкій князь Ярославъ, соединившись съ прежнимъ его соперникомъ Мстиславомъ Изяславичемъ, дядею его, Владиміромъ Мстиславичемъ, вновь доставилъ кіевское княженіе Ростиславу, призванному народомъ въ Кіевъ еще 1154 году. Въ лицѣ Ростислава Кіевъ снова перешелъ къ младшей линіи Ярославичей и къ младшему родственнику. Изгнанный Изяславъ Давыдовичъ приходился дядею Ростиславу.

По смерти Ростислава на Кіевъ, въ силу начала отчины, могли предъявить притязанія: Святославъ Всеволодовичъ, Владиміръ Мстиславичъ, Глѣбъ Юрьевичъ съ братьями и ихъ племянники, Изяславичи и Ростиславичи. Кіевъ достался, однако, не старѣйшему, не дядѣ, а одному изъ племянниковъ, Мстиславу Изяславичу. Это случилось по желанію кіевлянъ и князей союзниковъ Мстислава Изяславича, къ которымъ между прочимъ, принадлежали дяди его, Владиміръ Мстиславичъ и Владиміръ Андреевичъ, родной братъ, Ярославъ, и двоюродные братья Ростиславичи. Но князья-родственники хотѣли дорого продать новому кіевскому князю свое содѣйствіе. Лѣтописецъ говоритъ, что они заключили между собой особый союзъ съ цѣлью взять у Мстислава волости по своей волѣ. Новое указаніе на то, что старѣйшины въ Володиміровомъ племени ищутъ себѣ не Кіева, а придатка къ своимъ собственнымъ удѣламъ. Мстиславъ принялъ мѣры предосторожности; онъ послалъ къ другимъ своимъ «ротникамъ» къ Ярославу Галицкому, къ ляхамъ и къ Всеволодовичамъ (сыновьямъ Всеволода Мстиславича), извѣщая ихъ объ измѣнѣ братьи и прося помощи. При содѣйствіи этихъ союзниковъ Мстиславу удалось уладиться съ остальными и онъ цѣловалъ съ ними крестъ «о волостяхъ». Въ чемъ состояло это соглашеніе, мы не знаемъ; но можно думать, что не всѣ участники были удовлетворены. Первый сталъ замышлять противъ Мстислава дядя его, Владиміръ Мстиславичъ. Но попытка эта не удалась. Онъ не нашелъ сочувствія ни среди князей,

ни среди бояръ своихъ, которые отказались поддерживать его въ войнѣ со Мстиславомъ. Владиміръ вынужденъ былъ искать убѣжища въ далекой Рязани. Послѣ бѣгства Владиміра Мстиславича для новаго кіевскаго князя наступилъ моментъ спокойствія. Въ это время «въ его воли были» даже черниговскіе Ольговичи, старшіе его родственники, среди которыхъ состоялъ и кіевскій отчичъ, Святославъ Всеволодовичъ. Но спокойствіе это было не продолжительно. Со Мстиславомъ разыгралась исторія, весьма напоминающая ту, которая повела къ изгнанію изъ Кіева его прапрадѣда, Изяслава Ярославича. Какъ тогда Святославъ Черниговскій возбудилъ Всеволода Переяславскаго противъ старшаго брата, пославъ сказать ему, что Изяславъ «мыслитъ на наю», такъ теперь Давыдъ Ростиславичъ послалъ сказать брату Рюрику: «Мьстиславъ хочеть наю яти». Мстиславъ, ничего не замышлявшій противъ братьи, согласился еще разъ цѣловать крестъ въ доказательство своей невинности и просилъ выдать ему людей, которые своими навѣтами вызвали подозрѣніе Ростиславичей. Давыдъ отказалъ, говоря: «если я этихъ выдамъ, кто тогда мнѣ что нибудь скажетъ?» Не смотря на новое крестное цѣлованіе, недовѣріе къ Мстиславу продолжало смущать Ростиславичей. «Сердце ихъ не бѣ право съ нимъ», говоритъ лѣтописецъ. У другихъ соперниковъ Мстислава были свои причины неудовольствія. Дядя его, Владиміръ Андреевичъ, сталъ прирашивать у него волости. Мстиславъ отказалъ, ссылаясь на то, что недавно еще надѣлилъ его. Это неудовольствіе ближайшихъ сосѣдей и ротниковъ кіевскаго князя выразилось, наконецъ, въ образованіи противъ него обширнаго союза южныхъ и сѣверныхъ князей. Въ этомъ союзѣ приняли участіе всѣ Ростиславичи, Романъ, Рюрикъ, Давыдъ и Мстиславъ, дядя Мстислава, Владиміръ Андреевичъ, Олегъ и Игорь Черниговскіе и сыновья Юрія, Андрей, Глѣбъ и Всеволодъ. Мстиславъ не могъ справиться съ такой коалиціей и принужденъ былъ очистить Кіевъ, гдѣ союзники посадили Глѣба Юрьевича. Этотъ Глѣбъ былъ отчичемъ Кіеву,

но далеко не старшимъ. Старше его былъ родной братъ его, Андрей *); старше Андрея—Владиміръ Мстиславичъ и Владиміръ Андреевичъ; старше ихъ Олегъ и Игорь Святославичи Черниговскіе; всѣхъ же старше былъ Святославъ Всеволодовичъ Черниговскій, не принимавшій участія въ коалиціи. За исключеніемъ Владиміра Андреевича и двухъ Святославичей всѣ эти старшіе князья были въ то-же время и отчичами Кіеву. Не смотря на то, что права ихъ нисколько не хуже правъ Глѣба, всѣ они уступили Кіевъ младшему отчичу.

Мы прослѣдили всѣ случаи перехода Кіевской волости съ древнѣйшихъ временъ до 1171 года. По мнѣнію Неволина лишь до этого времени (послѣдней четверти XII столѣтія) «главнымъ основаніемъ къ замѣщенію кіевскаго престола принималось родовое старѣйшинство» (617); а потому мы можемъ остановиться здѣсь. Изъ представленнаго нами обзора историческихъ фактовъ надо сдѣлать какъ разъ противоположное заключеніе. Родовое старшинство не только не принималось главнымъ основаніемъ къ замѣщенію кіевскаго престола, но на него не обращалось почти никакого вниманія. Старшинство служило основаніемъ для притязаній и то далеко не всегда; но притязали на Кіевъ и младшіе. Добывалъ же Кіевъ изъ разныхъ претендентовъ тотъ, который былъ лучше обставленъ. Старшинство же нисколько не мѣшало старшему отказываться отъ Кіева въ пользу младшаго, какъ отказывались отъ него и младшіе.

V. Заключеніе.

Нашей древности былъ совершенно не извѣстенъ какой либо опредѣленный порядокъ преемства столовъ. Столы

*) Годы рожденія сыновей Юрія въ лѣтописи не означены, но старшинство Андрея слѣдуетъ изъ того порядка, въ какомъ они перечислены по случаю раздачи имъ городовъ въ Преднѣпровьи. Они перечислены въ такой послѣдовательности: Ростиславъ, Андрей, Борисъ, Глѣбъ, Василько. Ипат. 1149.

распредѣлялись подъ вліяніемъ весьма разнообразныхъ началъ: народнаго избранія, распоряженія царствующаго князя, начала отчины и даже старѣйшинства, но ни одно изъ этихъ началъ не было настолько сильно, чтобы могло осуществляться само собой и наперекоръ другимъ. Для проведенія одного изъ этихъ началъ въ дѣйствіе необходимо было, чтобы другіе содѣйствовали ему или, по крайней мѣрѣ, не мѣшали. Въ противномъ случаѣ между разнородными началами возникала борьба и торжествующимъ выходило то, представители котораго въ данномъ случаѣ были фактически сильнѣе.

Реальная сила этихъ началъ была далеко неодинакова. Народное избраніе и распоряженіе царствующаго князя всегда имѣли за собой нѣкоторую дѣйствительную силу. Но и они могли встрѣтиться съ болѣе мощною силою и быть вынужденными уступить ей. Въ 1146 году Изяславъ Мстиславичъ занялъ Кіевъ по народному избранію; но въ 1149 году, когда обстоятельства измѣнились и Юрій началъ одолѣвать Изяслава, тѣ же кіевляне стали просить своего избранника уступить Кіевъ Юрію. Дѣдъ этого Изяслава, Владиміръ Мономахъ, еще при жизни своей сдѣлалъ распоряженіе о преемствѣ своихъ владѣній: старшему сыну его, Мстиславу, въ Кіевѣ долженъ былъ наслѣдовать второй сынъ, Ярополкъ; а сыновья Мстислава должны были получить Переяславль. Владиміръ былъ силенъ и могъ приказывать своимъ дѣтямъ. Но исполнять волю его пришлось послѣ его смерти. Младшій его сынъ, Юрій, не подчинился волѣ умершаго отца и прогналъ племянниковъ изъ Переяславля. Ярополкъ хотѣлъ настоять на исполненіи воли завѣщателя, но это ему тоже не удалось и онъ уступилъ Переяславль Юрію.

Вслѣдствіе этого, народу и царствующимъ князьямъ мало было выразить свою волю, имъ надо было скрѣпить ее предварительнымъ согласіемъ наивозможно большаго числа другихъ факторовъ нашей древней политической жизни. Такъ Всеволодъ Ольговичъ Черниговскій, желая, по смерти своей, передать кіевскій столъ брату своему Игорю, зару-

чается предварительнымъ согласіемъ кіевлянъ и князей, въ числѣ которыхъ были лица, имѣвшія даже болѣе правъ на Кіевъ, чѣмъ Игорь.

Начало отчины и старѣйшинства имѣетъ за собой еще менѣе реальной силы, чѣмъ воля народа и воля царствующаго князя. Можно представить себѣ отчича въ пеленкахъ. Какіе же у него шансы осуществить свои отчинныя права? Сами по себѣ права эти не дѣйствуютъ, а суда, передъ которымъ можно было бы искать признанія ихъ, небыло. Положеніе такихъ князей-сиротъ было въ древности такъ мало обезпечено, что ихъ приравнивали къ изгоямъ. У старѣйшины такъ же нельзя предполагать непремѣнно наличность необходимой реальной силы для осуществленія какихъ либо наслѣдственныхъ притязаній. У Вячеслава была дружина, но совершенно отсутствовала энергія. Это всѣ знали, и когда Юрію пришла въ голову мысль уступить ему Кіевъ, княжіе мужи возстали, указывая на то, что послѣдствіемъ этого будетъ утрата Кіева и ничего больше. Отчичи и старѣйшины, для осуществленія своихъ желаній, нуждались еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ народъ и царствующіе князья, въ наличности такихъ благопріятныхъ условій, какихъ дѣйствительность могла и не представить.

Такимъ образомъ, тѣ четыре начала, подъ вліяніемъ которыхъ происходило распредѣленіе столовъ, въ дѣйствительности нерѣдко нарушались, и князья занимали столы не въ силу этихъ началъ, а наперекоръ имъ. Такъ Святославъ Ярославичъ, прогнавъ изъ Кіева брата Изяслава, нарушилъ этимъ не только распоряженіе отца, но и начало старѣйшинства; Владиміръ Мономахъ, занявъ Кіевъ по народному избранію, нарушилъ распоряженіе дѣда и постановленіе Любецкаго съѣзда, признавшаго начало отчины; тѣ-же начала нарушилъ и Всеволодъ Ольговичъ, изгнавшій изъ Чернигова дядю Ярослава и пр. и пр. и пр.

Какъ же разсматривались у насъ въ древности такіе случаи?

Случаи эти неодинаковы. Лучшіе изъ нихъ тѣ, когда

князь, занимая извѣстный столъ, имѣлъ за себя хотя бы одно изъ четырехъ началъ, опредѣлявшихъ распредѣленіе столовъ; худшіе, когда онъ ничего не могѣ привести въ свою пользу, кромѣ насилія и хищенія.

Наша древность легко примирялась даже съ худшими. Вопіющій примѣръ представляетъ Всеволодъ Ольговичъ, изгнавшій дядю, Ярослава Святославича, изъ Чернигова въ Рязань. Ярославъ былъ отчичемъ Чернигова и находился въ спокойномъ обладаніи этимъ городомъ, который онъ наслѣдовалъ по смерти старшаго брата, Давыда. Всеволодъ, съ точки зрѣнія того времени, не имѣлъ никакихъ законныхъ притязаній на Черниговъ, которыя давали бы ему право искать этотъ городъ подъ дядею. Тѣмъ не менѣе онъ былъ всѣми признанъ черниговскимъ княземъ. Еще менѣе правъ имѣлъ онъ на Кіевъ, но также былъ всѣми признанъ кіевскимъ княземъ, княжилъ тамъ до смерти и получилъ согласіе даже отчичей Кіева на передачу этого княженія своему брату, Игорю. А многимъ ли лучше этого Всеволода былъ Святославъ Ярославичъ, прогнавшій своего старшаго брата изъ Кіева? Если ему дѣйствительно угрожала опасность со стороны Изяслава, тогда онъ находился въ состояніи обороны и, конечно, могъ сдѣлать то, что сдѣлалъ. Но былъ ли онъ въ состояніи обороны? Это ничѣмъ не доказано и представляется весьма сомнительнымъ.

Наши старые лѣтописцы хотя очень робко, но осуждаютъ такіе хищническіе захваты волостей. Осужденіе это проявляется въ томъ, что они иначе и объяснить ихъ не могутъ, какъ дьявольскимъ внушеніемъ. Описанію распри Ярославичей начальный лѣтописецъ предпосылаетъ такое замѣчаніе: «въздвиже дьяволъ котору въ братьи сей». Также точно и описанную выше измѣну союзниковъ Мстислава Изяславича лѣтописецъ объясняетъ тѣмъ, что «искони вселукавый дьяволъ, не хотяй добра всякому христіанину и любви межи братьею» и т. д. Но политика того времени легко мирилась со всѣми этими насиліями и хищеніями. Мирилось съ ними даже и духовенство, которое брало на себя грѣхъ

клятвопреступленія. Оно руководствовалось при этомъ самыми лучшими побужденіями, но не могло устранить роковыхъ послѣдствій примиренія съ неправдой. А послѣдствія эти состояли въ томъ, что всякій неправильный захватъ послѣдовавшимъ за тѣмъ примиреніемъ съ заинтересованными въ немъ лицами обращался въ правильно пріобрѣтенное владѣніе; возможность же такого способа расширенія своихъ владѣній разжигала хищническіе инстинкты князей и подталкивала ихъ къ насиліямъ. Распредѣленіе князей по столамъ переходило, такимъ образомъ, въ борьбу князей изъ-за волостей *). Эту борьбу должны были вести даже и тѣ князья, которые имѣли на своей сторонѣ одно или даже нѣсколько изъ указанныхъ выше законныхъ притязаній на столъ. Изяславъ Мстиславичъ былъ отчичемъ Кіева и Переяславля и народнымъ избранникомъ, но и ему пришлось воевать изъ-за обладанія этими городами и съ черниговскими князьями, и съ Юріемъ Владиміровичемъ. Изяславъ самъ понималъ, что онъ сдѣлался обладателемъ этихъ городовъ не столько въ силу права, сколько въ силу умѣнья, а потому онъ и говоритъ о себѣ: «добылъ есмь головою своею Кіева и Переяславля». Ипат. 1149. Но добыть Кіевъ можно было и безъ всякихъ законныхъ основаній, однимъ умѣньемъ. Такъ добылъ его Всеволодъ Ольговичъ Черниговскій. Эта свободная дѣятельность «добыванія» столовъ проходитъ чрезъ всю нашу исторію и выражается въ различныхъ терминахъ. Кромѣ слова «добывать» было еще въ употребленіи выраженіе «искать». Всеволодъ Ольговичъ Черниговскій, овладѣвъ Кіевомъ, долженъ былъ подѣлиться съ своими родными братьями, но не умѣлъ придти съ ними въ

*) Авторъ «Исторіи отношеній между князьями Рюрикова дома» отлично зналъ лѣтописи, тѣмъ не менѣе онъ утверждаетъ, что захватъ волости, благодаря силѣ и удачѣ, есть новое московское явленіе. Этому трудно повѣрить, но такъ у него написано. Разсуждая на 439 стр. о захватѣ сыновьями Юрія Москвы, онъ говоритъ: «ихъ право не было старинное право старшинства, но право новое, право силы и удачи».

этомъ отношеніи къ соглашенію. Они хотѣли получить прирѣзку къ своимъ владѣніямъ въ Черниговской волости, а онъ предлагалъ имъ кіевскіе города. Они ѿтвѣчали ему такъ:

«Ты намъ братъ старишій, аже ны не даси, а намъ самѣмъ о собѣ поискати». Ипат. 1142; см. еще 1159.

И затѣмъ между братьями началась война, этотъ обыкновенный способъ исканія волостей.

Въ этомъ же смыслѣ употреблялось и слово «налѣзать». Владиміръ Мономахъ съ такою рѣчью обращается къ Олегу Святославичу:

«Аще бы тогда свою волю створилъ, и Муромъ налѣзлъ, а Ростова бы не заималъ»... Лавр. 1096; см. еще Ипат. 1213.

И вотъ въ такомъ то хаотическомъ состояніи и находился вопросъ о распредѣленіи столовъ между князьями во все до-московское время и перешолъ въ московское. Наше древнее право въ Москвѣ переродилось, но разсматриваемый вопросъ подвергся въ ней сравнительно небольшимъ измѣненіямъ. Самое крупное изъ нихъ состоитъ въ томъ, что съ исчезновеніемъ вѣча избраніе народное отпало. Но за тѣмъ московское правительство не регулировало преемства никакимъ общимъ закономъ и осталось при старыхъ средствахъ, распоряженіяхъ на отдѣльный случай. При возросшей власти московскихъ государей распоряженія эти имѣли, конечно, большую силу, чѣмъ распоряженія кіевскихъ князей, но и московскіе государи еще при жизни своей договаривались съ сосѣдями о будущемъ своемъ преемникѣ. Условіе такого рода находимъ въ договорѣ Дмитрія Ивановича съ серпуховскимъ княземъ, Владиміромъ Андреевичемъ:

«Тебѣ, брату моему молодшему и моему сыну, князю Володиміру Андрѣевичу, держати ти подо мною и подъ моимь сыномъ, подъ княземъ, подъ Василіемъ, и подъ моими дѣтми княженіе мое великое честно и грозно». Рум. собр., I, № 33.

Такое договорное признаніе наслѣдника встрѣчаемъ даже въ царствованіе великаго князя московскаго, Ивана Васильевича, въ самомъ концѣ XV в.

Благодаря цѣлому ряду счастливыхъ случайностей (см. выше стр. 244), начало отчины въ прямой нисходящей линіи получаетъ въ Москвѣ почти безпрепятственное примѣненіе. Но причина этого заключалась не въ выработкѣ новыхъ началъ преемства, неизвѣстныхъ до-московской Россіи, а единственно въ отсутствіи конкуррентовъ-отчичей. Какъ только появились такіе конкурренты, московскіе князья оказались совершенно въ томъ же положеніи, въ какомъ нерѣдко бывали и ихъ отдаленные предшественники, князья кіевскіе. Великаго князя московскаго, Василія Дмитріевича, пережили сынъ и родные братья, отчичи великаго княженія. По примѣру предковъ своихъ, онъ хотѣлъ оставить свой столъ сыну. Но какъ обезпечить за нимъ великое княженіе отъ притязаній братьевъ? Въ его рукахъ были только тѣже средства, какими пользовались князья кіевскіе. Для этого надо было или устранить конкуррентовъ, или войти съ ними въ соглашеніе.

Василій Дмитріевичъ избралъ послѣдній путь, но не могъ склонить на свою сторону всѣхъ братьевъ. Съ нимъ согласились только Андрей и Петръ, которые и заключили договоръ на условіи не искать подъ Василіемъ и его дѣтьми того, чѣмъ благословилъ ихъ отецъ. Юрій и Константинъ не присоединились къ такому соглашенію. Въ первой духовной грамотѣ Василія Дмитріевича, въ которой онъ передаетъ свою отчину сыну, находимъ такое мѣсто:

«А о своемъ сынѣ и о своей княгинѣ покладаю на Бозѣ и на своемъ дядѣ, на князи на Володимерѣ Ондрѣевичѣ, и на своей братьи, на князи на Ондрѣѣ Дмитреевичѣ и на князи на Петрѣ Дмитреевичѣ, по докончанью, какъ ся имутъ печаловатися». Рум. собр. I. № 39.

Какъ Мстиславъ Кіевскій около 300 лѣтъ тому назадъ передаетъ заботу о своихъ дѣтяхъ брату Ярополку, такъ и московскій князь поручаетъ сына печалованію братьевъ и

дяди. Причина таже, соглашеніе, къ которому присоединился на этотъ разъ и дядя, Владиміръ Андреевичъ. Во второмъ завѣщаніи, написанномъ, послѣ смерти старшаго сына Ивана, въ пользу слѣдующаго за нимъ Василія, печалованіе возложено и на младшаго брата, Константина; старшаго же, Юрія, и здѣсь нѣтъ. Ясно, онъ продолжалъ упорствовать, не желая признать правъ племянника на великое княженіе и считая себя отчичемъ. Онъ занялъ совершенно тоже положеніе, какъ и отдаленный его родичъ и соименникъ, Юрій Владиміровичъ, не хотѣвшій признать правъ сыновей Мстислава сперва на Переяславль, а потомъ и на великое княженіе Кіевское. Послѣ смерти Василія Дмитріевича, Юрій Дмитріевичъ обнаружилъ свои замыслы, начавъ войну съ племянникомъ изъ-за обладанія великимъ княженіемъ Московскимъ. На сторонѣ Василія Васильевича стояли союзники, доставленные ему еще покойнымъ отцомъ, родные дяди, Андрей, Петръ и Константинъ, и дѣдъ по матери, литовскій князь, Витовтъ. Силы Юрія были слабѣе силъ его противниковъ; въ 1428 году онъ былъ вынужденъ заключить съ Василіемъ миръ, по которому, наконецъ, обязался не искать подъ нимъ наслѣдія его отца. Но Юрій не долго оставался вѣренъ этому вынужденному соглашенію. Въ концѣ 1430 года онъ возобновилъ споръ о великомъ княженіи, возвратилъ Василію крестную грамоту и поѣхалъ въ Орду, думая привлечь на свою сторону татаръ.

Русскій лѣтописецъ называетъ ордынскаго хана царемъ. Русскіе князья изъ рукъ этого царя получали свои владѣнія и били ему челомъ обо всякихъ дѣлахъ, въ которыхъ сами не могли управиться. Такъ поступилъ теперь и князь Юрій, онъ билъ челомъ царю о великомъ княженіи. Царь нарядилъ судъ изъ своихъ князей и повелѣлъ имъ судить князей русскихъ. Истецъ, князь Юрій, и отвѣтчикъ, великій князь Василій, находились на-лицо и защищали свои интересы предъ татарскимъ трибуналомъ. «И многа пря бысть межъ ими», говоритъ лѣтописецъ. Къ сожалѣнію, онъ передаетъ пренія сторонъ въ слишкомъ краткомъ изложеніи:

«Князь велики, читаемъ у него, по отчеству и дѣдству искаше стола своего; князь же Юрьи лѣтописци и старыми списки и духовною отца своего, великого князя Дмитрія». Воскр. 1432.

Великій князь ссылается въ свою пользу на тоже основаніе, на какое ссылались и князья XII вѣка. Юрій, съ своей стороны, тоже ничего не приводитъ новаго; онъ ссылается на старые прецеденты, записанные въ лѣтописци и старые списки. Мы уже знаемъ, что тамъ были записаны и случаи перехода отчинъ отъ брата къ брату съ устраненіемъ племянниковъ. Эти случаи, конечно, и приводилъ въ свою пользу Юрій. Итакъ, въ XV вѣкѣ вопросъ о наслѣдованіи въ княжескихъ отчинахъ такъ же былъ споренъ, какъ и въ XII-мъ и разъяснялся прецедентами стараго времени.

Кромѣ ссылки на старину, Юрій приводитъ въ свою пользу и завѣщаніе отца. Распредѣливъ владѣнія свои между дѣтьми, Дмитрій Ивановичъ въ своей духовной грамотѣ написалъ:

«А по грѣхомъ отыметъ Богъ сына моего князя Василья, а хто будетъ подъ тѣмъ сынъ мой, ино тому сыну моему княжъ Васильевъ удѣлъ, а того удѣломъ (т.-е. удѣломъ второго сына) подѣлитъ ихъ моя княгиня».

Эта статья, дѣйствительно, говоритъ въ пользу Юрія. Великій князь Василій Дмитріевичъ умеръ, за нимъ слѣдовалъ Юрій, онъ и долженъ получить великое княженіе. Такъ написано.

Но въ самомъ ли дѣлѣ Дмитрій Ивановичъ хотѣлъ такъ написать? Это очень трудно допустить, ибо результатъ получается совершенно несогласный съ обычаями старины и самъ по себѣ нелѣпый. Юрій переходитъ на великое княженіе, а его удѣлъ дѣлится между братьями — что же получаютъ сыновья Василія? Ровно ничего, точно такъ же, какъ и сыновья Юрія, еслибы и онъ умеръ на великомъ княженіи, ибо, по аналогіи, слѣдующій за нимъ братъ получилъ бы великое княженіе, а удѣлъ этого слѣдующаго раздѣлился бы между другими братьями и т. д. Въ концѣ кон-

цовъ великое княженіе и всѣ остальныя владѣнія Дмитрія Ивановича, или почти всѣ, сосредоточились бы въ рукахъ того изъ младшихъ его сыновей, который пережилъ бы своихъ старшихъ братьевъ, и его потомства съ полнымъ устраненіемъ потомства старшихъ сыновей, умершихъ ранѣе этого младшаго. Такого порядка вещей не могъ желать Дмитрій Ивановичъ. Почему его внуки отъ старшихъ сыновей должны были лишиться всякаго участія въ наслѣдствѣ? Очевидно, въ завѣщаніи описка. Дмитрій Ивановичъ, оставляя послѣ себя очень еще молодыхъ сыновей, думалъ о бездѣтной ихъ смерти. Его мысль слѣдовало выразить такъ:

«А по грѣхомъ отыметъ Богъ сына моего Василья, а не будетъ у него дѣтей, а кто будетъ подъ тѣмъ сынъ мой» и т. д.

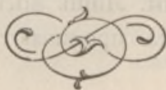
Надо полагать, однако, что аргументъ Юрія, основанный на буквѣ завѣщанія, показался совѣтникамъ Василія весьма опаснымъ, потому что они перемѣнили тактику и отъ прецедентовъ обратились къ лести ордынскому царю.

«И тогда, продолжаетъ лѣтописецъ, рече бояринъ вел. князя, Василіа Дмитреевича, царю и княземъ его, сице глаголя: «государь, волный царь, ослободи молвити слово мнѣ, холопу великого князя! Нашь государь, вел. князь Василій, ищеть стола своего вел. княженія, а твоего улусу, по твоему цареву жалованью и по твоимъ девтеремъ и арлыкомъ, а се твое жалованье передъ тобою. А господинъ нашъ, князь Юрій Дмитреевичь, хочетъ взяти великое княженіе по мертвой грамотѣ отца своего, а не по твоему жалованью, волного царя. А ты воленъ въ своемъ улусѣ, кого всхощешъ жаловати на твоей воли! А государь нашь, князь великій Василей Дмитреевичь, великое княженіе далъ своему сыну, великому князю Василію, по твоему жалованію волнаго царя, а уже, господине, которой годъ сѣдитъ на столѣ своемъ, а на твоемъ жалованіи, тебѣ, своему государю, волному царю, правяся, а самому тебѣ вѣдомо». Воскр.

Василій Дмитріевичъ выигралъ дѣло и получилъ великое княженіе; но какою цѣной? Цѣной лести и отказа отъ всей старины.

Въ только что приведенной рѣчи бояринъ его, извѣстный И. Д. Всеволожскій, вовсе не настаиваетъ на наслѣдственныхъ правахъ своего государя и рѣшеніе спора ставитъ въ зависимость исключительно отъ воли царя; даже завѣщаніе дѣда своего государя называетъ онъ мертвой грамотой! Этого не слѣдуетъ, конечно, принимать буквально. Рѣчь боярина есть образчикъ судебнаго краснорѣчія XV вѣка, и только. При спорности вопроса съ точки зрѣнія прецедентовъ и буквы завѣщанія, обращеніе къ безусловной волѣ царя, который какъ бы уже одобрилъ переходъ великаго княженія къ сыну покойнаго князя, представлялось весьма ловкимъ ораторскимъ пріемомъ. Въ данномъ случаѣ побѣдила не идея наслѣдственности, дѣйствительно упрочившаяся въ Москвѣ, а признаніе абсолютной власти хана.

Но въ московское время начало отчины дѣлаетъ успѣхи не въ одной Москвѣ, а также и въ удѣлахъ московскихъ, и въ другихъ великихъ княженіяхъ. Оно торжественно гарантируется самими великими князьями московскими въ многочисленныхъ договорахъ, заключенныхъ ими съ сосѣдними великими и удѣльными князьями. Какъ же случилось, что эти наслѣдственныя владѣнія соединились всѣ съ Москвой? Въ силу древняго начала добыванія, для котораго въ московское время возникаетъ новое названіе «примысла». Московскіе государи примышляютъ себѣ и московскія наслѣдственные удѣлы и сосѣднія наслѣдственныя великія княженія. Примышляли и кіевскіе князья, но ихъ примыслы по смерти ихъ всегда распадались на свои составныя части. Дмитрію Ивановичу московскому принадлежитъ великая заслуга, онъ вводитъ начало нераздѣльности великаго княженія. Этому новому началу мы и обязаны образованіемъ недѣлимаго государства. Относящіяся сюда статьи княжескихъ завѣщаній приведены и разобраны въ I т. Рус. юр. древ., стр. 64 и сл.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Служебные князья.

Не всѣ князья Рюриковичи были владѣтельными. Многіе изъ нихъ поступали къ владѣтельнымъ князьямъ въ качествѣ ихъ служилыхъ людей и составили особый классъ служилыхъ или служебныхъ князей. О такихъ служилыхъ князьяхъ находимъ извѣстія съ половины XIII вѣка. Подъ 1258 годомъ лѣтопись упоминаетъ «служилыхъ князей» Даніила Галицкаго; въ 1281 году у волынскаго князя, Владиміра, находимъ воеводу князя Вослонимскаго (Слонимскаго). Ипат. Въ московское время число такихъ служилыхъ князей достигаетъ значительнаго развитія.

Существованіе особаго класса служебныхъ князей возбуждаетъ массу вопросовъ. Первый изъ нихъ заключается въ томъ, какъ случилось, что прирожденные Рюриковичи перестали быть братьями владѣтельныхъ князей и стали ихъ слугами. За тѣмъ идутъ вопросы о видахъ служилыхъ князей и ихъ отношеніяхъ къ владѣтельнымъ.

Извѣстія до-московскаго времени по всѣмъ этимъ вопросамъ чрезвычайно скудны. Лишь московскіе памятники второй половины XV вѣка проливаютъ на нихъ нѣкоторый свѣтъ.

Среди служилыхъ князей необходимо различать два вида: князей, ровно ничего неимѣвшихъ, и князей, обладавшихъ наслѣдственными отчинами.

Уже съ глубокой древности мы встрѣчаемъ князей безъ владѣній. Причины такого факта очень различны, но главнымъ образомъ сводятся къ политическому соперничеству владѣтельныхъ князей и стремленію ихъ лишить владѣній своихъ сосѣдей. Такъ Ярополкъ Кіевскій лишаетъ владѣній брата своего, новогородскаго князя, Владиміра; Ярославъ Мудрый дѣлаетъ тоже по отношенію къ своему брату, псковскому князю Судиславу; тоже дѣлаютъ и сыновья его, Святославъ и Всеволодъ, по отношенію къ старшему ихъ брату, Изяславу, князю кіевскому, и т. д. Примѣры безчисленны. Положеніе такихъ лишонныхъ своихъ отчинъ князей чрезвычайно различно. Нѣкоторые изъ нихъ вмѣстѣ съ владѣніями теряютъ и свободу; такъ Ярославъ Мудрый заключилъ Судислава въ тюрьму; такъ же поступилъ съ своимъ братомъ, Андреемъ, и великій князь московскій, Иванъ Васильевичъ. Другіе—спасаютъ свою свободу бѣгствомъ, переживаютъ свое безвременье, скрываясь у родственниковъ и пріятелей, а за тѣмъ, при измѣнившихся въ ихъ пользу обстоятельствахъ, появляются вновь на политической сценѣ, отыскиваютъ отчины и утверждаются въ нихъ. Такъ Владиміръ святой не только возвратилъ себѣ Новгородъ, но и добылъ всѣ владѣнія старшаго брата, Ярополка. Отъ московскаго времени имѣемъ любопытную договорную грамоту двухъ такихъ лишонныхъ своихъ отчинъ князей, Ивана Андреевича Можайскаго и сына Василія Ярославича Серпуховскаго, Ивана Васильевича. Эти князья заключили между собой договоръ «доставати своихъ отчинъ и дѣдинъ». А. Э. I. № 70, 1461. Наконецъ, бывали и случаи поступленія на службу такихъ обдѣленныхъ отчичей къ владѣтельнымъ князьямъ, отъ которыхъ они ожидали за свою услугу всякихъ милостей, а прежде всего, конечно, помощи для возстановленія ихъ нарушенныхъ правъ. Примѣръ этому даетъ Давыдъ Всеславичъ, линіи полоцкихъ князей. По смерти Всеслава Полоц-

каго († 1101) среди сыновей его возникли весьма обыкновенные споры изъ-за наслѣдства. Одинъ изъ Всеславичей, Давыдъ, былъ обдѣленъ и поставленъ въ необходимость искать покровительства у Ярославичей. Въ 1103 году мы встрѣчаемъ его въ войскѣ внуковъ Ярослава во время похода ихъ противъ половцевъ. Это была, конечно, служба его Ярославичамъ. Въ слѣдующемъ году Ярославичи предприняли походъ къ Минску, гдѣ сидѣлъ братъ Давыда, Глѣбъ; Давыдъ принималъ участіе и въ этомъ походѣ противъ своего родного брата. Это общее предпріятіе Ярославичей противъ одного изъ полоцкихъ князей можно разсматривать, какъ актъ ихъ содѣйствія Давыду въ отысканіи отчины. При дробности владѣній до-московскихъ князей и маломъ развитіи ихъ поземельной собственности, награда за службу служилыхъ князей, по всей вѣроятности, обыкновенно и состояла въ содѣйствіи къ возвращенію утраченныхъ ими владѣній. Но уже въ кіевской Руси встрѣчаемся со случаемъ награжденія служилаго князя городами. Мы имѣемъ въ виду назначеніе Изяславомъ Кіевскимъ племяннику своему, Ростиславу Юрьевичу, нѣсколькихъ городовъ на Волыни. Лѣтописецъ (Ипат. 1148) чрезвычайно кратокъ и не сообщаетъ никакихъ подробностей относительно условій этого назначенія. Но совокупность всѣхъ обстоятельствъ дѣла даетъ поводъ думать, что для Ростислава Юрьевича не удѣлъ былъ выдѣленъ на Волыни, а онъ получилъ тамъ города въ кормленіе. Ростиславъ, обиженный отцомъ, пріѣхалъ къ Изяславу съ предложеніемъ услугъ: потрудиться на пользу Русской земли и подлѣ него ѣздить. Ростиславъ не требуетъ себѣ волости, онъ предлагаетъ только услуги. Изяславъ принимаетъ услуги и даетъ Ростиславу волость. На какомъ условіи? Надо полагать, на условіи вѣрной службы. Изяславу не было никакой надобности давать больше, чѣмъ у него просили; надѣлять Ростислава удѣломъ и вступать съ нимъ въ союзъ единенія, какъ самостоятельнымъ княземъ, и тѣмъ связывать свободу своихъ дѣйствій не было причины.

Московскіе великіе князья охотно принимали къ себѣ

на службу не только обдѣленныхъ Рюриковичей, но и Гедеминовичей и татарскихъ царей и царевичей. Насколько такіе выходцы были имъ пріятны, можно судить по тѣмъ богатымъ пожалованіямъ, которыми они награждались. Особенно щедро одаренъ былъ литовскій князь, Свидригайло Ольгердовичъ. Онъ пріѣхалъ служить Василію Дмитріевичу не одинъ, его сопровождали брянскій владыка, Исакій, и шестеро князей: Патрикѣй и Александръ Звенигородскіе, Ѳедоръ Путивльскій, Семенъ Перемышльскій, Михаилъ Хотѣтовскій и Урустай Менскій. Съ этими князьями пріѣхало множество бояръ: черниговскихъ, брянскихъ, стародубскихъ, любутскихъ и рославскихъ.

«Князь же великій, говоритъ лѣтописецъ, пріатъ его съ честію и дасть ему градъ Володимерь съ всѣми волостми и съ пошлинами, и съ селы, и съ хлѣбомъ, такъже и Переславль потому же, и Юрьевъ-Польскій, и Волокъ-Ламскій, и Ржеву, и половину Коломны». Воскр. 1408.

Но и лѣтописецъ начала XV вѣка не объясняетъ, на какихъ правахъ получилъ Свидригайло это громадное пожалованіе. Надо полагать, что въ то время это было всѣмъ хорошо извѣстно, а потому и не нуждалось въ объясненіи. Карамзинъ думаетъ, что Свидригайло получилъ Владиміръ и другіе города «въ удѣлъ» (V, 109). Это очень сомнительно. Ближе, кажется намъ, къ истинѣ Соловьевъ, который видитъ въ этомъ пожалованіи кормленіе (IV, 40). Можно, однако, думать, что здѣсь больше, чѣмъ кормленіе. Свидригайлѣ дана не только доходная должность, но и села съ хлѣбомъ, т.-е. ему пожалована земля. И то, и другое дано, конечно, условно, пока Свидригайло будетъ служить великому князю.

Можно себѣ представить, какой переполохъ должно было произвести въ средѣ великокняжескихъ служилыхъ людей это вторженіе литовскихъ пришлецовъ, пожалованныхъ лучшими городами и многочисленными волостями и селами въ ущербъ имъ, стариннымъ слугамъ!

Не мало получали и татарскіе цари и царевичи. Махметъ

Аминь, посаженный Иваномъ Васильевичемъ на Казанское царство, вынужденъ былъ, въ 1469 году, блюдяся измѣны отъ своихъ князей, бѣжать изъ Казани. Онъ «выбѣжалъ» къ покровителю своему, московскому государю, и получилъ отъ него «Каширу, да Серпуховъ, да Хотунъ съ всѣми пошлинами» (Воскр. 1496). Это извѣстіе еще короче предшествующаго. Оно говоритъ только о назначеніи Махмету Аминю городовъ, конечно, въ кормленіе, но не упоминаетъ о пожалованіи ему земель; а онъ и земли получилъ, которыми не только пользовался на себя, но и дарилъ другимъ *).

Такія крупныя пожалованія кормленіями и землями объясняются важностью пожалованныхъ лицъ. Свидригайло — родной братъ польскаго короля, Ягайлы, и соперникъ Витовта, великаго князя литовскаго; Махметъ Аминь—бывшій и будущій казанскій царь. При надѣленіи ихъ, конечно, предусматривалось, что это щедрое пожалованіе дается на время, а не навсегда. Такъ оно и было въ дѣйствительности.

Другой литовскій выходецъ, князь Александръ Нелюбъ, пріѣхавшій въ 1406 году со множествомъ литвы и ляховъ служить Дмитрію Ивановичу, получилъ отъ него Переяславль. Князю Ѳедору Ивановичу Бѣльскому, вынужденному такъ поспѣшно оставить Литву, что онъ и жены своей не успѣлъ захватить, Иванъ Васильевичъ далъ городъ Демонъ «въ вотчину» да Мареву со многими волостьми (Воскр. 1406, 1482).

Относительно формальностей, какими сопровождалось поступленіе на службу такихъ безудѣльныхъ князей, мы не встрѣтили въ источникахъ никакихъ указаній. Можно думать, что при ихъ опредѣленіи соблюдался тотъ же порядокъ, какой имѣлъ мѣсто и при поступленіи на службу

*) Изъ акта, напечатаннаго у Ѳедотова-Чеховскаго, видно, что онъ пожаловалъ Троицкому на Пескахъ монастырю лѣсъ съ правомъ перезывать крестьянъ на льготахъ. № 57.

вольныхъ слугъ (о чемъ была рѣчь въ I т., Юр. древн., стр. 308 сл.), т.-е. они цѣловали крестъ на вѣрность службы, а владѣтельный князь обѣщалъ любить ихъ и жаловать. Нѣтъ основанія думать, чтобы это могло быть иначе. Нѣкоторое подтвержденіе этому предположенію о единствѣ условій служебнаго положенія вольныхъ слугъ и безземельныхъ князей можно видѣть въ духовной грамотѣ Василія Васильевича, въ которой князья, бояре и дѣти боярскіе, получившіе отъ князя села въ жалованье, ничѣмъ не различены между собой; объ нихъ рѣчь идетъ, какъ объ одномъ и томъ же разрядѣ слугъ.

Возникновеніе служилыхъ князей вотчинниковъ, надо полагать, относится ко времени болѣе позднему, чѣмъ возникновеніе разряда безземельныхъ служилыхъ князей. Въ силу начала преемства по отчинѣ уже въ глубокой древности должны были появиться очень мелкіе владѣтельные князья-отчинники. При господствѣ хищнической подитики въ междукняжескихъ отношеніяхъ древней Руси положеніе такихъ мелкихъ отчинниковъ было очень трудное. Въ домосковское время не было столь крупныхъ владѣній, князья которыхъ могли бы оказывать мелкимъ владѣльцамъ постоянное покровителиство и помощь, а потому имъ ничего не оставалось, какъ искусно лавировать среди опасностей и поддерживать неприкосновенность своихъ владѣній союзами единенія съ сосѣдями. Съ возникновеніемъ Литовскаго государства на западѣ и Московскаго на сѣверо-востокѣ положеніе дѣлъ измѣнилось. Въ рукахъ великихъ князей московскаго и литовскаго соединилась уже достаточная сила для того, чтобы они могли оказывать покровительство и защиту мелкимъ князьямъ-отчинникамъ. Возможность такого покровительства и вызывала поступленіе ихъ на службу къ великимъ князьямъ московскимъ и литовскимъ. Положеніе такихъ служилыхъ князей вотчинниковъ существенно отличается отъ положенія безземельныхъ служилыхъ князей. Они поступаютъ на службу не съ голыми руками, не лично только, но и съ своими отчинами. Отчины ихъ присоеди-

няются къ территоріи владѣтельнаго князя, на службу котораго они поступаютъ, но владѣтельный князь оставляетъ въ ихъ рукахъ судъ и управленіе въ этихъ отчинахъ и гарантируетъ имъ наслѣдственное ими владѣніе. Развитіе этого института въ Московскомъ государствѣ шло очень медленно. У Дмитрія Ивановича есть уже служебные князья, ему служитъ воеводой волынскій князь, Дмитрій Михайловичъ; но нѣтъ указаній, чтобы эти князья имѣли свои отчины. Изъ этого надо заключить, что князей вотчинниковъ на службѣ Дмитрія Ивановича или вовсе не было, или что число ихъ было крайне незначительно. Первое указаніе на служилыхъ князей съ отчинами относится къ царствованію Василія Дмитріевича. Они упоминаются въ его договорѣ съ Тверью. Мелкіе торусскіе и новосильскіе князья были въ его время еще владѣтельными и состояли съ великимъ княземъ въ договорѣ единенія и любви, что, впрочемъ, нисколько не мѣшало ему думать о пріобрѣтеніи Торусы (Рум. собр. I, № 36).

Въ договорахъ Ивана Васильевича и его сына встрѣчаемъ уже постоянныя указанія на служихъ князей съ вотчинами.

Лѣтописныя извѣстія очень отстаютъ отъ договоровъ. Ихъ первыя свѣдѣнія о служилыхъ князьяхъ съ вотчинами не восходятъ далѣе 1490 года. Въ этомъ году

«Пріѣде служити къ великому князю Ивану Васильевичу на Москву князь Дмитрей Федоровичь Воротынскій и съ своею отчиною отъ литовскаго короля Казимира. Того же лѣта пріѣхаша отъ короля Казимира къ великому князю Ивану Васильевичу служити князь Иванъ Михайловичь Перемышльской и съ своею отчиною и князь Иванъ Бѣльской съ своею братьею и съ своими отчинами». Воскр.

Поступленіе на службу съ отчиной есть актъ добровольный. Князь отчинникъ, желающій служить владѣтельному князю, бьетъ ему челомъ о принятіи его на службу вмѣстѣ съ отчиной. Владѣтельный князь изъявляетъ свое согласіе и «жалуетъ» челобитчика его же отчиной. Свободная отъ

служебныхъ обязательствъ отчина становится съ этого момента владѣніемъ условнымъ, принадлежащимъ прежнему отчичу до тѣхъ только поръ, пока онъ служитъ. Отчина служилаго князя превращается, такимъ образомъ, въ помѣстье.

Необходимымъ слѣдствіемъ такого превращенія вотчины въ помѣстье является ограниченіе права распоряженія такихъ новыхъ вотчинниковъ своими вотчинами и соотвѣтствующія измѣненія въ порядкѣ наслѣдованія по закону. Въ случаѣ бездѣтной смерти служилыхъ князей вотчины ихъ поступали въ распоряженіе правительства; онѣ не могли быть отчуждаемы владѣльцемъ постороннимъ лицамъ. Эта мысль высказана, хотя и не очень точно и ясно, послами короля Казиміра къ Ивану Васильевичу:

«Предкомъ нашимъ, великимъ княземъ, тыхъ князей (служилыхъ съ вотчинами) предки докончали и присягу дали служити къ великому князству Литовскому и съ своими отчинами не отступно. А по которымъ дѣломъ Божіимъ, естли бы ихъ дѣтей не было отрода, ино ихъ отчинамъ земли не отступити отъ великаго князства Литовскаго». Сбор. имп. русск. истор. общ. XXXV. 48.

Подобнаго рода ограниченія встрѣчаются и въ московскихъ памятникахъ, но гораздо болѣе точныя и ясныя. Законными наслѣдниками княженецкихъ вотчинъ признавались въ Москвѣ только сыновья владѣльцевъ. Если сыновей не было, вотчины умершихъ поступали къ государю. Женѣ своей умершій могъ отказать вотчину, но только по ея «животъ»; въ пользу дочерей ничего нельзя было завѣщать изъ вотчинъ; въ пользу боковыхъ родственнниковъ — только съ соизволенія государя. Хотя о приведенныхъ ограниченіяхъ рѣчь идетъ въ указахъ XVI вѣка, но надо думать, что они возникли гораздо ранѣе, и если не единовременно съ возникновеніемъ самаго класса служилыхъ людей съ вотчинами, то никакъ не позднѣе царствованія великаго князя Ивана Васильевича. Ограниченія эти совершенно совпадаютъ съ тѣми, которыя были установлены этимъ княземъ для наслѣдованія въ нисходящей линіи его младшихъ сыновей (I т.

Русск. юрид. древн., стр. 76), а потому трудно думать, чтобы онъ не принялъ соотвѣтственныхъ мѣръ и по отношенію къ отчинамъ служилыхъ князей, если только при первомъ ихъ возникновеніи положеніе ихъ не было опредѣлено съ достаточной подробностью и точностью.

Первоначально актъ поступленія на службу облекался въ форму договора съ обоюднымъ крестнымъ цѣлованіемъ. Владѣтельный князь обязывался блюсти отчину служилаго и жаловать его, служилый—служить ему неотступно.

Такъ было въ Литвѣ. Въ 1490 году въ Москву прибыло посольство отъ короля польскаго и великаго князя литовскаго, Казиміра. Послу, между прочимъ, приказано было сказать великому князю московскому отъ имени короля:

«Князь Иванъ Васильевичъ Бѣлевски, такожъ и князь Иванъ Михайловичъ Воротынскій намъ служили и съ своими отчинами и докончаніе и присягу намъ дали служить имъ намъ къ нашому панству, къ великому князству Литовскому, и съ своими отчинами неотступно, по тому какъ ихъ отцы съ нами докончали и присягу намъ дали, и держали то, аже до своее смерти». Сбор. им. рус. истор. общ. XXXV, 47.

Въ словахъ королевскаго посла главное вниманіе обращено на обязанности служилыхъ князей; обязанности короля остаются въ тѣни. Изъ дальнѣйшихъ словъ посла видно, что князья литовскіе награждали такихъ слугъ «изъ ласки въ службу» городами и вотчинами. Но дѣлали они это по доброй своей волѣ, или потому, что обязывались «жаловать», — этого не видно. Для пополненія картины, сдѣлаемъ выписку изъ грамоты служилаго князя Семена Ѳеодоровича Воротынскаго къ великому князю литовскому, Александру, въ которой онъ объясняетъ причины своего отъѣзда въ Москву:

«... служилъ есми отцу твоему, государю своему великому князю, Казимиру, и былъ есми, господине, у твоего отца, государя моего, у крестномъ цѣлованьи, а отецъ твой, господине, былъ у мене у крестномъ цѣлованьи на

томъ, што было отцу твоему, осподарю нашему, за отчину за нашу стояти и боронити отъ всякого. Ино, господине, вѣдомо тебѣ, что отцина моя отстала. И отецъ твой, господине, государь нашъ, за отчину мою не стоялъ и не боронилъ; а мнѣ, господине, противъ моей отчины городовъ и волостей мнѣ не измыслилъ... И твоя милость, господине, меня не жаловалъ, города не далъ и въ доконченья не принялъ». Сборн. импер. рус. истор. общ. XXXV, 84.

Итакъ, обѣ стороны принимаютъ на себя обязательства и скрѣпляютъ ихъ присягой. Служилые князья, недовольные литовскими государями, отъѣзжаютъ въ Москву. Надо думать, что они мѣняли худшее на лучшее; а это приводитъ къ заключенію, что московскіе великіе князья такъ же принимали на себя обязательства блюсти ихъ отчины и жаловать и цѣловали къ нимъ крестъ. Къ счастью, до насъ дошелъ и одинъ полный договоръ служилаго князя съ владѣтельнымъ отъ половины XV-го вѣка. Рум. собр. I. № 80. Мы разумѣемъ договоръ суздальскаго князя, Ивана Васильевича, съ великимъ княземъ московскимъ. Онъ отличается, всѣми указанными признаками договоровъ служилыхъ князей—отчинниковъ съ владѣтельными.

Еще въ 1390 году великій князь московскій, Василій Дмитріевичъ, овладѣлъ подъ дѣтьми и законными наслѣдниками суздальскаго князя, Дмитрія Константиновича, всѣмъ его княженіемъ въ составѣ городовъ: Суздаля, Нижняго, Городца, Вятки. Во время борьбы Дмитрія Шемяки съ Василіемъ Васильевичемъ былъ моментъ, когда Шемяка призналъ наслѣдственныя права на Суздаль за правнуками Дмитрія Константиновича, Василіемъ и Ѳедоромъ Юрьевичами (Рум. собр. I, № 62). Но это признаніе едва ли имѣло какое практическое значеніе. Сынъ Василія Юрьевича, Иванъ, отказался отъ наслѣдственныхъ правъ на Суздальское княженіе, выдалъ великому князю московскому всѣ ханскіе ярлыки на Суздаль, Новгородъ-Нижній, на Городецъ и на все Новугородское княженіе, какіе только у него были, и билъ челомъ великому князю на службу. Вотъ при этихъ

то обстоятельствахъ и былъ заключенъ договоръ, о которомъ мы только-что упомянули. Договоръ написанъ въ формѣ двухъ грамотъ и скрѣпленъ присягою обѣихъ сторонъ. Но это договоръ слуги и господина, а не равноправныхъ князей братьевъ. Условія о братствѣ, поэтому, нѣтъ; суздальскій князь не называетъ даже братомъ Василія Васильевича, а только господаремъ, какъ и въ выше приведенной грамотѣ Воротынскій князь. Онъ отказывается отъ всякихъ самостоятельныхъ сношеній съ другими князьями и обязывается служить великому князю неотступно. Въ случаѣ нарушенія этого условія, суздальскій князь впередъ отказывается отъ удѣла и вотчины, чѣмъ его великій князь пожаловалъ,—въ пользу великаго князя и его дѣтей. За такую неотступную службу великій князь жалуетъ его частью его наслѣдственной отчины, обѣщаетъ блюсти эту часть подъ нимъ и подъ его дѣтьми и предоставляетъ ему право суда и управленія, даже военнаго, въ предѣлахъ этой отчины.

Лично Иванъ Васильевичъ Суздальскій сохраняетъ полную свободу, онъ можетъ даже отъѣхать отъ московскаго князя. Этимъ онъ нарушаетъ свою клятву, а потому будетъ подлежать отвѣтственности предъ духовною властью, которая наложитъ на него «тягость церковную, неблагословеніе». Но передъ свѣтскимъ судомъ онъ не отвѣтственъ лично, а только имущественно: онъ теряетъ свою отчину. Это и значитъ «служити съ отчиной». Вотъ почему въ договорахъ владѣтельныхъ князей мы постоянно встрѣчаемъ условіе о неотъѣздѣ служилыхъ князей съ ихъ вотчинами:

«А князей ти моихъ служебныхъ, читаемъ въ договорѣ Василія Васильевича съ дядей, Юріемъ, съ вотчиною собѣ въ службу не приимати; а которыи имутъ тобѣ служити, а имъ въ вотчину въ свою не въступатися» *).

Это условіе является, такимъ образомъ, только отголос-

*) Рум. собр. I. № 43, ср. еще № 49, 52—3, 61, 64, 91, 133 и др.

комъ особаго соглашенія, состоявшагося между владѣтельнымъ княземъ и служилымъ.

Служебные князья съ вотчинами поступали на службу, кажется, только къ великимъ князьямъ, а не къ удѣльнымъ. На такое заключеніе наводитъ то обстоятельство, что въ договорахъ удѣльныхъ князей съ великими только первые берутъ на себя обязательство служилыхъ князей князя великаго съ вотчинами не принимать. Еслибы служебные князья съ вотчинами были и у удѣльныхъ, это обязательство должно было бы быть двустороннее, что, дѣйствительно, и имѣетъ мѣсто въ договорахъ великихъ князей московскихъ съ великими князьями тверскими *). Указанная особенность легко объяснима. Такъ какъ служилые князья отказываются отъ своей независимости изъ-за покровительства и жалованья, то понятно, что имъ слѣдовало поступать на службу къ великимъ князьямъ, которые могли оказать имъ и то, и другое, а не къ удѣльнымъ, которые сами нуждались и въ покровительствѣ, и въ жалованьи **).

Условіе о не пріемѣ слугъ съ вотчинами включалось и

---

*) Рум. собр. I. № 43, 49, 52—3, 61, 64, 76, 91.

**) Мы утверждаемъ только, что служилые князья съ отчинами обыкновенно поступали на службу великихъ князей, а не удѣльныхъ; а не то, что удѣльные князья права не имѣли принимать на свою службу князей съ отчинами. Этому мнѣнію нашему не противорѣчитъ договоръ Василія Дмитріевича съ Михаиломъ Тверскимъ. А. А. Э. I. № 14. По этому договору тверской князь обязывается не принимать служебныхъ князей съ вотчинами великаго князя московскаго и его братіи. Здѣсь служилые князья предполагаются и у удѣльныхъ. Случай, конечно, возможный, но насколько такіе случаи были рѣдки, видно изъ того, что въ договорѣ съ Тверью преемника Василія Дмитріевича о служебныхъ князьяхъ съ вотчинами у князей удѣльныхъ уже не упоминается. Рум. собр. I. № 76. Иванъ Васильевичъ отказываетъ едва ли не всѣхъ своихъ служилыхъ князей съ вотчинами старшему сыну, Василію, къ его великому княженію. Рум. собр. I. № 144. На стр. 393 ему отказаны служебные князья въ Московской и Тверской землѣ, на 390—князья Новосильскіе, Одоевскіе и Бѣлевскіе съ своими дѣтьми и вотчинами; кромѣ того ему же отказаны — Арскіе князья въ Вятской землѣ и Мордовскіе тоже съ вотчинами.

въ договоры великихъ князей московскихъ съ литовскими *). Но оно, какъ и многія другія условія договоровъ, плохо соблюдалось, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда нарушеніе его требовалось по соображеніямъ политики. Иванъ Васильевичъ охотно принималъ къ себѣ литовскихъ выходцевъ съ вотчинами. Онъ считалъ нужнымъ только формально заявлять объ этомъ великому князю литовскому. Въ 1493 году послы его заявили о переходѣ въ Москву разомъ пяти князей съ вотчинами: Семена Воротынскаго, Андрея и Василья Бѣльскихъ, Михаила Мезецкаго и Андрея Вяземскаго. Но служилые князья литовскіе отъѣзжали въ Москву не только съ своими вотчинами, но и съ жалованьемъ литовскихъ князей, которое получили отъ нихъ «изъ ласки въ службу». Такъ поступили князья Воротынскіе, Можайскій и Шемячичъ. Безудѣльные московскіе князья, Семенъ Ивановичъ, сынъ Ивана Можайскаго, и Василій Ивановичъ, внукъ Шемяки, отъѣхали въ Литву и были ласково приняты литовскими князьями, надѣлившими ихъ городами и волостями. Въ 1500 году оба они ударили челомъ Ивану Васильевичу въ службу «съ вотчинами», какъ называетъ лѣтописецъ пожалованные имъ города и волости. Челобитчики были не довольны притѣсненіями въ греческомъ законѣ. Несмотря на вопіющую неправду этого челобитья **), великій князь милостиво принялъ челобитчиковъ съ вотчинами, послалъ разметную грамоту литовскому князю и поспѣшилъ захватить Брянскъ и Путивль, гдѣ, вѣроятно, находились пожалованные имъ города и волости. Воскр. 239.

Служилымъ князьямъ, по всей вѣроятности, очень хорошо жилось въ Московскомъ государствѣ. Они проводили время въ своихъ вотчинахъ, гдѣ пользовались обширными правами по суду и управленію и даже имѣли въ своемъ

---

*) Сбор. имп. рус. ист. общ. XXXV, 48.

**) Московскіе бѣглецы могли, конечно, отъѣхать, но не имѣли никакого права бить челомъ московскому государю пожалованными имъ изъ ласки вотчинами.

распоряженіи мѣстную военную силу. Лѣтописецъ, описывая подъ 1507 годомъ нападеніе татаръ на бѣлевскія и одоевскія мѣста, говоритъ, что ихъ отразили воеводы великаго князя, и прибавляетъ:

«А и своихъ отчинъ служилые князи, князь Василей Одоевской да князь Иванъ Воротынской, ходили за ними да ихъ побили...»

Цѣлая картина въ двухъ словахъ! Служилые князья живутъ въ своихъ наслѣдственныхъ отчинахъ, судятъ, рядятъ, имѣютъ своихъ слугъ и свое войско, и сами имъ предводительствуютъ, когда оказывается нужнымъ помогать воеводамъ великаго князя.

Таково первоначальное положеніе служилыхъ князей съ вотчинами. Съ теченіемъ времени оно подверглось нѣкоторымъ измѣненіямъ. Первое измѣненіе произошло въ порядкѣ поступленія ихъ на службу. Двусторонняя клятва замѣнилась односторонней, которую приносилъ служилый князь. Произошло, это, можно думать, во второй половинѣ XV вѣка. Изъ приведенной выше грамоты князя С. Ѳ. Воротынскаго видно, что онъ былъ въ обоюдномъ цѣлованіи съ отцомъ великаго князя литовскаго, Александра; но самъ Александръ въ докончаніе его не принялъ. Здѣсь мы и усматриваемъ переломъ въ отношеніяхъ служилыхъ князей къ владѣтельнымъ. Великій князь Александръ, надо думать, отказался цѣловать крестъ Воротынскому; это и значитъ «въ докончаніе его не принялъ». Около того же времени, по всей вѣроятности, произошла такая же перемѣна и въ Московскомъ государствѣ. Очень трудно допустить, что бы Иванъ Васильевичъ самъ цѣловалъ крестъ къ служилымъ князьямъ. Отъ времени же царствованія сына его имѣемъ и довольно ясное указаніе на то, что онъ приказывалъ приводить къ присягѣ служилыхъ князей, а не вступалъ съ ними въ докончаніе.

«Тое же зимы, разсказываетъ лѣтописецъ подъ 1508 годомъ, отъѣха отъ короля, отъ Жидимонта, князь Ми-

хайло Глинской и прислалъ бити челомъ въ службу великому князю, Василію Ивановичю, всеа Руси. И князь велики пожаловалъ его, принялъ къ себѣ съ вотчиною и послалъ къ нему діака своего, Губу Моклокова, и къ цѣлованію его привелъ на томъ, что ему служити и добра хотѣти во всемъ государю, великому князю, Василію Ивановичу, всеа Руси». Воскр.

Это, конечно, одностороннее цѣлованіе; но оно не исключаетъ обѣщанія отъ имени великаго князя блюсти вотчину новаго слуги и жаловать его. Перемѣна произошла больше въ формѣ, чѣмъ въ существѣ дѣла. Нѣтъ указаній, чтобы владѣтельные князья цѣловали крестъ къ своимъ вольнымъ слугамъ, но они обѣщали же любить ихъ и жаловать, иначе не было бы и повода къ поступленію на службу. Но измѣненіе формы должно было повліять и на самое существо дѣла, что и случилось.

Въ царствованіе великаго князя Ивана Васильевича можно уже наблюдать нѣкоторое дальнѣйшее измѣненіе исконныхъ правъ служилыхъ князей съ вотчинами. Ему, по всей вѣроятности, не нравилась наличность значительнаго количества слугъ, пустившихъ глубокіе корни въ почву и состоявшихъ въ старинной и тѣсной связи съ мѣстнымъ населеніемъ. Въ его духовной можно найти указаніе на то, что онъ переводилъ такихъ старинныхъ отчинниковъ на новыя мѣста. У князя Михаила Мезецкаго онъ вымѣнялъ Мещовскъ на Алексинъ. Иванъ Васильевичъ чрезвычайно послѣдователенъ; это та же мѣра выселенія, которая съ такимъ успѣхомъ была примѣнена къ новогородцамъ.

Изъ той же духовной видно, что онъ ограничивалъ и юрисдикцію служилыхъ князей. Князь Мезецкій получилъ Алексинъ безъ права суда, которое было предоставлено сыну и наслѣднику великаго князя, Василію Ивановичу.

Служебные князья обоихъ разсмотрѣнныхъ разрядовъ, съ вотчинами и безъ вотчинъ, составили новый слой служилыхъ людей при дворѣ московскихъ государей. Ранѣе ихъ дворъ этотъ наполняли уже бояре и всякіе вольные

слуги. Несмотря на сравнительно позднее появленіе свое въ рядахъ служилыхъ чиновъ московскихъ государей, князья сразу заняли тамъ первое мѣсто. Перечисляя людей разныхъ чиновъ, которые окружали московскихъ великихъ князей, лѣтописецъ называетъ, обыкновенно, князей впереди бояръ *). Положеніе служилаго князя въ XIV и въ началѣ XV вѣка гораздо почетнѣе положенія боярина. Сочинитель житія Дмитрія Донскаго не находитъ лучшей похвалы боярамъ, какъ наименованіе ихъ князьями. По его словамъ, Дмитрій Ивановичъ, воздавая на смертномъ одрѣ хвалу своимъ боярамъ, говорилъ имъ: «вы не назывались у меня боярами, а князьями земли моей».

Особое покровительство московскіе государи оказывали литовскимъ выходцамъ, даже безземельнымъ, и такъ же безземельнымъ татарскимъ царевичамъ. Назначая ихъ ратными воеводами, они не рѣдко ставили этихъ пришлыхъ людей во главѣ войска и впереди другихъ князей и бояръ, среди которыхъ были и болѣе старые и заслуженые слуги **).

---

*) Въ Переяславлѣ вел. кн. Василія Васильевича встрѣтили: «мати его вел. кн. Софья и его вел. кн. Марія, и сынове его, кн. Иванъ и кн. Юрій, и вси князи, и бояре его, и дѣти боярскія, и множество двора его отъ всѣхъ градовъ». На Дмитрія Шемяку къ Галичу онъ отпускаетъ: «князей своихъ и воеводъ, а большой бысть воевода кн. Вас. Ив. Оболенскій». На Казань Иванъ Васильевичъ посылаетъ: «князя Юрія, князя Андрея Большого, да князя Василья Михайловича (Верейскаго), да съ ними воеводъ своихъ, князя Ивана Юрьевича и всѣхъ князей служилыхъ и дворъ вел. князя». Въ 1471 г. вооружаются на новгородцевъ: «вел. князь, такоже и братія его, и вси князи его, и бояре, и воеводы, и вся воя его». Въ 1472 г., когда миновала опасность татарскаго нашествія, вел. князь «распусти братію свою по своимъ отчинамъ, такоже и князи своя и воеводы и вся воя своя». Тоже и въ Твери. Въ 1486 во время осады Твери къ вел. князю пріѣзжаютъ бить челомъ въ службу: «князи и боляре тверскіе». П. С. Л. VIII. 114, 122, 157, 161, 174, 216.

**) Въ 1447 г. пришли изъ Черкасъ съ татарами два царевича, Махметовы дѣти, Касимъ да Егупъ, послужить вел. кн. Василію Ва-

Новое доказательство тому, что служилые чины московскихъ государей не представляли большой замкнутости. Они постоянно восполнялись новыми элементами. Если возвышенiе Рюриковичей въ первые ряды служилыхъ людей объясняется памятью о братствѣ ихъ съ великими князьями; то предоставленiе первыхъ мѣстъ литовскимъ и татарскимъ выходцамъ надо объяснять политикой. Ихъ ласкаютъ для поощренiя дальнѣйшихъ переходовъ на сторону Москвы. Это дѣлаютъ Василiй Васильевичъ, его сынъ и внукъ. Такимъ образомъ, еще задолго до Ивана Грознаго *), началось у насъ изъ видовъ объединительной политики предпочтенiе чужихъ своимъ, новыхъ слугъ старымъ.

Возникновенiе и упроченiе лѣстницы придворныхъ чиновъ московскихъ государей должно было повести къ уравненiю служилыхъ князей съ остальными ихъ слугами. Чтобы

сильевичу «за прежнее его добро и хлѣбъ; много добра его было до нихъ». Въ 1451 г. Ягупъ царевичъ съ малолѣтнимъ сыномъ вел. князя поставленъ уже во главѣ войска, отправленнаго противъ Шемяки; братъ его Касимъ въ 1450 посланъ на татаръ, а подъ нимъ воевода К. А. Беззубцевъ; въ 1468 г. онъ же посланъ къ Казани во главѣ войска, а подъ нимъ пошли воеводами князья Рюриковичи. Ѳед. Ив. Бѣльскiй, выбѣжавшiй изъ Литвы въ 1482, въ 1499 занимаетъ мѣсто перваго воеводы въ большомъ полку въ походѣ на Казань. Въ 1492 г. выѣхалъ изъ Литвы кн. Семенъ Воротынскiй съ вотчиной и въ томъ же году посланъ на Литву во главѣ войска. Въ 1500 выѣхали изъ Литвы кн. С. И. Можайскiй да В. И. Шемякинъ; въ 1502 г. они посланы воевать Литву, а подъ ними пошли кн. Ан. Вл. Ростовскiй, бояр. С. И. Воронцовъ и др. Въ 1508 г. Василiй Ивановичъ принялъ къ себѣ на службу Мих. Глинскаго съ отчиной, а въ 1514 послалъ его во главѣ войска къ Смоленску. П. С. Л. VIII. 107, 120, 123, 125, 152, 225, 237, 239, 240, 257; Рус. Лѣт. V, 218.

*) Валуевъ, Синб. сб., стр. 21, утверждая, что Иванъ Грозный безземельныхъ азiатскихъ царей и царевичей ставитъ выше всѣхъ древнихъ родовъ, говоритъ совершенную правду, но отодвигаетъ это явленiе къ слишкомъ позднему времени. Тоже дѣлали отецъ, дѣдъ и прадѣлъ Грознаго.

не захудать по службѣ, служилые князья должны были оставить свои вотчины для двора московскихъ государей и домогаться тамъ назначенія въ стольники, окольничіе и бояре. Князь не бояринъ, князь, служившій съ городомъ, а не по разряду, стоялъ въ XVII вѣкѣ неизмѣримо ниже князя-боярина.

ГЛАВА ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ.

Княжескія отношенія и порядокъ преемства столовъ съ точки зрѣнія теоріи родоваго быта.

Историческая наука давно уже отмѣтила тотъ фактъ, что всѣ культурные народы прошли чрезъ стадію родоваго или патріархальнаго быта. Не можетъ подлежать сомнѣнію, что русскіе славяне не представляютъ въ этомъ отношеніи исключенія. Но вопросъ въ томъ, какъ долго сохранился у нихъ этотъ бытъ, какія черты его наблюдаются въ историческое время и какое вліяніе оказалъ онъ на княжескія отношенія X, XI и XII вѣка? Нѣкоторые изслѣдователи нашей старины отводятъ чрезвычайно видное мѣсто вліянію родоваго быта на нашу древнюю историческую жизнь. Первое мѣсто среди писателей этого направленія безспорно принадлежитъ Соловьеву, такъ много и съ такою пользою потрудившемуся въ области изслѣдованія историческихъ судебъ нашего отечества. Господство родоваго быта въ Россіи продолжается, по его мнѣнію, до XII вѣка; только со второй половины XII вѣка замѣчаетъ онъ «начало перемѣны» въ этомъ исконномъ порядкѣ вещей (Исторія, т. I, предисловіе). Господство родоваго быта не ограничивается

частной, семейной сферой, а съ неменьшей силой проявляется и въ государственномъ устройствѣ Русской земли. Вотъ какъ изображаетъ онъ отраженіе началъ родоваго быта въ княжескихъ отношеніяхъ: «Князья не теряютъ понятія о единствѣ, нераздѣльности своего рода; это единство, нераздѣльность выражались тѣмъ, что всѣ князья имѣли одного старшаго князя, которымъ былъ всегда старшій членъ въ цѣломъ родѣ, слѣдовательно каждый членъ рода, въ свою очередь, могъ получить старшинство, не остававшееся исключительно ни въ одной линіи. Такимъ образомъ, родъ князей русскихъ, не смотря на свое развѣтвленіе, продолжалъ представлять одну семью—отца съ дѣтьми, внуками и т. д. Теперь изъ словъ лѣтописца, изъ словъ самихъ князей, какъ они у него записаны, нельзя ли получить свѣдѣнія объ отношеніяхъ князей къ ихъ общему старшему, этому названному отцу? Старшій князь, какъ отецъ, имѣлъ обязанность блюсти выгоды цѣлаго рода, думать и гадать о Русской землѣ, о своей чести и о чести всѣхъ родичей, имѣлъ право судить и наказывать младшихъ, раздавалъ волости, выдавалъ сиротъ дочерей княжескихъ замужъ. Младшіе князья обязаны были оказывать глубокое уваженіе и покорность, имѣть его себѣ отцемъ въ правду и ходить въ его послушаніи, являться къ нему по первому зову, выступать въ походъ, когда велитъ». Исторія, II, 3.

Соловьевъ—большой знатокъ источниковъ нашей исторіи и ничего не утверждалъ, чего нельзя было бы подтвердить ссылкой на подлинныя выраженія памятниковъ. Выписанное мнѣніе онъ также подтверждаетъ ссылками на памятники, но въ данномъ случаѣ пользованіе памятниками нельзя назвать правильнымъ, потому, во-1-хъ, что нѣкоторыя выраженія источниковъ взяты отрывочно, внѣ связи съ другими свидѣтельствами тѣхъ же источниковъ, которыми необходимо было воспользоваться для уясненія ихъ дѣйствительнаго смысла; во-2-хъ, частныя опредѣленія отдѣльныхъ договоровъ приняты авторомъ за обычаи родоваго быта.

Разсмотримъ каждое изъ приведенныхъ выше положеній въ отдѣльности.

«Старшій князь, утверждаетъ приведенное мнѣніе, имѣлъ обязанность, думать и дѣйствовать (блюсти, думать и гадать) за младшихъ князей». Чтобы существовала обязанность думать и дѣйствовать за кого либо, необходимо, чтобы извѣстное лицо само не имѣло права думать и не дѣйствовать за себя, и чтобы другому была предоставлена власть думать и дѣйствовать за него; въ противномъ случаѣ неизбѣжно столкновеніе двухъ думъ и двухъ дѣйствій. Изъ фактовъ, приведенныхъ въ IV книгѣ нашихъ древностей мы знаемъ, что каждый князь думалъ и дѣйствовалъ самъ за себя, кромѣ того случая, когда онъ по договору обязывался быть въ чьей либо волѣ, что, впрочемъ, относилось къ одной только внѣшней политикѣ. Теорія родоваго быта разумѣетъ не это подчиненіе одного князя волѣ другаго, возникающее изъ договора; а подчиненіе всѣхъ князей волѣ одного, старшаго, и не въ силу договора, а въ силу—обычаевъ родоваго быта. Чѣмъ же доказывается существованіе такихъ обычаевъ? Въ подкрѣпленіе высказанному положенію авторъ «Исторіи» приводитъ только одно мѣсто источниковъ: «Такъ Ростиславичи, сказано въ примѣчаніи къ разбираемому мѣсту, въ 1195 г. говорили Всеволоду III: «А ты, брате, въ Володимери племени старѣе еси насъ, а думай, гадай о Русской земли и о своей чести, и о нашей». Дѣйствительно, Рюрикъ и Давыдъ Ростиславичи обратились съ приведенными словами къ Всеволоду Юрьевичу. Но чтобы судить объ ихъ отношеніяхъ къ этому князю и дѣлать заключеніе о характерѣ княжескихъ отношеній вообще, приведеннаго мѣста мало. Для этого надо было взять и другія свидѣтельства, характеризующія взаимныя отношенія тѣхъ же Ростиславичей къ тому же Всеволоду, если таковыя есть. По счастью мы имѣемъ два такихъ свидѣтельства; они не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія относительно дѣйствительнаго смысла приведенныхъ словъ. За указаннымъ обращеніемъ Ростиславичей ко Всеволоду послѣдовала война

этихъ князей съ черниговскими Ольговичами. Въ 1196 г. Всеволодъ вознамѣрился заключить съ ними миръ, но безъ сношенія съ Рюрикомъ Ростиславичемъ. По мнѣнію Соловьева онъ могъ это сдѣлать, ибо былъ обязанъ думать и дѣйствовать за всѣхъ. Но могъ ли въ дѣйствительности? Давыдъ Ростиславичъ, дѣйствовавшій за одно со Всеволодомъ, пытается удержать его отъ такого односторонняго дѣйствія, напоминая ему рядъ его съ Рюрикомъ. Слова Давыда заключаются слѣдуюшимъ знаменательнымъ предостереженіемъ: «а нынѣ безъ его думы (т. е. безъ думы Рюрика) хочемъ мириться! а, брате, повѣдаю ти, сего мира не улюбитъ братъ мой Рюрикъ». Рюрикъ, дѣйствительно, не улюбилъ этого мира и въ наказаніе отнялъ у Всеволода тѣ города въ Русской землѣ, которые былъ вынужденъ дать ему въ 1195 г. Повторяемъ нашъ вопросъ, могъ ли Всеволодъ думать и дѣйствовать за Ростиславичей? Конечно, нѣтъ, ибо Ростиславичи ясно сознаютъ свое право—думать и дѣйствовать самимъ за себя; Всеволода же, наоборотъ, они считаютъ обязаннымъ дѣйствовать, въ извѣстныхъ случаяхъ, не иначе, какъ по думѣ и по соглашенію съ ними. Итакъ, примѣромъ Всеволода нельзя доказать того положенія, что старшій князь былъ обязанъ думать и дѣствовать за всѣхъ остальныхъ.

Какой же дѣйствительный смыслъ того мѣста лѣтописи, которое дало поводъ къ этому неправильному заключенію? Въ 1195 г. Рюрикъ Ростиславичъ только что занялъ кіевскій столъ по смерти Святослава Черниговскаго. Опасаясь, чтобы братъ Святослава, Ярославъ, не сталъ искать подъ нимъ Кіева, Рюрикъ заключилъ оборонительный союзъ со Всеволодомъ. Вскорѣ за тѣмъ зять Рюрика, Романъ, обиженный тестемъ, перешелъ на сторону черниговскихъ князей и сталъ звать Ярослава Всеволодовича на кіевскій столъ. Такимъ образомъ, для Рюрика возникъ поводъ требовать отъ Всеволода условленной помощи. Свое требованіе Рюрикъ облекаетъ въ возможно вѣжливую форму, какъ и подобаетъ между добрыми друзьями. «Ты старѣй насъ всѣхъ

во Владиміровѣ племени, говоритъ онъ ему (т.-е. старѣй лѣтами), а думай, гадай о Русской землѣ и о своей чести и о нашей!». И такъ, это ни что иное, какъ вѣжливое обращеніе къ старшему лѣтами и при томъ къ человѣку, который нуженъ и можетъ помочь въ бѣдѣ.

О томъ, чтобы Всеволодъ былъ старшій членъ въ цѣломъ родѣ Рюриковичей (собственно Ярославичей) здѣсь нѣтъ и рѣчи; здѣсь говорится только о старшинствѣ Всеволода въ Володиміровомъ племени. Старшій же въ цѣломъ родѣ былъ, по всей вѣроятности Ярославъ Всеволодичъ Черниговскій, правнукъ Святослава втораго сына Ярославова, противъ котораго и былъ направленъ союзъ Владиміровичей, потомковъ третьяго сына Ярослава, Всеволода, или Юрій Ярославичъ (если только онъ былъ живъ въ это время), старшій правнукъ старшаго сына Ярослава, Изяслава, почти вовсе лишенный участія во владѣніи Русской землей. См. Ипат. 1149 и 1155 г.

Далѣе разбираемый авторъ утверждаетъ: «старшій князь имѣлъ право судить и наказывать младшихъ». Въ доказательство того, что старшему князю принадлежало право суда надъ младшими, онъ приводитъ только одно мѣсто источниковъ, а именно — слова, сказанныя Ростиславомъ Юрьевичемъ Изяславу Кіевскому: «ты меня старѣй, ты меня и суди». Если изъ этого мѣста можно вывести чье-либо право суда, то—одного только Изяслава надъ Ростиславомъ, а никакъ не старшаго въ цѣломъ родѣ надъ всѣми остальными. Изяславъ Мстиславичъ, къ которому обращены эти слова, не только не былъ старшимъ въ цѣломъ родѣ, но даже и не считалъ себя за таковаго: «всѣхъ насъ старѣй, говоритъ онъ Ростиславу Юрьевичу, отецъ твой, да не умѣетъ съ нами жити». Ипат. 1148 г. Итакъ, изъ указаннаго авторомъ мѣста ровно ничего нельзя вывести о правахъ старшаго въ цѣломъ родѣ Рюриковичей князя. «Старѣе»—сказано здѣсь въ самомъ тѣсномъ смыслѣ; Изяславъ былъ только старѣе Ростислава, который говоритъ ему: «ты меня старѣй». Надъ Изяславомъ же поднималась еще цѣлая

лѣстница князей, изъ которыхъ одинъ былъ старѣе другаго. Старѣй Изяслава былъ его дядя, Юрій, старѣе Юрія—его старшій братъ, Вячеславъ. Еще старѣе этихъ князей, правнуковъ Ярослава отъ третьяго сына Всеволода, были, по всей вѣроятности, его правнуки отъ втораго сына, Святослава, Владиміръ и Изяславъ Давыдовичи и Святославъ Ольговичъ, также находившіеся въ живыхъ.

Какой же смыслъ приведеннаго извѣстія? Ростиславъ былъ многимъ обязанъ Изяславу: онъ получилъ отъ него волость, а во время войны Изяслава съ отцемъ Ростислава, Юріемъ, былъ оставленъ имъ на югѣ «стеречь Русской земли». По возвращеніи изъ этого похода, Изяславъ узнаетъ, что въ его отсутствіе Ростиславъ замышлялъ на него и хотѣлъ овладѣть Кіевомъ. Пригласивъ его къ себѣ, Изяславъ напомнилъ Ростиславу все добро, которое ему сдѣлалъ, и за тѣмъ передалъ взводимое на него обвиненіе. На это обвиненіе Ростиславъ отвѣчалъ: «брате и отче! ни въ умѣ, ни въ сердцѣ моемъ того не было! но если кто на меня наговариваетъ, ты меня старѣй, ты меня съ нимъ и суди». Все, что можно вывести изъ этихъ словъ, заключается въ слѣдующемъ: Ростиславъ признаетъ надъ собой въ данномъ случаѣ судъ Изяслава, и только. Основаніе подсудности въ этомъ случаѣ заключается въ личной волѣ Ростислава, а не въ томъ, что Изяславъ его старѣе; иначе пришлось бы допустить, что право суда принадлежало каждому князю относительно старшему лѣтами надъ всѣми другими, которые его моложе.

Но мы имѣемъ и положительное доказательство въ пользу того, что даже старшему въ цѣломъ родѣ князю не принадлежало право суда надъ всѣми остальными. Въ 1097 г. такимъ старшимъ былъ—Святополкъ-Михаилъ Кіевскій. Вмѣстѣ съ Давыдомъ Игоревичемъ онъ ослѣпилъ Василька. Узнавъ объ этомъ, младшіе князья посылаютъ сказать ему: «чему еси ослѣпилъ братъ свой? аще ти бы вина кая была на нь, обличилъ бы й предъ нами». Итакъ, младшіе не сознаютъ

за старшимъ права суда, а говорятъ, что онъ долженъ былъ явиться въ качествѣ обвинителя предъ ихъ судомъ.

Что касается до права старшаго въ цѣломъ родѣ князя— наказывать остальныхъ, то, по скольку это право есть необходимое слѣдствіе права суда, оно также не принадлежало старшему князю, какъ и это послѣднее. Но такъ какъ, въ случаѣ нарушенія договоровъ, князь, пострадавшій отъ этого нарушенія, подвергалъ виновниковъ его такимъ неудобствамъ, какимъ только могъ, то, если только такіе случаи можно разсматривать, какъ проявленіе права наказывать,— право это принадлежало каждому князю: младшему на-равнѣ съ самымъ старшимъ. Мы только-что привели случай наказанія старшаго князя младшимъ: Рюрикъ Ростиславичъ отнялъ у Всеволода Юрьевича данную ему волость—за неисполненіе договора. Соловьевъ, въ подтвержденіе высказаннаго положенія о правѣ старшаго въ цѣломъ родѣ князя наказывать остальныхъ, приводитъ два мѣста источниковъ. Одно изъ нихъ (о Мстиславѣ Владиміровичѣ, поточившемъ полоцкихъ князей въ греки) относится къ помянутымъ случаямъ самосправы за неисполненіе договора и совершенно уравновѣшивается указаннымъ нами примѣромъ такой же самосправы младшаго князя со старшимъ. Впрочемъ, и эта ссылка автора выбрана не совсѣмъ удачно. Въ данномъ случаѣ наказываетъ не старшій въ цѣломъ родѣ князь. Наказываетъ Мстиславъ Владиміровичъ, а старѣе его были: правнуки Ярослава отъ второго сына, Ольговичи и Давыдовичи; еще старѣе тѣхъ и другихъ были правнуки старшаго брата Ярослава, Изяслава Полоцкаго, Давыдъ, Ростиславъ и Святославъ Всеславичи. Именно эти то Всеславичи, самые старшіе изъ Рюриковичей, и потерпѣли въ данномъ случаѣ наказаніе отъ Мстислава. Второе мѣсто, приводимое авторомъ, вовсе не относится къ наказанію старшихъ, а только къ исполненію приговора младшихъ князей (Лавр. 1097 г.), возложеннаго ими на старшаго, причемъ старшій исполняетъ волю младшихъ.

Далѣе Соловьевъ утверждаетъ, что старшій въ цѣломъ

родѣ князь — раздавалъ волости. Въ подтвержденіе этого положенія авторъ не приводитъ ни одной ссылки. Такъ какъ старшимъ былъ всегда одинъ въ цѣломъ родѣ, то выписанное положеніе надо понимать такъ: старшій въ цѣломъ родѣ князь держалъ въ своихъ рукахъ всѣ русскія волости и по своему усмотрѣнію раздавалъ ихъ, кому хотѣлъ. Въ источникахъ, дѣйствительно, нѣтъ ни одного мѣста, которое оправдывало бы такой взглядъ. Но можно утверждать, что князья вообще, какъ старшіе, такъ и младшіе, по требованію обстоятельствъ, уступаютъ другъ другу свои волости. Такъ, напримѣръ, младшій князь, Рюрикъ Ростиславичъ, уступилъ въ 1195 году старшему князю, Всеволоду Юрьевичу, волость въ Русской землѣ; а въ 1196 году отнялъ ее у него.

За перечисленіемъ правъ старшаго въ цѣломъ родѣ князя, авторъ переходитъ къ перечисленію соотвѣтствующихъ имъ обязанностей младшихъ князей. Въ доказательство обязанности младшихъ князей — являться на зовъ старшаго — дѣлается ссылка на требованіе Владиміра Мономаха, обращенное къ Ярославу Святополчичу и основанное на только-что заключенномъ этими князьями мирномъ договорѣ; такимъ образомъ, частному случаю, возникшему изъ договора между двумя данными князьями, дается значеніе общаго обычая родового быта. Въ доказательство обязанности младшихъ, ходить въ послушаніи старшаго, приводится желаніе Ростислава, чтобы извѣстные князья ходили въ его послушаніи; такимъ образомъ то, что только желательно и чего еще нѣтъ, но что можетъ возникнуть въ силу соглашенія между извѣстными князьями, принимается за дѣйствующій и общій обычай. Въ доказательство обязанности младшихъ князей—выступать въ походъ по приказу старшаго, приводится слѣдующее мѣсто лѣтописи: «Посла Ростиславъ къ братьи своей, веля имъ совокупитися у себя со всѣми полками своими». Выше, на стр. 194, мы имѣли уже случай сказать, что отъ повелительной формы рѣчи нельзя еще заключать о правѣ повелѣвать.

Въ томъ же сочиненіи и на той же страницѣ находимъ еще слѣдующую характеристику правъ, приписанныхъ старшему въ цѣломъ родѣ князю: «Но всѣ эти опредѣленія правъ и обязанностей, такъ продолжаетъ авторъ послѣ сдѣланной выше выписки, точно такого же рода, какъ и тѣ, какія мы видѣли въ завѣщаніи Ярослава: ..всѣ права и обязанности условливались родственнымъ чувствомъ, родственною любовью съ обѣихъ сторонъ...». Въ Ярославовомъ завѣщаніи не говорится ни слова о правахъ старшаго князя надъ младшими. Тамъ нѣтъ ни малѣйшаго намека на право Изяслава судить своихъ младшихъ братьевъ, наказывать ихъ, распредѣлять между ними русскія волости по усмотрѣнію, приказывать выступать въ походъ и пр.; а потому его нельзя приводить въ поясненіе высказаннаго авторомъ взгляда. Въ завѣщаніи говорится, правда, о послушаніи младшихъ братьевъ старшему, но тамъ же говорится и о послушаніи ихъ другъ другу и, слѣдовательно, о послушаніи старшаго младшимъ. На 2 стр. того же сочиненія, послѣ изложенія содержанія Ярославова завѣщанія, авторъ самъ восклицаетъ: «ни слова о правахъ младшихъ братьевъ, объ ихъ обязанностяхъ, какъ подчиненныхъ владѣльцевъ, относительно старшаго, какъ государя всей страны...». Дѣйствительно, ни слова, и понятно почему: государя всей страны еще не было.

Неправильное представленіе о старшемъ князѣ богато послѣдствіями: оно повело къ неправильному представленію о порядкѣ перехода столовъ, о князьяхъ-изгояхъ и проч.

Такъ какъ старшій князь является главою всего рода Рюриковичей, и онъ одинъ на всю Россію, то, понятно, преемство столовъ есть вопросъ не отдѣльныхъ волостей, а цѣлой Россіи, а потому долженъ существовать одинъ общій порядокъ, благодаря которому князья достигали старшинства. Родовая теорія думаетъ, что она открыла этотъ порядокъ. Передадимъ въ чемъ состоитъ онъ собственными словами автора «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ»: «...когда семья княжеская, семья Рюриковичей стала много-

численна, то между членами ея начинаютъ господствовать родовыя отношенія тѣмъ болѣе, что родъ Рюрика, какъ родъ владѣтельный, не подчинялся вліянію никакого другого начала. Князья считаютъ всю Русскую землю въ общемъ, нераздѣльномъ владѣніи цѣлаго рода своего, причемъ старшій въ родѣ, великій князь, сидитъ на старшемъ столѣ; другіе родичи, смотря по степени своего старшинства, занимаютъ другіе столы, другія волости, болѣе или менѣе значительныя; связь между старшими и младшими членами рода чисто родовая, а не государственная; единство рода сохраняется тѣмъ, что когда умретъ старшій или великій князь, то достоинство его вмѣстѣ съ главнымъ столомъ переходитъ не къ старшему сыну его, но къ старшему въ цѣломъ родѣ княжескомъ; этотъ старшій перемѣщается на главный столъ, причемъ перемѣщаются и остальные родичи на тѣ столы, которые теперь соотвѣтствуютъ ихъ степени старшинства. Такія отношенія въ родѣ правителей, такой порядокъ преемства, такіе переходы князей могущественно дѣйствуютъ на весь общественный бытъ древней Руси, на опредѣленіе отношеній правительственнаго начала къ дружинѣ и къ остальному народонаселенію, однимъ словомъ, находятся на первомъ планѣ, характеризуютъ время». Эта картина, взятая нами изъ предисловія къ первому тому (стр. VII), пополняется во второмъ томѣ еще слѣдующими штрихами: «Но мы видимъ иногда, что нѣкоторые князья и цѣлыя племена (линіи) княжескія исключаются изъ родового старшинства, и это исключеніе признается правильнымъ. Какимъ же образомъ могло произойти подобное явленіе? Для рѣшенія этого вопроса должно посмотрѣть, какимъ образомъ князь достигалъ старшинства, приближался къ нему? Первоначально родъ состоялъ изъ отца, сыновей, внуковъ и т. д.; когда отецъ умиралъ, его мѣсто для рода заступалъ старшій братъ; онъ становился отцемъ для младшихъ братьевъ, слѣдовательно, его собственные сыновья необходимо становились братьями дядьямъ своимъ, переходили во второй, высшій рядъ, изъ внуковъ въ сыновья, потому

что надъ ними не было болѣе дѣда, старшина рода былъ для нихъ прямо отецъ: и точно, дядья называютъ ихъ братьями; но другіе ихъ двоюродные братья оставались по прежнему внуками малолѣтними, потому что надъ ними по прежнему стояли двѣ степени: старшій дядя считался отцемъ ихъ отцамъ, слѣдовательно, для нихъ самихъ имѣлъ значеніе дѣда; умиралъ этотъ старшій, второй братъ заступалъ его мѣсто, становился отцомъ для остальныхъ младшихъ братьевъ, и его собственныя дѣти переходили изъ внуковъ въ сыновья, изъ малолѣтныхъ въ совершеннолѣтніе, и такимъ образомъ, мало-по-малу, всѣ молодые князья, чрезъ старшинство своихъ отцовъ, достигали совершеннолѣтія и приближались сами къ старшинству. Но случись при этомъ, что князь умиралъ, не будучи старшиною рода, отцомъ для своихъ братьевъ, то дѣти его оставались навсегда на степени внуковъ, не совершеннолѣтнихъ: для нихъ прекращался путь къ дальнѣйшему движенію; отсюда теперь понятно, почему сынъ не могъ достигнуть старшинства, если отецъ его никогда не былъ старшиною рода: такъ понимали князья порядокъ восхожденія своего къ старшинству; они говорили: «какъ прадѣды наши лѣствицею восходили на великое княженіе кіевское, такъ и намъ должно достигать его лѣствичнымъ восхожденіемъ». Но когда въ этой лѣствицѣ вынималась одна ступень, то дальнѣйшее восхожденіе становилось невозможнымъ; такіе исключенные изъ старшинства князья считались въ числѣ изгоевъ» 6—7.

Это—цѣлая теорія преемства княжескихъ столовъ, чрезвычайно послѣдовательно проведенная. Кіевъ единый центръ Русской земли. Тамъ княжитъ всегда старшій въ родѣ. Если онъ умираетъ, мѣсто его занимаетъ слѣдующій за нимъ братъ, а при отсутствіи брата, старшій сынъ умершаго. Передъ тѣмъ этотъ второй старшій въ родѣ занималъ второй по старшинству столъ въ Русской землѣ. Съ переходомъ его на первый, на второй столъ перемѣщается третій по старшинству родственникъ, уступая свое мѣсто четвертому и т. д.; такимъ образомъ, всѣ князья дѣлаютъ шагъ

впередъ по направленію къ старшинству. Старшій сынъ, занявшій мѣсто отца, становится отцомъ для младшихъ братьевъ и т. д. Считать кого либо себѣ «въ отца мѣсто»—это не почетное только наименованіе, а дѣйствительное отношеніе, имѣющее силу перемѣстить родственниковъ одной степени, низшей, на высшую, изъ внуковъ, напримѣръ, возвести ихъ въ сыновья, т.-е., изъ третьей во вторую степень.

«Начало перемѣны въ означенномъ порядкѣ вещей, читаемъ въ Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ, мы замѣчаемъ во второй половинѣ XII вѣка, когда сѣверная Русь выступаетъ на сцену; замѣчаемъ здѣсь на сѣверѣ новыя начала, новыя отношенія, имѣющія произвести новый порядокъ вещей, замѣчаемъ перемѣну въ отношеніяхъ старшаго князя къ младшимъ, ослабленіе родовой связи между княжескими линіями, изъ которыхъ каждая стремится увеличить свои силы на счетъ другихъ линій...» (I т., предисловіе, стр. VII).

Итакъ, ослабленіе родовой связи замѣчается только со второй половины XII вѣка; съ этого времени начинаютъ проявляться эгоистическія стремленія князей къ увеличенію своихъ силъ (т.-е. владѣній) на счетъ другихъ и, слѣдовательно, возникаетъ пертурбація въ порядкѣ преемства, а до тѣхъ поръ все идетъ согласно родовой теоріи.

Любопытно взглянуть на факты; укладываются ли они въ рамки этой стройной теоріи? Если только съ половины XII вѣка начинается ослабленіе родоваго быта, то, конечно, чѣмъ далѣе въ глубь вѣковъ отъ XII вѣка, тѣмъ безпрепятственнѣе долженъ былъ проявляться въ жизни порядокъ преемства по началу лѣствичнаго восхожденія къ старшинству, тѣмъ большимъ признаніемъ долженъ былъ онъ пользоваться какъ со стороны старшихъ, такъ и со стороны младшихъ князей. Такъ ли это было въ дѣйствительности?

Начнемъ нашу провѣрку съ самаго древняго времени.

По смерти Святослава старшій его сынъ получаетъ Кіевъ; младшіе—одинъ Древлянскую волость, другой—Новгородъ.

По теоріи Ярополкъ дѣлается отцомъ своихъ братьевъ,—младшіе его братья, Олегъ и Владиміръ,—его сыновьями. Но дѣйствительныя отношенія этихъ князей совершенно несоотвѣтствуютъ такому предположенію. Ярополкъ начинаетъ войну съ Олегомъ и присоединяетъ волость брата къ своимъ владѣніямъ. За этимъ Владиміръ начинаетъ войну съ Ярополкомъ, измѣннически приказываетъ его убить при входѣ въ свой дворецъ и завладѣваетъ всѣми его владѣніями. Это ли господство родоваго быта въ средѣ князей, это ли общее, нераздѣльное владѣніе Русской землей цѣлымъ родомъ Рюриковичей? По смерти Владиміра старшій его сынъ, Святополкъ, дѣлается кіевскимъ княземъ и также вступаетъ въ братоубійственную борьбу съ братьями изъ-за владѣній. Гдѣ же тутъ отецъ и дѣти? Побѣдителемъ выходитъ Ярославъ. Онъ переживаетъ всѣхъ своихъ братьевъ, за исключеніемъ Судислава. Но и онъ не можетъ терпѣть подлѣ себя брата, а по родовой теоріи—сына. Онъ заключаетъ его въ тюрьму и раздаетъ всѣ свои обширныя владѣнія сыновьямъ, ничего не оставляя брату, тогда какъ, по теоріи, брату слѣдовало дать первое мѣсто. Отчего же устраненъ Судиславъ отъ общаго, нераздѣльнаго владѣнія Русской землей? Можетъ быть онъ изгой въ томъ смыслѣ, какъ понимаетъ это слово родовая теорія? Нѣтъ, его отецъ сидѣлъ въ Кіевѣ и съ точки зрѣнія теоріи онъ имѣлъ несомнѣнное право на старѣйшинство послѣ Ярослава. Онъ устраненъ былъ потому, что наши древніе князья и не подозрѣвали о существованіи теоріи родоваго распредѣленія столовъ.

Свое мнѣніе о князьяхъ-изгояхъ, какъ исключенныхъ изъ старшинства, потому что утцы ихъ умерли, не будучи старшиною рода, теорія подкрѣпляетъ ссылкой на мѣсто изъ устава, приписываемаго новогородскому князю, Всеволоду (оно приведено и разобрано въ I т. Юрид. древн. стр. 263), и толкуетъ совершенно произвольно Уставъ причисляетъ къ изгоямъ всѣхъ князей сиротъ и очень понятно почему. Князья сироты въ эпоху господства въ междукня-

жескихъ отношеніяхъ политики эгоизма находились въ жалкомъ положеніи, а потому и могли быть приравнены къ изгоямъ. Родовая же теорія разумѣетъ подъ князьями-изгоями только такихъ князей, отцы которыхъ умерли, не княживъ въ Кіевѣ. Къ такому ограничительному толкованію нѣтъ ни малѣйшаго основанія. Изъ неправильнаго положенія и слѣдствія выводятся неправильныя: «отсюда понятно, говоритъ теорія, почему сынъ не могъ достигнуть старшинства, если отецъ его никогда не былъ старшиною рода: такъ понимали князья порядокъ восхожденія своего къ старшинству». Но Всеволодъ Ольговичъ достигъ же старшинства, хотя отецъ его и никогда не сидѣлъ въ Кіевѣ? Съ согласія князей Владимировичей Всеволодъ княжилъ въ Кіевѣ до своей смерти и даже передалъ свое кіевское княженіе брату, Игорю, отецъ котораго тоже никогда не сидѣлъ въ Кіевѣ. На эту передачу согласились и князья, и граждане Кіева. И это не единственный случай. Въ Кіевѣ сидѣлъ и Изяславъ Давыдовичъ, отецъ котораго никогда не былъ старѣйшиной въ смыслѣ родовой теоріи. Права его были признаны не только черниговскими князьями, но и Мономаховичами, кіевскими отчичами и дѣдичами. Стало быть и этого правила родовой теоріи никто не зналъ въ древности.

Чѣмъ же доказываетъ родовая теорія лѣствичное восхожденіе къ старшинству? Доказательства ея очень немногочисленны и не сильны. Первое доказательство такое: «когда умеръ четвертый сынъ Ярослава, Вячеславъ, княжившій въ Смоленскѣ, то эта волость не перешла въ наслѣдство къ его сыновьямъ, но отдана была братьями пятому Ярославичу, Игорю, княжившему прежде на Волыни: ясный знакъ отсутствія наслѣдственности волостей и движенія князей изъ одной волости въ другую по старшинству, лѣствичнымъ восхожденіемъ» (II, 7). Фактъ перевода Игоря изъ Владиміра въ Смоленскъ несомнѣненъ, но почему это сдѣлали старшіе братья,—лѣтописецъ не объясняетъ. Родовая теорія пользуется этимъ фактомъ въ свою пользу. Это было бы еще до нѣкоторой степени возможно въ томъ случаѣ,

еслибы мы точно знали, кто четвертый, кто пятый сынъ Ярослава, а мы этого не знаемъ. Начальная лѣтопись записала только годъ рожденія Вячеслава, она относитъ его къ 1036-му. Годъ рожденія Игоря сообщаетъ Татищевъ, онъ относитъ его къ 1036-му, а рожденіе Вячеслава къ 1034-му. Это свидѣтельство трудно принять за несомнѣнное, такъ какъ оно противорѣчитъ начальной лѣтописи. Другое основаніе для опредѣленія старшинства двухъ младшихъ Ярославичей это—порядокъ, въ какомъ они перечислены въ завѣщаніи Ярослава. Но въ большинствѣ списковъ имя Игоря опущено; только въ Троицкомъ онъ упомянутъ, но не на пятомъ мѣстѣ, какъ бы нужно было для родовой теоріи, а на четвертомъ; по этому свидѣтельству онъ старше Вячеслава. Если принять свидѣтельство Троицкой лѣтописи, то будетъ доказано совершенно противное тому, чего желаетъ родовая теорія: старшій братъ окажется переведеннымъ на мѣсто младшаго и получится движеніе не къ старшинству, а въ обратную сторону. Можно ли что-нибудь основывать на такихъ шаткихъ данныхъ? Но мы поставимъ такой вопросъ: можно ли видѣть въ сыновьяхъ Ярослава вѣрныхъ проводниковъ патріархальныхъ началъ жизни и всякое дѣйствіе ихъ объяснять стремленіемъ къ выполненію правилъ родовой теоріи? Это очень сомнительно. Святославъ и Всеволодъ не затруднились же прогнать изъ Кіева своего старшаго брата и овладѣть его княженіемъ. А этотъ старшій братъ въ союзѣ со Всеволодомъ не затруднился обобрать своихъ племянниковъ, сыновей Святослава и Вячеслава. Въ виду этихъ хищническихъ свойствъ сыновей Ярослава, мы склонны думать, что они перевели младшаго брата въ Смоленскъ вовсе не для того, чтобы открыть ему радужныя перспективы Кіевскаго княженія, а чтобы подѣлиться его волостью, а его самого удовлетворить наслѣдіемъ малолѣтняго Бориса Вячеславича, который явился въ этомъ случаѣ изгоемъ въ настоящемъ смыслѣ слова, ибо по малолѣтству совершенно былъ обобранъ своими дядями.

«Потомъ, продолжаетъ теорія родоваго быта свои до-

казательства, когда Святославъ Ярославичъ, по изгнаніи брата, получилъ старшинство вмѣстѣ съ главнымъ столомъ кіевскимъ, то слѣдующій по немъ братъ, Всеволодъ, княжившій прежде въ Переяславлѣ, переходитъ на мѣсто Святослава въ Черниговъ». Въ доказательство господства преемства по родовому старшинству берется фактъ вопіющаго нарушенія этого старшинства. Два младшихъ брата прогоняютъ изъ Кіева старшаго, т. е. своего отца, и производятъ новое между собой распредѣленіе и добычи и прежнихъ своихъ владѣній, и это хищничество должно служить намъ примѣромъ патріархальныхъ порядковъ родоваго быта!

Этимъ ограничиваются доказательства и авторъ переходитъ къ объясненію условій, при которыхъ возникаютъ наслѣдственныя владѣнія въ княжескихъ линіяхъ.

Самое выраженіе «лѣствичное восхожденіе» не выдумано авторомъ теоріи родоваго быта, оно взято имъ изъ Никоновской лѣтописи и принадлежитъ XVI вѣку. Неизвѣстный намъ составитель Никоновской лѣтописи не ограничивается простой передачей того лѣтописнаго матеріала, который онъ нашелъ въ старыхъ спискахъ лѣтописей. Онъ заинтересованъ смысломъ описываемыхъ событій и иногда не можетъ отказать себѣ въ попыткѣ объяснить эти событія. Но онъ дѣлаетъ это не со стороны, не отъ своего имени, онъ влагаетъ свои объясненія въ уста дѣйствующихъ лицъ. Вотъ именно въ такомъ-то сочиненномъ самимъ составителемъ мѣстѣ и идетъ рѣчь о лѣствичномъ восхожденіи. Составителя Никоновской лѣтописи заинтересовалъ и насъ занимающій вопросъ о томъ, на какомъ основаніи происходило въ древности преемство столовъ. Онъ началъ вдумываться въ него и рѣшилъ, что они достигаютъ Кіева лѣствичнымъ восхожденіемъ. Но онъ не написалъ объ этомъ особаго изслѣдованія, какъ сдѣлали бы люди нашего времени. Онъ воспользовался приводимымъ въ старой лѣтописи споромъ князей изъ за обладанія Кіевомъ и заставилъ черниговскаго князя въ своемъ отвѣтѣ кіевскому высказать свою собственную мысль о древнемъ порядкѣ преемства. Составитель лѣтописи, ко-

нечно, былъ совершенно убѣжденъ въ правдивости своего объясненія, а потому и не затруднился замѣнить старый текстъ, по всей вѣроятности, мало ему понятный, своимъ сочиненіемъ. Мы привели выше оба текста стр. 145 и 146. Если Соловьевъ отдаетъ въ этомъ случаѣ предпочтеніе тексту Никоновскаго списка передъ списками болѣе древними, это прискорбное недоразумѣніе и только.

Корень ошибочнаго толкованія источниковъ родовой теоріей заключается въ томъ, что она отправлялась отъ предположенія наличности строго выработаннаго и притомъ чрезвычайно сложнаго пордкая преемства для такого времени, когда люди дѣйствовали не столько по правиламъ, сколько въ мѣру своей силы. Родовая теорія заплатила этимъ дань своему времени. Мы понимаемъ пользу правоваго порядка. Мы говоримъ: всякій законъ лучше произвола. Мы думаемъ, что безъ закона жить нельзя Родовая теорія перенесла эти воззрѣнія въ отдаленную древность. Она была не въ состояніи представить себѣ жизни безъ точныхъ правилъ, а наша древность не была еще въ силахъ выработать эти правила.

Маіоренгофъ и Дуббельнъ.
Лѣто 1891 и 1892.

СЕРГѢЕВИЧЪ

ТОМЪ II

РУССКІЯ ЮРИДИЧЕСКІЯ ДРЕВНОСТИ

1893

ЦѢНА 2 РУБ.